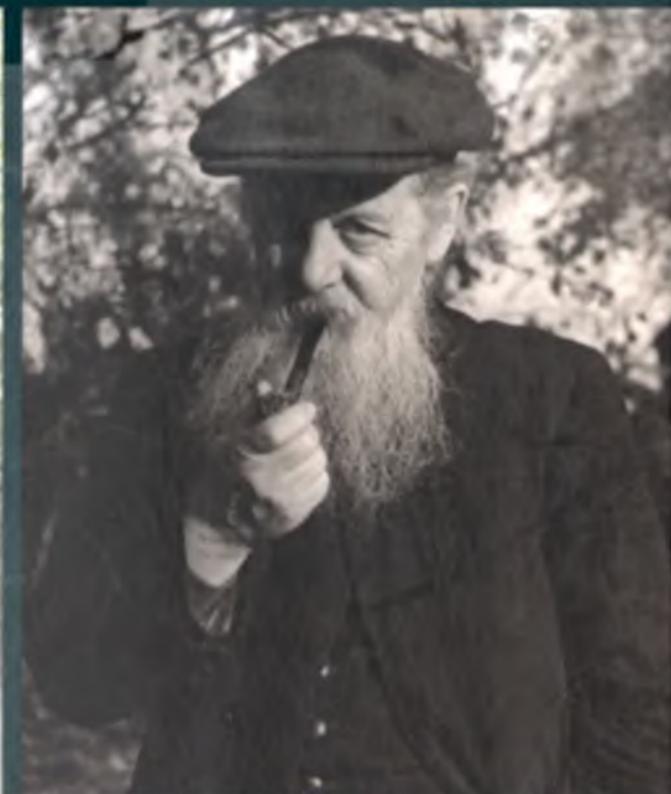

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ УРАЛЬЦЕВ

К 83.3(2.РФ)6
С-90-43

Владимир
Сутырин

Павел БАЖОВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 3.600000 З. 2790—90

1000
3-4

ЖЗУ

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
УРАЛЬЦЕВ**

Серия основана в 2011 году
по инициативе Правительства
Свердловской области

ВЫПУСК

5

Владимир Сутырин

124853-

Павел БАЖОВ

Биографическое
повествование

ЕКАТЕРИНБУРГ

МУ - «СОКРАТ» - «Инициативная
библиотечная система»
2012
ГО Красноуральск

Книга издана при поддержке
Министерства культуры Свердловской области

Сутырин В.А.

С 89 Павел Бажов. Биографическое повествование. — Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2012. — 512 с., 48 с. ил.

ISBN 978-5-88664-427-2

В пер.: 2000 экз.

Книга о жизни и творчестве уральского писателя Павла Петровича Бажова (1879–1950), о его долгом и непростом пути к своей главной книге — «Малахитовой шкатулке», которая вот уже более семидесяти лет составляет гордость отечественной литературы и служит источником для появления новых произведений в других областях искусства. Сказы Бажова — это наследие наших предков, тщательно собранное, сохраненное и рукой «мастера, мудреца и сказочника» превращенное в волшебный по красоте дар, переходящий от поколения к поколению и не теряющий своей притягательной силы. Книга о Бажове — учителе, просветителе, фольклористе, писателе, краеведе, историке, журналисте, общественном деятеле — выходит в серии «Жизнь замечательных уральцев». И это не случайно — вся его жизнь и все его творчество неразрывно связаны с Уралом, посвящены Уралу и прославляют Урал.

ББК 32.965г

Нужны ли новые книги о Бажове?

Безусловно нужны. При всем том, что за семьдесят с лишним лет после первого издания «Малахитовой шкатулки» (январь 1939 г.) появилось труднообозримое количество очерков и воспоминаний, мемуарных и биографических статей и научных и критических работ, посвященных Бажову. Новые книги необходимы, если они хоть в какой-то степени стирают хрестоматийные черты с портрета писателя как «правоверного» художника социалистического реализма. Владимир Сутырин, филолог по образованию, литератор по роду занятий, с особенным пристрастием вглядывается в привычный образ писателя.

А Бажов действительно сложен, противоречив, неоднозначен. Но это один и тот же Бажов. Другого не дано.

Бажов принимает Октябрьскую революцию, увлеченный большевистским мифом о «царстве свободного труда», и в особенности перспективой бесплатного всеобщего образования. Это был его выбор, его осознанное решение, которое не подлежит обсуждению, так же как позиция многих других русских интеллигентов, вставших на сторону красных. Однако учитель русского языка и чистописания, каким Павел Бажов числился в штатах Екатеринбургского и Камышловского духовных училищ, остается разночинцем-демократом и просветителем. Не случайно с начала Февральской революции он становится активным участником общественной жизни города Камышлова. Летом 1917 года за подписью Павла Баждова и под эсеровскими лозунгами «Земля и воля», «Право на жизнь только труду» выходит брошюра — его доклад «Программа трудового крестьянства», в которой не упоминаются ни пролетариат, ни большевики, и все надежды возлагаются на Учредительное собрание.

Надо полагать, что «Программа» во многом определяет характер журналистской продукции Бажова в уральской «Крестьянской газете» в 1923–1929 годах. Судя по всему, Бажову импонировала такая форма организации крестьянского труда, как сельскохозяйственная артель. Не потому ли в середине 1920-х с особой любовью пишутся очерки о крестьянской артели в д. Любимой Байкальского района, вошедшие в его книжку 1930 года «Пять ступеней коллективизации»? О колхозах Павел Петрович писал мало, хотя охотно посещал передовые хозяйства Красноуфимского района, когда в 1946 и 1950 годах баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР.

Павел Бажов дорожил своим членством в рядах ВКП(б). Будучи сотрудником Испарта и по его заданию он пишет историко-революционные книги о гражданской войне на Урале: «Бойцы первого призыва» (1934) и «Формирование на ходу» (1936). Одновременно работает над сказами о прошлом горнозаводского Урала, не питая особой надежды на их публикацию. Не личными стараниями автора, но коллективными усилиями критиков «Малахитовая шкатулка» была максимально идеологизирована. Упускалась богатейшая нравственно-гуманистическая проблематика сказов, благодаря которой книга живет долго.

Бажов бывал несправедлив к владельцам Сысертского горного округа в противовес первым Демидовым, Никите и Акинфию, хотя исторически первый из Турчаниновых принадлежит к тем же фундаторам (основателям) уральской промышленности. Но не их образы определяют непреходящий интерес к произведениям писателя.

В самом деле, первый по времени сказ «Медной горы Хозяйка» повествует не только о каторжном труде крепостного рабочего, но о трагическом столкновении любви и долга в душе горняка Степана. «Чувство оказалось непобедимым, а носитель его побежденным», — комментировал этот сказ один из первых рецензентов «Малахитовой шкатулки». В «Каменном цветке» речь идет о мучительно-счастливых поисках идеала в искусстве. В знаменитой «Живинке в деле» говорится не

об углежжении как таковом, но о творческом начале, заложенном в самой природе человека. Сказ «Горный мастер» пишется о любви и верности Катерины, которая сумела «вызволить» своего жениха из мертвого царства хозяина горы. В заглавном сказе, давшем название всей книге. — о женщине-матери, посвятившей себя детям. Совсем еще молодая Настасья отвечает всем женихам, которые «присватываются» к ней после смерти Степана, одно и то же: «Хоть золотой второй, а все ребятам вотчим». Доведется Настасье пережить настоящую драму, когда она не найдет общего языка с трудолюбивой, старательной, однако холодноватой по натуре дочерью. Она и не догадывается, что Татьяна, растворившаяся в малахитовой стенке Зимнего дворца, принадлежит нездешнему миру, что это двойник Хозяйки, возможно даже, в ее образе является сама Хозяйка. Бажов оставляет за читателем право на двойное прочтение. О благородном чувстве отцовства написано «Таюткино зеркальце». Забойщик Ганя Заря берет с собой в шахту малолетнюю Таютку, которая осталась без матери. Когда же наступает необходимость идти в самый опасный забой, Ганя после долгих раздумий решает: «Возьму! Коли погибнуть доведется, так вместе».

Бажова ведет по жизни вера в нравственное здоровье народа, в его далеко не исчерпанный духовный потенциал. На каждого сиротку в «Малахитовой шкатулке» находится свой дед Кокованя или мудрый советчик дедко Ефим. Трогательный союз детства и старости без какой-либо дидактики и поучительства соединяет концы и начала человеческой жизни, утверждает преемственность трудового и нравственного опыта поколений.

Владимир Сутырин отдает должное искусству писателя. Да и то сказать: Бажов безупречен в переходах от реального к сказочному и наоборот. «Там, где другой сорвался бы в плоскую бытовщину, он (Бажов. — Л. С.) уверенно идет по острому гребню причудливого и сказочного воображения», — писал к столетию уральского «сказочника» московский поэт Сергей Наровчатов. Неизбежные трудности возникают, когда двуединая структура бажовских сказов переводится на язык дру-

гих видов искусства: живописи, скульптуры, музыки, хореографии и киноискусства. Безусловные преимущества остаются за самим авторским текстом и мультипликацией, о чем свидетельствует непосредственная реакция бесхитростной детской аудитории.

Павел Бажов — автор одной Главной книги. «Малахитовая шкатулка» — результат огромной концентрации жизненного опыта, духовных и нравственных сил, в повседневном литературном обиходе именуемом вдохновением. Можно добавлять к этому разные суждения, несомненным остается одно: несколько десятилетий назад уральцы получили в свои руки бесценное эстетическое наследие, в котором еще не разобрались до конца. Хорошо, что появляются новые книги о Бажове.

*Л. Слобожанинова,
кандидат филологических наук*

Часть I

Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Фамилия. Корни. Социальная среда

Павел Петрович Бажов родился 15 января 1879 года в поселке Сысертского завода на Урале, тогда это была Сысертская волость Екатеринбургского уезда Пермской губернии. С переходом России в 1918 году на григорианский календарь (так называемый новый стиль) дата его рождения сдвинулась на 27-е (в XIX веке разница дат составляла 12 дней, в XX–XXI веках — 13). Крещение младенца произошло 16 (28) января, по святам — в день памяти преподобного праведника Павла Фивейского, отсюда и имя нашего героя. Благодаря поколенной (родословной) росписи, которую удалось составить по сохранившимся учетным документам, в том числе метрической книге Симеоно-Анненской церкви Сысертского завода, мы знаем имя священника, крестившего младенца, о. Василий Констанский, и имена восприемников (крестных отца и матери) новорожденного — Александр Алексеевич Пермяков и Мария Васильевна Бажева.

Стоп. У крестной — похожая фамилия. Уж не родственница ли младенцу? По отцу — тетка. Тогда почему она Бажева? А потому что и фамилия нашего героя в те годы писалась именно так: Бажев. До установления в русском языке единых норм написания эта фамилия в церковных документах Петропавловской церкви Полевского завода, где ее представители расплодилось во множестве, в начале XIX века писалась тройко: и как Бажѣв (через ять), и как Бажев, и как Бажов. К середине столетия победило написание «Бажев» — то есть «Бажѣв», но поскольку две точки над «е» редко кто не ленился ставить, то во всех документах последующего времени и значится искаженное «Бажев». Это небрежение привело к тому, как вспоминал позднее сам Павел Петрович, что новое поколение носителей этой старин-

ной фамилии стало именовать себя так, как и пишется, — но с ударением на первом слоге — Бажев. Мол, так солиднее.

Нужно сказать, что такая письменная «неаккуратность» впоследствии помогла Павлу Петровичу спастись от смерти. Но об этом позже. А пока коснемся ономастического (смыслового) содержания его фамилии.

Известный исследователь русских фамилий Ю.А. Федосюк, толкуя эту фамилию, ссылается... на самого Павла Петровича, который писал: «Бажить — самое ходовое, северное слово, означает — ворожить, но не угадывать, а предвещать, накликать». Иными словами, наколдовывать...

Получается, Павел Петрович знал смысл своей фамилии. Вот только откуда? Из рассказов родни или же глагол «бажить» был в речевом обиходе тогдашних жителей волости? Как бы там ни было, но уличное прозвище Бажевых в Сысерти было именно Колдунковы.

И сегодня модификация этой фамилии — Бажин (что по смыслу соответствует форме Бажев — Бажов) нередко, хотя и не повсеместно встречается на современном Урале — и в Свердловской области, и в Пермском крае, однако носители ее вряд ли осведомлены об изначальном смысле своего родового имени.

Великий наш лексикограф В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» зафиксировал глагол «бажить» в Новгородской, Вологодской, Ярославской, Нижегородской и, конечно, в Пермской губерниях. Причем ударение в этом слове у него стоит на втором слоге. Так, от глагола «бажить» очень легко образовывается фамилия именно в форме Бажев.

Похоже, Павел Петрович не ошибался, говоря, что это слово — «самое ходовое, северное». Осваивая Урал, выходцы с русского севера привнесли в местный русско-уральский лексикон XVII–XIX веков и это необычное для сегодняшнего уха словцо.

Исследователь жизни писателя Н.В. Кузнецова в подготовительных материалах к его родословной называет первого известного носителя этой фамилии на Урале: «Тихон Бажев... 1645». Однако был ли он предком

Павла Петровича, из-за недостатка материала установить не удалось. Истоки интересующего нас рода прослеживаются лишь в начале XVIII века в деревне Чупровой Багарякской слободы Каменского дистрикта Екатеринбургского ведомства (ныне север Челябинской области), откуда родом «драгунский сын» Петр Бажев, взятый в работы на вновь создаваемый Полевской завод в 1724 году, а по другим данным — годом позже. Известно также, что с 19 марта 1731 года он служил на заводе в качестве ученика обжигальщика, в 1750-м состоял фарлауфером (засыпщиком), а в конце своего трудового пути, в 1756 году, работал «при толчее мусора». Документы позволяют определить и год его рождения — 1700-й.

Вот от этого Петра Бажева и выстраивается несомненная родословная его славного потомка. Вслед за Петром Бажевым в поколенной росписи следует его сын — прапрапрадед писателя — Петр Петрович Бажев Малой (даты жизни — 1737–1819) и супруга оно-го Евфимия (1737–1806). Далее — прапрадед Степан Петрович (1778–1808) и прапрабабка Марина. Прадед Александр Степанович (1795–1829) и прабабка Парасковья Даниловна (1789–1858).

Дед Василий Александрович (р. в 1826 г., год смерти не указан) и бабка Евдокия (Авдотья) Петровна (1826–1858(?)). Об этой бабке известно вот что. Уральская писательница Е. Хоринская, много общавшаяся с Павлом Петровичем в 1930–1940-е годы, в своей книге «Наш Бажов» пишет: «Бабушка Бажова, Авдотья Петровна, тоже была крепостной. Самодуры-хозяева в те времена завели дикий обычай: каждый год осенью отнимали у родителей дочерей, совсем молоденьких девушек, и насильно, под охраной стражников, отправляли из Сысерти в Полевское. Там их выдавали замуж за кого вздумается. Эту участь испытала на себе и Авдотья Петровна. Не любила она рассказывать о той беде, о той «слезной дороженьке, которая вся девичьими слезами полита». Хорошо еще, что достался ей добрый человек — крепостной мастер Василий Бажов (все-таки Бажев. — В. С.), который ее не обижал, и жили они дружно. Но привыкнуть к чужому месту она не могла, тянуло домой.

к своим. И как только отменили крепостное право, вернулась она с мужем и всей семьей обратно в Сысерть».

И наконец отец и мать нашего героя: Петр Васильевич Бажев (р. в 1854 г.) и Августа Стефановна (р. в 1861 г.), дочь крестьянина деревни Куликовской Камышловского уезда Пермской губернии Стефана Терентьевича Осинцева, сочетавшиеся браком 12 февраля 1878 года.

Итак, род Бажевых по причине перевода из Багарякской слободы на Полевской завод, можно сказать, в одночасье превратился из крестьянского в пролетарский. С чего бы вдруг? А дело в том, как пишет знаменитый уральский краевед Н.К. Чупин, что «в конце царствования императрицы Елисаветы Петровны, по отдаче казенных Сысертских заводов Турчанинову, крестьяне Багаряцкой слободы и подведомственных ей селений были приписаны для работ к этим заводам с тем, чтобы зарабатывать на них подушные за себя деньги (то есть налог. — В. С.).

Вот, оказывается, как просто можно было перейти из одной социальной группы в другую. Впрочем, работая до конца своих дней на производстве, отец нашего героя Петр Васильевич Бажев по документам все равно числился... крестьянином, правда, теперь уже Сысертской волости. В одном неточен Чупин: Елисавета Петровна упокоилась в 1761 году, а первый известный ученым предок писателя вместе с другими земляками-багарячанами, как сказано выше, попал в Полевское в 1725-м, то есть еще до восшествия оной царицы на престол.

Конечно, ученик обжигальщика, как и засыпщик, — не самые важные должности в заводской иерархии. Дети того Петра и вовсе служили — один сторожем, второй погонщиком лошади. А вот дед писателя Василий Александрович был уже «из плавильных мастеров». И отец числился пудлинговым мастером, то есть плавил металл в пудлинговой печи, а это далеко не последний человек «в заводе».

...Идея строительства железодельного завода на реке Сысерти родилась в далекие Петровские времена, когда на Урал на смену В.Н. Татищеву прибыл генерал В.И. де Геннин. На этот момент было известно, что со-

рок лет назад местный крестьянин Федор Бабин нашел здесь залежи руды и с тех пор местные жители в самодельных печах плавят ее и производят железо на продажу. Вилим Иванович де Геннин, пользуясь данной ему властью, решил перехватить у крестьян инициативу и для плавки сысертской руды и выделки железа поставить, запрудив реку, казенный завод. Мысль эта пришла ему в голову в 1722 году, а строить плотину начали только десять лет спустя — в 1732-м.

Первое железо новый завод на Сысерти выдал уже через год. Однако то, что хорошо для крестьянских самодельных домниц, для государственного промышленного производства не слишком годилось. Качество произведенного чугуна не соответствовало тогдашнему ГОСТу и поэтому пришлось использовать для производства железа на Сысертском заводе не только ближнюю — местную руду, но и дальнюю — из других месторождений. В общем, завод не оправдал ожиданий. Тридцать пять тысяч пудов чугуна в год считались очень скудным результатом работы казенного (государственного) предприятия, и оно было приговорено, как бы сегодня сказали, к приватизации, то есть передаче в частные руки.

На удивление желающих купить этот «неудачный» завод оказалось предостаточно. Среди претендентов значились и сами «короли Прикамья» Строгановы, однако их обошел соликамский землячок Алексей Турчанинов, судьбу которого — из грязи в князи — можно считать поистине звездной.

Мальчик-сирота, исполнявший мелкие поручения у купца М. Ф. Турчанинова, он постепенно стал ключевой фигурой в торгово-промышленном бизнесе своего благодетеля. Женившись на его дочери, он превратился в полноправного хозяина турчаниновского наследства. И поскольку фамилия Турчанинова была известной в предпринимательских кругах того времени, имела немалый вес, то и этот ловкий Алексей, от рождения Васильев, сделался также Турчаниновым.

Обладая талантом организатора и новатора, он, используя демидовские медные рудники, поднял на высоту Троицкий завод, что севернее Соликамска, где

наладил производство из меди высококачественной посуды. Получив от правительствующего Сената патент, за заслуги в солеваренной и медной промышленности Алексей Федорович Турчанинов стал числиться «сухопутным генералом». Вот тогда-то, в 1756 году, ловкий заводчик и испросил у Сената дозволения взять во владение Сысертский и Полевской заводы и победил в объявленном «тендере».

Это оказался редкий в сегодняшнем понимании случай, когда «приватизатор» не только не угробил предприятия и не пустил рабочих по миру, а развил и упрочил производство металла, в результате чего спустя год после вступления его во владение Сысертским заводом выпуск железа здесь увеличился на 23 тысячи пудов, а меди — более чем в два раза.

У нас нет оснований считать Турчанинова записным патриотом (каким был, скажем, Татищев), но факт есть факт: заграничные специалисты на его заводах не использовались — только россияне. Скорее всего, заводчик, не зная заморских языков, боялся подвоха со стороны непонятных ему иностранцев. Зато своих школил, как ему было надо. Все приказчики были у Турчанинова собственной выучки, а «в заводе» велась практическая подготовка мастеров производства.

Одним словом, Алексей Турчанинов принадлежал к тому же поколению пионеров русской промышленности, что Акинфий Демидов, Максим Походяшин и другие, которые ставили дело буквально своими руками. С одной стороны, они помнили себя еще в простом армяке, а с другой — за труды свои и успехи высочайше удостоились титулов и наград.

К сожалению, следующее поколение заводчиков, выросшее в неге и достатке, далеко не всегда продолжало традиции отцов.

После смерти А. Ф. Турчанинова в 1787 году его частновладельческий горный округ, который помимо упомянутых Сысертского и Полевского заводов включал ряд более мелких предприятий, стал яблоком раздора между многочисленными потомками первоизобретателя. Производство металла падало. Падали и заработки мастеровых, и были случаи, когда приисковые рабочие

просто уходили с завода (хотя куда можно было уйти в условиях крепостного права?).

Финансовая нестабильность на Сысертских заводах длилась до тех пор, пока одна из дочерей-наследниц не скупила большую часть паев у других наследников и не оформила все на своего сына Павла, который носил фамилию Соломирский и к этому времени имел воинский чин гусарского ротмистра.

Вот этот гусар и возобновил активное производство чугуна и железа на берегах Сысерти. Для этого на заводе были построены пудлингово-сварочные печи. Этот факт для нас особенно важен, ибо именно на таких печах работал Бажев-отец. Объемы производства первичного металла на Сысертском железоделательном заводе в этот период были столь велики, что породили еще два завода — Верхсысертский, где из чугуна выделывали полосовое железо, и Ильинский, выпускавший железо листовое. Кроме того, в самом Сысертском заводе появились механические мастерские.

Но к 1861 году, когда высочайшим рескриптом в России было упразднено крепостное право, заводы округа снова окунулись в кризис, настолько глубокий, что опять были выставлены на продажу. Теперь желающих купить не нашлось... Заводы так и остались у Соломирского, только не отца, а сына — Дмитрия Павловича.

Все это произошло уже при жизни нашего героя, и лучше него вряд ли кто расскажет о реалиях Сысерти последней четверти XIX века. Предоставим ему слово:

«Первого из владельцев Соломирских я не помню, слышал лишь, что он был из офицеров какого-то кавалерийского полка. Мастерские звали его даже генералом... <Он> передал своему наследнику свыше восьмидесяти частей владения.

...Дмитрий Павлович Соломирский стал единственным владельцем заводов. Про него мастерские говорили: „Митрий Павлыч у нас — душа-человек, только в заводском деле „тютя“. Добродушно-пренебрежительное отношение к нему сквозило и в заводской кличке — „наш Пучеглазик“.

Этого дельца я стал знать, когда он уже был пожилым человеком с седыми, коротко подстриженными

усами. Самым заметным в его наружности были обвислые щеки и вытаращенные глаза...

Смолоду Соломирский жил вне заводов, но в пору моего детства он уже почти безвыездно сидел в Сысерти.

Летом разъезжал по своему обширному поместью с фотографическим аппаратом, ружьями и рыболовными принадлежностями. В наиболее красивых уголках Сысертской лесной дачи у него были «понатыканы» охотничьи и рыбацкие домики, и старик здесь жил созерцательной жизнью любителя природы, которому нет дела до рабочих, задыхавшихся в „огневой” и надрывавшихся в рудниках.

В зимнее время Соломирский редко выходил из своего довольно обширного дома, обращенного им в музей. Только доступа в этот музей не было. Потом оказалось, что он работал в области изучения пернатых Урала, а также как коллекционер.

Занимался Соломирский, как и полагается „добродетельному барину”, благотворительностью, хотя справедливость требует отметить, что эта благотворительность была неприлично грошовой.

Строил хибарки старухам (старикам не полагалось) и усиленно возился с детским приютом, куда принимались только девочки — круглые сироты...

У „благодетельного барина” была барыня и дети. Какими „добродетелями” отличалась барыня — не знаю, слышал лишь от заводских служащих, что она „где-то там вращалась и блистала”. Как и где она „вращалась”, об этом в заводе знали смутно. Одно было хорошо известно, что свыше двухсот тысяч рублей, получаемых Соломирским от заводов, уходило без остатка на это „блистание и вращение”. Иногда этой суммы даже не доставало, и старик требовал дополнительных. В заводах эта „блистательная” барыня была, насколько помню, один раз. Слух о приезде пришел с весны. Но дело затянулось до середины лета. Приехала жена владельца как-то неожиданно, поздним вечером, и немногие видели ее „поезд”.

В ближайший летний праздник — какой-то пустяковый, когда не ожидалось даже порядочной драки мо-

124855
лодяжника, — народу в церкви и около набралось полным-полно. Необыкновенным казалось, что мужчин было не меньше, чем женщин: рабочие пришли посмотреть на дорогую игрушку старого барина. В толпе сновали полицейские, которых по стародавней привычке звали в заводе „казаками“. Становой в новеньком мундире, размахивая кулачищем, „честно просил держать строгий порядок“. От заводского дома до церкви, через площадь, образовалась широкая живая улица. Ребятишки взобрались куда повыше или шмыгали под руками старших вдоль живой дорожки.

Открылась парадная дверь владельческого дома, и показалась барыня — некрасивая и уже немолодая женщина, разодетая в какое-то необыкновенное платье с турнюром, по тогдашней моде. Рядом с ней шла девочка, дочь. Сам Пучеглазик был одет тоже по-особому: в невиданной шляпе с белыми мягкими перьями (плюмаж), в белых штанах, в расшитом золотом спереди и сзади мундире (он имел какой-то придворный чин: гофмейстера или егермейстера). Дальше шли какие-то приезжие гости. Прошли в церковную гуцу, где только усиленным мордобойством полиции удавалось сохранить дорожку и место впереди.

В толпе, оставшейся на улице, идут разговоры. Женщины судят о наследнице и пышном турнюре барыни. Этот «барынин зад» заметили и рабочие.

— Видел зад-от?

— Подушка ведь. Известно.

— В подушку-ту эту и робим!

— Так видно. У Пучеглазика-то ведь тоже позолочено.

— Старайся, ребята, может, еще кому вызолотим. Тогда и помирать можно, — шутит старый заводский балагур Стаканчик.

Толпа начинает редеть.

Уехала барыня, а на заводах продолжалась работа „в подушку“ и на „золоченый зад“.

Вот с этого раннего времени маленький Павлуша Бажов, не ведающий пока о дальнейшей своей судьбе, начинает собирать коллекцию образов земляков и современников, и она, эта коллекция, потом очень при-

библиотечная система»

ГО Красноуральск

годится и ему, писателю, и всем нам — ученым, социологам, литераторам и заинтересованным читателям, для кого прошлое Урала — заветный сундук с истоками рода, порывшись в нем, мы имеем шанс понять, что же мы есть на самом деле — уральцы и чем отличны от выходцев из других областей безмерного Отечества.

Приведенная выше цитата — из самого первого крупного опубликованного П.П. Бажовым произведения «Уральские были». Этот историко-биографический беллетризованный очерк характерен не только ярким, запоминающимся с первого же прочтения образом заводчика. Здесь писатель дает целую галерею жителей уральского горнозаводского поселка — от самых верхних слоев и донизу, до мастеровщины и «чертознаев». Возьмем на себя смелость сказать, что этот очерк есть энциклопедия жизни уральского дореволюционного «завода», включавшего в себя одновременно и производство, и жилой поселок, и всю смешанную полусельскую-полугородскую инфраструктуру. Такого было не встретить в быту тех же питерских пролетариев, которые действительно ничего, кроме рабочих рук, не имели. Уралец же, став рабочим, не переставал быть и крестьянином, поскольку прожить на заводской зарплате было физически невозможно.

Но вернемся к портретной галерее Сысертского завода. Пожалуй, главными лицами, что вершили судьбы рабочих и их семей, были управители завода (понынешнему — исполнительные директора: тут нужно сделать оговорку: управляющий руководил всеми заводами данного округа, а управитель — одним из заводов, Павел Петрович путает эти должности, но имеет в виду все же управляющих).

Что это были за люди? Пожалуйста, в «Уральских былях» находим ответ:

«Палкин. Управитель, у которого не было обычного в заводах прозвища. Видимо, фамилия казалась подходящей кличкой.

Детина саженого роста с зычным голосом. Раньше он был „караванным”.

„Караванный” — это сплав барок с железом по быстрине Чусовой, гоньба на косных, наскок, матер-

щина и водка. „Смачивание боков” при выходе на широкую воду и „помин убитым баркам”. Дальше Нижегородская ярмарка и Лаишев, куда сплавлялись тогда изделия Сысертских заводов. Пьяные купцы и пьяные продавцы, которые, однако, не должны терять в пьяном угаре расчета. Уметь всех перепить — главное достоинство „караванного”. Требовалось и другое деликатное искусство — „смазки”... На этот случай, правда, держались „особые специалисты”, которые в искусстве смазки дошли до того, что могли проигрывать в карты „нужному человеку” ровно столько, сколько было назначено. Но руководителем этого тонкого дела все-таки был „караванный”.

И вот этот „караванный”, прошедший высшую школу пьяного дела и изучивший потаенные ходы взятки, вдруг назначается управляющим округа. Прельстился, должно быть, владелец крупной фигурой Палкина или, может быть, рассчитывал, что человек, умевший орудовать около воды и водки, сумеет работать и среди огня и железа...

Правил Палкин, как и следовало ожидать, по-особому. Преобладала быстрота наездов, мгновенная ревизия, „двоек” (так назывался букет похабнейших ругательств) и водка...

Это продолжалось до тех пор, пока окончательно не убедились, что человек просто в длительном припадке белой горячки.

Тогда только решили „сдать” спившегося Палкина в „архив”.

А вот другой вариант «исполнительного директора» заводов Сысертского горного округа:

«После Палкина управляющим был назначен верхнезаводский управитель Иван Чиканцев, по заводскому прозвищу Воробушек.

Этот был полной противоположностью своему предшественнику.

Очень маленький ростом, который Воробушек старался увеличить каблуками чуть не в четверть аршина, мягкая речь, веселые вороватые глаза, балагурство и вообще признаки „демократического обращения с подчиненными”. Было у Воробушка и образование,

хотя не „ахтительное“: учился не то во втором, не то в третьем классе классической гимназии. А это среди тогдашних заводских служащих ставилось высоко...

В производстве Воробушек, как говорили, „ни шиша не понимал“. Но по фабрикам бегал усердно и свою беспомощность умел ловко маскировать. Еще более ловко умел пользоваться всяким случаем, чтобы показать владельцу и рабочим, что заводское дело при нем — Воробушке — процветает.

Помню, раз к осени вследствие дождливого лета вода в Верхнезаводском пруду оказалась на самом высоком уровне, какой даже не каждую весну бывал. Сейчас же по этому случаю торжество. Угощение рабочим (водка, конечно), песенники, балалаечники, фейерверки, катанье на лодках и речи: „Вот-де в первый раз, как стоят заводы, удалось...“ и т. д.

...Так Сысертские заводы под управлением Воробушка — а оно продолжалось свыше десятка лет — все время, без перерыва „цвели и цвели“, пока вдруг не „отцвели“. Но к этому времени Чиканцев уже сколотил себе домишко в Екатеринбурге, купил паровую мельницу в Камышловском уезде, своих дружков Иванушек протащил в дипломированные Иваны Иваннычи за заводский счет. Для них даже вносились специальные стипендии в высшие учебные заведения, и это давало им возможность поступать без конкурса...”

И еще один из паноптикума сысертских управляющих:

„Героем“ оказался северский управитель Мокроносов, по заводскому прозвищу Кузькино Отродье.

Это был, не в пример своим предшественникам, настоящий заводской человек, который побывал чуть не на всех заводах в разных мелких должностях: надзирателя, смотрителя и т. д. Не шутя он считал себя специалистом. Был у него, как говорили, даже какой-то „диплом“, который он получил на военной службе в саперных частях. Претензии он, во всяком случае, имел большие и усиленно строителем в Северском заводе и на так называемом Крылатовском прииске еще в пору управления Воробушка. Злые языки, впрочем, говорили, что это строитель-

ство было похоже на Воробушковы торжества — то же втирание очков, только другим способом...

За управление Сысертским округом Мокроносов взялся решительно и сразу повел такую жестокую политику снижения жалованья и введения черных списков, что рабочие взвыли, вспомнив известного при крепостной зависимости Кузьку, которому новый управляющий приходился внуком. Только внук употреблял другие приемы. Вместо решительного приказа он „действовал убеждением и примером”.

„Я вот сам, как управляющий, должен получать восемнадцать тысяч рублей в год, а буду получать только шесть”.

Чувствуйте, понимайте и берите пример!

По этому примеру получилось что-то совсем дикое для рабочего: вместо рубля стали платить тридцать пять — сорок копеек в день. Даже грошовые пенсии, которые давались инвалидам и сиротам, были в большинстве сняты...

Рабочему стало нечем жить, и новоявленный экономист был взят за жабры, да так, что едва успел вернуться. Прихвостни ухитрились-таки вытащить его из разбушевавшейся толпы рабочих и сумели устроить ему побег.

Вместо управляющего в Сысерть прибыли ингуши и драгуны, началась расправа и вылавливание...»

Эти персонажи, с которыми будущий писатель в детские годы, конечно же, непосредственно знаком не был, рождены на основе информации, полученной им из разговоров взрослых. Не обязательно дома, но и в иных местах, где таковые велись. Другое дело — типы представителей социального слоя, к которому принадлежала семья Бажевых. Тут, можно полагать, имеют место знания, пришедшие к автору на основе наблюдения за обстоятельствами бытия и непосредственного общения с теми, кто, будучи старше Павла, входил во взрослую жизнь:

«Между пятью и шестью часами утра и вечера на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника — „мастерка”, как его звали.

В рубахе и в штанах из синего в полоску домо-тканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел „мастер-ко“ по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матерком — иной раз угрожающим, иной раз безобидным.

Зимой к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полущубчишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи, куда сваливалась верхняя одежда на фабрике. Колодки, похожие на деревянные коньки, прикреплялись к пимам обычно наглухо и уже с них не снимались. Некогда было после двенадцати часов работы у огня возиться со сниманием колодок. Так и шли по улицам, как по фабричному полу, поднимая пыль летом, скользя по утоптаным дорожкам зимой и трамбуя грязь весной и осенью...

Среди шмыгающих колодками рабочих немало было и подростков, порой совсем еще малышей. Это „шаровка“.

В „шаровку“ принимались дети в возрасте от двенадцати лет. Заводскому начальству не было дела, под силу ли детям этого возраста кочегарные работы. Было бы дешево!

...В глазах заводских малышей „шаровка“ казалась чем-то заманчивым, героическим: „Легко ли? Работают „по огневой“, ходят на колодках, дерутся в заводских драках!“

Матери тоже относились к ребятам, работавшим на фабрике, по-особому. Смотрели на них как на взрослых и исполняли некоторые ребячьи капризы...»

Теперь, узнав условия жизни в заводском поселке, можно присмотреться и к конкретной семье Бажовых, жившей в доме на шесть окон по фасаду на улице Шиповой (ныне ул. Володарского, 16), в двух шагах от главной заводской площади и, соответственно, завода. Надо полагать, тяжелый заводской труд в условиях далеко не здоровых выматывал мужиков основательно. Вот и не было у рабочих сил на производство (и содержание) большого, как в деревне, количества детей. Павел, на-

пример, так и остался единственным ребенком в семье. Хотя его дед В.А. Бажев, согласно поколенной росписи, составленной Н.В. Кузнецовой и Ю.В. Коноваловым, имел восьмерых детей, отец будущего писателя был шестым по счету.

Что можно рассказать о родителях нашего героя?

Отец Петр Васильевич был известен «в заводе» не только своим профессиональным мастерством, но и острым языком, который он то и дело пускал в оборот. По старой деревенской привычке улица дала ему кличку — Сверло. От сверлящего языка Петра Бажева доставалось не коллегам-рабочим, а начальству. Не удивительно, что у мастера постоянно были проблемы. Вот с такого эпизода Павел Петрович и начал свои «Уральские были»:

— Ты что не собираешься? Ревело ведь!

— Ладно, без сборов. Отдохнем.

— Что ты! Отказали?

— Объявил вчера надзиратель — к расчету!

Мать готова заплакать. Отец утешает.

— Найдем что-нибудь. Не клином свет сошелся. На Абаканские вон которые едут.

Перед этими неведомыми Абаканскими мать окончательно теряется... отвернувшись к залавку, начинает всхлипывать. Я реву. Отец раздраженно машет рукой и с криком: «Взяло! Поживи вот с такими!» — хлопывает за собою дверь.

Вмешивается бабушка. Она ворчит на мать, на отца, на заводское начальство и тоже усиленно трет глаза, когда доходит до Абаканских.

Днем приходят соседки «посудачить». Винят больше отца.

— И когда утомонится человек?

— Мне Михайло когда еще говорил — непременно откажут твоему-то.

— Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!

Начинают припоминать отцовские остроты, но они так круто посолены, что передают их женщины только «на ушко». Мать обыкновенно заступает за отца и, кажется, делает это не только «от людей», но вполне

искренно. Она даже горячится, что так редко бывает при ее ровном, спокойном характере.

Вечером приходит отец. Красные, воспаленные глаза показывают, что выпито немало. Однако на ногах держится твердо, говорит громко, уверенно. Удивляется „тем дуракам, которые сидят в Сысерти, как пришитые“.

— Уедем, и дело с концом! На Абакане, небось, не по-нашему. Чуть кто зазнался, сейчас приструнят. А у нас что? Попетан изъезжается, Балаболка крутит, и Царь ехидствует. А ты не моги слова сказать. Терпи — потому у тебя тут пуп резан. Найдем место. Вон там как живут!

Отцу не противоречат, по опыту знают, что хорошего ничего из этого не выйдет. Мне — малышу — отцовские планы кажутся заманчивыми, и я засыпаю с думой о далеком крае, где все не по-нашему.

Утром тяжелое раздумье — как быть? Оставить домишко, покос, огород! Кому продать? А вдруг на Абакане не лучше Сысерти?

Бабушка и мать, конечно, против Абакана. Отец сдает: „Надо поискать где поближе“...

Отец недели на две, на три исчезает из дому. Мать усиленно работает днем и ночью, вконец изводит глаза: плетет широкие кружева или вяжет узорные чулки для заводских барынь. Не столько заработок, сколько взятка по женской линии.

Отец приходит утрюмый — нет работы. Ехать в Сибирь после неудачных поисков уже не собирается.

— Сходи к управителю-то, — говорит бабушка. Отец хмурится и бормочет:

— Да уж, видно, придется, мать. В „поторжную“ и то не попасть без этого.

Начинается „выдержка“: „На той неделе побывай“, „После Успенья зайдй“.

Съедено уже все. На поденные работы в заводе отец, однако, не выходит. Знает, что все равно не примут, да и позором это считается для фабричного рабочего. Промышляет чем придется: рыбалкой, старательством, сенокосением и т. д. Мать слепнет над ажурными чулками уже из самого тонкого шелка.

— Рассылка приходил. К управителю звали, — радостно сообщает она возвратившемуся с рыбалки отцу.

Это значит — конец измывательству.

Отец поспешно одевается „по-праздничному” и уходит. Возвращается веселый: „Посылает в Полевской”.

Начинаются сборы. Отец обычно уезжает на следующий день „с попутными”. А мы с матерью и бабушкой перебираемся потом, когда уже он получит „за половину”.

Случай вроде описанного мне пришлось переживать в детстве не один раз...

Отцом, видимо, дорожили за его работоспособность и ряд ценных навыков по пудлингово-сварочному цеху Его лишь „выдерживали” и „проветривали”, но совсем с заводов не „прогоняли”.

Может быть, помогала здесь редкая специальность матери: заводские барыни находили, что машинные кружева и чулки слишком грубы против Сверлихиной работы.

„Проветривание” отца продолжалось обыкновенно год-полтора, редко меньше, и мы снова переселялись в свой сысертский домишко до той поры, пока отец опять не „забунтит”.

„Бунченье” отца было самого невинного свойства. Было у человека в запасе жесткое словцо и уменьше „оконфузить на людях”. А этого заводское начальство, от самого маленького до самого большого, никак не переваривало. Начинались придирки, доносы... Кончалось обыкновенно „скандалом”, после которого неизменное: „К расчету!”

В силу этих постоянных „проветриваний” отца мне в детские годы пришлось пожить — и не по одному разу — во всех заводах Сысертского округа.

Истоки такого своеобразного устного творчества Бажева-отца можно видеть в его биографии. До того, как он завел семью, ему довелось послужить в царской армии. Было это, надо полагать, в середине 1870-х годов. Как пишет Е. Хоринская, «отец писателя... во время «солдатчины» повидал много разных городов.

многое понял. Правду любил, спину ни перед кем не гнул...» Ну, насчет правды — кто ее не любит, а вот что «спину ни перед кем не гнул», это видимо, сказано для красного словца, поскольку порядки в царской армии даже в пореформенное время мало располагали к свободе слова и демократии. Скорее всего, Петр Васильевич, рожденный под знаком Близнецов, имел природную склонность к формированию сочных словесных образов и при этом — слабую сдержанность на язык. Вот откуда и все его приключения. Но мы в полной мере можем считать, что эта пусть и ограниченная, но яркая способность в нескольких словах дать точную характеристику человеку, да еще с четко выраженной сатирической (смеховой) подложкой — то свойство, которое унаследовал единственный сын Петра Васильевича, что позже найдет отражение в создании образов отрицательных героев его сказов.

Выверты характера главы семьи компенсировались трудолюбием и покорностью хозяйки дома. Мать будущего писателя после ранней смерти своего родителя жила и воспитывалась в семье отчима, где содержалась, если верить биографам П.П. Бажова, едва ли не в черном теле. Будучи по сути сиротой, она рано получила навыки художественного вязания, что потом, когда Августа Стефановна вышла замуж, материально спасало семью Бажевых в периоды «проветривания» мужа. Поскольку в светлое время суток Августа Стефановна занималась работой по хозяйству, на подработку — изящную и тонкую вязку — оставались вечерние и ночные часы, то есть работа при свече и керосиновой лампе, что не могло не сказаться впоследствии на ее зрении.

В семье жила и бабушка. В «Уральских былях» Павел Петрович не называет ее имени. Е. Хоринская пишет, что это была Авдотья Петровна. В поколенной же росписи указано, что бабка Павла Петровича по отцу скончалась в 1858 году, то есть задолго до рождения нашего героя. Допускаем, что это досадная описка, тем более что и прабабка писателя Парасковья Даниловна, согласно этой публикации, так же упокоилась в 1858 году. Доверимся автору — ему видней, жила с ними бабушка или нет.

От самого писателя доподлинно известен «график» смены местожительства его семьи в 1880–1890 годы:

«После рождения» до году жил в Сысерти, затем до пяти лет в Северском заводе. С шести до одиннадцати — опять в Сысерти, потом в Полевском заводе — с одиннадцати до четырнадцати. А с четырнадцати до семнадцати — в Вершинке (в Верхсысертском заводе)». Видно, что географический спектр детских — отроческих — юношеских впечатлений у будущего литератора достаточно широк. От самого же Павла Петровича мы знаем и основных его «информаторов» о жизни заводской и околзаводской — это сысертские старики по кличке Мякина, Клюква, Короб. «Для примера укажу на летние беседы „на завалинках“ в праздничные дни или даже на такие обычаи, как супрядки, капустники и т. д., где обычно „вертелись“ и мальчуганы годов до семи-восьми, — писал он позднее. — Там они, как губка, впитывали, „о чем старухи судачат“, „о чем старики сказывают“. Надо полагать, и соленые остроты его отца вписывались в этот фольклорный ряд, и в своем „сказительстве“ на актуальные темы Петр Васильевич был в Сысерти не одинок. Однако самого яркого представителя устного народного творчества Павлу доведется услышать в Полевском заводе, куда отца отправят на очередное „проветривание“.

История Полевского завода — сродни истории Сысертского. Так же в начале XVIII века стало известно о месторождениях здесь руд, правда, сначала медных. Казна положила глаз на эти места и начала разработку, а поскольку ближайший медеплавильный завод был далеконько — верст за полста (на Уктусе, ныне это в черте города Екатеринбург), было решено строить завод поблизости, запрудив реку Полевую. Так возникло производство. Вот тогда и понадобились «переведенцы» из Багарякской слободы, о чем говорилось выше. Завод стали именовать Полевским, а рудник — Гумешевским, по имени местности, где находилась эта медная гора.

То, что рудник был именно медным, обусловило наличие в горе и сопутствующих материалов. Прежде всего, изумительного по своей красоте зеленого узорчатого камня — малахита. Добыча малахита на Гумешках

стала отдельной песней Полевского и во многом, надо полагать, была причиной обилия претендентов на владение Сысертскими заводами. Считается, что это месторождение зеленого минерала было открыто на Урале первым. Завладев Сысертскими заводами и наладив на них производство металла, а также поиск и добычу малахита, А.Ф. Турчанинов преподнес в дар императрице Екатерине II крупнейшую из найденных на тот момент малахитовых глыб в 170 пудов (2,7 тонны).

В начале XIX века ежегодная добыча малахита на Гумешках составляла около 500 пудов (8 тонн), и это кроме добычи основного сырья — меди, что свидетельствует о большой занятости населения на рудничных работах в Полевском.

Как уже говорилось, история Сысертских заводов — это чередование подъемов и кризисов. В период очередного такого кризиса, в 1871 году, Гумешевский рудник был закрыт, и его затопили грунтовые воды. Большое количество горных рабочих оказалось не у дел и вынуждено было зарабатывать на прокорм индивидуальной или артельной старательской деятельностью. Старатели вызывали зависть у заводских рабочих, которым казалось, что работать на свежем воздухе и даже в горе — все здоровее, чем стоять у плавильных печей и вдыхать смрадный дух рождающегося металла. Отчасти это было верно, однако и труд старателей был не сладким. Их благополучие зависело от фарта — удачи. Найдешь то, что ищешь, — счастлив и сыт, не найдешь — утягивай живот. А травматизм, да и смертность среди промышлявших в горе были не намного меньше, чем у заводских. Павел Петрович вспоминал слова своей бабушки, которая причитала в ответ на его детские расспросы о Медной горе (Гумешевском руднике): «Самое это проклятущее место. Сколько народичку оно съело! Сколько народичку!»

Успех, как и неудачи старательского промысла, рождали свой фольклор. О трудностях в поисках самоцветных камней. О неудачах. И, конечно, о фарте, когда он случался. Хотя фарт, если дело шло о крупной находке того же золота, нередко обращался обратной стороной — счастливчик сдавал найденное перекупщику и,

обалдев от больших денег, пускался в дикий загул, который мог длиться едва ли не больше года, и заканчивался, лишь когда кончались эти деньги... Наверняка были удачливые старатели и другого сорта — это ими выстроены по уральским заводам и селам кирпичные дома в два этажа и крепкие лабазы. Но в герои устного народного творчества они, как правило, не попадали.

Так вот, в Полевском заводе юный Паша столкнется с рассказами совсем другого рода, нежели в Сысерти. И в них был рабочий люд, и в них случались злые персонажи из приказных, но главным было другое — мир ирреальный, не подвластный ни приказчикам, ни заводчикам, ни... даже царю. Хотелось написать: даже Богу! Но у горнорабочих с Богом были свои отношения.

Говоря об истоках традиционного российского безверия, которое в конце концов привело народ к официальному атеизму, не будем спешить корить тоталитарную советскую идеологию. Пословицу «На Бога надейся, а сам не плюшай» придумал не Плеханов, а «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» — не Ленин. В них — отражение народного сознания. Если учесть, что русский народ, особенно в уральском и далее, в сибирском ареале его обитания, составиля из смешения множества племен, которые естественным образом обрусели, запрятав свою естественную языческую суть, как «пачпорт», поглубже, то периодический выброс прежних туземных представлений о мироустройстве и соотношении добра и зла не кажется удивительным. Есть официальное, парадное, прилюдное (православный обряд), и есть свое, «домашнее», часто даже не осознаваемое, но творимое по привычке.

И действительно, как верить в Бога, если рабочий всецело зависел от работодателя, сил природы и... того же форта? Отсюда и то равнодушие, скорее, просто неверие в возможность помощи с небес. Думается, официальный Бог воспринимался рабочими стоящим в одном ряду со всем начальством и потому искреннего почтения в душе не вызывал.

Другое дело, когда старатель подчинен сам себе. Над ним нет ни уставщика, ни надзирателя, ни управителя — то есть нет принуждения, но с другой стороны,

нет и защиты, он теперь не «господский», и случись что, никто ему не поможет. Вот тут и поднимаются из глубин души и родовой памяти давно забытые верования в силы природы, которые принимают облик знакомых по жизни одушевленных особей — людей и зверей, а реальные представители лесной фауны наделяются сверхъестественным смыслом.

Если в сысертских рассказах положительный конец мог быть только один — ловкий на язык мастеровой отбрил или наказал приказчика, и в этом весь плюс, то в полевских уровень победы был неизмеримо выше. Речь шла о достижении успеха с помощью благодеяния сил фантастических. Таким образом, сысертские рассказы были приземленнее по смыслу, хотя реалистичнее, а полевские — имели высокий градус ухода от действительности, но при этом набирали определенный мажорный пафос, некую веру в удачу и жизненный успех, который когда-нибудь непременно наступит. Разумеется, второе слушалось с большим интересом.

Впервые при жизни нашего героя семья попала в Полевской завод, когда Паше было одиннадцать лет и он жил и учился далеко от дома — «в городе». А до того — «с году до четырех» — они жили в соседнем с Полевским Северском заводе, который в те времена был самостоятельным поселком, не слившимся с Полевским, как это произошло позже. Разумеется, общение четырехлетнего мальчика было ограничено, главным образом, родными и малолетними соседями-сверстниками, и фантастические сказки о Медной горе он мог слышать лишь в изложении, доступном детскому восприятию.

Следующий период — с пяти лет до десяти — прошел в родной Сысерти. В 1886 году Пашу отдали в местную земскую школу, которая выросла из прежней горнозаводской, бывшей в подчинении заводууправления. В горнозаводских школах обучали чтению, арифметике, чистописанию — это были общеобразовательные предметы, а кроме того, давали специальные навыки для будущей работы на производстве. По воспоминаниям П.П. Бажова, в обновленной земской школе от прежней оставались черчение и рисование, для преподавания которых с завода отряжались знающие

люди. От них по старой привычке можно было за не-
радливость или недостойное поведение на уроке полу-
чить линейкой по голове или карандашом в лоб, но это
была, пожалуй, последняя отрыжка прежних времен.
В остальном здесь давали регулярное начальное обра-
зование по учебному плану, единому для всех земских
школ Российской империи. Уровень знаний, который
здесь получали, превосходил уровень существовавших
повсеместно церковно-приходских школ, что дало себя
знать в дальнейшем, при поступлении юного Бажова в
учебное заведение следующей ступени.

Именно здесь, в школе, Паша впервые услышал
имена Пушкина и Некрасова. Причем в интерпрета-
ции далеко не минпросовской: на уроке, посвященном
50-летию со дня гибели на дуэли первого поэта России,
учитель, по воспоминаниям Павла Петровича, заявил,
что смерть Пушкина подстроило начальство. Дома
отец не только не опроверг эту учительскую крамолу,
но и подтвердил, пояснив, что слышал про то в годы
армейской службы. Таким образом, «диссидентство»
витало в заводском поселке если не повсеместно, то во
многих углах.

Научившись читать самостоятельно, Паша не про-
сто одолел стихотворный сборник Н.А. Некрасова (из-
дание для школ), а... выучил его наизусть. Это говорит
не только о цепкости детской памяти сына мастерово-
го, но в еще большей степени – о душевной располо-
женности школяра к продукту творческого труда. Ведь
не будешь по собственной инициативе заучивать то,
что тебе не мило...

Видимо, обычай хвалиться успехами детей перед го-
стями родился не сегодня, поскольку на исходе XIX века
девятилетнему Павлу пришлось дать «представление»
перед заезжим уездным ветеринаром Н.С. Смородин-
цевым. А тому рекомендовал послушать уникального
ребенка (надо полагать, другого такого в Сысертской
школе не было) школьный друг ветеринара и учитель
Паши А.О. Машуков. Юный ученик, очевидно, произ-
вел на Смородинцева должное впечатление, поскольку
тот стал убеждать отца «поучить маленько парнишку
в городе». Не исключено, что Петр Васильевич и сам

об этом подумывал. Однако, имея не слишком благонадежную репутацию у заводского начальства, претендовать на обучение отпрыска в ведомственных технических училищах близлежащих Екатеринбург или Кунгура за счет завода не мог, а учеба сына в гимназии и даже реальном училище была ему не по карману. И тогда добрый Николай Семенович подсказал верный ход: имеется в Екатеринбурге учебное заведение — духовное училище, где мало того что обучают за символическую плату, но еще и обеспечивают проживание в общежитии, что значительно дешевле, чем съём частного жилья.

Духовные училища были открыты для детей провинциальных священнослужителей и служек (пономарей, дьячков, звонарей), которые должного достатка в жизни не знали. Не платя им жалованья, какое превышало бы тогдашний прожиточный минимум, церковь компенсировала их нужды на обучение детей вот таким, в общем-то, гуманным способом. Разумеется, лучших выпускников духовных училищ приглашали к поступлению в семинарию. Те же, кто учился не ахти как, получали здесь образовательный минимум, который позволял им считаться грамотными и исправлять должности псаломщиков, певчих, алтарников, иподьяконов в приходских церквях.

Сморозинцев сказал, что на первых порах, пока не привыкнет к новой городской обстановке, парнишка может пожить у него в доме.

Предложение это прозвучало за год до окончания Павлом курса земской школы, и, надо полагать, все оставшееся до выпуска время будущий «абитуриент» повышал свой образовательный уровень, чтобы не ударить в грязь лицом перед строгой приемной комиссией духовного училища. В летописи жизни и творчества П.П. Бажова, представленной в «Бажовской энциклопедии», под годом 1889-м приведен интересный фрагмент из жизни нашего героя, описанный им позднее в статье «Через всю жизнь»:

«Впервые удалось получить том пушкинских стихов лишь через три года после первого знакомства с его произведениями. Получил книжку на довольно тяже-

лых основаниях — выучить наизусть весь том. Надо думать, что библиотекарь пошутил... Сдавая через месяц книгу, я мог смело заявить библиотекарю: «Вот, выучил».

Предстоящий отъезд Паши в город на учебу стал событием не только для родных, но и для знакомых. Об этом говорится в повести «Дальнее — близкое».

«Сильно хлопнув отца по плечу, Гордеич спросил:

— А ты как с Егоршей-то? Повезешь его в город учиться?

(Под Егоршей в повести П.П. Бажова подразумевается сам десятилетний Павел. — В. С.)

Стоявший рядом со мной Петька толкнул меня в бок, но это было излишне, я и без того насторожился, ждал «решительного слова».

— Да на то решились, чтоб поучить, сколько силы хватит, — ответил отец и добавил: — Насчет сена сомневался, не придется ли покупать, а оно, видно, на Егоршино счастье нынешний год хорошо пришло.

Долго после этого еще шел разговор на завалинке, но я больше не слушал или, вернее, не слышал. Все заслонил отцовский ответ, которым решался вопрос о моем ученье в городе. С этой мыслью я и укладывался спать рядом с Петюнькой на сеновале. Он, как водится, приставал с разговорами. Но я отмалчивался, так что он даже укорил:

— Ишь городской! Зазнался!

Петька был прав, поставив на первое место город, а не учебу..

На своей улице я не знал ни одного из ровесников, который бы мог похвалиться, что бывал в городе...

Мой отец за годы службы в солдатах побывал во многих городах. Он охотно отвечал на вопросы, говорил «при случае», но связно рассказывать не любил и, может быть, не умел.

На мой вопрос о городе он отвечал:

— На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода, на железе родился, железом опоясался и железом кормится...

Каждому из ребят хотелось самому побывать в городе, посмотреть своими глазами. Особенно манила

невиданная „чугунка“, как тогда даже в учебниках звали железную дорогу.

Мой отъезд в город на учебу был для ребят нашей улицы большим событием. Все давно знали, что Чернобородый, как ребята звали уездного ветеринарного врача Алчаевского, „берется выучить Егоршу в городе“, но все же полной веры этому не было.

— Может, еще раздумает. Мало ли большие обещают?

Теперь это определилось окончательно. Ребятам всей улицы было известно со всеми подробностями:

— Завтра Егорша поедет. В десятом часу. С отцом, с матерью. На дедушковом Чалке, в гоглевском коробке. Дрожки-то у них рябиновые. Сам старик Гоглев делал. Качкие! Егорша до городу сам править будет...

Кольша помалкивал, только при прощании сказал:

— Первым делом чугунку погляди и железный крут тоже. Потом расскажешь.

Дома тоже было невесело. Отец, вернувшийся позднее меня, сразу заметил унылое настроение и пошутил.

— Что-то наш городской притуманился. Того и гляди, либо нос зачесется, либо в глаза порошок попадет.

Бабушка, считавшая эту затею с учебой в городе „немысленным делом“, воспользовалась случаем напоследок отговорить:

— Легкое ли дело из своего места в чужие люди поехать. Да еще в такое страховитое! Я вон восьмой десяток считаю, а в городе только двою была. Натерпелась страху-то. А тут на-ко что придумали. Десятилетка одного в городе оставить!»

Глава 2. ОТРОЧЕСТВО. Город. Завод

Приведенные выше представления «заводских» о городе — как о некоем железном монстре, как об организме, живущем совсем другой, не провинциальной жизнью, оказались справедливыми. Екатеринбург в конце XIX столетия был уже не прежним крепостническим горнозаводским царством, о чем помнил сосед Паши

(в повести — Егорши) по улице дедушка Платон, который называл себя «отставным мастеровым казенных заводов». На смену жесткости прежнего николаевского тоталитаризма пришла свобода и жестокость капиталистического рынка, и город Екатеринбург являл собой сложный и многообразный конгломерат производителя, распределителя и продавца всевозможного товара. Главным образом все же товара из местного уральского сырья: железа. Неслучайно символами города для живущих «в заводе» были железный круг (место сдачи металла, привозимого с заводов) и «чугунка» — транспортное средство, тоже металлическое, которое позволяло отправлять уральское железо по рельсам аж до самой Камы, где оно перегружалось на барки для сплава в Нижний Новгород (всероссийский ярмарочный центр) и Лаишев Казанской губернии, где железо перегружалось на сухопутный транспорт и следовало дальше по назначению. Горнозаводская железная дорога связала два ядра Урала — Екатеринбург и Пермь всего лишь за два года до приезда Павла — в 1887 году и, естественно, все еще была в диковинку.

В 1889 году приложением к газете «Екатеринбургская неделя» вышла книга «Город Екатеринбург», которую предварял замечательный историко-публицистический очерк Д.Н. Мамина-Сибиряка. Однако для нашего повествования интересен другой рассказ о городе этого периода — уже цитированная выше историко-биографическая повесть «Дальнее — близкое», написанная П.П. Бажовым на склоне лет. Благодаря ей мы можем с большой мерой достоверности знать, как принял город заводского мальчика и каким отрок Павел видел Екатеринбург в 1889–1893 годах.

«Город удивил своей величиной и обилием церквей. Потом я узнал, что по размерам города число церквей было не особенно велико, но тогда это казалось мне огромным. Заметней всех других зданий с этой стороны был монастырь. Его собор с широким куполом издали походил на большой башкирский малахай, поставленный среди сада.

Над этим куполом поднимался другой, еще более огромный, не с такими ясно очерченными линиями, но

все же вполне заметный, — купол мелкой пыли, высоко поднявшейся над всем городом...

Особенно удивил меня целый квартал каменных домов при выходе улицы на Александровский проспект.

Эти каменные дома с невиданными раньше колоннами, с тротуарами из широких плит привели в полный восторг.

Вот это город! Это дома! Кто только живет в них?

Как будто в ответ на этот вопрос из ворот дома с круглыми колоннами вылетел рослый вороной жеребец, запряженный в какую-то необыкновенно легонькую „штучку“. Кучер тоже в чудной шапке с пером, в плисовом кафтане без рукавов показался мне просто великаном...

При выезде на пересекавшую улицу впечатление нового не ослабело. Справа красивый каменный мост с чугунными перилами между каменных столбов, налево прямая широкая улица — Александровский проспект. Он замощен уже во всю ширину. Это и понятно, так как здесь проходил Сибирский тракт. Движение тут и по вечернему времени было сильное. Стало хлопотливо. Не без моего попустительства Чалко встал в хвост обоза и зашагал не торопясь. Это позволило мне глазеть по сторонам и удивляться...

С Александровского проспекта повернули на Уктусскую улицу. Она в этой части тоже была замощена, но обочины здесь оставались широкие и вовсе пыльные...

На следующем углу стояло заметное каменное здание в три этажа.

— Вроде скворечника, — определил отец.

Действительно, дом был какой-то необычайный. Как видно, здесь сказывалось несоответствие между высотой и площадью пола. Чтобы представить себе это здание, надо иметь в виду, что в среднем этаже было только четыре классных комнаты, каждая не более как на сорок человек. Узкие окна усиливали эту общую неслаженность здания. На одном из углов надпись: „Екатеринбургское духовное училище“. То самое место, куда я ехал учиться.

На противоположной стороне улицы тоже каменное белое здание, более прочно стоявшее на земле, в два

этажа, с мезонином, имело надпись: „Екатеринбургское городское училище“.

Все это было мне интересно, но стал занимать другой вопрос. Видел монастырь, проезжал мимо архиерейского сада, видел квартал богатых домов, пустыри, монастырские капустники, два училища, а где железо, железный круг, чугушка, гостиный двор, магазины?

Оказалось, к этому лишь подъезжали: мостовая кончилась. Дорога вышла на Хлебный рынок. Там стояли ряды деревянных лавок, где торговали зерном и мучными товарами, тут же раскинута палатка с продажей яблок. Против Хлебной площади Уктусская улица шла одинаркой, по которой виднелось много вывесок. Одной из первых оказалась та самая лавка, о которой много говорили в нашем заводе. Это был небольшой каменный склад, над которым значилось: „Продажа металлов Сысертских заводов гг. Соломирского и наследников Турчанинова“. На дверях более крупно, с расчетом, видимо, на другого читателя: „Железо кровельное, шабальное, шинное, подковное и поделочные обрезки“. Через несколько домов такой же склад Кыштымско-Каслинских заводов, с тем же порядком надписей. Сверху подробно название округа с перечнем владельцев, а на дверях: „Сковородки, вьюшки, заслонки, печные дверки“. Еще дальше вывеска Сергинско-Уфалейских. Сверху титул, снизу: „Проволока, гвозди“.

В этом же квартале еще несколько лавок, где торговали изделиями из железа. Неожиданным показался угловой многооконный дом. На крыше с одной улицы на железных листах было написано выпуклыми позолоченными буквами: „Продажа соли“, а с другой улицы такими же буквами: „Графа Строганова“. Такую замечательную вывеску я видел впервые, и она запомнилась навсегда. И теперь, проходя мимо этого домишка, невольно вспоминаешь о ней и удивляешься жалким масштабам прошлого.

Дальше шли мучные ряды. Еще дальше гостиный двор, который назывался „новым“, а на углу Уктусской и Главного проспекта старый гостиный двор. Тяжелое сооружение с навесом на неуклюжих каменных столбах.

Торговли уже не было, и оба здания гостиных дворов казались угрюмыми.

Здесь с Уктусской улицы повернули на Главный проспект — лучшую часть города. Окрашенная в голубой цвет церковь, обнесенная довольно тесной оградой с чахлыми деревьями, не привлекла внимания. Церковь как церковь. Не лучше наших заводских. Но вот дом с лепными украшениями — это да! Ничего похожего не видывал. И вывески тут какие-то необыкновенные: „Жорж Блок“, „Барон де Суконтен“, „Швартэ“, а сверху какой-то неведомый „Нотариус“.

Сама по себе эта главная улица была не похожа на остальные. Посередине обсаженная деревьями дорожка для пешеходов.

В начале каждого квартала, у прохода на эту дорожку, с той и с другой стороны небольшие лавочки, около которых толпится народ. Пьют „кислые щи“, „баварский квас“, ребята отходят с разноцветными трубочками, в которых, как я вскоре узнал, продавался мак с сахаром. Маковушка стояла от одной до трех копеек. Около лавочек прохаживался или стоял городской. Эти постовые набирались из внешне видных людей, и все четверо, которых я видел в тот день, показались огромными и страшными. На этой же части пути увидел вывеску „Продажа металлов... графини Стенбокк-Фермор“. Мудреную фамилию запомнил со всей целкостью ребячьей памяти...“.

Нужно сказать, что Паше Бажову (впрочем, он пока еще по-прежнему Бажев) повезло не только с доброжелателем — Н.С. Смородинцевым (в повести — Никита Савельевич Алчаевский), но и с тем, что первоначальным местом его жительства в городе стал... завод. Смородинцеву-Алчаевскому как уездному ветеринару полагалось жить именно „в уезде“, и потому он снимал квартиру в поселке Верхисетского завода (ВИЗа), который административно в черту города не входил, хотя начинался едва ли не вскоре после западной городской заставы. Это обстоятельство способствовало более естественной адаптации провинциала к новым условиям жизни.

„В Верх-Исетске без затруднения отыскали квартиру Алчаевского. Он оказался дома и принял приветливо. Указал, где поставить лошадь, где брать воду, сходил

к хозяевам, попросил, чтобы на эту ночь не спускали цепную собаку. Иначе незнакомому человеку нельзя будет выйти ночью к лошадям. Когда все это было устроено, повел нас в квартиру..

Квартира у них, по моей мерке, была огромная: весь верхний этаж да еще кухня в нижнем. А жили только двое вверху и кухарка внизу.

Пока „собирали на стол“, Алчаевский увел нас с отцом в свою комнату. Я никогда даже думать не мог, чтоб в одном доме было столько книг. Полный шкаф „за стеклом“, полки стоячие, полки висячие и огромный ворох в углу. Книги же лежали на всех столах и даже на некоторых стульях”.

И это тоже было символично — мальчик, вступая в мир знаний, встретился сразу с обилием книг, что наверняка настроило его на серьезный лад. Ведь уже завтра, 16 августа, предстояли вступительные испытания в духовном училище...

„На другой день с утра пешком отправились в город. Мои экзамены заняли не очень много времени. За экзаменаторским столом сидели люди в рясах и необычных сюртуках без переду, но со светлыми пуговицами. Было страшно, но спрашивали все-таки не строго, и было удивительно, что некоторые мальчишки путались или вовсе не отвечали.

Мне пришлось написать две фразы „на миры” — „который с точкой, который без точки” (речь идет о двух разных буквах русского алфавита — „і” и „и”, обозначающих один и тот же звук. — В. С.). В этих грамматических „мирах” я разбирался свободно, доска была свежей покраски, мел хороший, и я не забыл в конце каждой фразы „выкрутить” очень осязательную точку. Со стуком решил задачу. После этого заставили читать, но, по-моему, бестолково: начнешь в одном месте, сейчас же перелистнут: „А ну, тут”. Молитвы и заповеди рассыпал горошком, а когда стал разделявать историю какого-то судьи, один из экзаменаторов пошутил:

— Так его! Круши с навесу, чтоб не встал!

Шутка, видимо, хорошо отражала мой ребячий азарт, и все засмеялись. Сидевший посередине инспектор, очевидно, чтоб не смутить новичка, сказал:

— Хорошо. Принят. Завтра приходи на уроки к девяти часам, — и пояснил остальным: — Из светских он. Отец у него простой рабочий».

Вот так, вроде бы, совсем просто наш герой оказался бурсаком — учащимся духовного училища. Ему предстояла долгая (четыре года) почти самостоятельная жизнь вдали от дома и родных. Кто проходил этот этап в жизни, может представить чувства десятилетнего мальчишки, с которым сейчас попрощаются родители и оставят в городе одного...

Собираясь в обратный путь, отец сказал: «По снегу то либо мать, либо оба приедем. Никита Савельич обещал похлопотать. Может, тебя в общежитие примут».

А пока Паша оставался квартирантом у своего благодетеля.

Верх-Исетск, хоть и был заводским поселком, но значительно отличался от той же Сысерти. Здесь, притом что сохранились усадьбы, где жили «по-заводски» одной семьей в доме, довольно часто встречалось и «квартирное» заселение, когда часть дома или весь он сдавался многим жильцам. Это было, с одной стороны, стремлением квартирантов к экономной жизни, поскольку проживание за городской чертой стоило ощутимо дешевле, а с другой — предвестием пресловутого квартирного вопроса, который станет весьма актуальным через несколько десятилетий.

В доме на Разъезжей улице (название вымышлено автором, подлинный его адрес в этот период неизвестен), где жили Смородинцевы-Алчаевские, кроме них в гораздо более скромных условиях проживало еще достаточно народу. В повести «Дальнее — близкое» Павел Петрович упоминает семью Волокитиных, которые жили во флигеле, старателя по прозвищу Нюхач, что занимал комнату там же, работника спичечной фабрики с женой, «живших в малухе под навесом» и, наконец, чиновника горного ведомства Полиевкта Егорыча, обитавшего «в зауголышке». Этот последний ходил «по-благородному»: «с выбритой чушкой» и «при кукарде», но в весьма поношенной одежде, что говорило о его достатке и объясняло причину проживания за городом. Он оказался достаточно ин-

тересным человеком и для Алчаевского, и для самого Егорши, поскольку был осведомлен о многих малоизвестных страницах истории горнозаводского Урала. Алчаевский приглашал его к себе наверх и вел беседы «с выставкой графина». А Егорше Полиевкт Егорыч устроил экскурсию в лес, на место бывшего Шувакишского завода.

«Полиевкт Егорыч с заметным удовольствием опрокинул несколько чепарушек, похвалил лесную еду и, принявшись за чай, разговорился:

— Думаешь, озеро это?

— А как?

— Озером считают. Шувакиш называется. А на деле тут запруда была. На этом самом месте, на котором сидим. Не веришь? А гляди, по уклону-то куда ложок пошел? В эту сторону? И дальше такой же уклон. Верно? А вот взлобочек откуда выбежал? Вот то-то! В документе не зря обозначено: „Плотина вдоль пятнадцать сажен, поперек — шесть сажен“. Тут завод стоял. Понимаешь, — завод! Конечно, не на нынешнюю статью. А все-таки четыре больших молота считалось. Горны тоже. Железо тогда, известно, по-сыродутному добывали, — сразу же из руды. Строянка тоже была. Избы, амбары и все, что при таком деле полагается.

Заметив явное недоверие с моей стороны, Полиевкт Егорыч наставительно проговорил:

— А ты не сомневайся, Сысертский. Давнее дело. Близко двухсот лет с той поры прошло. Нашего города и в помине не было, и других заводов по нашим местам не значилось. Лесу за столько годов много нарастет, а вода — дай ей волю — что хочешь замочет. То и кажется, что никто здесь не жила, а по документу на другое выходит. Были тут люди, да еще какие люди!..

Когда возвращались домой, старик был занят все той же мыслью:

— Ох, и твердый у нас народушко! Ох и твердый! К чему прильнет, никак его не оторвешь и ничем не испутаешь... Прямо сказать, въедливый народ. И терпеливый тож. Развяжи-ка такому руки, так он тебе на этом же месте такое строхает, что по всему миру отдачу даст. Ты это попомни, Сысертский!».

Умение слушать и слышать — одно из важнейших качеств писателя. Юный Павел обладал им вполне. Копилка впечатлений пополнялась новыми фактами. Вместе с Алчаевским он посетил, наконец, вокзал железной дороги и даже выпил стакан «вокзального» чая. Побывал на «железном кругу», убедившись, что из-за организационной неразберихи при сдаче металла — один сорт «в вагон», а другой — «на склад» — здесь имеется дикий «конобой», и это на самом деле «самое худое место».

Городские места «получше» Егорша (он же Паша) изучал самостоятельно. Занятия в училище прекращались во втором часу дня и, возвращаясь в Верх-Исетск, отрок имел возможность обозреть городскую жизнь во всем ее многообразии.

«В первый же день после уроков я сбегал на Конную площадь, но она в эти часы была пустынна... Хлебный рынок с его постоянной сутолокой и шумными обжорными рядами был куда интереснее...

Тогда меня еще сильно занимал «фруктовый базар».

Те несколько палаток, в которых торговали яблоками, теперь развернулись в целый ряд на Хлебном рынке, ближе к Сибирскому проспекту (ныне улица Куйбышева). Из наклонно поставленных коробьев видны были яблоки разных сортов, на полках вдоль стенок палатки рядами разложены дыни, за прилавком, под рукой у торговца. — в пробковой прокладке виноград. Тут же в корзинах вишни, сливы. Отдельными соблазнительными грудами лежали арбузы разной величины и окраски. От всего этого приятно пахло...

Мне, никогда не видавшему раньше такого обилия фруктов, большая часть которых и вообще была мне неизвестна, все это казалось интересным...

Надо было постоять у часового магазина, где в одном окне была видна качающаяся на маленьких качелях девочка, а в другом китаец, отсчитывающий секунды покачиванием головы. Привлекал шум Главной торговой площади... Занимательным казался старый гостинный двор скорее своей утрюмостью и старомодностью. Новый гостинный... был много веселее, и торговля здесь шла бойко.

Самым интересным считал витрины меховых магазинов, где были выставлены чучела зверей. Кроме родного топтыгина, волков, лисиц, барсуков здесь можно было видеть и «читаных» зверей: льва, тигра, пантеру, ягуара. Понятно, что мимо таких окон нельзя было пройти без получасовой остановки. Надо было все заметить, чтоб потом рассказать своим заводским товарищам во всех подробностях».

Обед у Алчаевских подавался поздно — часов в пять-шесть, и Егорша-Павел успевал к этому времени насмотреться досыта. Тем более что сам Алчаевский был сторонником «свободного воспитания» и не ругал мальчика за «шатания по городу». Зато его супруга Софья Викентьевна проявляла явное беспокойство, поскольку дала матери школяра обещание смотреть за ним как следует. Пришлось перенести досужие послеучебные часы поближе к дому. Там у Егорши появился дружок — соседский мальчик Ваня Волокитин. Он был интересен, во-первых, тем, что учился в гимназии, то есть как учащийся был выше по статусу. А во-вторых, у него дома имелась библиотека, и Ваня давал Егорше почитать интересные книги. Однако эта дружба вскоре кончилась, когда Егорша волей случая познакомился с другим своим сверстником — Мишей Еремеевым, учащимся второго городского училища. Вот эта «разношерстность» егоршиных друзей и стала причиной раздора.

Дело в том, что ребята, учившиеся в различных учебных заведениях, традиционно враждовали. Особенно «светлопуговичники» (гимназисты) с «городчиками», учениками обоих городских училищ. «Духовники» также находились в вечном конфликте с «городчиками», видимо, потому, что здания этих учебных заведений находились едва ли не друг против друга (городское занимало дом, принадлежавший «мэру» — городскому голове И.И. Симанову, по другую сторону Уктусской улицы). Вне разборок оставались только младшеклассники и «сторонние» — нигде не учившиеся ребята школьного возраста. Тем из «духовников», кому эти дворовые баталии были не по вкусу, могли, избегая стычек, прикидываться «сторонними», поскольку обязательной формы

одежды не имели. Единственное, что их выдавало, — специфические учебники, которые в таких случаях приходилось прятать под одежду.

Так вот, Егорша, выбирая друзей, оказался словно бы на водоразделе этого сословного конфликта. Гимназист из семьи предпринимателей выразил неудовольствие знакомством Егорши с «городчиком» из рабочей семьи. «Духовнику» предстоял выбор, который он произвел, в общем, без особой сложности. И решающим стало не место учебы, а именно сословная принадлежность. И Егорша, и Миша были сыновьями заводских рабочих, и эта внутренняя солидарность решила исход выбора:

«— Отец-то у тебя кем?

— Мастером на сварке. В Сысертском заводе.

— А у меня на мартене. Родня вроде. Дружить можно...»

Вернемся к книгам, которые давал читать Егорше Ваня Волокитин. Это были, увы, не Пушкин с Некрасовым. Как мы помним, в квартире у Алчаевского было много книг, но они оказались «скучными». У Софьи Викентьевны тоже имелась литература, но та ее Егорше читать не давала, так как ему это было «еще рано». Вот на фоне этого дефицита и появилась в жизни нашего героя волна книжного мусора, подобного тому, что в нынешние дни в избытке продается в ларьках с печатной продукцией.

«Это... было книжное барахло — уголовные романы. Авторы их не помню, верней, не замечал, а названия остались в памяти: „Кровавое болото“, „Кошачий глаз“ и прочее в таком же роде. Раз Софья Викентьевна увидела у меня такую книжку и велела немедленно отнести Волокитиным, запретив впредь „читать такую гадость“. После этого она даже достала мне „Робинзона Крузо“. Конечно, „Робинзон Крузо“ был куда интереснее тех книжек, но его хватило ненадолго, а дальше опять пошли волокитинские книжки с той разницей, что читал их теперь тайком от Софьи Викентьевны».

Большая литература «догнала» юного читателя Егоршу в бурсе и самым неожиданным образом. Но прежде чем он сделался полноценным бурсаком, в его жизни

произошел инцидент, который ускорил переселение от Алчаевских. Книга о Робинзоне, данная ему Софьей Викентьевной, естественным образом породила в мальчике желание испытать прочитанное на практике, и в один из выходных дней Егорша вместе с Мишей отправились на лодке к острову Баран, что возвышался на Верхисетском пруду недалеко от берега. Пока играли, незаметно изменилась погода: подул ветер, по воде побежали волны, и вскоре робинзоны обнаружили, что их лодку смыло водой. Ночь пришлось провести на острове отнюдь не в романтической обстановке...

Приплыли за ними рано утром. И хоть серьезной взбучки ни одному не было, Егоршу решили поскорее перевести под опеку училищного начальства.

Строительство общежития, о котором шла речь, еще не завершилось, и мальчика подселили к другим бурсакам — на квартиру, располагавшуюся через дорогу от училища, в доме Садина, который жил в цокольном этаже, сдавая верхний квартирантам.

«Это была не бурса, в которую мне предстояло вскоре перебраться, но все-таки преддверие. Придя с уроков, ученики не имели права уходить с квартиры без особого разрешительного билета, который подписывался только смотрителем или инспектором училища. Даже простой выход на улицу против дома считался преступлением. Вечером с пяти до девяти часов полагались обязательные «вечерние занятия», делившиеся получасовым перерывом на «первые занятные» — два часа и «вторые занятные» — полтора часа. На «первых занятных» не разрешалось чтение книг из библиотеки, надо было сидеть над учебниками даже в том случае, когда тебе казалось, что уроки приготовлены. Квартира почти ежедневно посещалась кем-нибудь из учителей или надзирателей училища, которые проверяли подготовку к урокам и общее прохождение занятий. Случаи какого-нибудь нарушения установленного порядка «заносились в квартирный журнал», который в конце месяца представлялся инспектору при постановке баллов по поведению. Кроме обычных посещений квартиры учителями и надзирателями были еще «налеты Антипки косолапого», как звали инспектора. Налеты не были

частыми, но всегда неожиданными. Прибежишь, например, с уроков, чувствуешь себя свободно, влетаешь в квартиру, а он тебя встречает вопросами:

— Ты куда пришел? Почему шапку не снял? Где место твоим калошам? Белоручка, не можешь вешалку пришить! Нянюшку надо?

Ни во время свободных часов (с двух до пяти), ни даже во время сна мы не были застрахованы от его посещений. Спокойно приходим на уроки, а в большую перемену „всю квартиру” вызывают к инспектору, и начинается вопрошательство:

— Почему простыня грязная, когда в сундуке две запасных? Зачем руки под одеялом держишь, когда всякий настоящий мужчина должен приучаться держать их открыто? Как складываешь одежду? Штаны на стул, рубаху под стул, а пояс где придется?

Это значило, что инспектор побывал ночью и запретил хозяйке рассказывать нам об этом.

Мы, разумеется, не любили Антипку, но теперь, задним числом, думаешь, что человек работал добросовестно, старался привить нам полезные навыки и держал в узде квартирохозяев по части обслуживания и питания, так как в любой день можно было ждать: „зайдет пообедать”, „поужинать”, „попить чайку”. Свирепое отношение к великовозрастным, „прорвавшимся в винопитии” и обижавшим младших, было тоже понятно, так как „ранняя водка” и „культ кулака” были главным злом старой бурсы...

В училищной квартире жило девять человек разного возраста. Трое — мои соученики, двое — великовозрастных, не один раз остававшихся на „повторительный” курс, и четверо третьеклассников, которые уже причисляли себя к старшим. Оба великовозрастные были из „тихих зубрил”. Они надоедали разве тем, что не давали повозиться и пошалить во время „вечерних занятий”. Из третьеклассников был один „охочий позадаваться”, но физические его возможности были ограничены, и когда мы, первоклассники, в какой-то игре дружно его отлупцевали, он стал с нами на равную ногу. Вообще мне, как видно, повезло: ни в какой квартире, ни потом в общежитии не помню, чтоб кто-нибудь оби-

жал и притеснял меня как малыша. Вошел в новую для меня жизнь просто, без особых трудностей и переживаний...»

Так вот, этот, не больно любимый учениками инспектор «косопалый Антипка» и стал для будущего писателя проводником в мир большой литературы.

«Была лишь одна черта, которая нравилась в инспекторе и тогда: он любил устраивать чтения. Это особенно ярко выступило потом, когда все квартирные были переведены в общежитие. Там после ужина, когда оставалось еще часа полтора свободного времени, он открывал эти чтения в зале. Чаще всего читал сам, и всегда классиков: „Вечера на хуторе близ Диканьки“ Гоголя, „Севастопольские рассказы“ Льва Толстого и т. д. Не сторонился нового, что тогда появлялось в печати. Отчетливо, например, помню, что „Кадеты“ Куприна впервые услышал на одном из этих чтений».

А хозяин квартиры Сергей Вавилыч Садин своей персоной пополнил бажовскую копилку уральских типов.

«Садин, по основной профессии маляр, был большим любителем охоты, рыбной ловли и всего, что связано с походами за город...

Сергея Вавилыча... чаще можно было увидеть с ружьем или рыболовными снарядами, чем с малярными кистями. Оценивая свое положение, этот высокий длиннолицый человек говорил:

— Больше малярных работ наберешь, меньше годов проживешь. Мой вон родитель на сорок пятом свернулся. Дом нажил, а веку не дожил, а мне желательно наоборот: хоть дом проживу, а свое доживу. Больно ведь занятно в лесу-то и на реке тоже. Вон я...

И он начинал рассказывать о чем-нибудь недавнем. Тонкое, детское чутье подсказывало, что говорит это не промысловик, а человек, влюбленный в природу и хорошо ее наблюдающий...

В числе других трофеев охоты у Садина была живая лиса. Она была привязана недлинной цепью к обыкновенной собачьей конуре. Понятно, что каждому из нас хотелось «приручить лису»...

В квартире у Садина была не одна клетка с птицами, а в сенях жили два ручных голубя. Мы пользовались

этой особенностью нашей квартиры: свою птицеловную добычу тащили к Сергею Вавилычу».

Став писателем, Павел Петрович напишет и опубликует повесть для детей «Зеленая кобылка», где расскажет о своих увлечениях в сысертский период. «Заводские» ребята чувствовали себя на природе вполне органично, и потому Сергей Вавилыч Садин пришлось по душе бурсакам, выходцам из волостей и заводов.

Наверняка Садин для Паши был еще одним человеком, облегчившим ему переход от природы к цивилизации, а точнее, от завода к городу, способствовал его безболезненной акклиматизации в большом «взрослом» мире. И, приезжая на родину на вакалы (каникулы), он смотрел на свое прежнее существование иными глазами. Для заводских сверстников он уже был «городской», и это подтверждалось его большей осведомленностью об окружающей жизни.

Вскоре Егорша-Павел познакомился с театром — искусством, особо ценимым им в последующие годы. Но первая встреча с Мельпоменой была для него не особенно удачной. Поразившись внутреннему пространству театрального зала, бурсак остался равнодушным к тому, что происходило на сцене. — «какие-то добрые дяди и тети сидели на диване и подолгу разговаривали». А между тем на сцене екатеринбургского театра давали спектакль по одной из громких пьес того времени — «Новому делу» Вл.И. Немировича-Данченко, будущего сооснователя МХТ. За нее драматург был удостоен Грибоедовской премии, и с этой же пьесы началась его серьезная деятельность как писателя для театра. Но... что интересно взрослому зрителю, отроку показалось скучным.

Зато Егоршу заинтересовал человек, занимавший одну ложу с Алчаевскими, где и сидел мальчик. Как выяснилось, в этот вечер он познакомился с представителем творческой профессии — журналистом П.Н. Галиным, редактором газеты «Екатеринбургская неделя».

«Это был... „дядя Листар“, о котором мне не раз приходилось слышать в своем заводе.

— Надо в город передать. Пусть-ка „дядя Листар“ в газетке их прохватит, — говорилось по адресу заводского начальства.

Газета „Екатеринбургская неделя“ все-таки доходила до рабочих. И фельетоны „дяди Листара“ не только прочитывались и прослушивались, но иногда и передавались изустно, своими словами, с собственными добавками. Объяснялось это просто: фельетоны чаще всего занимались недостатками заводов, и часть рабочих еще верила, что газетой можно „пронять и донять“.

Тут сделаем некоторое уточнение. В повести «Дальнее — близкое» Павел Петрович относит эпизод с театром к осени 1889 года. На самом деле, если вести речь о реальном Паше, а не о литературном Егорше, его встреча с театром могла произойти лишь год спустя, поскольку создание упомянутой пьесы Немировича-Данченко датировано 1890 годом. Думается, П.П. Бажов сделал это не по ошибке памяти, а намеренно: все же «Дальнее — близкое», несмотря на обилие реалий — не мемуары, а повесть, где возможен вымысел, домысел и литературная интерпретация событий. Отсюда, кстати, и вымышленные имена основных героев, хотя мы доподлинно знаем, кто их прототипы. В эпизоде с театром писатель, что называется, «сжал время», не теряя сути происходящего.

Встреча Егорши (Паши) с П.Н. Галиным в театре была не единственной — Петр Николаевич был желанным гостем в доме Смородинцевых (Алчаевских).

«Иногда Галин с Никитой Савельичем говорили о будущем города. Оба сходились на том, что „город пришелся на удобном месте“ — в центре железнодорожной промышленности. Хвалили городских заправил за то, что „не зевают и не ленятся“, когда начинается разговор о новых железных дорогах, и ругали за полное пренебрежение к „водному ходу“ по Чусовой...»

Чаще всего говорили о немцах, которых он делил на две группы: „горные немцы казенного наследства“ и „приезжие технические“...

Деятельность „технических немцев“ скорее являлась предметом зависти и постоянной оттолчкой для сетования по поводу своих „тугоголовых толстосумов“.

— Ведь приедет в драных штанах и знаний с собой привезет на два пятака, а глядишь — дело развел.

А наши тупоголовые сидят „при своих капиталах”. Мимо старого гостиного двора да по Уктусской хоть не ходи. Расстроишься только...

Город свой Петр Николаевич любил. Не пропускал ни одного случая общественной жизни, когда можно было показать город с положительной стороны. Широко освещал столетие городского училища, организацию женской ремесленной школы, помещал сравнительную таблицу расходов на народное образование по городам империи, отмечая, что Екатеринбург (уездный город. — В. С.) идет в третьей группе, обогнав такие губернские города, как Курск, Екатеринослав (ныне Днепрпетровск, Украина. — В. С.), Калуга, Смоленск, Тула и многие другие, не говоря о Перми, расходы которой были в то время вдвое ниже».

Не будет ошибкой сказать, что впечатление о газетной работе после этих встреч у бурсака сложилось весьма положительное. Журналист предстал перед ним человеком многознающим и при этом готовым постоять за правду, даже если всерьез рисковал получить по шапке.

(Как известно, «Екатеринбургская неделя», отметившая в 1889 году свое десятилетие, впоследствии была все же закрыта. Издателем следующей городской газеты стал... бывший цензор.)

Обучение Павла в духовном училище продвигалось в целом успешно. Если по итогам первого класса он подвергается испытаниям по всем предметам и на основании их результатов переводится во второй класс и затем оканчивает его по второму разряду (хорошист), то из третьего в четвертый, заключительный класс он переведен по первому разряду (по всем предметам показал отличный результат).

С 1890 года семья Бажевых жила в Полевском заводе. Надо полагать, это было следствием очередного отцовского «бунчения». На летние вакации бурсак приезжает в Полевской (или, как тогда говорили, в Полевское). Однако только в 1892 году, по его собственным словам, он впервые встречается с местным сказителем Василием Хмелининым. Поскольку рассказы Хмелинина стали главным источником будущей «Ма-

лахитовой шкатулки», стоит остановиться на этой персоне подробнее.

Вот как вспоминал сам Павел Петрович о знакомстве со сказителем в предисловии к первому изданию своих сказов:

„Жили мы за рекой, почти у самой горы Думной, в небольшом домике, стоявшем на шлаковых отвалах...

Недалеко от нашего дома находилась заводская „дровяная площадь“ (склады. — В. С.). Для ее охраны на горе Думной была поставлена будка с колоколом. Звон колокола по вечерам казался таинственным, и детское воображение рисовало и связывало с будкой всякие страшные истории.

— Пойдем на гору сказки слушать, — пригласил меня один из первых моих полевских приятелей.

— Сказки?.. Что я, маленький?

— Пойдем! Сегодня на карауле дедушка Слышко стоит. Он занятно рассказывает. Про девку Азовку, про Полоза, про всякие земельные богатства...

На плотине „отдали восемь часов“. То же повторилось на колокольне. Третья очередь — Думной горы.

Дедушка Слышко уже взобрался на невысокий помост и ждет, когда замрет вдали последний звук.

Потом размеренно бьет в колокол и приговаривает:

— Знай наших! Тонко да звонко, и спать неохота...

Отбив, не спеша сходит с помоста, усаживается на крылечке караулки и начинает набивать свою „аппетитную“.

Самое спокойное время... В эти часы дед что-нибудь рассказывает. Но, если попросит кто сказку, он всегда поправит:

— Сказку, говоришь? Сказки это, друг, про попа да попадью. Такие вам слушать рано. А то вот про курочку-рябушку да золото яичко, про лису с петухом и протча. Старухи маленьким рассказывают. Ты, поди, опоздал такие слушать, да и я не умею. Кой знал, и те позабыл. Про старинное житье — это вот помню. Много таких от своих стариков перенял, да и потом слышал. Тоже ведь на людях, поди-ка, жил. И в канаве топтали, и на золотой горке сиживал. Всяко бывало. Восьмой десяток отсчитываю. Это тебе не восемь часов в коло-

кол отбрякать! Нагляделся, наслушался. Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются. Иное, слышь-ко, и говорить не всякому можно. Раньше надо было говорить полуротком, глядеть полуглазком, есть и не доедать, пить и не допивать. С опаской надо. А ты говоришь — сказку!..

Об Азовке и Полозе, о кладоискательских приметах и всяких земельных богатствах мне уже не раз приходилось слышать. Но все это было как-то не настоящему, без начала, без конца. Послушать об этом заново показалось интересно. Пошел с товарищем на гору и с той поры стал самым ревностным слушателем дедушки Слышко. Из игр потом вечерами выходил, чтобы не пропустить дежурства этого заводского сказителя».

Видно, с легкой руки Павла Петровича, который много и хорошо вспоминал о Хмелинине, приклеилось к этому человеку отчество Алексеевич. Вот какую легенду о происхождении сказителя приводит В. Я. Романов в своей книге «Дедушка Слышко и его внуки»:

«...Отец Василия Алексеевича прибыл на Урал из Польши в XVIII веке в числе ссыльных после разгрома войсками Пруссии и царской России известного восстания под предводительством Тадеуша Костюшко. Крепостного отца дедушки Слышко поставили рудокопом в Гумешках. Польской или русской национальности был он, <неизвестно >, но фамилия у пришлых ссыльных была не Хмелинины. Новая фамилия появилась в Полевском. Около их избушки в огороде на кольях кудрявились пышные гирлянды зеленого хмеля — отсюда Хмелинины. Василий родился в Полевском, остался без отца в возрасте десяти годов. С малолетства работал в шахте. По какому-то поводу нагрубил рудничному надзирателю, за что был жестоко бит и сколько-то дней работал в забое, привязанный на цепи...»

Кроме этого известно, что в зрелые годы Хмелинин работал в горе, а позже был старателем.

Современный исследователь Н.В. Кузнецова, однако, опровергла такое романтическое происхождение «дедушки Слышко». Согласно ее исследованиям все было иначе: о Хмелининых на Урале ей удалось найти

сведения, относящиеся к более раннему времени, чем восстание Т. Костюшко, которое случилось в 1794 году, что сразу сняло суждение о польском происхождении этого рода.

«...Три брата Парфеновича, — пишет она, — известны с 1670-х гг. в монастырском селе Покровском. В конце XVII в. они упоминаются с фамилией Порохины, с самого начала XVIII в. — Хмелинины. Известны еще двое Парфеновичей с фамилией Порохины, живших в Белослудской слободе — возможно, братья покровских. В начале XVIII в. часть семьи из Покровского переселилась на Исеть в Камышевскую слободу. Там одна из Хмелининых вышла замуж за бобыля Карпа Овчинникова. Овдовев, она с четырьмя своими детьми поселилась у брата. Ее дети в 1719 году написаны Овчинниковыми, а уже в 1725 — Хмелиниными. Старший сын Карпа Овчинникова — Семен Хмелинин — был переведен в Полевской завод и стал там родоначальником фамилии мастеровых Хмелининых...

В действительности «дед Слышко» был сыном Василия Григорьевича Хмелинина и родился в 1826 году».

Но вот самое интересное: Нина Витальевна Кузнецова докопалась до того, что П.П. Бажов и «дед Слышко» были... родственниками, «благодаря бракам своих предков с дочерьми Данилы Федоровича Мартынова. На старшей — Парасковье — женился Александр Степанович Бажов, прадед писателя; на младшей — Васе — Василий Григорьевич Хмелинин, отец «дедушки Слышко». Следовательно, «дедушка Слышко» приходился П.П. Бажову троюродным дедом».

В поздних записках самого П.П. Бажова об этом нигде не говорится. Возможно, о своем родстве со сказителем он и не знал. Это могли помнить его родители. Однако в небольшом по населению Полевском, где, пожалуй, большинство жителей в той или иной степени были в родстве, этому факту могли и не придавать большого значения.

(Кстати, вспоминается произвол заводского начальства крепостнических времен, когда сысертских девок приказчики насильно выдавали замуж в Полевское, как это вышло с бабушкой Павла. Может, причиной этой

акции был не дефицит женского пола в соседнем заводе, а решение генетической задачи — то есть стремление избежать кровосмешения? Вопрос интересный и ждет своего исследователя.)

Сам Хмелинин, по воспоминаниям Павла Петровича, рассказывал ребятам о своем детстве следующее:

«В ваши-то годы я вон там, на Гумешках руду разбирал. Порядок такой был. Чуть в какой семье парнишко от земли подымается, так его и гонят на Гумешки.

— Самое, — сказывают, — ребячье дело — камешки разбирать. Заместо игры! Вот и попал я на эти игрушки. По времени и в гору спустили. Рудничный надзиратель рассудил:

— Подрос парнишка. Пора ему и с тачкой побегать. Еще подрос — дали кайлу да лом, клинья да молот, долота разные. Поиграйся, позабавься!

И довольно я позабавился. Медну хозяйку хоть видеть не удалось, а духу ее сладкого нанюхался, наглотался. В Гумешках дух такой был — поначалу сластит, а глотнешь — дыхание захватит. Ну, как от спичкисерянки. Там, вишь, серы-то много было. От этого духу да от игрушек-то у меня нездоровье сделалось».

О том, что В. Хмелинин был «профессионалом» в деле сказывания старых историй, говорит то, что для каждой возрастной и социальной категории слушателей он как бы надевал свою личину и находил свои речевые и образные краски. Отсюда и разные клички, которые давали ему полеванье. Так, для детей и отроков он был дедушка Слышко (от присловья «слышь-ко»), для взрослых — рабочих и начальства — Протча (также от присловья «прочее»), а для тех, кто относился к нему как к чудаку и слушал больше для забавы, нежели видел в нем выразителя каких-то сокровенных рабочих тайн, — Стаканчик: нальют ему и хохочут не столько над тем, что он бант, сколько над ним самим. Паша, заворуженный его рассказом про девку Азовку и мастера Данилу, однажды услышал ту же историю совершенно в другой интерпретации: «Сказ про Медной горы хозяйку превратился в такую похабщину, что мне было до слез обидно», — вспоминал он потом.

На вопрос подростка, почему же он так изменил повествование, дед Слышко ответил, что де потрафил начальству, которое его слушало...

Был Паша свидетелем и другого случая, когда эффект от своего «выступления» В. Хмелинин намеренно получал от слушателей «галерки», а не «партера», как, например, в истории с перебранкой деда Слышко и кассира заводской конторы, когда Хмелинин «отбрил» «собаку-расходчика».

Как видим, в среде рабочих были острословы и кроме Петра Васильевича Бажева, отца нашего героя. Правда, Хмелинин знал меру дозволенного и не переходил ее, иначе бы плакала его ежемесячная зарплата...

И все же, возвращаясь к фантастическому образному ряду хмелининских сказов в жанре, как сегодня сказали бы, фэнтези, хочется понять, откуда он, где его истоки?

Самое простое — попытаться найти отгадку в мифах и легендах народов, которые жили в Зауралье задолго до русской колонизации: угро-финских племен, татар, башкир...

Увы... Можно просмотреть множество антологий, но нигде ничего похожего не встречается. Нет подобного и в русском мифотворчестве. Поэтому говорить о какой-то этнической подошлеке сюжетики и образной системы рассказов Хмелинина о прошлом — не приходится. Скорее всего, это особенности сугубо профессиональных верований и культурно-философских воззрений, собранных народом за многие годы в некую систему с устойчивым смыслом. Вспомнить хотя бы тот же фарт — удачу! В реалии спрогнозировать его никак не удастся. Он зависит от множества условий, на которые простой смертный влияния не имеет. А имеет такое влияние тот... кто не из мира сего. Потусторонняя помощь горщику и старателю в их ремесле — сродни классическому приему древнегреческого театра *deus ex machina* — в Элладе «бог из машины» появлялся на сцене, когда главному герою грозила гибель, и помогал ему — спасая самого или поражая его врагов.

Вера в необъяснимую помощь не покидала человека никогда. Другое дело, что один ждал спасения с небес,

а другой — из-под земли, где, по его мнению, только и могли жить неземные существа.

А вот что говорил сам Павел Петрович в беседе с аспирантом М.А. Батыным по поводу гендерной принадлежности главного «божества» Медной горы:

«...Образ женщины в приисковых рассказах я считаю нормальным. По-старому приисковая работа в шахтах велась исключительно мужским элементом. У молодых рабочих, естественно, что создавалась тоска по женщине и некоторое преувеличенное внимание на эту сторону. Это, мне кажется, не единичный факт. Не случайно, что, скажем, у горняков почему-то покровительницами считаются Екатерины, Варвары, Магдалины — все женщины подходящих возрастов и внешних габаритов.

Мне думается, что это явление одно и то же, что отрыв от женского общества, скопление людей на этом производстве вызывает лишние разговоры и всякие там шутки и создает образ хозяйки горы...

И это естественно, чем тяжелей человеку, тем он больше старается в мечтах себе представить — там сидит внутри ласковая, приветливая, он старается в мечтах облегчить себе труд».

Еще одну интересную мысль о том, почему именно женщина возглавила пантеон ирреальных образов горщицких сказов, высказал известный уральский поэт Анатолий Азовский, живший в городе Полевском:

«В Древней Греции имелась такая богиня — Афродита. Она была покровительницей кузнецов и жила на Кипре. Отсюда ее второе имя — Киприда. А медь по-латыни *сиргит* — от этого имени. Поэтому и клеймо, которое ставили в XVIII веке на слитках меди, выплавленных на Полевском заводе, представляло собой изображение этой богини. А потом ее «приватизировали» местные рудокопы и поместили в свой пантеон профессиональных божеств...»

Мысль интересная, хотя нуждается в более глубоком подтверждении. Возможно, у сказового образа хозяйки Медной горы (горной матки) были и другие источники, и самый первый, не вызывающий сомнений, — девка Азовка. Но она-то откуда?

Студенты филологического факультета Уральского госуниверситета в послевоенные десятилетия (в 1940–1960 гг.), регулярно выезжали на фольклорную практику в города-заводы Среднего Урала. Их собеседниками были старики рождения конца XIX — начала XX века. Сами они рассказов дедушки Слышко, который умер в 1895 году, разумеется, не слышали, и их знания о тайном мире местных гор и лесов — лишь отражение этих рассказов, переданных теми, кто был непосредственным слушателем В. Хмелинина. Да и Хмелинин, надо полагать, был не единственным в Полевском и окрестностях, кому этот тайный и фантастический мир был известен. Он был лишь наиболее талантливым ретранслятором мифотворчества дедов и прадедов. И если бы один из его ревностных слушателей не стал писателем, имя дедушки Слышко могло бы просто затеряться в истории. Таким образом, объективно рассуждая, изустных источников этих историй могло быть немало.

Так вот, если говорить именно о девке Азовке, то историю о ней студенты-фольклористы записали в Полевском в нескольких вариантах. По рассказу Е.В. Потеряевой, имя девки Азовки обладало силой заветного слова, которое открывало доступ к богатствам Азов-горы; А.В. Голубева рассказала о проклятой родителями красавице-дочери, которая стала соратницей разбойников, сидевших на Азов-горе и грабивших проходящие караваны, и за это позже была заточена в гору; по словам М.И. Теткиной, родник у Азов-горы — это слезы девки Азовки, заточенной разбойниками в горе; а Т.И. Плинских вспомнила, что ее дед однажды во время вечернего сенокоса чуть было не оказался залученным в гору вышедшей к нему оттуда девкой Азовкой.

По сути, сюжет с девкой Азовкой (горной маткой, хозяйкой Медной горы) оказался самым ходовым в рассказах стариков из окрестностей Полевского. Это подтвердил в переписке с литературоведом Л.И. Скорино и сам П.П. Бажов.

По признанию Павла Петровича, Василия Хмелинина он слушал на протяжении четырех летних «вакатов»:

с 1892 по 1895 год. Интересно то, что семья Бажевых с 1893 года жила в «Вершинке» — в Верхсысертском заводе, и Павел, надо полагать, приезжал в Полевское специально послушать заводского сказителя. Эта серия встреч прервалась со смертью Василия Васильевича Хмелинина в 1895 году

Вернувшись в Екатеринбург, Павел продолжил учебу в заключительном четвертом классе духовного училища. По всей вероятности, он уже осознавал перспективу — продолжение обучения в школе следующей ступени, коей для него, выпускника духовного учебного заведения, естественным образом должна была стать семинария. Конечно, в определенной степени он мог испытывать душевный дискомфорт от того, что является учащимся «поповского» направления. Однако примеры некоторых уважаемых им взрослых — тех же Н.С. Смородинцева и первого его сысертского учителя А.О. Машукова, закончивших семинарию и нашедших достойное поприще в светской жизни, успокаивало: не все семинаристы становятся попами. Эту мысль он отстаивал и перед верхисертским дружкой Мишей на заре своего бурсачества.

Газета «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (№ 29–30 за 17–24 июля 1893 г.) сообщает нам, что курс обучения в духовном училище «Павел Петров Бажев» закончил по первому разряду и «удостоен перевода» в первый класс Пермской духовной семинарии.

Как ни относиться к екатеринбургской бурсе, а она дала старт в жизнь трем знаменитым на всю страну уральцам — писателю Д.Н. Мамину-Сибиряку (выпускнику 1868 г.), изобретателю радио А.С. Попову (выпускнику 1873 г.) — оба сыновья духовных лиц — заводских священников, и нашему герою — П.П. Бажову, выходцу «из простых рабочих». Всем троем в нынешнем Екатеринбурге стоят памятники.

Глава 3. ЮНОСТЬ. Пермь. Политика

Судьба позаботилась о том, чтобы Павел расширял свои познания о мире постепенно — от локального к общему. Так, сначала ему стал доступен мир уральского «завода», где он родился. Затем — «город». И вот, наконец, после получения свидетельства об окончании Екатеринбургского духовного училища его ждала «губерния».

Если в Екатеринбург из Сысерти наш герой следовал на заемных дрожках и в сопровождении родителей, то теперь, на исходе лета 1893 года, четырнадцатилетний Павел отправлялся в губернскую Пермь поездом. Знать, не случайным был его давешний интерес к «чугунке» — спустя четыре года две путеводные стальные ниточки повлекли его дальше, на этот раз — ни много ни мало «в Европу», поскольку с легкой руки Татищева географической границей между двумя составляющими Евразийского материка были приняты Уральские горы.

Пермь в сравнении с Екатеринбургом — совсем другое дело. Здесь, в приуральских уездах губернии, было сосредоточено тоже немало железодельных и медных заводов, но сказать однозначно, что и этот город «железом кормится», было бы несправедливо. Освоение русскими Перми Великой, как называлась эта территория со времен Ивана Третьего (Великая — значит большая), началось отнюдь не с железа, а с минеральных богатств, без которых любой стол не стол. Речь идет о... соли. Да, Пермь Великая стала, пожалуй, главной солеварней Московии, хотя были на Руси известны издавна и другие месторождения (скажем, Солигалич и Сольвычегодск к северу от столицы). Яркая предпринимательская звезда рода Строгановых возшла именно на добыче этого земного продукта. А производство металла — это уж позже началось.

Интересно, что год основания и Екатеринбурга, и Перми один и тот же — 1723-й. И отец-основатель у них один — начальник заводов Хребта Уральского В.Н. Татищев. История как будто в шутку позаботилась о том,

чтобы эти два славных города соперничали между собой. И если в плане старшинства по возрасту вопрос отпал сам собой, то в части важности для страны и региона негласный спор продолжался едва ли не до конца XX века, пока города не развели по разным федеральным округам.

Но нас интересует конец века девятнадцатого, когда в город Пермь прибыл зачисленный в первый класс местной семинарии Павел Бажов (Бажев по документам).

Так вот, на исходе девятнадцатого столетия этот губернский центр, помимо крупного завода по производству артиллерийского оружия, расположенного в пригородной Мотовилихе, мог гордиться судостроительными, кожевенными, канатными, а также гвоздарным, пивоваренным, спиртоочистительным заводами, лесопильными, «кирпичеделательными», «конфетной» и спичечной фабриками. Об этом сообщает историко-статистический очерк В.В. Верхованцева, переизданный в наши дни. Упомянутый автор пишет:

«Губернский город Пермь принадлежит к числу наиболее оживленных пунктов Прикамья и всей восточной окраины Европейской России...

Наибольшее оживление в Перми замечается с открытием навигации. Когда Кама сбрасывает свой ледяной покров, на берегу ее жизнь начинает бить ключом. Приходят и уходят пароходы, нескончаемо тянутся с кладью обозы, непрерывный ряд крючников нагружает и выгружает товары, извозчики подвозят и отвозят пассажиров. К общему шуму примешиваются свистки паровозов проходящей тут же на берегу железной дороги...»

Это, пожалуй, самое главное отличие Перми от Екатеринбурга. Если последний, имея «чугунку», был связан ею только с губернским центром, то первая представляла собой крупный транспортный узел. Металл, поступающий в Пермь из того же Екатеринбурга, перегружался на суда и мог доставляться как в северном направлении, так и в южном. В те годы еще не знали термина «логистика», но очень легко сообразили, что станция железной дороги должна располагаться в непосредственной близости от речных пристаней.

Все это увидел наш бурсак, сойдя на станции Пермь и двинувшись вверх по Монастырской улице, мимо дома пароходчика Н.В. Мешкова — визитной карточки города, пожалуй, и доселе, мимо Набережного сада со сказочным теремком биржи, далее мимо консистории и архиерейского кладбища, пока эта оживленная улица не привела его к цели — на самом высоком месте камского берега возвышался невиданных размеров Спасо-Преображенский кафедральный собор, а напротив него — Пермская духовная семинария.

Это учебное заведение уже имело почти вековую историю — было открыто в 1800 году, вскоре за образованием Пермской епархии, а та возникла после учреждения в 1781 году Пермской губернии в составе одноименного наместничества.

Здание семинарии, в котором предстояло учиться Павлу, было спроектировано архитектором Уральского горного правления И.И. Свиязевым и строилось в 1829–1843 годах. В семинарии помимо специальных богословских дисциплин изучались и «гражданские» предметы: математика во всем ее многообразии (арифметика, алгебра, тригонометрия, механика, физика), словесность (русский язык и литература), языки древнегреческий и латынь. Сюда же можно добавить и язык старославянский, которым написаны все церковные служебные книги. Таким образом, подготовка семинаристов была ничуть не слабее той, что давали в гимназии. А если учесть, что в курс обучения входило и знакомство с высокой философией (Кант, Гегель), то в чем-то «кутейщики» могли дать фору «светлопуговишникам».

Но главное отличие семинаристов состояло в другом. Они большей частью были не местными и жили в общежитии или на квартирах, что способствовало раннему их «взрослению» (в плане познания житейских пороков).

Как уже говорилось, среди прочих екатеринбуржцев, окончивших духовное училище и поступивших в Пермскую семинарию, были Д.Н. Мамин-Сибиряк (учился здесь в 1868–1872 гг.) и А.С. Попов (в 1873–1877 гг.). Ни один из них воспоминаний об этом периоде своей

жизни не оставил, а вот свердловский писатель Виктор Стариков в повести о Мамине попытался воссоздать образ жизни пермских семинаристов. В частности, есть у него такой эпизод, как раз о раннем «взрослении»:

«Как-то пришли семинаристы в кафедральный собор к всенощной отправлять службу, крепко подвыпив. Очень скоро с клироса понеслось нестройное пение — кто в лес, кто по дрова. Приблизились священнослужители к певцам, а от тех за версту разит. Наставники предложили им удалиться из храма. Не тут-то было! Семинаристы наотрез отказались. Явились сторожа, однако семинаристы, как впоследствии описывал этот случай историк семинарии, „в помрачении и ослеплении от винных паров забыли благопристойность и подчиненность: с бесстрашием схватили в руки железные и деревянные вещи и с острыми концами две палки, с общим возгласом „Не выдавай!“ начали отбиваться сими вещами от сторожей, которые приступили для взятия их; с остервенением отмахиваясь, они трех из них поранили до крови»...

Большой актовый зал Пермской духовной семинарии. Сегодня в нем собраны семинаристы всех шести классов — почти шестьсот человек.

Сдержанный шум затих, когда на кафедре, опираясь на монашеский посох, появился высокий, лет пятидесяти, ректор. Держался он прямо, глаза его были грустны. Негромким голосом ректор заговорил о поведении семинаристов, забывающих о своем будущем, будущем духовных пастырей.

Говорил долго и скучно. В зале даже начали покашливать, шептаться. Закончив речь предупреждением, что против семинаристов, нарушающих порядки, будут приниматься строгие меры, повернулся и вышел...

Подняв воротник пальто, Дмитрий под впечатлением речи ректора пробирался неосвещенными и грязными улицами домой. Распахнулась ветхая калитка, и из нее вывалились товарищи, с которыми он вместе жил, — Горбунов, Молосов, Насонов.

— Дмитрий! — узнал его Тимофеич. — Айда с нами.

— Куда?

— Известно... Надо душу отмыть после грязного ректорского наставления.

Дмитрий заколебался, но его уже подхватили крепкие товарищеские руки под локти.

Подул с Камы сильный ветер и принес с собой дождь, мелкий, злой... Что ж, одному сидеть в комнате?

Прошагали несколько темных улиц, пока впереди не мелькнул знакомый огонек...

Заведение Катеньки ничем не отличалось от других кабаков, разбросанных по дальним закоулкам города. За стойкой тянулись рядами бутылки с разноцветными напитками. Из соседней комнаты выплыла краснощекая женщина с полной грудью, с масляными глазками — хозяйка заведения, покровительница и утешительница семинаристов — приветливая Катенька.

— Ну что, господа хорошие, чем вас угощать? — пропела она.

Видно было, что семинаристы здесь свои люди...

В углу сидели старшекласники, уже захмелевшие...

Все эти недавние уездники-провинциалы теперь были жителями губернского города, семинаристами, а потому считали, что и вести себя надо подобающе, чтоб не походить на провинциалов... Воздержанность казалась им постыдным ребячеством. И они старались превзойти в лихости один другого...*

Разумеется, было бы несправедливым считать, что все учащиеся семинарии были такими и именно так проводили все свое свободное время, иначе не возник бы в ее стенах другой вид крамолы.

Еще в 1859 году в Перми было образовано Общество вольнодумцев, которым руководил бывший преподаватель семинарии А.И. Иконников. Тайный филиал этого общества организовали и среди семинаристов. Так было положено начало нелегальной библиотеке революционной литературы, которая продолжала существовать и после разгрома Общества и его семинарского филиала.

Известно, что этой библиотекой в начале 1870-х годов пользовался Д. Мамин. В восьмидесятые годы, по воспоминаниям бывшего семинариста В.А. Ляпустина,

в ней было около пятисот книжек и рукописных копий, которые хранились у верных «библиотекарей» по разным заветным местам.

«Некоторые книги мне особенно памятливы, — вспоминает Ляпустин, — так как чтение их оставило глубокие следы, отразилось, как тогда выражались, в моем мирознании. Так, я помню роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, книгу, зачитанную до последней степени, много страниц в ней было уже рукописных. Помимо также “Истории цивилизации в Англии” Бокля, номера “Колокола” и “Полярной звезды” А.И. Герцена, или, как мы любили его называть, Искандера (Изгнанника), его же “Былое и думы”. Как сейчас чувствую ошеломляющее впечатление от его статей “Крещеная собственность” и “Допотопное правительство и ископаемый епископ” (по поводу открытия мощей Тихона Задонского). Затем помню “Исторические письма” Лаврова, несколько номеров журнала “Земля и воля” и книжки по естествознанию, из них, конечно, “Происхождение видов” Ч. Дарвина и “Жизнь растений” К. Тимирязева. Книги хранились в двух сундуках местной работы (видимо, обитых фигурной жостью. — В. С.), одно время я был хранителем одного из сундуков. Библиотека пополнялась очень плохо, новые книги поступали редко и случайно и почти всегда бесплатно от наших товарищей, которые учились в столичных университетах. В члены библиотеки принимали только семинаристов по рекомендации трех товарищей. Постоянных членских взносов установлено не было, но иногда производились сборы на покупку новых книг. При мне количество членов было около 50–60 человек. Случаев провалов, измены, обысков и доносов за мое время не было».

Перечень упомянутых книг, безусловно, говорит о крамольности тайного книгофонда. Один Дарвин в стенах духовного учебного заведения чего стоит! Что касается политической литературы, то ее подбор был неорганизованным, здесь присутствовали книжки и народнические, и марксистские. Так, сам Павел Петрович вспоминал позже, что именно здесь он познакомился с трудом Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если верить В.А. Ляпустину, то читателем тайной либерии был едва ли не каждый десятый семинарист. Конечно, не все из них враз сделались революционерами — для многих знакомство с книгами «из сундучка» явилось образовательным моментом. Но, затронув свой ум «противуправительственной» крамолой, уже нельзя было равнодушно взирать на жизнь вне стен семинарии.

Нужно сказать, что в отличие от зауральского Екатеринбурга, который был лишь транзитным пунктом на пути в Сибирь, приуральская Пермь с самого образования города стала местом, куда отсылали из столиц «проветриться» наиболее радикальных деятелей. Это и реформатор времен Александра I М.М. Сперанский, живший в Перми в 1812–1814 годах, и А.И. Герцен (в 1835 г.), и В.Г. Короленко (в 1880–1881 гг.), и другие менее значимые персоны. Проживая в городе, они формировали в определенном направлении общественное мнение, которое от верноподданнических настроений во времена Сперанского к концу века резко отдрейфовало в сторону сомнений и даже неповиновения. Это было характерно и для губернии в целом. Так, начальник Пермского губернского жандармского управления полковник К.И. Широков в донесении в Санкт-Петербург от 5 марта 1894 года писал:

«...Если взять во внимание бывшие в последние годы забастовки и заявления рабочих о разных своих неудовольствиях скопом, то нельзя не видеть, что между горнозаводскими рабочими развивается и все больше и больше крепнет корпоративный дух, вследствие которого толпа при случае, особенно при отсутствии вооруженной силы, могущей охлаждающим образом подействовать на нее, если дело коснется общественных интересов, охотно может поддаться влиянию своих вожаков».

Наш герой стал семинаристом в четырнадцать лет, когда играть в политику еще рановато. Однако заводская среда, в которой он был воспитан, немало способствовала развитию его мировоззрения. Как писал Павел Петрович в материалах к автобиографии, «... угнетенное положение заводских рабочих, неодно-

кратная „выгонка” отца по существу только за острое слово, изнурительная и плохо оплачиваемая работа матери и частые разговоры о „своей земле”, как своего рода выходе из заводской кабалы, — все это, конечно, не могло не отложиться в сознании даже в раннем детском возрасте”.

Вся история российского освободительного движения 60–90-х годов XIX века, в том числе и на Урале, была связана главным образом с народничеством. И вышеупомянутое Общество вольнодумства А.И. Иконникова также было народническим. Интересно, что, возникнув до реформы, отменившей крепостную зависимость, эта и другие подобные организации после провозглашения царского манифеста 19 февраля 1861 года, который давал, наконец, крестьянам и мастерам на уральских заводах личную свободу, не только не свернули свою деятельность, но и активизировали ее. Причиной этого стала половинчатость реформ — освободив тружеников, царская власть не обеспечила их достаточным количеством земли для более или менее сносного существования. Произошла как бы пролетаризация крестьянства — руки есть, а приложить их можно, только отдавшись в наем. Жизнь уральских мастеровых на заводах как раз таковой и была: по документам они крестьяне, а на жизнь зарабатывают — „в заводе».

Общество Иконникова распространяло среди жителей Перми и губернии революционные прокламации «Пора» и «Воля», в которых разоблачался обман реформы: «Земля останется во владении помещиков, крестьян освободят не иначе как за деньги, и, освободивши, все-таки будут их угнетать». И еще: «...Начальство утаило от вас настоящую волю. Ни начальство, ни царь не даст вам воли».

К числу союзников угнетателей якобы освобожденного крестьянства революционеры причисляли и официальную церковь. Такого же взгляда еще до появления на заводах народнических прокламаций придерживались и уральские рабочие. Таким образом, семена революционного мировоззрения нашли в душе юного Павла подготовленную почву.

Из истории мы знаем, что народническое движение шло двумя путями — первый предусматривал прямое насилие над представителями власти (терроризм, или бомбизм). Достаточно вспомнить широко известные имена А. Желябова, С. Перовской, Н. Кибальчича, С. Нечаева. Второй же путь призывал идти в народ с целью просвещения и пропаганды изменений в социальной и экономической жизни путем бескровных реформ. Здесь нужно подчеркнуть, что «пропагандисты», в отличие от «бомбистов», опирались в своей деятельности на особый, «русский» путь развития страны. Наступивший капитализм они считали регрессом общественных отношений и видели спасение народа в сохранении его общинности, ибо крестьянская община как низовая форма организации общества, по их мнению, могла прямой дорогой привести русский народ к социализму, то есть справедливому мироустройству.

Следует напомнить, что во второй половине XIX века Россия была страной с преимущественно сельским населением. Так что в признании крестьян основной движущей силой грядущих изменений у «пропагандистов» был свой резон. И если у более радикальных народников идейными вождями были Н.Г. Чернышевский, звавший Русь к топору, и политэмигранты А.И. Герцен и Н.П. Огарев, издававшие в Лондоне журнал «Колокол» и газету «Полярная звезда», которые нелегально переправлялись в Россию, то «пропагандисты» опирались, кроме прочего, на учение профессора истории Казанского университета А.П. Щапова.

Надо сказать, популярности этого теоретика у семинаристов способствовало и то, что сам он был выходцем из «духовных». Пройдя все положенные ступеньки духовного образования, Щапов окончил Казанскую духовную академию, однако в дальнейшем избрал светскую карьеру. Познакомившись с вывезенным в Казань архивом Соловецкого монастыря, бывшего во времена раскола едва ли не главным ядром сопротивления обновленчеству в православной церкви, он написал и защитил диссертацию по вопросам раскола и, придя в университет, в первой же своей лекции заявил: «Скажу наперед: не с мыслью о государственности, не с идеей

централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на кафедру русской истории». Таким образом, он сразу же позиционировал себя как сторонник местного самоуправления. Для 1860 года такие взгляды были весьма крамольными. Он нашел возможность изложить свои соображения по земскому самоуправлению руководству страны, и они пришлось по душе министру внутренних дел графу Валуеву. Не исключено, что при подготовке земской реформы, осуществленной в империи в 1864 году, были использованы и теоретические наработки Щапова. Скончался он в 1876 году, то есть задолго до появления Павла Бажова в Перми, и, таким образом, самолично вести за собой в народ сторонников пропаганды социализма не мог, однако имя его, как и его идеи, были чрезвычайно популярны все последующие десятилетия.

Параллельно со Щаповым теорию революционности старообрядчества разрабатывал и другой деятель народничества — В.И. Кельсиев, но в отличие от первого он был и практиком привлечения раскольников к борьбе с царизмом. Его революционные идеи надолго пережили его собственную веру в них и его самого и продолжали свою жизнь в рядах народников-«пропагандистов», значит, было в них что-то существенное, актуальное в плане понимания политической ситуации в стране.

Общим в щаповско-кельсиевском направлении деятельности по подготовке социальной революции была опора на старообрядчество как социально-религиозный слой, обладавший твердой верой в свои убеждения, испытавший гонения от властей предрешающих (и светских, и церковных), показавший свою жизнестойкость и способность к большему экономическому успеху, нежели крестьяне и предприниматели, относящиеся к официальной ветви православия. Выражаясь современным языком, старообрядцы были диссидентами, и, с точки зрения народников-«пропагандистов», скорее могли стать значимой силой в достижении поставленной ими цели, нежели революционеры-эмигранты.

Павел впервые услышал имя Щапова еще в Екатеринбурге. Он писал в материалах к своей автобиографии:

«...Содействовавший моему поступлению в духовное училище ветеринарный врач Смородинцев оказался и моим первым революционным учителем...

Смородинцев, как и его соученики по семинарии Константин Синарский и Илья Любимов, пытались найти революционную почву среди „раскольников“, считая их наиболее активным протестующим элементом, притом же довольно компактно проживающим по многим уральским заводам (вот чем, видимо, объясняется интерес Смородинцева к Невьянску как месту поселения кержаков, где он занимался не только борьбой с эпизоотией как уездный ветеринар, но и пропагандой народнических идей. — В. С.)...

Эта установка — рассматривать старообрядчество как огромную революционную силу обосновывалась работами проф. А. Щапова и последующими — Кельсиева, достаточно убедительными в силу особенностей того заводского округа, из которого я вышел. Поясню. Сысертский заводской округ в колонизационном отношении очень отличался от всех других заводских округов Урала. В то время как Демидов, Походяшин, Собакин (Яковлев) и другие заводчики широко практиковали прием на заводы беглого и „раскольников“ населения, владельцы Сысертских заводов проводили другую линию. „Перегнав“ на заводы рабочих из своих северных деревень... сысертские заводладельцы ревниво оберегали эту, видимо, наиболее темную и забитую массу от всякого постороннего влияния, не допуская на завод ни беглых, ни „раскольников“. Во время Пугачевского движения этот заводской округ оказался единственным оазисом в б. Екатеринбургском уезде, который не только не включился в движение на стороне Пугачева, а оказывал ему сопротивление и послужил заслоном для Екатеринбурга. Впоследствии, когда владелец Турчанинов был особо награжден, другие владельцы из того факта сделали совершенно определенный вывод — усиленно начали насаждать (например, в Каслинском и Кыштымском заводах) православие, как самую надежную опору существования порядка. Я (в юные годы. — В. С.) из этого исторического факта... сделал для себя обратный вывод — надо, главным

образом, отстаивать старообрядчество от всякого рода попыток приблизить его к православию, растворив в общей массе».

Трудно поверить, что Павел проникся идеями, которые исповедовал его екатеринбургский благодетель, еще учась в духовном училище: и книги-то Н.С. Смородинцева были для него тогда «скучны», и кто такие кержаки, он наверняка знал лишь в общих чертах. Однако есть предположение, что, возвращаясь к родителям из Перми в дни летних каникул, он непременно заезжал или даже останавливался в знакомой квартире на ВИЗе и вот тут уже вполне могли возникнуть у него вопросы по поводу многого слышанного в семинарии. Не исключено, что кое-какие из «скучных» книг Смородинцева были Павлу знакомы по нелегальной семинарской библиотеке, читателем которой он, как истый книголюб, наверняка стал. И наверняка в этот период между Бажовым и Смородинцевым установился доверительный контакт мировоззренческого плана, иначе вряд ли Павел Петрович спустя много лет после этих событий назвал ветеринара в качестве своего «первого революционного учителя»...

Среди более ранних выпускников Пермской семинарии Смородинцев и упомянутые выше его соученики были не единственными «пропагандистами», работавшими в Перми и губернии. В «Истории Урала периода капитализма» назван студент Санкт-Петербургского университета, бывший бурсак М. Кротов, который вел пропаганду среди мастеровых портновской мастерской Шубина, а также ссыльный студент Харьковского ветеринарного института А. Бовбельский, организовавший кружок в Кунгуре.

Народнический кружок, образовавшийся вокруг нелегальной библиотеки в Пермской семинарии, не был одиноким явлением. В первой половине 1990-х годов таковые работали также в фельдшерской школе, в женской гимназии. Как пишет А. Саранцев, в этот период Пермь была средоточием народнических кружков.

Павел Петрович вспоминает:

«Это выделение старообрядчества как революционной силы не мешало, однако, мне читать револю-

ционную литературу других направлений, причем все казалось одинаково приемлемым в свете основного лозунга — долой самодержавие. Неприемлемым только казалось какое бы то ни было ограничение себя требованиями партийной дисциплины, так как, дескать, по соответствующим условиям может потребоваться вовсе не то, что предусмотрено той или иной программой. Единомышленниками моими по вопросу о большой значимости старообрядчества в революционном движении были Ивнев Мих. (потом учитель, которого потерял из виду), Кузнецов Дм. Ник., впоследствии определился как марксист и погиб во время Ростовской забастовки 1903 г., и Липин Ив. Ив. (тоже был учителем, принимал потом активное участие в Лбовском движении в районе Камы).

Известная обособленность группы по вопросу старообрядчества не мешала однако принимать участие в общем движении учащихся против существовавших школьных порядков. Лично я почти три года был библиотекарем подпольной семинарской библиотеки, где были и Маркс, и Прудон, Каутский и Лавров, Чернышевский и Беллами вплоть до Мордовцевского романа „Знаменья времени“, который считался революционным... Вся наша группа участвовала в школьных беспорядках в 1897 г., когда добивались ухода одного из помощников инспектора (Пославского), устраивали маевки за Камой, принимали участие в школьном журнале „Наше слово“ и т. д.»

Традиция издавать в семинарии свой рукописный журнал (тоже неофициальный) была давней. «Нашему слову» предшествовал «Бурсак», сменивший свое название на эпатажное «Окурок», где освещалась хроника семинарской жизни, подвергались осмеянию порядки в учебном заведении, нелюбимые учителя, а кроме этого, публиковались первые литературные опыты. Не исключено, что в таком рукописном журнале и состоялся сочинительский дебют нашего героя, поскольку трудно представить, что, не попробовав себя в самостоятельном издании, он рискнул сразу предложить свои услуги в качестве репортера официальному печатному органу.

В 1990-е гг. в Перми издавалось несколько газет. Это «Пермские губернские ведомости» с неофициальным приложением, либеральный «Пермский край» и «Пермские епархиальные ведомости». Будущий писатель сотрудничает скорее всего с первыми двумя в качестве репортера и, может быть, корректора (об этом он позднее вспоминал сам). А. Саранцев в своей книге о Бажове сожалеет, что ему не удалось найти ни одного материала, опубликованного Павлом в пермских газетах. Скорее всего, исследователь просто не опознал эти материалы, так как они были подписаны либо инициалом, либо вымышленной фамилией, поскольку такой вид внеучебной деятельности не мог приветствоваться строгим семинарским начальством. Но, как бы то ни было, именно эти небольшие репортажи на незначительные темы городской жизни и стали первой напечатанной пробой пера будущего писателя. Об их творческой незначительности свидетельствует тот факт, что Павел Петрович впоследствии никогда не конкретизировал результаты этой своей деятельности: мол, сотрудничал, и все.

Наверняка занимался он обработкой статистических материалов и репетиторством — обычной подработкой учеников старших классов всех средних учебных заведений.

Поначалу он получал финансовую поддержку из дома. В фондах Объединенного музея писателей Урала хранится копия письма, отправленного 25 октября 1895 года «В Пермскую духовную семинарию, воспитаннику 3-го класса Павлу Петровичу Бажеву», в котором мать «девичьим» каллиграфическим почерком сообщает сыну, что они сейчас живут в Верхней Сысерти, куда отца перевели по производственной надобности, «пока до Рождества». Сбоку приписка отцовской скорописью: «Здравствуй, Паша! При сем посылаем денег 2 (два) руб. Будь здоров. Твой Петр Бажев». Конверт запечатан аж пятью печатями красного сургуча и сверху надпись: «Денежное».

Однако здоровье Петра Васильевича, подорванное работой «на огневой», а также случившимся в 1897 году пожаром, когда большой дом сысертской усадьбы

сгорел, начало слабеть. Вернувшись в Сысерть, Бажевы стали жить в сохранившемся флигеле усадьбы на Шиповой улице. Отца перевели «рухлядным припасным» — это, как объяснял Павел Петрович, что-то вроде нынешнего завхоза или завскладом, но это не надолго продлило его жизнь: проболев год, он преставился 15 февраля 1898 года. Как сказано в метрической записи Симеоно-Анненской церкви, где девятнадцать лет назад крестили Пашу, «от болезни печени». Погребен 18-го.

Из поздних рассказов писателя редактору свердловского издательства К.В. Рождественской мы знаем, что отец его «был склонен к запою». Вполне можно предположить, что зафиксированная в метрической книге «болезнь печени» — следствие этого его увлечения, она могла иметь страшное и сегодня название «цирроз».

Могила Петра Васильевича Бажева на сысертском кладбище сохранилась и находится в ухоженном состоянии. В общей ограде несколько захоронений — видимо, деда и бабушки Павла Петровича по отцовской линии. Полуистертая надпись на надгробном камне не дает возможности определить точнее.

Не исключено, что матери как вдове мастерового была назначена какая-то пенсия, с которой, конечно, ждать помощи семинаристу не приходилось. Вот откуда необходимость в подработке. Теперь Павел вынужден был сам оплачивать свои учебные нужды. Что он и делал, да еще умудрялся немного из заработанного посылать матери в Сысерть.

Летние каникулы Павел теперь проводит не в родительском доме, а со своим «первым революционным учителем» Н.С. Смородинцевым, в качестве его помощника занимаясь укрощением эпизоотии — болезни бешенства у домашних животных.

Ни необходимость тратить время на подработку, ни увлечение народническими идеями не мешали Павлу отлично учиться. В семинарии из класса в класс он переводится неизменно по первому разряду.

Известно, что юный Бажов никогда не примерял на себя в перспективе духовную карьеру. Для семинаристов, желавших поступать в гражданские вузы, имелась возможность после окончания четвертого класса

подтвердить свои знания за курс средней школы перед специальной гимназической комиссией и получить аттестат, что называется, гимназического образца. Этот шаг осуществляло до половины учеников. Так в свое время сделали и Д. Мамин, поехавший поступать в Санкт-Петербургский университет, и А. Попов, поступивший на физмат того же вуза.

Два последних года обучения в семинарии были направлены на подготовку священнослужителей. Где же логика в поступке Павла, семинариста, равнодушного к вере?

В поздних биографических записках Павла Петровича ответа мы не находим. Но если поразмышлять, причину найти можно. Не исключая, что таковой могла быть воля родителей, которые, имея лишь начальное образование, с пренебрежением относились к образованию в принципе. Для Сысерти, где семинарское образование вряд ли имелось и у приходского батюшки, аттестат семинарии — великое дело. К тому же отец, мечтавший, как и другие, вырваться из вечной заводской кабалы, наверняка видел единственного сына служащим «в городе» (пример Николая Семеновича Смородинцева был перед глазами).

Это, возможно, первый посыл к продолжению учебы. Но он был не единственным.

Библиотекарь подпольной «либерии» и заядлый книголюб Павел Бажов не мог не прочесть имевшуюся в потайном сундучке книгу русского социалиста Петра Лаврова «Исторические письма». А в ней, в частности, провозглашалось, что для осуществления борьбы за народное счастье необходимо «всестороннее развитие личности» борца, которое может быть следствием только основательной научной подготовки. Лавров призывал революционеров не останавливаться в своем образовании — окончив один факультет, поступать на второй, третий... Думается, не в последнюю очередь именно это наставление толкнуло нашего героя на завершение полного цикла семинарского образования, поскольку, как показала его дальнейшая жизнь, идея социального переустройства российского общества прочно вошла в его ум.

Конечно, не стоит думать, что юноша Бажов был полным, как сейчас говорят, «ботаником». Даже при свободном доступе к многоумным книгам из руководимой им подпольной библиотеки в его читательский рацион входило и многое другое. И не потому, что это предусматривалось учебной программой, — просто ему было интересно. А интерес к жизни подпитывался тем, что происходило в городе.

Спустя годы Павел Петрович рассказывал писателю Евгению Пермяку о своих впечатлениях о тогдашней губернской столице, которые Пермяк запечатлел в книге о Бажове:

«Извозчичья биржа!.. Пролетки на резиновых шинах!.. Капитальные водораздаточные будки!.. Даже тюрьма, именовавшаяся здесь губернским тюремным замком, и та ложилась на чашу весов превосходства губернского города над остальными городами и тем, самым большим в губернии, уездным Екатеринбургом, где дом магната золотопромышленника Харитонова превосходил по красоте пермский губернаторский дом. И все же не зря, хотя и с большим преувеличением, патриоты Перми называют ее уральским Петербургом».

Добавим информации из уже цитированного путеводителя Верхоланцева:

«Каждый путешественник, впервые приезжающий в Пермь, поднявшись по Набережной улице в гору, сразу попадает в центр города. Многих прежде всего поражает прямота улиц г. Перми. „Пермь, — по меткому выражению известного писателя П.И. Мельникова-Печерского, бывшего с 1837 по 1839 г. преподавателем Пермской мужской гимназии, — построена правильнее Нью-Йорка: ровные, большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза при первом взгляде“. Улицы г. Перми идут параллельно и перпендикулярно Каме и называются большей частью по имени уездных городов Пермской губернии (Чердынская, Соликамская, Оханская, Осинская, Екатеринбургская, Шадринская, Ирбитская, Верхотурская, Кунгурская, Красноуфимская). Главная из них — Сибирская — идет перпендикулярно Каме от Набережного сада до Сибирской заставы, т. е. двух

обелисков, за которыми начинается Сибирский тракт. Сибирская улица бывает особенно оживленна зимой, когда жизнь на берегу Камы замирает. Если можно так выразиться, тогда пульс жизни г. Перми переносится сюда. Здесь ежедневно вечером можно увидеть толпы гуляющих, преимущественно учащейся молодежи, так что Сибирская улица в миниатюре является для Перми своего рода Невским проспектом. Здесь же или поблизости расположены учреждения города и лучшие магазины. Далее наиболее оживленными улицами можно назвать Торговую и Красноуфимскую, на которых находится много хороших магазинов».

Нужно сказать, что согласно семинарскому уставу многое из общегражданских развлечений было семинаристам недоступно. Так, им запрещалось посещать театр, концерты, другие увеселительные мероприятия и общедоступные библиотеки. Организация свободной (неподцензурной) подпольной библиотеки в семинарии была своего рода рефлексией на эти запреты. Но иногда хотелось чего-нибудь свеженького и не вполне серьезного.

В письме к литературоведу Л. Скорино от 20 сентября 1944 года Павел Петрович вспоминает одно такое приобретение:

«...Стояла осенняя слякоть начала ноября да еще приходилось „справлять кончину в бозе почившего“ (Александра III). На горе пермским бурсакам, архиерей того времени считал себя композитором. По случаю „кончины“ он положил на музыку какой-то стихотворный скулеж пермского гимназиста. Бурсацкое начальство укоризненно вздыхало по адресу своих питомцев: вот, дескать, гимназист скорбит даже в стихах, а вы как себя показываете. И желая подравняться, усиленно налегали на распевание этого скулежа архиерейской композиции.

В такие сугубо кислые дни впервые купил книжечку Чехова. Стоимость ее я забыл, но она казалась для моего тогдашнего репетиторского кармана (6 рублей в месяц) чувствительной. Помню, еще мешали выбору книжка Лугового „Pollice verso“ и М.-Сибиряка „Черты из жизни Пепко“, стоявшие рядом с книжкой Чехова.

Перетянул все-таки неизвестный мне тогда Антон Павлович Чехов.

Семинарское начальство свирепо относилось ко всей литературе без „допустительной отметки“. Так называлась последняя ступенька разрешительной визы (одобрено, рекомендовано, дозволено, допущено для библиотек). На книжечке Чехова никакой такой визы не было, и надо было читать эту книжку, когда „недреманное око отупеет“. Лучше всего это удавалось между ужином и сном, от 9 до 11. Эти часы предоставлялись усмотрению бурсаков. Кто хотел, мог сразу уходить в спальню, остальные могли читать „библиотешное“, „играть в дозволенные игры“ (шашки, шахматы), а обычно дулись в карты, могли играть на скрипке, тренькать на балалайках, бренчать на гитаре. Могли штопать штаны, подбивать подметки и даже танцевать, но уже не по классам, а в зале. Там как раз была подходящая обстановка. Потолок с божьим глазом в центре был разделан под звездное небо, окаймленное широкой полосой, по которой славянской вязью было написано: „Призри с небесе, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя“. А виноград под этой символической вязью откалывал трепака, рассыпал чечетку, либо „приобретал навыки в благородных танцах“. По лестничным клеткам боковых ходов, курилкам и уборным производился среди старшеклассников „отбор голосов“. Там же имелся удобный измерительный инструмент — высоко подвешенная к стене лампа, которую надо было загасить звуковой волной. С обязательством, однако, самому же зажечь — иначе трепка. И это соблюдалось по всей строгости неписанных законов бурсы.

В те дни не было ни этого „упражненского“ орудия, ни танцев. Все бурсаки „клирошане“ (певшие в хорах) сгонялись в актовывый зал, где усердствовавший учитель пения, он же регент архиерейского хора, проводил спевки, отыскивая все новые красоты в скорбной архиерейско-гимназической стряпне. Клирошане, разумеется, по такому случаю все смертельно хотели спать, зевали, даже шатались от усталости, но уйти в спальни было невозможно: недреманное око в виде инспектора и двух

его помощников стояло во всех трех дверях зала. При таком положении естественно, что по классам народу было не много (только „непоющие“, особый разряд, в который, кстати, нелегко было попасть). Зато была полная свобода действий, т. к. все знали, что никто из инспекции не отойдет от двери зала, пока не кончится завывание по коронованному покойнику.

Назывались эти часы свободными, вольными, а по разнообразию занятий — пестрыми.

И вот в эти пестрые часы пятнадцатилетний парнишка, ученик 2-го класса Пермской духовной семинарии открыл запертую висящим замочком парту во втором среднем ряду (парты стояли в четыре ряда, которые назывались своеобразно: входной — у двери, дальний — у окон, а средние различались по номерам, ближе к двери первый средний, ближе к окнам второй средний) и впервые стал читать „Пестрые рассказы“.

Помню, как видите, все до мелочей, а вот не знаю, с какого именно рассказа начал читать. Очевидно, последующее наслоение вытеснило это из памяти. Одно ясно представляется — с первой страницы фыркнул, захлебнулся смехом. Дальше стало невозможно читать в одиночку, — потребовался слушатель, и вскоре наша классная комната огласилась смехом десятка подростков. Потребовалось даже выставить в коридор вестового (по очереди, конечно), чтоб не „нарваться“.

Вскоре эта книжечка у меня исчезла из запертой парты, это был единственный случай за шесть лет семинарской учебы бесследного исчезновения книжки. Бывали случаи другого порядка: книга „приходила“ на место сама, либо оказывалась на инспекторском и даже ректорском столе, после чего следовало „воздаяние ко-е-муждо по заслугам его“, — в виде карцера, понижения балла по поведению и пр. Чеховская книжка оказалась исключением, — она исчезла без последствий, но и без возврата».

Думается, именно в семинарские годы будущий писатель познакомился и с первыми основательными трудами по истории Урала. Ибо наверняка в «дозволенном» фонде учебной библиотеки были вышедшие к этому времени книги: «Пермский сборник» и «Источники

и пособия для изучения Пермского края» Д.Д. Смышляева, «Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н.К. Чупина, «Великопермская и Пермская епархия» Е.А. Попова, «Материалы для сельскохозяйственной статистики» Е.И. Красноперова, первые тома «Пермской летописи» В.Н. Шишонко, восемь выпусков «Пермской старины» А.А. Дмитриева и, конечно, двухтомный труд архимандрита Иеронима (Лаговского) «История Пермской духовной семинарии».

Такому историко-исследовательскому буму последней трети XIX столетия способствовало в том числе и учреждение в Перми по инициативе столичного археологического института Пермской губернской ученой архивной комиссии, которая ставила перед собой задачу сохранения архивных документов и изучения по ним истории Пермского края.

Опять же напомним, что в детстве Паша активно интересовался прошлым своей малой родины, слушая рассказы «больших» в Сысерти и Полевском, а в Екатеринбурге — впитывал в себя содержание рассказов соседа Полиевкта Егорыча, а также был молчаливым участником домашних бесед о прошлом и настоящем Урала Смородинцева и Галина.

Подведем промежуточный итог. Пермский период жизни нашего героя, по сути, определил его дальнейшую судьбу. Он получил специальность преподавателя, а место учителя в тогдашнем обществе значило куда больше, нежели сегодня, в XXI веке; он приобрел стойкий мировоззренческий ориентир — радение освобождению трудового народа от оков самодержавия; укрепил свой стойкий интерес к прошлому Родины и, наконец, впервые попробовал себя в качестве автора в печатных изданиях, и если это пока не захватило его, все равно — личный опыт немало стоит. С этим багажом Павлу Бажову предстояло вступить во взрослую жизнь.

В январе — 15-го (27-го) 1899 года нашему бурсаку исполнилось двадцать лет. Возраст далеко не школьный, но тогда все выпускники были великовозрастными: три года начальной школы, четыре — школы средней ступени и шесть высшей составляли тринадцать лет обучения.

Если говорить о выпускных балах, то его «рейтинг» был выше всяких похвал — он оказался в числе трех лучших выпускников. «Павел Петров Бажев» был выпущен со званием студента, и ему было предоставлено право поступить в духовную академию, которая располагалась в Киеве, в знаменитой Лавре, причем учиться на полном содержании (то есть не платя за учебу).

Казалось бы, что может быть лучше? Однако... Бажов отверг это лестное предложение. Вероятно, он мотивировал отказ тем, что не хотел оставлять овдовевшую мать. Тогда ему предложили рукоположение в священники с предоставлением «теплого» места в Екатеринбургском реальном училище. Тоже отказался. На что же дал в конце концов согласие? На место преподавателя русского языка в деревенской школе.

Часть II

Глава 4. МОЛОДОСТЬ. Учительство. Политика. Карьера чиновника

Место, на которое согласился Павел, было должностью учителя русского языка в школе села Шайдуриха Аятской волости Екатеринбургского уезда (на противоположном от родной Сысерти краю). Чем же был обоснован этот выбор? Казалось бы, самая что ни на есть глубинка...

Этому выбору можно найти следующее объяснение. Невьянский железоделательный и медеплавильный завод был первым на Урале предприятием, полученным Никитой Демидовичем Антюфеевым из рук казны в частное пользование. Таким образом, Невьянск — это изначальное демидовское гнездо в Уральском регионе. Развитие производства требовало и большого количества рабочих рук. А где их взять, если места эти были слабо заселены? Вот тогда Демидов, сам приверженец «древлего благочестия», и стал привечать на своих заводах беглых старообрядцев из центральной России. Постепенно вся округа приобрела славу старообрядческого района.

Мы знаем, что пристрастие к этому району имел Н.С. Смородинцев. Надо полагать, по служебной необходимости он объехал его весь, даже написал очерк по истории Невьянского завода (об этом сказано в повести Павла Петровича «Дальнее — близкое»). Но это скорее видимая — легальная сторона его деятельности на северо-востоке Екатеринбургского уезда. Зная, что Николай Семенович исповедовал народническую теорию переустройства общества, чем заразил в свое время и юного Павла, можно с уверенностью сказать, интерес его к району был неслучаен. И, видимо, не без рекомендации Смородинцева выпускник семинарии с готовностью принял предложение учительствовать в Шайдурихе, имея в виду и перспективы пропагандистской

деятельности среди местного населения. Так что вполне оправданным будет сделать предположение, что Павел Бажов в этот период себя всерьез позиционировал как политического деятеля...

Однако судьбе было угодно поломать его планы. Приняв назначение, новый учитель столкнулся с требованием уездного начальства по линии народного образования взять себе в учительскую нагрузку и преподавание Закона Божия... Начальство, скорее всего, руководствовалось соображением: кому же преподавать основополагающий предмет российской школы, если не одному из лучших выпускников духовного учебного заведения, окончившему его со званием «студент Пермской духовной семинарии». Не исключен и противоположный вариант: зная, что этот выпускник баловался народническими идеями, в инспекции решили опутать его обязательством пропагандировать в школе официальное православие, что не позволило бы молодому учителю в глазах населения быть адептом «противуправительственной» идеологии.

Перед Павлом возникла альтернатива. Он смело решает ее в пользу своих личных духовных устремлений — отказывается от места в Шайдурихинской школе.

Современный невьянский краевед Н.А. Езовских сомневается в причинах нежелания Павла Бажова преподавать в местной школе, высказанных в автобиографии писателя, мотивируя свое неверие в подлинность их тем, что после такого отказа (если он действительно имел место) молодого «студента» вряд ли бы оставили в реестре претендентов на преподавание в духовных учебных заведениях уезда. А так...

Вполне возможно, что именно Смородинцев, благодаря авторитету и связям, устроил своему ученику протекцию, и тот занял вакансию учителя русского языка в подготовительном классе Екатеринбургского духовного училища. Сам Павел Петрович называл эту дату — сентябрь 1899 года — «началом своего трудового стажа».

В оставшийся до начала 1899/1900 учебного года период «студент» зарабатывает на жизнь случайными

уроками (благо деятельность репетитора ему знакома). Не расстается он и с «революционным учителем» — они вместе продолжают ездить на борьбу с эпизоотией, где Павел участвует во вскрытии павших животных. Позже писатель рассказывал: «Одно время сшибал черепа лошадям и получал за это два целковых. Тогда свирепствовала эпизоотия бешенства. Надо было снять череп, вырезать кусочек мозга, проследить за тем, чтобы лошадь зарыли. В общем, работа полицейски-санитарная. Брался за все, лишь бы иметь заработок».

Получив место в духовном училище, наш герой снова стал екатеринбуржцем.

Интересно, каким он увидел город после шестилетней разлуки. И в этом случае обратимся к его повести «Дальнее — близкое»:

«За годы учебы в Перми не раз приходилось покидать город на довольно продолжительный срок, но вернувшись сюда, видел все ту же Уктусскую улицу с ее мучными лабазами и бойкой торговлей железом... Заметно поредело гужевое движение по старому Сибирскому тракту, не менее заметно уменьшилось и по Челябинскому: грузы шли теперь по железным дорогам (имеются в виду открывшиеся за это время линии Екатеринбург — Тюмень и Екатеринбург — Челябинск. — В. С.)

...Поступив на постоянную работу в город, ближе видел происходившие в нем изменения, но они казались крапинками в старом, пока внешне незначительный случай не заставил поглядеть более пристально...

— Не узнаешь, Егор Васильевич, своего города? — спросил меня спутник, с которым ехал... — По последней переписи у нас семьдесят тысяч населения вместо тридцати семи по переписи 1887 года... Город вырос почти вдвое. А вы знаете торгово-промышленные обороты города?

Когда я признался в своем невежестве, мой спутник буквально засыпал меня цифрами, из которых запомнилось лишь немного, особо подчеркнутое.

— Понимаете, почти четверть торговых оборотов всех двадцати уездов губернии. Из 148 миллионов на долю нашего города приходится 31. Пермь от нас отстала на четыре с половиной. А по промышленности? Наш

город дал свыше четырех миллионов, тогда как Пермь дала на два с половиной. И заметьте, вся промышленность губернии, не считая горнозаводской, дала только на 23 миллиона. Выходит, наш город дает шестую часть. К этому добавьте: на четыре миллиона дает промышленность нашего уезда, да еще на 21 миллион работает горнозаводская промышленность нашего же уезда... А какое значение для города открытие биржи имеет!..

Вместо одной еженедельной газеты теперь выходило три ежедневных полного размера. Кроме того, ежемесячно выпускался журнал „Уральский техник“, и периодически выходили на русском и французском языках „Записки Уральского общества любителей естествознания“, а также „Записки Уральского медицинского общества“... Город обзавелся новыми учебными заведениями: художественно-промышленное училище, торговая школа. Готовился к постройке здания для высшего учебного заведения — горного института. Это было так необходимо в условиях уездного города, что кой-кто нарочно ходил посмотреть, правду ли готовятся к постройке. Объем котлована, подвоз строительных материалов убеждали, что делается всерьез, хотя велось это в темпах того времени: сезон на осушку места, сезон на подвозку материалов и т. д. Заметна была постройка новых зданий и в городе...

Вместо „старого гостиного двора“ возводился новый...

За те же годы... была организована библиотека имени В.Г. Белинского и вскоре возникла другая — имени Решетникова в Верх-Исетске.

Кроме городского театра, работал на площади между городом и Верх-Исетском рабочий театр, а также театр и сад Казанцева по Александровскому проспекту. Более или менее регулярно работал музыкальный концертный зал Маклецкого по Клубной улице.

Книжные магазины Блохиной, Куранщиковой, т-ва Сытина, т-ва „Польза“, т-ва „Культура“, музыкальные — „Лира“, „Кетерер“, две большие газетные типографии. Кино „Лоранж“, „Одеон“, „Магнит“, „Комета“, „Рона“ даже превышали зрительскую потребность того времени и не могли похвалиться полными сборами.

Пооткрывались и новые банки. Теперь в городе кроме отделения Государственного банка были отделения Северного, Сибирского, Волжско-Камского, Ярославско-Костромского, Новгородско-Самарского. Работала городская общественная касса мелкого кредита „Союз кредитных т-в”. С большой помпезностью в специально построенном здании на углу нынешних Малышева и Вайнера „открылся” Русский для внешней торговли банк. Взамен лопнувшего Печенкинского банка появилась банкирская контора „Юнкер и К°”.

Все это кричало о себе широкими вывесками, постоянными объявлениями в газетах, богатой рекламой „при случае” и „без случая” и не могло пройти незамеченным.

С разных сторон это говорило об одном — о большом росте города...

Невольно замечались изменения и в мелочах. На Хлебной и Щепной площадях теперь уже не спускались на ночь „караульные собаки”, которые в годы моего детства делали эти площади непроходимыми.

На перекрестках больших улиц теперь качались круглые дуговые фонари, которые давали большое световое пятно из колеблющихся почему-то концентрических кругов. Правда, это было не столько освещение, сколько маяк, но все же это был заметный шаг вперед против прежних керосиновых фонарей. Неизменной оставалась лишь „охранительная чугунная доска”. С наступлением потемок по всему городу караульные начинали „отбивать часы” ударами в чугунные доски. Каждый при этом хотел показать свое усердие, а некоторые, особенно из бывших слесарей, не прочь были похвалиться качеством своего инструмента и чистотой удара.

Может быть, эта „звонкая доска”, так живо напоминавшая старину, была одной из причин, мешавших увидеть новое в городской жизни...”

Все это впечатления о городе в предпоследний год XIX века. Павлу было бы лестно знать, что точно такое же мнение о екатеринбургских ночных караульных высказал в письме к родным и писатель А.П. Чехов, любившийся ему своими „Пестрыми рассказами” и побы-

вавший в Екатеринбурге проездом, когда бурсак еще обучался в Перми:

„Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов...”

„Железное” своеобразие этого зауральского города острый на язык литератор воспринял и описал своеобразно:

„Я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиятов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой... Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик”.

Браво, Антон Палыч! Если бы Павел Бажов мог прочесть эти строки в 1990-е годы, он бы оценил ваш юмор. Благо теперь, в статусе не семинариста, а младшего учителя он волен читать все, что ему заблагорассудится...

Однако что же он читает? Его книжный рацион расширяется. В письме к Л.И. Скорину от 20 сентября 1944 года Павел Петрович признавался, что в 1900-е годы добрался до Н.С. Лескова в издании Ф. Маркса:

„...Прочитал и реакционные (а сегодня мы называем их антинигилистическими, антиреволюционными, как и „Бесы” Ф. Достоевского. — В. С.) его романы „На ножах” и „Некуда” и был буквально поражен крайней убожеством художественной и словесной ткани этих вещей. Просто не верилось, что они принадлежат автору таких произведений как „Соборяне”, „Несмертельный Голован”, „Очарованный странник”, „Тупейный художник” и др.».

В эти годы он начинает собирать личную библиотеку русской классики — собрания сочинений и отдельные произведения Пушкина, Гоголя, Чернышевского, Л. Толстого, Чехова. Книги были нужны ему как учителю словесности, но также и способствовали его дальнейшему самообразованию. Тем более что в эти годы Павел попытался осуществить свою мечту — поступление в университет.

Дата этой попытки точно не установлена. Одни воспоминатели указывают на 1899 год, другие — на

1903-й. Вероятно потому, что сам Павел Петрович в разные годы разным собеседникам рассказывал об этом по-разному. Важен результат — стать студентом университета ему не удалось, поскольку затребованная в семинарии в приложение к аттестату характеристика носила отрицательный характер. Так Павлу аукнулось чтение запрещенных книг и участие в закамских маевках. По сути, на его дальнейшем образовании был поставлен крест. Поняв это, Павел других попыток не предпринимал. Хотя, конечно, было обидно: из духовной прессы он наверняка узнал, что четверо его однокашников стали студентами Юрьевского (Дерптского и позже — Тартуского) университета, а трое — Сибирского (Томского — куда и метил Бажов). Конечно, не исключено, что и эти молодые люди, будучи бурсаками, почитывали нелегальную литературу, зато у них было одно «оправдание» перед семинарским начальством — они не шли в учебе первыми. А Бажов-то окончил третьим по результату, и отказ поступать в духовную академию был воспринят начальствующим духовенством как оскорбление. Надо полагать, Пермской духовной семинарии для лучших выпускников предоставлялось по одному месту в четырех духовных академиях империи — Санкт-Петербургской, Московской, Казанской и Киевской. Так вот, первые три места были заняты соучениками Павла — А. Дмитриевым, И. Арефьевым и М. Кузнецовым, а четвертое... пропало, ибо «Павел Петров Бажов» изволил пренебречь оказанной ему честью. И по этой причине ему могли и не дать положительной характеристики.

Это явилось для него еще одним поводом быть недовольным существующей властью. В Екатеринбурге он продолжает знакомиться с нелегальной литературой. В библиотеке Смородинцева находит книги русского экономиста и социолога В.В. Флеровского-Берви «Азбука социальных наук» и «Положение рабочего класса». Эти работы — не вполне народнического толка. Но, как вспоминал сам Павел Петрович, «у народников этого типа не было отрицательного отношения к марксистской литературе». Тем не менее народническая идеология продолжает оставаться для него основой мировоззрения.

Единомышленники нашлись и в духовном училище — учителя К. М. Успенский и С. П. Веселовский. Вместе они собираются на свои народнические «бдения» у Смординцева на ВИЗе. «На этих собраниях часто бывали старообрядцы из Невьянского района, где Смординцев, работавший там несколько лет, имел широкие связи. Преимущественно эти приезжие были стариками начетнического типа, и вопросы поэтому ставились почти исключительно только в плоскости утеснения веры и вскрывания тех хитрых уловок, которыми православные пытались ассимилировать раскол. Смординцев и Успенский на основе этих бесед немало полемизировали тогда в печати по адресу так называемой австрийщины, которая, принимая попов хотя и заграничного ставления, тем самым вела старообрядцев на путь примирения с православием и государственной властью» (из материалов к автобиографии, хранящихся в фондах Объединенного музея писателей Урала).

Вот относительно спокойной политической обстановке в стране прошло пять лет. Младший учитель Екатеринбургского духовного училища как специалист хорошо зарекомендовал себя у начальства, и новый 1904/1905 учебный год Павел Петрович начинает в чине коллежского секретаря. Его должность значителна так: преподаватель церковно-славянского и русского языка. Что ж, язык молитв и псалмов — это не Закон Божий, можно в какой-то мере и поступиться принципами. В главном-то он остался непреклонным.

Лишенный возможности общаться с «движущей силой» будущей крестьянской революции ежедневно, он посвящает этому общению свои летние «вакаты». Официально он, преподаватель словесности, собирает фольклор — народные песни, присловья, прибаутки, конечно же, и легенды, и сказы, если таковые встречаются. А неофициально — общается с народом, причем старообрядческой его ветвью, которая расселилась вдоль главной сплавной «улицы» Зауралья — реки Чусовой.

Со временем, став членом коммунистической партии, Павел Петрович второе забыл или же не хотел вспоминать в целях личной безопасности и выпрямле-

ния своего пути в революцию, а вот первое запомнил хорошо и с удовольствием рассказывал:

«Меня очень интересовала группа афористических речений, где видно их происхождение. И вот такие вещи я записывал в летние вакалы, когда бывал в деревнях.

Подобного рода речения, так называемые побасенки, я записывал. Я считал, что у нас раздел подобного рода речений — побасенок никогда не отражался в краеведческой литературе, и я по-своему думал — соберу их побольше, а когда-нибудь в следующее время напишу, в частности думал, чтоб в Академии наук посмотрели как и что...»

Известен и другой маршрут летних поездок преподавателя-словесника П.П. Бажова — вдоль по Богословскому тракту (ныне Серовскому), опять же в места, где жили старообрядцы...

«Я в молодости увлекался ездой на велосипеде. Поедешь в деревню, живешь там, слушаешь, записываешь. Старался искать старообрядческие семьи, — там наибольшая чистота языка и быта, сразу погружаешься в старину. Даже курить тогда бросил...»

Шесть тетрадей с записями, которые он заполнил во время этих самостоятельных фольклорных экспедиций, являлись весьма убедительным объяснением, зачем ездил. Возвращение же в город было возвращением и к легальной общественно-политической деятельности.

«К этому же времени относится попытка нашей группы, которая усилилась журналистом Федоровским Вас. Андр., издавать свой печатный орган „Вестник церковно-общественной группы“ с определенным направлением на разоблачение цезарс-папизма православия, и эта газета была закрыта на первом же десятке номеров».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Павел в определенной степени ходил по грани — служил в духовном ведомстве и выступал против устоев официального вероисповедания. Впрочем, и до него многие революционно настроенные личности (даже выдающиеся!) были выпускниками семинарий. Пожалуйста: Н.Г. Черны-

шевский (выпускник Саратовской семинарии). Н.А. Добролюбов (выпускник Нижегородской семинарии). Н.Г. Помяловский (выпускник Санкт-Петербургской семинарии). Н.В. Успенский (выпускник Тульской семинарии). А сколько семинаристов вопреки духовному воспитанию стали учеными-материалистами! Нобелевский лауреат академик-физиолог И.П. Павлов (выпускник Рязанской семинарии), изобретатель радио А.С. Попов (выпускник Пермской семинарии). Да и Д.Н. Мамин-Сибиряк, уехав в Питер, поступил в медико-хирургическую академию... Нужно сказать, что семинария, давая крепкое и всестороннее образование своим чадам, в значительной мере сама способствовала такому «отложению» семинаристов от духовного поприща.

В том, что касается Павла Бажова, мы наблюдаем в определенной степени конформизм. Ведь теоретически он мог уйти работать в учебное заведение недуховной подчиненности, и там его подрывная работа против церкви была бы, что ли, менее «греховной». Но он продолжает состоять учителем именно в духовном ведомстве. При этом вряд ли можно утверждать, что делалось оное им намеренно...

Тем временем в стране назревали серьезные события. В 1903 году впервые прозвучало слово «большевик», которое поначалу ничего не говорило россиянам, едва успевшим привыкнуть к слову «социал-демократия». Большая часть социал-демократов сделала на своем заграничном съезде ставку на насильственное свержение существующего строя путем революционного переворота. Безусловно, пролетариат, не имеющий «ничего, кроме своих цепей», был более мобилен и решителен в плане смены сложившегося порядка, нежели крестьянство. И экономический кризис, который всегда предшествует кризису политическому, способствовал организации уральских рабочих, разделявших марксизм, в Уральскую областную организацию РСДРП(б) — Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Летом 1904 года в Нижнем Тагиле состоялась областная конференция этого нового течения в социал-демократии, а в начале 1905-го

такие организации уже действовали во многих городах и заводах Урала.

Усилиями сторонников лидера большевиков В.И. Ленина была сведена на нет другая политическая организация, существовавшая на Урале до образования «уралобкома» — Уральский союз социал-демократов («с. д.» — эсдеков) и социалистов-революционеров («с. р.» — эсеров), возникшая в 1901 году и объединившая две разномастные ветви российских социалистов. Эсеры, выросшие на гумусе российского революционно-демократического движения, пользовались большей популярностью у народа. Казалось бы, чего им идти на союз с эсдеками? Эсдеки с самого начала ставили не на крестьянство, а на рабочих, и в этом плане их движение было как будто бы актуальнее. Имея в своих рядах значительно меньшее количество членов, эсдеки хотели повысить результативность действий за счет слившихся с ними эсеров.

Естественно, меньшее стало ассимилироваться большим, и в итоге деятельность такого политического «тянитолкая» как Союз социал-демократов и социалистов-революционеров привела, по Ленину, к оппортунизму (переходу Союза от политической борьбы к экономическим требованиям и нахождению с властью по ряду вопросов общей точки зрения).

Где было место нашего героя при такой расстановке сил?

«Я» вел себя как типичный демократ-разночинец, не связанный ни с одной из партий, называл же себя анархо-народником.

При моем тогдашнем понимании существовавшие на Урале партийные документы (до 1903 г.) за совместной подписью комитетов СД и СР мне не казались странными. Я шел даже дальше — до необходимости объединения всех революционно настроенных групп».

Во всем многообразии существовавших тогда политических (революционных!) течений разобраться было непросто. Особенно, когда страну сотрясали многочисленные и повсеместные забастовки: 11–17 февраля бастовали Пермские железнодорожные мастерские; в феврале — марте рабочие Чусовского завода; в марте

затлело и на Алапаевском металлургическом; в мае — на Нижнетагильском и Выйском заводах, в Перми, а также в Златоусте, Кусе, Миньяре, Симе, Белорецке, Катаве-Ивановском, Юрюзани и т. д.

А 7 июня занялось в Сысерти. Как раз подоспели летние каникулы, и Павел Бажов направил свой велосипед в родные края...

О том, что происходило тогда в его родном «заводе», спустя одиннадцать лет он расскажет в очерке «К расчету. Сысертский завод в 1905 году». В цитированных неоднократно материалах к биографии, написанных в 1934 году, Павел Петрович об этом эпизоде своей жизни скажет так: «В экономической забастовке рабочих Сысертского завода, начавшейся в летние месяцы 1905 года и продолжавшейся почти до конца года, есть доля и моего участия (подробнее об этом в прилагаемой брошюре „К расчету“). Однако в «брошюре» о личном участии нашего героя в забастовочных событиях ничего не сказано... Запомятовал? Может быть. Как нет ничего и о большевистском руководстве событиями. Главным организатором сысертских забастовщиков представлен студент Сибирского (Томского) технологического института И.Е. Девяшин. Но под его руководством был составлен список требований рабочих к владельцу и управляющему заводами из четырнадцати сугубо экономических пунктов, что не характеризует его как большевика — сторонника изменения политической структуры государства. Есть, правда, эпизод ареста во время тайной сходки некоего пропагандиста, назвавшегося Александром Аркадьевичем Швецовым. У него изъяли большое количество брошюр и прокламаций, а также желатин для создания гектографа — примитивного множительного устройства. Но и названия брошюр нельзя трактовать однозначно как большевистские. О содержании прокламаций ничего не сказано... Таким образом, можно предположить, что вдохновителями сысертских событий были все же социалисты-революционеры и потому Павел Петрович, если даже и принимал определенное участие в событиях Сысертской забастовки, то в 1926 году, в условиях победившего большевизма, когда писался очерк «К рас-

чету», упоминать о своей конкретной роли в тех давних перипетиях не решился в целях сохранения репутации верного ленинца...

О том, что эти предположения имеют под собой основание, говорит и хитроумная формулировка историка И.Ф. Плотникова, который в статье «Исторические очерки П.П. Бажова» (в «Бажовской энциклопедии») использует «неканонический» термин «революционеры-социалисты», словно его внутренний редактор не позволяет ему написать, как это принято: «социалисты-революционеры». Вроде бы одно и то же, однако, нет — это тот случай, когда от перемены слагаемых меняется и сумма, то есть смысл. Будем считать, что профессорская криптограмма была рассчитана на сведущих...

К исходу лета экономическая забастовка рабочих в Сысертском горном округе не прекратилась. Не дождавшись результатов противостояния между рабочими и владельцами Сысертских заводов, учитель Бажов возвращается в город к началу очередного 1905/1906 учебного года.

В Екатеринбурге обстановка была ничуть не спокойнее.

«В дни так называемых „свобод” (после объявления царского манифеста. — В. С.) я принимал участие в массовых мероприятиях: в манифестациях, митингах, общегражданских собраниях, и ни к одной из основных партийных групп того времени не принадлежал, сохраняя свою экзотическую позицию».

Оживление политической жизни в городе было связано с подготовкой большевиками всероссийской политической стачки. Для организации уральских большевиков в Екатеринбург ЦК РСДРП (б) был направлен «товарищ Андрей» — Я.М. Свердлов.

Мы и сегодня доподлинно не знаем, что это был за человек, которому буквально в мгновение ока удалось объединить вокруг себя марксистов самого пролетарского региона Российской империи. И до него на Урал прибывали эмиссары ЦК, но в истории, как и в памяти тогдашних революционеров, остался он один, что говорит об определенной харизме, которой обладал этот молодой человек. Вот как в своих поздних воспоминани-

ях объясняет причину такого его влияния на местных большевиков «товарищ Ольга» — будущая жена Свердлова К.Т. Новгородцева:

«Про Свердлова многие говорили, и я сама не раз наблюдала Якова Михайловича, не раз убеждалась в этом, что он как-то интуитивно, мгновенно схватывал сразу самую сущность человека, с которым сталкивался, со всеми его особенностями. Он умел моментально определить сильные и слабые стороны каждого работника и найти ему наиболее подходящее место...

Казалось просто невероятным, что этот юноша, а ведь когда Яков Михайлович приехал на Урал, ему шел двадцать первый год, так быстро сумел сосредоточить в своих руках все нити руководства организацией, добился такого непререкаемого авторитета и, главное, в какие-нибудь две-три недели полностью перестроил всю работу комитета, вывел организацию на новую широкую дорогу...

Дело было в том, что Яков Михайлович стоял на много голов выше нас, местных работников, видел значительно дальше и яснее, лучше нас понимал стоявшие перед партией задачи, умел все силы сосредоточить на главном».

Провозглашение царского Манифеста о «свободах» 17 октября 1905 года стало поводом для большевистского митинга на Кафедральной площади Екатеринбурга. Провести митинг не удалось, были жертвы. И пролитая на этом несостоявшемся мероприятии кровь спустя двадцать лет позволила победившему пролетариату назвать площадь именем Революции 1905 года.

Через несколько недель Павел Бажов лично познакомился со Свердловым.

«Один из сысертских товарищей (Колокольников, впоследствии меньшевик), знакомя меня на митинге в зале Маклецкого с Я.М. Свердловым, даже так и определил: «очень своеобразный чудак, который рассчитывает, что рабочему классу помогут старообрядческие толстосумы».

Можно представить, что ответил на это агент большевистского ЦК «товарищ Андрей». Павел Петрович в материалах к своей автобиографии, откуда взяты эти

строки, этого не уточняет. Однако факт, что Свердлов, вызвав у него интерес, тем не менее мировоззрения Павла не поменял. Анархо-народник П. Бажов остается при своих взглядах.

И этому были свои причины. Скажем, кто не знает предпринимателя-миллионера Савву Морозова (на Урале он владел Ивакиным заводом во Всеволодо-Вильвенской даче, ныне Пермского края), который ссужал многие суммы на нужды рабочих и на революционную деятельность. Он был именно старообрядцем. Сквозь затемненную историю Февральской революции 1917 года просвечивает подрывная деятельность старообрядца, затем предпринимателя и банкира, министра Временного правительства А.И. Гучкова. Каков был процент старообрядческих капиталов в общем финансировании низвержения российского императора — никто не знает. И, наконец, старообрядческое крестьянство как движитель практических революционных действий. Пройдет чуть меньше тринадцати лет, и в условиях первого года установленной большевиками советской власти в том самом старообрядческом углу Екатеринбургского уезда, где так и не удалось поработать учителю Бажову, вспыхнет народное восстание, руководимое эсерами — в чем-то идейными наследниками народников, и основной массой восставших будут именно старообрядцы...

Разумеется, в ноябре 1905 года этого не могли знать ни Колокольников, ни Свердлов. А Бажов — продолжал верить в революционный потенциал старообрядцев.

«Свободы», объявленные царским манифестом, предоставили гражданам России определенный простор действий, но не в направлении укрепления государства, а в плане его дальнейшего раскачивания.

Так, были разрешены легальные профсоюзы, и 14 ноября вышел из подполья союз педагогов. Бажов принял в его работе активное участие. Внешне это была организация сугубо корпоративная, ее задачей ставилось облегчение учительского труда. Однако то, чего добивались учителя, напрямую касалось идеологических устоев государства. Например, участники учительского съезда в городе Верхотурье требовали передачи

преподавания церковно-славянского языка учителям Закона Божия, причем без увеличения учебных часов. А ряд учителей духовного и епархиального училищ Екатеринбург, и Бажов в том числе, отправил в Синод (государственную структуру, осуществлявшую руководство Российской православной церковью до восстановления патриаршества) телеграмму с требованием отставки руководителя епархии епископа Владимира за проповедь, оправдавшую разгон большевистского митинга 19 ноября и призыв к борьбе с революционерами. Конечно, для преподавателей духовных учебных заведений это было, что называется, круто. Назревал скандал. Как признавался позже Павел Петрович, он даже «печатал на гектографе и распространял нарочно грубо сделанные стихотворные памфлеты против архиерея Владимира, который прославился своими черносотенно-погромными речами...»

Конечно, после этого следовало ждать грозы. И она грянула: Павел Бажов за свою деятельность в учительском союзе «в ноябре был арестован и просидел в арестном помещении полмесяца».

Можно полагать, что эти две недели не прошли для него даром. Что он там видел, что слышал и о чем думал — мы не знаем. Однако последующие события его жизни говорят о том, что он сделал реалистический вывод из всего случившегося. Пословица «Всю жизнь учишься и все равно дураком умрешь» — не про него...

В январе 1906 года он, как и другие «подписанты», предстал пред очи преосвященного Никона, эмиссара Синода, которому было поручено разобраться с крамольными служащими духовного ведомства. Среди них были и коллеги Павла Петровича по народническим «бдениям» у Смородинцева — Успенский и Веселовский. Судя по тому, что в дальнейшем оба товарища отбыли на родину (Веселовский в Киев, Успенский — в станицу Усть-Медведицкую на Дону), в результате расследования им было отказано от места в духовном училище. А Бажов остался, сохранил место службы. Ему, уральцу, ехать было некуда и незачем. Не исключено, что он принес покаяние за свои действия, порочащие архиепископа, и был прощен.

*Семья Бажёвых –
отец Петр Васильевич,
мать Августа Стефановна
и их сын Паша. Сысерть,
нач. 1880-х гг.*

*Вид Сысертского завода. В перспективе –
Симеоно-Анненская церковь, где был крещен Паша Бажёв*

Рабочие мастерских Сысертского завода

Господский дом в Сысертском заводе

Заводчик П.Д. Соломирский

Полевской завод.
Вид с Думной горы на
заводской поселок.
В переднем плане –
сторожка дедушки
Слышко

Полевской завод.
Во флигеле слева
проживала семья
Бажёвых во время
«проветривания»
отца

Вид на Азов-гору
с Острой горки

Хлебная площадь в Екатеринбурге. На втором плане – здание уездного съезда (аналог районной думы)

Щепная площадь. Ново-Тихвинский женский монастырь

Паровой катер на пруду Верх-Исетского завода

Екатеринбургское духовное училище

*Екатеринбургский городской театр,
где Паша Бажов впервые познакомился
со сценическим искусством*

*«Дядя Листар» (П.Н. Галин) – редактор
«Екатеринбургской недели»*

Пермская духовная семинария

*Революционеры-народники
А.П. Шапов и В.И. Кельсиев*

Пермский вокзал Уральской горнозаводской железной дороги

Молодой педагог П.П. Бажов (стоит 4-й справа в третьем ряду) среди преподавателей и выпускников Екатеринбургского духовного училища. Нач. XX в.

П.П. Бажов (стоит слева) среди коллег-преподавателей Екатеринбургского духовного училища. 1900-е гг.

Екатеринбургское епархиальное женское училище

Очередной выпуск епархиального женского училища. Справа в третьем ряду – преподаватель словесности П.П. Бажов и его лучшая ученица Валентина Иваницкая

*П.П. Бажов – самый любимый
учитель епархиалок*

*Молодожены Павел
и Валентина Бажовы. 1911 г.*

Екатеринбург. Улица Архиерейская. Нач. XX в.

Флигель в усадьбе И.Т. Павлова на углу улиц Болотной и Архиерейской, где начинали свою семейную жизнь П. и В. Бажовы

Бабушки Екатерина
Васильевна Иваницкая
и Августа Стефановна
Бажёва с первой внучкой
Ольгой

Сестры-погодки
Ольга и Елена Бажовы

Дом на Торговой ул. в Камышлове, где поселились Бажовы в 1914 г.

Здание духовного училища в Камышлове

КАМЫШЛОВСКИЙ
ИСПОЛКОМИТЕЛЬСКИЙ
КОМИТЕТЪ.

7 марта 1917 г.

№ 125.

Президиумъ всего Камышловъ
П. П. Бажовъ по предложению съ по-
рядкомъ в отрядахъ города уполномо-
ченъ исполнительнымъ комитетомъ горо-
да Камышлова в распоряженія его долж-
ны безпрекословно поступать.

Председатель комитета

В. П. Камышловъ

Секретарь

А. Мещеряковъ

Мандат, выданный П. П. Бажову исполкомом Камышловского совета

Бажов с бойцами полка Красных Орлов Элиасом и Шебалдиным. 1918 г.

Дом Матрены Рябовой на Верхней Пристані в предместье Усть-Каменогорска, где квартировали Бажовы в 1919–1921 гг.

Документ, выданный П.П. Бажову Усть-Каменогорским ревкомом

Усть-Каменогорский

Уездный

Военно-Революционный

КОМИТЕТЪ

24-го ноября 1919 г.

№ 1

г. Усть-Каменогорск.

Предъявитель сего т. БАЖОВУ Павлу поручено заведывание Инфракрасными Службо-Военно-Революционного Комитета. Общественной и Политической Организациям приглаются оказывать ему всяческое содействие по части обслуживания характера.

Председатель Военно-Революционного

Комитета

Секретарь

Handwritten signature

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Предъявитель сего *т.п. Бажов*
..... есть действительно
член Семипалатинского Губернского Коми
тета РКП, что удостоверяется подписями
и приложением печати.

Ответ. Секретарь Губкома *С. Сидин*

Зав. Общим Отд. *В. В. В. В.*

Документ, подтверждающий, что П.П. Бажов является членом
Семипалатинского губкома РКП

Дом в Камышлове на Набережной ул., где жили Бажовы в 1921–1923 гг.

*П.П. Бажов (3-й справа) на 1-м губернском съезде работников печати.
Екатеринбург, 1921 г.*

*Екатеринбург-Свердловск, ул. Вайнера, 12. Дом печати,
где располагалась редакция «Крестьянской газеты»*

В пользу такого развития событий свидетельствует то, что в 1906–1907 годах происходит постепенный отход нашего героя от политической деятельности.

«Когда при подготовке выборов в I Государственную думу мои единомышленники стали говорить о сплоченности с „именитыми в старообрядчестве людьми“ (в сущности, с толстосумами), то это мне показалось совершенно не правильным и я от участия в выборах устранился». Разумеется, действительная антиправительственная деятельность старообрядческих магнатов ему была не известна. А может быть, самоубийство Саввы Морозова было понято им как признание последним ошибочности своих действий?..

С отъездом Успенского и Веселовского и смертью Федоровского распалась и группа Смородинцева, который, по словам Павла Петровича, переродился просто в хранителя «древних устоев». Надо полагать, сам Бажов эти «устои» уже не поддерживал.

Когда революционная ситуация пошла на спад, он скрывает у себя на квартире И. Липина и К. Ламзина, «скомпрометированных как участники боевых отрядов», но сам активности не проявляет.

О том, что Павел предпочел политической деятельности карьеру, говорит многое. Он сохранил репутацию, и в феврале 1906 года на общем собрании служащих консистории, преподавателей и сотрудников духовного и епархиального училищ — членов объединенной ссудо-сберегательной кассы, его избирают в ревизионный комитет. Это, безусловно, говорит о доверии к нему.

1906/1907 учебный год Бажов начинает в чине коллежского асессора, что было равноценно капитану в императорской армии. «Этот чин VIII класса, — пишет в своей книге исследователь прошлого Ю. Федосюк, — ценился очень высоко, и достичь его было нелегко даже дворянину — как правило, требовался университетский или лицейский диплом, либо сдача соответствующего экзамена... Особо желанным чин этот был для недворян: до 1845 года он давал право на получение звания потомственного дворянина».

Конечно, в начале XX века все обстояло значительно проще — чин давался и с аттестатом семинарии, и дворянство никакое не предусматривалось, но соответствие уровню старшего офицера в армии говорило само за себя.

В 1906 году к сыну в город перебирается из Сысерти мать, Августа Стефановна. Очевидно, это тоже становится стабилизирующим фактором в жизни молодого преподавателя.

В следующем учебном году — 1907/1908-м — Павел Петрович как учитель подвизается и в расположенном неподалеку епархиальном женском училище. На прежнем месте он оставляет за собой уроки чистописания, черчения и латыни (вот оно, многообразие семинарского образования!), а русский язык начинает преподавать на новом месте. Надо полагать, общее количество учебных часов увеличилось. Увеличилось и денежное содержание.

Пройдет год, и Бажов окончательно расстанется с духовным училищем, сосредоточившись на работе в епархиальном.

Что это за училище — епархиальное? Оно также было в ведении православной церкви, но обучались в нем — в течение шести лет — только девочки. Так же, как и в духовное, сюда принимали главным образом детей малоимущих служителей церкви, и соответственно оплата за обучение была меньше, нежели в других учебных заведениях. У выпускниц епархиальных училищ было конкретное предназначение — они готовились в учительницы для сельских (церковно-приходских) школ. Потому и требования к подготовке были посерьезнее, нежели в духовном мужском. Вероятно, это прельстило Павла, для которого преподавание живого родного языка было все же ближе, нежели прокрустово ложе черчения и латыни.

А. Саранцев в своем исследовании о Бажове указывает и еще одну причину ухода нашего героя из духовного училища:

«Подъем революции 1905–1907 годов вызвал страх и ненависть у светской и духовной власти в Пермской губернии, как и во всей России. Они, объединившись,

принимают все меры к тому, чтобы затушить пламя революции, противопоставить влиянию революционной идеологии свое влияние. В связи с этим и екатеринбургское духовенство активизирует свою деятельность — устно и печатно, проповедью и властью. Необыкновенно оживляется миссионерское дело, борьба с расколом, усиливается пропаганда христианства. Проводятся так называемые пастырские собрания с целью улучшения пастырско-учительской деятельности... К участию во всей этой борьбе против революции привлекаются преподаватели духовных училищ».

Понятно, что, отходя от революционной деятельности, Павел не хотел участвовать в травле своих недавних соратников, и в этом плане работа простого учителя-предметника устраивала его больше.

И здесь он начал свое преподавание с младших классов. Его ученицами стали епархиалки первого — четвертого годов обучения.

Вот как вспоминала появление в классе нового учителя Валентина Иваницкая, учившаяся в епархиальном училище с 1905 года:

«Вспоминается длинный школьный коридор в день 1 сентября 1907 года. Только что съехавшиеся ученицы шумно делились впечатлениями о том, как провели каникулы. В третьем классе, где в то время училась я, ждали прихода нового преподавателя русского языка. Его еще никто не видел, и ходили самые разноречивые толки. Одна из учениц сообщила, что ее брат учился у этого учителя и очень хорошо отзывается о нем. Наконец зазвенел долгожданный звонок. Все с шумом вошли в класс, чинно расселись по местам. В коридоре раздались шаги расходившихся по классам учителей. Послышалось покашливание, и ровной походкой в класс вошел человек среднего роста, с красивой густой бородой и чуть волнистыми русыми волосами. Но особенно привлекли внимание его необыкновенно умные и какие-то лучистые, добрые глаза, сразу расположившие нас к новому преподавателю...

Первый же урок его начался простой беседой. Павел Петрович ярко и с большой внутренней убежденностью говорил о значении глубокого знания русского языка.

Павел Петрович резко отличался от большинства преподавателей, державшихся официально, не допускавших никакой близости с учениками. Между Павлом Петровичем и нами установился постоянный тесный контакт. Хотелось лучше подготовить урок, лучше ответить. На его уроках не было равнодушного отношения к предмету, зубрежки, слепой покорности. Павел Петрович умел найти подход к каждой из учениц, учил их думать и высказывать свои мысли.

Уроки русского языка строились на многочисленных примерах, взятых из русских былин, из басен Крылова, стихов Пушкина, Некрасова, Лермонтова, из произведений Тургенева, Толстого, Лескова, Чехова.

Любое сухое и трудное, на первый взгляд, грамматическое правило становилось доступным, понятным, живым в изложении Павла Петровича, прививавшего нам вкус и любовь к богатейшему русскому языку.

На его уроках казалось, что учитель приходит в класс и импровизирует. Между тем эта четкость, простота и доступность изложения достигались путем тщательной детальной подготовки...

Очень внимательно подходил Павел Петрович к оценке ученических работ. Особенно не любил он „красивоостей“, которыми часто изобиловали наши сочинения.

„Погоня за искусственными построениями ничего, кроме вреда, не принесет“. „Не забывайте что красота слога прежде всего в простоте“. „Не забывайте правила: чем проще — тем лучше“. „Избегайте всего искусственного“. Подобные замечания можно было встретить на полях многих ученических тетрадей, правленных рукой Павла Петровича.

Он обладал изумительной выдержкой и умением владеть собой. Не бывало случая, чтобы он повысил голос или резко оборвал ученицу, плохо знавшую урок. Если его что-нибудь раздражало, он хмурил брови и несколько раз проводил рукой по волосам: всем становилось ясно, что Павел Петрович недоволен...

Своей личной библиотекой он позволял пользоваться ученицам. Давал нам книги на дом и беседовал с нами, углубляя наше понимание идейного и художественного значения прочитанных книг».

Надо полагать, к этому времени, а нашему герою в январе 1908 года исполнилось 29 лет, Павел Бажов нашел свою стезю. В школах учителей много, а любимых-то — единицы. Добросовестно исполняя свои обязанности училищного словесника, новый учитель стяжал любовь учениц в платьях цвета бордо (такова была общеустановленная форма епархиалок, гимназистки носили коричневые платья с черным передником). Сохранились воспоминания других его учениц — А. Алексеевой, Л. Шулиной, и все они едва ли не в один голос вспоминают Павла Петровича как самого любимого их педагога.

«...В училище проводились вечера, которые для всех были настоящим большим праздником. На этих вечерах в знак особого уважения девочки прикалывали своим любимым учителям разноцветные бантики из лент — красные, голубые, зеленые. Павлу Петровичу бантиков доставалось больше всех... Стоит, бывало, он у дверей учительской, улыбается всем приветливо, глаза счастливо блестят, а грудь у него вся-вся в ярких лентах».

Имея за плечами семилетний учительский стаж, Павел выработал свою методику преподавания родного языка, сделав акцент на творческое изложение мысли. Он практикует классные и домашние сочинения, стремясь научить своих подопечных, как будущих учительниц, умению более свободно и грамотно излагать то, что они думают. Он подает в совет епархиального училища предложение насчет перераспределения учебных часов по русскому языку в сторону увеличения их в четвертом классе. Совет, рассмотрев это предложение, принимает его.

Вместе с тем Бажову и в епархиальном училище приходится преподавать церковно-славянский и алгебру. И в этом ничего нелогичного нет — большая нагрузка дает преподавателю и большой заработок.

Газета «Екатеринбургские епархиальные ведомости» в официальном отделе отражает динамику роста жалованья Павла Петровича в этот период:

1908/1909 учебный год — годовой оклад 1000 рублей при числе уроков — 25 (надо полагать, в неделю).

1909/1910 учебный год — годовой оклад 1350 рублей при нагрузке — 30 уроков.

1910/1911 учебный год — годовой оклад 1350 рублей плюс 60 рублей за чтение письменных работ («за тетради» — как говорят современные учителя) при нагрузке — 30 часов.

Выходит чуть больше ста рублей в месяц. Сумма на сегодняшний взгляд вроде бы небольшая, однако, если учесть цены 1900-х годов (пуд пшеницы — 45 коп., пуд картофеля — 10—14 коп., фунт мяса — 5 коп., полупальто — 5 руб.), то станет ясно, что жить на такие деньги можно очень даже достойно.

Вероятно, на «вакаты» этого периода приходится и дальние поездки Павла Петровича — на Кавказ и Украину, о чем он вскользь говорит в своем письме к Л.И. Скорино: «... 18 летних просторных вакатов. Правда, часть из них пришлось потратить на театрализованную природу. Надо же было посмотреть море, дымку южных гор, мертвое дерево кипарис и проч., что полагается». В повести «Дальнее — близкое» автор упоминает и поездку героя на Байкал. Была ли она в действительности? Никаких подтверждений этому в архивных материалах и мемуарах не встречается. Возможно, литературный вымысел.

К этому времени жизнь Павла Петровича выглядит вполне устойчивой. По тогдашним понятиям его возраст считался зрелым, а служебное положение — солидным. В 1910 году по чину он — надворный советник, что равно армейскому подполковнику. Он приобретает серьезный степенный облик — у него отросла «разночинская» борода, не вполне соответствующая моде начала XX века, но весьма отвечающая фэйскуду духовного ведомства.

Бажов квартировал на окраине тогдашнего Екатеринбурга — на улице Архиерейской, выходящей на Цыганскую площадь, где и завершался собственно город. Однако эта улица, считаясь окраинной, украсила бы и центр Екатеринбурга. Речь о нынешней улице Чапаева, два начальных квартала которой были заняты усадьбами весьма достойных горожан. Здесь жил городской голова купец М.А. Нуров, целый клан куп-

цов Ошурковых: два брата — Павел и Михаил и дочь первого Анфия, вышедшая замуж за оперного тенора и предпринимателя П.Ф. Давыдова. Кое-кого из них на момент поселения здесь нашего героя уже не было в живых, но замощенная улица со столичного вида особняками продолжала радовать глаз. В непосредственной близости от местожительства Павла располагалась резиденция архиерея — епископа Екатеринбургского и Ирбитского — дом, две церкви и сад, а через дорогу от нее — духовная консистория (административный орган Екатеринбургской епархии) и школа псаломщиков, где Бажову приходилось подрабатывать в бытность преподавателем духовного училища. Возможно, и квартиру он снял в этом месте по причине близости к рабочему месту.

Но вся эта столичность улицы длилась всего два квартала — до пересечения ее с речкой (скорее, ручьем) Монастыркой. Заболоченная пойма Монастырки и отделяла респектабельную часть Архиерейской улицы от мещанской. Так вот, Павел Петрович квартировал в мещанской части — сразу же за ручьем, во флигеле усадьбы Ивана Тихоновича Павлова, державшего в свое время крендельное заведение, а затем торговавшего зерном. Но к появлению в 1906 году в павловском домике семьи Бажовых (во всех документах, напомним, фамилия по-прежнему пишется через «е»), бизнес хозяина усадьбы был не на высоте — об этом свидетельствует и состояние самой крупной постройки на его участке — «рабочей избы», которая пришла в негодность и доживала свой век. Известно, что в намерениях Павлова было строительство на ее месте большого дома, судя по планировке — под сдачу в наем для двух семей. На это он получил дозволение от городской управы еще 23 февраля 1901 года. Однако смерть оказалась расторопнее предпринимателя — он покинул сей свет, так ничего и не построив. В Исторической справке, составленной И.И. Куликовой, сказано, что Бажов арендовал флигель у брата И.Т. Павлова, у него же, надо полагать, он и выкупил территорию усадьбы со строениями. Возможно, это случилось в том же 1906 году, поскольку именно тогда Августа Стефановна настояла на продаже

семейной усадьбы в Сысерти, и вырученные от этой операции деньги могли стать основой суммы, выплаченной наследникам И.Т. Павлова.

Вполне вероятно, что эта купля-продажа состоялась и несколько позже. Важно то, что условия, в которых проживали Бажовы, снимая флигель, были далеки от идеальных. Сруб, скорее всего, стоял прямо на земле, поскольку в сырую погоду под полом неизменно накапливалась вода. Отсюда и планы квартиросъемщиков построить свое, более основательное жилье.

Не исключено, что мать, сетуя на неважное здоровье, стала убеждать сына жениться...

Итак, к исходу первого десятилетия нового века нашему герою было под тридцать. В тогдашнем обществе, если ты не сын удачливого купца, заводчика или банкира, как раз к этому возрасту при упорном самостоятельном труде и можно было составить определенный жизненный капитал (надежное место службы, чин, денежное содержание, недвижимость), который позволял засылать сватов. Вот откуда так называемые неравные браки — имея средства, солидные люди сватались к молоденьким и хорошеньким (а если к их приданому — тогда внешность и возраст роли не играли).

Учительская нагрузка — тридцать уроков в неделю, это при шестидневке по пять уроков в день. Если учесть чтение письменных работ (по русскому, алгебре, церковно-славянскому), да подготовку к урокам на завтра, да общественную жизнь (мы знаем, что Павел Петрович был членом ревизионного комитета местной ссудной кассы, иными словами — кассы взаимопомощи), то времени на личную жизнь почти не оставалось.

Не исключено, что у молодого учителя, который, судя по сохранившимся фотоснимкам, имел весьма привлекательную внешность, были знакомые барышни, но найти подходящую по душевному складу и, что немало важно, по духовному уровню, видно, не удавалось. И тогда судьбе было угодно, чтобы наш герой в реальности повторил поступок мифического Пигмалиона.

Валя Иваницкая, чьи воспоминания о первой встрече с новым учителем процитированы выше, родилась в 1892 году в семье изгнанного семинариста Александра

Константиновича Иваницкого и его жены Екатерины Васильевны, в девичестве Констанской. Пострадавшее от семинарского начальства Иваницкому не удалось продолжить образование, и он смог устроиться лишь учителем на скромный заработок в селе Колчедан Камышловского уезда. Для прокорма быстро выросшей семьи (пять дочерей) вынужден был перейти на церковную службу — псаломщиком. Сначала в селе Кашинском Ново-Пышминской волости, а с 4 марта 1904 года он как «безместный псаломщик» — так значится в документе — «допущен к исполнению должности псаломщика при церкви села Зотинского Камышловского уезда». Смена места службы, вероятно, вызвана тем, что, потеряв уверенность в жизни, увидев безысходность своего положения, отец Вали начал пить. Он и умер сравнительно молодым в 1905 году. Прошение семьи к начальству епархиального училища о приеме «псаломщицкой дочери» сироты «Валентины Александровны Иваницкой» в число учениц было подано уже после его смерти. Так Валентина Иваницкая стала епархиалкой.

Учитель Бажов начал преподавать в этом учебном заведении, когда пятнадцатилетняя Валя училась в третьем классе. Четырех лет хватило Павлу Петровичу, чтобы рассмотреть в прилежной ученице родственную душу. Ведь ее отец не случайно был отчислен из четвертого класса Пермской семинарии — он так же, как и новый учитель, в юношеский период исповедовал революционно-демократические взгляды, и младшая дочь сохранила его семинарскую тетрадь, в которой отец записывал выдержки из полюбившихся книг. Что-то из этого она переписала и в свою тетрадь с конспиративными пометками, понятными только ей: «Из п. т.», «Из п. кн.». Главная мысль, которую она воспитала в себе, — служение народу. Будущая деятельность сельской учительницы как нельзя более подходила для осуществления этой цели. В сочинении на тему «Мечты будущей учительницы» она писала:

«Велика еще темнота умов простого русского народа... <Крестьянские дети> почувствуют влечение и интерес к школе, к науке, а результатом этого будет успех и в учении. Легко подумать, но только тяжело выпол-

нить. Но все же я пойду туда, где стонут наши братья, где вечный труд и бедняки».

В альбомы своим подругам она записывала подобные мысли и в стихотворной форме:

Не смущайся в тяжелые годы —
Верь, надейся и жди,
Что луч света, добра и свободы
Взойдет на тернистом пути!..

Разумеется, Павел Петрович не мог впрямую учить своих воспитанниц этому на уроках. Однако опосредованно, иносказательно подобные мысли он наверняка проводил. Далеко не все ученицы, обладая различной степенью интеллекта, могли это воспринять. А Валя смогла. И не случайно, оценивая ее письменные работы, учитель неоднократно констатировал: «Ты всегда все понимаешь»...

Наверняка на училищных вечерах и Валин цветной бантик вкальвался в лацкан учителя словесности, и были неформальные разговоры о том, что волновало будущих учительниц и о чем они не могли прочесть в учебниках и услышать на уроках. «Эти беседы сыграли огромную роль в формировании мировоззрения и моего, и многих моих сверстниц», — вспоминала позднее Валентина Александровна.

Все это стало основой взаимных чувств учителя и ученицы и в итоге привело к тому, что после вручения выпускницам аттестатов об окончании епархиального училища с присвоением звания домашних учительниц (оно пришлось на 11 июня 1911 г.) Павел Петрович сделал Валентине Иваницкой предложение.

О единстве их духовных устремлений говорит и стихотворение Павла Петровича, написанное им летом того года и посвященное невесте:

...Об руку смело идем мы вперед,
Крепкую веру храня.
Рано иль поздно, а все же взойдет
Русского счастья заря.
Если же нам суждено не дойти,
Оба погибнем на честном пути.

Глава 5. ЗРЕЛОСТЬ. Женитьба. Семья.

Камышлов

Свадьбу играли на родине невесты — в селе Новопышминском Камышловского уезда. Но венчание состоялось в соседнем селе — Кашинском, в Николаевской церкви, где служил когда-то отец Валентины.

В метрической книге на 1911 год в разделе за июль под № 31 записаны главные участники венчания:

«Преподаватель Екатеринбургского епархиального женского училища Павел Петров Бажев, православный, первым браком, 32 года.

Камышловского уезда Кашинского села псаломщицкая дочь Валентина Александрова Иваницкая, православная, первым браком, 19 лет».

В отличие от семьи жениха семья Иваницких была немалой: мать Елена Васильевна и пятеро дочерей. Старшая — Анна, ровесница новоиспеченного зятя, тоже учительствовала. Затем шли Августа (подомашнему Ава), Агния и Наталия. Валентина была самой младшей.

Разумеется, брачная партия младшенькой была признана семьей весьма удачной. Иваницкие жили просто, а тут в зятях — сразу и преподаватель «Валиного» училища, и надворный советник! А уж о том, что он внешне красавец, и говорить не приходилось. Думается, никаких разговоров о разнице в возрасте, которую не устают муссировать современные исследователи, забывающие, что в разные времена и критерии разные, не возникало.

Зарегистрировав брак, молодожены отправились в свадебное путешествие в Крым. Известно, что они побывали в Ялте, видели гору Ай-Петри...

Домой вернулись к началу 1911/1912 учебного года, и стало ясно, что строительства нового дома не избежать — в старом и тесно, и не больно уютно. А ведь еще дети пойдут...

К этому году и относятся действия главы семьи по подготовке к строительству. В Сысерти продолжал жить отчим Августы Стефановны дед Филадельф. Он

помог выбрать и купить подешевле лиственничные бревна для стен. Завоз материала в город производился наверняка зимой, по снегу.

Имея на руках план неосуществленной постройки павловского дома, Бажов решил взять его за основу, перепланировав, однако, внутреннее пространство. Вместо глухой стены, делившей дом на две изолированные части, в новом проекте шел коридор, из которого были запланированы двери в каждую из четырех жилых комнат. Появилось и парадное крыльцо, что вело с улицы в этот коридор, выполнявший функцию прихожей.

Не исключено, что в перепланировке Павлу Петровичу помогал коллега по училищу — архитектор Кронид Полков (была в епархиальном училище и такая должность). У Н.В. Кузнецовой в черновиках есть отметка, что Полков во времена учения Валентины даже преподавал епархиалкам черчение, рисование и космографию. Но основная его деятельность все же соответствовала дипломной специальности гражданского инженера (так тогда именовали архитекторов). В 1901–1906 годах Полков служил екатеринбургским городским архитектором и стал автором ряда замечательных зданий Екатеринбурга. Крониду Алексеевича привлекли к работе над проектом нового, более вместительного здания епархиального училища, для которого отвели место буквально рядом со старым, в соседнем квартале — на восточной стороне Щепной площади. По этой причине архитектор и перешел на службу в духовное ведомство.

Определенная близость Бажова и Полкова могла объясняться следующим обстоятельством. К.А. Полков (р. в 1852 г.), так же как и Павел Петрович, успел по молодости лет отведать тюремного заключения по политическим мотивам. Он стал жертвой репрессий по отношению к революционно настроенной молодежи Санкт-Петербурга, которая 6 мая 1874 года во время произведения ритуала гражданской казни над так называемыми долгушинцами, названными историком революционного движения в России И. Веккером «первыми пионерами хождения в народ», выразила поддержку осужденным на каторгу. Среди тринадцати

человек, задержанных полицией по приказанию помощника прокурора Стадомского, был и сын коллежского советника Кронид Алексеевич Полков. Пятерых из задержанных, уже имевших определенную репутацию, выслали из столицы. Будущего же архитектора участь сия миновала, вероятно, потому, что это был первый его опыт открытого неповиновения властям. Возможно, и последний. Наверное, ему этот опыт тоже пошел на пользу.

В этом учебном году денежное содержание преподавателя П.П. Бажова выросло до 1450 рублей в год, увеличилась и надбавка за проверку письменных работ — 75 рублей, а число уроков на один сократилось. Видимо, все это — следствие уважительного отношения к нашему герою-молодожену со стороны училищного начальства: и жена его в бытность ученицей была на хорошем счету, и сам он оправдывает доверие.

Во флигеле на Архиерейской теперь вечерами частенько звучала гитара — Валентина имела от природы хороший слух и аккомпанировала себе на семиструнке. Павлу Петровичу нравилось звучание этого инструмента. Сам он любил музыку, но талантами жены, увы, не обладал.

Нельзя не отметить, что гитара, рожденная в Испании, именно в России нашла своих активных приверженцев и во второй половине XIX века переместилась из концертных залов в бытовую среду, значительно потеснив привычную балалайку. В силу такого повального «обмирщения» этого волшебного инструмента гитарную музыку даже исключили из числа «серьезных», и братья А. и Г. Рубинштейны, руководившие в одно время Московской и Санкт-Петербургской консерваториями, не позволили виртуозу Марку Соколовскому открыть отделение гитары в этих музыкальных вузах...

А вот оперу в самой настоящей ложе, украшенной позолотой и бархатом, под плафоном с «амурами и зефирами» екатеринбуржцы Павел и Валентина Бажовы могли слушать, не выезжая в столицы. В 1912 году в городе на Дровяной площади был открыт новый городской театр, который по внутреннему убранству и акустическим качествам почти не уступал питерским

и московским. Павел Петрович и Валентина Александровна сразу же стали завсегдатаями премьер. Бывали они и на драматических спектаклях, которые шли как в новом городском, так и в Верхисетском театре (Народном доме Общества трезвости).

Валентина Александровна позже вспоминала:

«Жили мы скромно, больших лишений, правда, не испытывали...»

В первые годы нашей совместной жизни Павел Петрович работал над историей пугачевского восстания и часто бывал в архиве. Несколько лет он занимался изучением французского и немецкого языков по самоучителю. Вместе мы читали много исторической и художественной литературы...»

Ну, как можно выучить иностранный по самоучителю, мы знаем: сразу вспоминается шолоховский Макар Нагульнов из «Поднятой целины», учивший язык в ожидании мировой революции. Для Павла Петровича идеи объединения пролетариев всех стран в этот период были чужды (позже он писал: «С 1912 года началось значительное оживление революционного движения на Урале, и по существу я в него не включился... (подчеркнуто автором. — В. С.), так что к языкам он обратился в процессе самообразования человека, которому отказали в поступлении в университет.

Ну а Пугачев? Здесь интереснее. В этой работе прослеживается давний интерес Павла к старообрядческому движению «Борода и крест». Оставив активную деятельность по революционному просвещению старообрядцев, Бажов устремил свой ум целиком в русло изучения этого процесса в историческом аспекте. Тем более что материалов о пугачевщине в архиве Уральского горного правления было немало (кстати, и Пушкин, будучи на Урале, не затронул их в своей работе об истории Пугачевского бунта, так что они как следует и не были изучены).

В то же время Павел Петрович продолжает систематизировать фольклорный материал, собранный во время велосипедных путешествий в летние каникулы, составляет картотеку.

Все это, безусловно, творческая, исследовательская деятельность, хотя главная направленность этих исследований им пока не определена.

Так, явно не для проформы написан доклад Бажова «Мамин-Сибиряк как писатель для детей», подготовленный для прочтения на новогоднем училищном вечере 20 декабря 1912 года. Тема была выбрана им самим или назначена начальством в связи с недавним шестидесятилетием и последующим после этого уходом из жизни крупнейшего писателя-уральца. Вполне вероятно, не случись этих событий, доклад мог бы быть на совершенно другую тему или его могло не быть вообще, поскольку сама программа этого предрождественского мероприятия не предусматривала ничего «серьезного». Текст читался Павлом Петровичем между выступлениями училищного хора, но, принимая во внимание общее уважение, которым пользовался автор в коллективе епархиального училища, скорее всего был прослушан с вниманием и даже удостоился чести быть опубликованным на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» в следующем 1913 году.

Некоторые из исследователей называют это первой публикацией писателя. По факту — верно, но вряд ли эта работа говорит о писательском таланте автора. Обычный доклад. Добротный, но обычный. И если он нам интересен сегодня, то только двумя-тремя моментами. Первый: учитель словесности П.П. Бажов высказывает собственное убеждение насчет необходимости существования «специальной» детской литературы. Он за то, чтобы сочинением литературы для детей занимались писатели, ориентированные именно на этот вид деятельности и имеющие определенные навыки — язык, стиль, педагогические познания.

Что ж, вроде бы верно. Но почему тогда в разряд классики литературы для детей XIX — начала XX века вошли рассказы и сказки, написанные «взрослыми» сочинителями — Л. Толстым, А. Чеховым, С. Аксаковым, К. Ушинским, А. Куприным и не вспоминается ничего из творчества лиц, писавших только для детей? Разве что «В лесу родилась елочка...» Розы Кудашевой. Да и сами бажовские сказы разве писались специально для

детей? Ничуть не бывало. Однако сколько детворы, и в первую очередь уральской, воспитано на них!.. Да и Мамин-Сибиряк с его «Аленушкиными сказками» считался писателем не «детским». Просто у него, как у литератора действительно большого, в творчестве имелся и детский сегмент — и он ничуть не слабее взрослой составляющей...

Выходит, в 1912 году Павел Петрович ошибался? В определенной степени да, однако следует иметь в виду, что он в первую очередь выступал против литературной халтуры для детей и лишь потому ратовал за специалистов в этом деле. Дальнейшая его творческая жизнь показала некоторую ошибочность этих взглядов... А тогда он был всего лишь преподавателем-словесником — учил будущих учительниц на примерах из произведений профессиональных литераторов и сам на сочинительство даже в мыслях не покушался, «потому что считал это себе не по плечу. Что называется, для меня звание писатель звучало очень высоко и мне казалось, что тянуться в эту сторону у меня и сил нет, и возможностей нет, и поэтому я никогда не думал, что мне когда-нибудь придется писать».

Еще один момент в докладе о Мамине-Сибиряке. Павел Петрович акцентирует внимание на патриотизме автора:

«Нам, жителям Урала, Мамин-Сибиряк должен быть особенно дорог.

В большей части его произведений зарисованы родные нам картины природы и быта. А ведь каждый из нас, говоря словами Мамина: „какими-то таинственными нитями связан со своей родиной на всю жизнь и не может без волнения думать о ней, вызывая в воображении целые вереницы картин, сцен и лиц”.

Вот это в творчестве Мамина-Сибиряка Бажова особенно грело, поскольку сам он начинал прикипать к изучению прошлого уральского края и крупнейший в прошлом литератор-уралец был ему в этом деле нужным союзником.

И наконец последнее, что хотелось бы отметить в рождественском докладе учителя словесности. Бажов обращает внимание слушателей на «нежность души

писателя», во-первых, когда сравнивает воспоминания о бурсе Мамина и Помяловского. Память уральца об этом периоде его жизни окрашена легкой грустью и даже ностальгией, в то время как петербуржец клеймит духовное училище, не жалея темных красок. А во-вторых, когда цитирует письмо Дмитрия Наркисовича Давыдовой, где тот пишет о своих чувствах к дочери:

«Мне совестно за собственную радость, что послезавтра увижу свою Аленушку, услышу ее детский лепет и почувствую себя хорошо-хорошо. Ведь с ней приедет моя молодость, моя любовь, последнее, для чего стоит жить. Если бы эта капелька понимала, что везет с собою...»

Кажется, отцовские чувства Мамина перекликаются с таковыми же самого Павла Петровича, у которого к этому времени была полугодовалая дочь Ольга. Ребенок-первенец родился в семье Бажовых 11 мая 1912 года. Если верить краеведу Н.А. Езовских, восприемником новорожденной был инспектор епархиального училища священник Сергей Александрович Увицкий, который в дальнейшем сыграет определенную роль в судьбе семьи своей крестницы...

С появлением дочери проблема смены жилища для Бажовых усугубилась. Условия, которые были выносимы для взрослых, могли пагубно сказаться на здоровье ребенка.

Известно, что возведением нового дома на участке, владельцем которого с 1911 года числился Павел Петрович, занималась семейная артель плотников Сурниных — отец Филипп Иванович и трое его сыновей. Судя по тому, что строительство велось несколько лет, застройщик испытывал проблемы с финансированием.

Новый 1913/1914 учебный год наш герой начал с окладом, выросшим на 50 рублей — его годовое содержание составляло полторы тысячи. Но Павел Петрович остается единственным кормильцем в семье уже из... пяти человек: 4 июля 1913 года у него родилась вторая дочь — Елена.

Восприемниками новорожденной стали упомянутый выше гражданский инженер училища и препода-

ватель К.А. Полков и самая авторитетная воспитательница епархиального Е. И. Знаменская.

Надворный советник Павел Петров Бажов продолжает преподавать русский и церковно-славянский языки, а также алгебру. В этот период он не мыслит для себя другого поприща, нежели педагогика. По крайней мере, о каких-либо его сомнениях по этому поводу нам не известно...

И следующее поколение епархиалок запомнило учителя Бажова ревностным служителем системы образования.

Нельзя не отметить организацию практики для будущих учительниц. Прямо при училище была открыта образцовая начальная школа, куда принимали учениц, которым и преподавали, практикуясь, епархиалки-старшеклассницы.

Краеведу Н.А. Езовских в 1978 году удалось записать воспоминания Лидии Михайловны Пищиковой, учившейся у Павла Петровича в этот период.

«Павел Петрович преподавал у нас с первого класса. Он произвел на меня хорошее впечатление своим отношением к ученикам. Всегда приходил в зеленоватом мундире с блестящими пуговицами. Взойдет спокойно на кафедру, сначала посмотрит на ученицу, потом вызывает:

— Госпожа Шулина.

— Госпожа Вербицкая.

Я всегда про себя смеялась: «госпожа». Я же дочь крестьянина. Добрый голос у него, добрый взгляд. Робкую по голове погладит. Была у нас бойкая Сусанина, так с ней — шутливо. Отвечаешь — никогда не перебивает. Задает дополнительный вопрос, если неправильно ответишь. Помню, на экзаменах отвечала о старосветских помещиках...

Я в своей практике на уроках литературы старалась пользоваться бажовской манерой преподавания.

Однажды мой урок разбирали. Мы на практике были, в нашей школе давали уроки. Мне Павел Петрович сказал:

— Учительская жилка у вас есть.

И действительно, я на всю жизнь полюбила свою работу».

Л. М. Пищиковой вторит ее сверстница и коллега Лидия Михайловна Загудаева:

«Я училась у Павла Петровича шесть лет. Окончила епархиальное училище в 1914 году..

Как учителя меня интересовала методика преподавания, поведение Бажова на уроке...

Входил тихонечко. Никогда не повышал голоса. При ответе не торопил. Наводящий вопрос даст, подскажет...

Знаете, какой он человек! Мы каждый раз ждали встречи с ним, как с родным. Взгляд у него был ласковый. Запомнилось: как-то перед каникулами Павел Петрович читал рассказ Короленко «Старый звонарь». Вспомнил звонарь молодость... Последний удар, и он никогда больше не будет звонить! Все! Я так плакала навзрыд, жалко было...

— Так читал Павел Петрович?

— Да. От души, проникновенно. А когда собирались на каникулы, просил: записывайте пословицы, загадки. Легко было учиться у него, потому что старались все».

Летом 1914 года началась война, которую позже стали именовать Первой мировой.

Урал — место далекое от развернувшегося на западе страны театра боевых действий. Однако и здесь война дала себя знать.

Она пришлась как раз на тот момент в жизни семьи, когда, казалось бы, стабильность и благополучие свили здесь свое прочное и долговечное гнездо. В 1914-м, наконец-то, было закончено строительство большого крепкого вместительного дома на углу улиц Архиерейской и Болотной.

В доме было четыре просторных, почти квадратных комнаты: две справа от срединного коридора — родительская и смежная с ней детская и две слева — для бабушки — и общая столовая. Из столовой был выход на кухню, а из кухни — в сени и во двор. И сегодня, почти сто лет спустя, этот дом поражает своим объемом, впечатлением устойчивости и точностью посадки на углу двух улиц.

В разрешении на строительство дома Павлу Петровичу, как застройщику, городской управой было поставлено

одно непереносимое условие — устройство дренажных канав вдоль обоих фасадов дома. Это не давало подземной влаге выступать наружу на проезжей части (что делало прежде непреодолимым перекресток двух улиц в дождливое время) и защищало фундамент вновь построенного дома. Условие было выполнено, после этого, надо полагать, и в старом флигеле вода ушла из подпола...

Кроме дома и флигеля, в усадьбе были необходимые хозяйственные постройки и большой, протянувшийся вдоль улицы Болотной огород, где выращивали картошку и другие овощи. Общая площадь владения, согласно упомянутой справке, составляла чуть больше гектара — 1060 квадратных метров.

Тогда же, в 1914 году семья пополнилась еще одной дочерью — Ариадной. Все три девочки были погодками, рождались друг за дружкой в 1912, 1913, 1914 годах, что говорит о хорошем физическом здоровье обоих родителей и о традиционной установке на большую крепкую семью. Однако именно в этом году и случился поворот, который привел ко многим драматическим и даже трагическим событиям в жизни нашего героя и полной смене его жизненных ориентиров.

Бажовы покидают Екатеринбург...

Общепринятая версия причин этой перипетии такова.

На объявленную мобилизацию и начало боевых действий на фронте российский внутренний рынок ответил ростом цен на продукты питания. Бюджет семьи в шесть душ при одном кормильце оказался недостаточным. К тому же ежемесячно нужно было делать взнос по погашению кредита за дом. Стало подводить здоровье и бабушку Августу Стефановну — главную помощницу молодой хозяйки и матери троих детей (третий ребенок — грудной). По воспоминаниям Валентины Александровны, бабушка в том же году и умерла. Однако современный исследователь Н.В. Кузнецова, известная своей дотошностью, настаивала, что мать Павла Петровича скончалась двумя годами позже, в 1916 году. Это уточнение мало что меняет. Даже если А.С. Бажева в 1914 году была еще жива, степень ее

помощи многодетной невестке, скорее всего, была незначительной, а нанять няньку или кухарку доходы семьи не позволяли...

Это побудило Павла Петровича сдать новехонькое, не обжитое еще жилище в наем, а самому с семьей перебраться в соседний Камышловский уезд, где проживали мать и сестры Иваницкие, которые, зная о проблемах молодой семьи, предложили свою помощь и участие.

В пользу Камышлова говорило и то, что в этом уездном городе на рубеже веков открылось духовное училище. Здесь работал кум Павла Петровича (крестный его первой дочери) священник о. Сергей Увицкий. Он обещал посодействовать в получении места в оном учебном заведении. Это, похоже, окончательно убедило Бажова в правильности выбора нового места жительства, и решение было принято.

Немаловажный вопрос: а на кого же остался новенький дом в Екатеринбурге?

Выскажу предположение, что Бажов сдал дом в аренду духовному ведомству в расчете на надежное и регулярное поступление арендной платы (для частного лица снимать такой дом было бы дороговато), которая шла на погашение кредита, взятого Павлом Петровичем на строительство. Из этой посылки логично следует то, что он и в Камышлове остается чиновником духовного ведомства, а в доме на Архиерейской поселяется священник...

Об этом квартиранте спустя много лет музейщики узнали от жительницы соседней усадьбы. Всплыла и фамилия батюшки — Здравосмылов.

Был ли в действительности такой человек или это аберрация памяти простой женщины?

Оказывается, был! И он был не просто священником, а занимал должность епархиального миссионера. Чем занимаются миссионеры, мы знаем: обращением туземного населения в свою веру. Однако к этому времени язычников в Зауралье почти не было. Тогда что же составляло предмет деятельности этого духовного должностного лица? И вот тут открывается самое для нас интересное. Александр Васильевич Здравосмылов окончил миссионерское отделение Олонецкой

духовной семинарии в городе Петрозаводске, которое специализировалось на обращении в православие... старообрядцев.

Возникает недвусмысленный вопрос: что же, бывшее увлечение Павла Петровича старообрядческим протестным движением полностью сошло на нет? А как же тогда изучение путачевщины, густо замешанной на этом религиозном течении? Или же Здравосмыслов — это тот человек, который смог окончательно увести Бажова от прежних, семинарских, взглядов?.. Так или иначе, но именно под его опеку Павел Петрович оставляет свой дом. Надо полагать, этому человеку он всецело доверял...

Вот таким образом панацеей от всех возникших проблем для Бажова и оказался город Камышлов.

По официальному рангу он был равен Екатеринбург — также уездный город Зауральской части Пермской губернии. Однако если первый «на железе стоял, железом и кормился», то второй оставался городом традиционным — стоял «на земле», и все его богатства были от земли. Расположенный на Западно-Сибирской равнине, через которую пролегал Большой Московский Сибирский тракт, Камышловский уезд в прямом смысле кормил промышленные уезды губернии хлебом. Оттого и на гербе города значились исключительно сельскохозяйственные атрибуты — сноп, серп и цепь.

Одним из значительных факторов развития территории стало открытие железнодорожного сообщения, которое к этому времени именовалось Пермь-Тюменской железной дорогой и связывало Камский бассейн с Обь-Иртышским. Город Камышлов подтвердил свой статус транзитного пункта на пути из Центральной России в Сибирь и обратно. Поскольку железную дорогу пускали по частям, то в Камышлове, как конечном пункте первого участка, было построено оборотное паровозное депо, ремонтные мастерские и солидное здание вокзала. Из учебных заведений здесь были мужская и женская гимназии, духовное и городское училища, четыре земские начальные школы и две церковно-приходские. Две ярмарки — Тихоновская и Покровская — шумели здесь ежегодно. Сюда за хлебом

приезжали купцы из Тобольска, Оренбурга, Нижнего Новгорода, и это несмотря на то, что в соседнем уезде была знаменитая на всю империю Ирбитская ярмарка с тем же товаром.

Пять православных храмов, в том числе величественный Покровский собор, определяли внешний облик города, раскинувшегося на левой стороне реки Пышмы. Из промышленных предприятий помимо железнодорожных мастерских стоит отметить мукомольные паровые мельницы и другие более мелкие заведения по переработке пищевой продукции. В городе находился винокуренный завод Н.А. Подсосова, а в уезде (в Талице) — крупный завод по производству спирта, пива и дрожжей, принадлежавший наследникам «водочного короля Сибири» поляка А.Ф. Поклевского-Козелла. На частных предприятиях были устроены для местных нужд небольшие электростанции.

Нахождение на тракте, где круглый год наблюдалось оживленное движение гужевого транспорта, способствовало развитию в Камышлове кузнечных заведений. У наследников М.Д. Иванова был налажен выпуск орудий и механизмов для сельского хозяйства. Работал в Камышлове и кожевенный завод Алафузова, ставший со временем крупнейшим предприятием города.

К моменту переезда в Камышлов семьи Бажовых здесь функционировало два синаматографа.

Вообще, в этом купеческом городке жить было нескучно. В конце XIX века местное общество наладило проведение своего досуга, о чем не преминул сообщить на страницах «Екатеринбургской недели» корреспондент Андрей Могила:

«Купец и чиновник в Камышлове, как и во всяком другом городе на св. Руси, живут между собой в мире и согласии. Купцу нужен чиновник: мало ли каких дел у купца не бывает, а чиновнику при купце живется вольготнее: нынче все так дорого...

В зимнее время, когда снегом заметает улицы и дома Камышлова, камышловцы проводят длинные вечера в клубе...

Самое веселое время для камышловцев — Рождественские праздники, когда молодые люди ряжеными

переезжают из дома в дом. Добрые камышловцы вообще народ гостеприимный, но в это время они умеют себя показать. Дома залиты огнями, двери открыты настежь для незваных и веселых гостей, на столе — вина и закуски. По улицам с криком, свистом и визгом катят тройки. Лошади убраны бубенчиками и лентами. У окон освященных домов мелькают женские головки в ожидании веселых гостей...

Летом центр тяжести удовольствий переносится на Обуховские минеральные воды в семи верстах от Камышлова. Три раза в неделю, по вторникам, пятницам и воскресеньям, здесь собираются сливки камышловского общества. У себя дома Камышлов не имеет общественных гуляний, хотя для этого есть места очень удобные и красивые. Вечером камышловцы, хотя и редко, прогуливаются по пыльным улицам своего города и набережной реки Пышмы. Что за славное место эта набережная! Но и по сие время город не обращает на нее ни малейшего внимания: свиньи, гуси, утки, коровы и прочие скоты полноправные ее граждане... Набережную образует высокий берег Пышмы с ее быстро текущей хрустальной водой. Камышловцы любят свою реку и воду ее называют „живой”. „Если хочешь прожить сто лет, то пей воду из наших рек”, — говорят они. За рекой громадной изумрудной скатертью раскинулся луг, а дальше темнеет сосновый бор. Ничего нет эффектного в этом виде, но чрезвычайно много успокаивающего...»

Да, вот такой срез провинциальной жизни: нет недостатка в развлечениях, как и в осмыслении бытия особого успеха не наблюдается...

Где-то на рубеже веков и в самом городе появилась променадная зона, вернее, преобразилась вышеупомянутая Пышминская набережная. Чиновник Бобылев насадил здесь кедровую аллею, тут же высились сосны, березы, тополя, рос ивняк, сирень, жимолость. Территория эта была «окультурена», то есть ограничена изгородью от домашних «скотов». В 1910 году устроили даже летний кинотеатр. Но все равно в дни праздников Бобылевский сад проигрывал по популярности заречной дачной местности — Бамбуковке.

В своей поздней работе — рассказе «В кадетской крепости», известном также как «Спор о стихах», Павел Петрович оставил нам описание этого уездного феномена:

«Часть бора против юго-западной окраины Камышлова зовется Бамбуковкой. Почему Бамбуковкой — этого никто не скажет. Может быть, просто какой-нибудь шутник хотел отметить, что здесь напивались до „бамбукового“ положения — не встанешь. Может быть, и другое: рослый камыш по берегам заболоченной старицы Пышмы сравнивали с бамбуковыми зарослями.

Бамбуковка — издавна дачная местность. Наряду с добротными дачами городских толстосумов немало дач „среднего качества“. Есть и вовсе облегченного типа, „вроде нужничка с верандой“, как про них говорилось.

В солидно устроенных дачах основное занятие — чаепитие, еда и просто сидение, в средних — рукоделие и преферанс, а в „нужничках“ — что придется. Там и книжку-газету читали, и „проникали в политику“, и Бальмонта разбирали, и природой наслаждались... „вдыхали аромат соснового бора“, „внимали таинственным шумам лесным“ и прочее, что полагалось „отдыхающему культурному человеку“.

В праздничные дни сюда довольно густо шли рабочие с семьями и в одиночку. Тащили чайники, гармошки, иногда пиво.

Мещанин города, имеющий „свою собственную лошадку“, обычно проезжал дальше, — на Шумовое, Белый Яр и другие места. Он старался и в праздники остаться в замкнутом кругу своей семьи и родни.

„Отцы города“, еще вовсе старого выпуска, унюхали в Бамбуковке „добрую копеечку“ и „всех ублаготворили“, построив довольно обширное здание курзала.

Ловкий ресторатор объявил здесь „кухню под управлением повара Жана из Киева, с отдельными кабинетами“...

Появился оркестр, тоже „под управлением“. Половину здания оборудовали как летний театр, где „местными любителями сценического искусства“ ставились „эффектные“ драмы и „веселые водевили“. Иногда тут появлялись престижитаторы, трансформаторы и другие изголодавшиеся в более крупных центрах „зряшного ре-

месла 4-й руки подмастерья". Для „простого народу" — качели, „залезальные за жилеткой столбы", „кольца для лягушки", „исполинские" брусья, лестницы...»

Именно Бамбуковка и стала первым пристанищем Бажовых в Камышлове. С.А. Увицкий устроил их на одной из пустующих дач, с тем чтобы Павел Петрович смог осмотреться в городе и снять более подходящее на зиму жилище для своей немалой семьи. Вскоре они перебрались в полуторазэтажный деревянный дом на основной — Торговой улице города, где располагалось и место службы главы семейства.

Как вспоминала в 1986 году старшая дочь Ольга Павловна, «... в первом — полуподвальном этаже жили хозяева, а мы все — во втором. Два крайних правых окна — это наша детская, а два левых — это взрослая половина. Там, дальше, по правой стороне во двор, была столовая, кухня. Был еще папин кабинет — такая маленькая комнатка, куда вмещались только стол и стул, и еще была железная печь вроде буржуйки. Ее топили, когда там работал папа. Но она на моей памяти всегда была пустой и холодной, потому что папу мы почти не видели. Страшная холодная комната, мы туда никогда не заходили...»

Это воспоминание о «невидимом папе» относится, наверное, к несколько более позднему времени, когда Павел Петрович сменил род деятельности. А поначалу он продолжил привычную преподавательскую работу в Камышловском духовном училище.

Училище это возникло, вернее сказать, переместилось в Камышлов, в 1898 году. Но еще с начала XIX века оно существовало в соседнем Шадринском уезде при знаменитом Долматовском монастыре. Здесь начинали учебу изобретатель радио А.С. Попов и этнограф и писатель К.Д. Носилов. Однако Долматов был заштатным городишкой с мизерным бюджетом, а на одних монастырских хлебах училище не могло развиваться. И тогда епархиальное начальство решило перевести учебное заведение туда, где жизнь была более активной, и лучшим местом для его нового размещения был признан уездный город Камышлов. Здесь для него был выстроен новый комплекс зданий. О том, что собой

представляло это учебное заведение в начале XX века, мы знаем из воспоминаний его выпускника, а позже хорошего знакомого Павла Петровича, известного уральского краеведа Владимира Павловича Бирюкова, сыгравшего в дальнейшем совсем не последнюю роль в творческой судьбе Бажова:

«Во главе училища стоял смотритель, а его помощник назывался инспектором... Назывались воспитатели так же, как и в тюрьмах — надзирателями.

Если не считать некоторых специфических предметов, обучение ничем не отличалось от современной школы: так же задавались на дом уроки, так же ставились отметки от пятерки до кола...

С уверенностью могу сказать, что наши педагоги были ничуть не хуже педагогов светской школы. К тому же я не помню ни одного, чтобы был ханжой, изувером. Больше того, многих можно было подозревать в безбожии, не говоря уже о равнодушии к „делам веры“...

Училищный двор был очень большим. Учебный корпус главным фасадом выходил на самую оживленную в городе улицу, кажется, Торговую, и стоял не больше как в квартале от собора. К этому корпусу глаголем примыкала столовая с кухней. Туда ребята должны были ходить в парах. За порядком при этом следил надзиратель, а то и инспектор. Прежде, чем сесть за стол, пелась молитва „Отче наш“. И по окончании принятия пищи также пели, но уже „Благодарим тебя, создатель...“

Помимо учебного корпуса с примыкавшей к нему столовой на дворе были два жилых дома: в одном квартировал инспектор, а в другом, двухэтажном, вверху жил смотритель, а внизу — эконо́м. Против двухэтажного дома стояла небольшая ученическая больничка, которую посещали фельдшер и врач Батов. На одной линии с больничкой стояла баня. Ее посещали в обязательном порядке каждую субботу.

В учебном корпусе классы располагались в верхнем этаже, а спальни — в нижнем».

Вот в этом училище Павел Петрович и продолжил свою педагогическую карьеру.

Но стоит немного вернуться назад, чтобы вспомнить вот какое обстоятельство. Покидая Екатерин-

бург, Павел Петрович отчитался за свою деятельность в общественных организациях духовного ведомства и на собрании по предложению самого главы епархии — преосвященного Серафима был избран вместе с бывшим епископом Екатеринбургским и Ирбитским Митрофаном пожизненным членом общества вспомоществования ученицам епархиального училища. Такова была степень оценки его деятельности за эти годы, приуроченная к отбытию члена-секретаря общества П.П. Бажова на другое место службы. Как сообщила газета «Зуральский край» в номере от 25 ноября 1914 года, «на краткую прощальную речь инспектора классов прот. Слюнькова П.П. Бажов ответил сердечным словом благодарности, в коем подчеркнул, что время его служения в училище — приятный памятник в его служебной деятельности».

А вот прожитые в Камышлове последующие два года не оставили в трудовой и общественной биографии нашего героя сколько-нибудь значимых отметин.

В 1915 г. в семье родился четвертый ребенок — сын Алексей. Надо полагать, Бажовы намеревались жить в Камышлове до конца войны или, что было для них особенно важно, до полного погашения банковской задолженности. Здесь, в Камышлове, и продовольствие, не смотря на войну, и съём квартиры были дешевле.

С началом войны жизнь в этом благодатном крае стала, конечно же, меняться. Значительная часть уездных хлеборобов была мобилизована в армию, и производство сельхозпродуктов сократилось. Постепенно город стал наводняться ранеными с фронтов. Общественность приняла деятельное участие в помощи семьям фронтовиков и находящимся на излечении в госпитале. Так, в Камышлове был создан попечительский комитет Всероссийского земского союза, который возглавил учитель М.М. Щеглов. Главной его задачей было снабжение вновь прибывшего населения продовольствием и вещами. Известно, что за курительной махоркой для раненых камышловцы ездили в город Моршанск Тамбовской губернии, а Скатинское волостное правление собрало и отправило в действующую армию четыреста пудов сухарей.

Проявлял активность и камышловский дамский комитет, члены которого — учительницы, жены купцов, чиновников, мещан — всего шестьдесят четыре человека, ухаживали за ранеными в госпитале, вместе с детьми давали концерты, ставили спектакли.

Не правда ли, все это напоминает тыловые реалии времен Второй мировой войны, для нашей страны — Великой Отечественной. К сожалению, советская пропаганда умалчивала о том, что традиция помощи тыловиков фронту и раненым в госпиталях зародилась при «старом режиме», в период первой Великой Отечественной 1914 года (каковой ее официально провозгласили тогда, и это — тоже историческая правда).

Но параллельно с этой патриотической деятельностью в тылу разрасталась и подрывная работа, причем не германских агентов, а своих российских граждан — как социалистов, так и либерал-демократов.

Выше уже отмечалось, что пышминско-исетский край — по преимуществу крестьянский. А крестьяне — это паства народников и позднее — эсеров. Все в точности так в Камышловском уезде и было. При этом большевиков здесь насчитывалось всего двадцать три человека. Вместе с тем местное купечество, чиновничество и зажиточные хозяева (кулаки) исповедовали политическую веру в конституционную демократию (были приверженцами партии кадетов). Отсюда и расклад на местном политическом поле. Шкуру еще не убитой Российской империи в местных представительных органах — городской думе и уездном земском собрании делили эти три силы.

На чьей стороне оказался Павел Петрович?.. Прошлое, которое, казалось бы, оставило многодетного отца и служащего духовного ведомства в покое, снова разыграло в нем, проявив скрытое чаянье народной свободы.

Мы не знаем, что явилось конкретным поводом к возврату Бажова в политику — его личная инициатива или активность со стороны уездного комитета партии социалистов-революционеров. Главное, что с февраля 1917 года, как только Россия была провозглашена республикой, он оказался в водовороте событий, причем далеко не с краешку.

После государственного переворота, в результате которого было низложено самодержавие, по всей стране происходит реформа местной власти. Со своих постов уходят царские чиновники, и служебные вакансии замещаются членами вышедших из подполья революционных партий.

В марте 1917 года в Камышлове, хотя продолжают действовать городская и уездная земская управа, создается Совет рабочих и солдатских депутатов. В апреле — Совет крестьянских депутатов. В обоих у руководства эсеры. Вскоре оба совета объединяются, и во главе их становится... П.П. Бажов!

Выдвигался он на этот пост по списку эсеров, но и при поддержке большевиков. Таким образом, он выступил некой компромиссной фигурой, которая устраивала обе социалистические партии. Надо полагать, что и тем и другим Павел Петрович был хорошо известен. Чем конкретно? Увы, этого мы не знаем. Но если его участие в движении партии эсеров накануне Февраля не подтверждается никакими документами, то о контактах с большевиками свидетельства имеются.

Так, в первом издании книги мемуаров о писателе Бажове (1953 г.) Валентина Александровна пишет:

«Когда в конце 1914 г. мы всей семьей переехали в город Камышлов, Павел Петрович с первых же дней (здесь и далее выделено мной. — В. С.) завел знакомство с рабочими паровозного депо В.Д. Жуковым, Д.И. Лещевым, с рабочими обувной фабрики Подпориным, Удниковым и другими. Эти люди часто бывали у нас в доме, иногда засиживались до глубокой ночи. В оживленных беседах затрагивались наиболее важные вопросы того времени: война, пути дальнейшего развития России. Когда разговор заходил об истории, литературе, искусстве, говорил больше Павел Петрович, а остальные жадно слушали его. Помню, как-то после такой беседы в наступившей тишине Василий Данилович Жуков воскликнул: „Эх, нам бы такую грамоту, если не нам, то хоть детям нашим!“ И Павел Петрович уверенно сказал: „Завоеuem!“...»

В феврале 1917 года у кружка наладилась связь с революционной группой расквартированного в городе

запасного 137-го полка. С первых дней Февральской революции Павел Петрович и все члены кружка работали по заданию большевистской организации. Они принимали активнейшее участие в организации общегородских собраний, особенно после получения известия о переходе власти в руки Советов».

Известно, что воспоминания, тем более воспоминания родных и близких, — нередко грешат преувеличениями. Понятно, происходит посмертный процесс «канонизации» героя, стремление показать, что он был даже лучше, нежели это имело место на самом деле. И в цитируемых воспоминаниях мне видится толика неправды. Прежде всего, в первом выделенном утверждении. Ей-богу, не верится, что Павел Петрович вел лояльный по отношению к существовавшей власти образ жизни в Екатеринбурге, а переехав в Камышлов, ни с того ни с сего сразу сошелся с... большевиками. Понятно, в 1953-м, еще сталинском году именно такое его поведение и должно было быть отражено в воспоминаниях самого родного ему человека.

Но... не верится!.. И даже не важно сегодня, кто стал инициатором такой обрисовки давних дел — сама вдова писателя или ее подвигнул на „уточнение“ редактор книги Л. Гаряев, а то и составители К.В. Боголюбов и С.Н. Самсонов. Как говорится, время было соответствующее...

В переиздании сборника мемуаров о Бажове 1978 года (Москва, «Советский писатель», редакторы В.П. Балашов и Р.И. Винонен, составитель В.А. Стариков) новая редакция текста воспоминаний Валентины Александровны смягчает прежнюю категоричность: «Дружба с рабочими-большевиками, которая началась еще в дореволюционные годы, оказала серьезное влияние на него (и далее по смыслу то же самое. — В. С.)».

Это больше похоже на правду. Не исключено, что в Камышлове имели место так называемые общественные воскресные школы для рабочих (кстати, это элемент охранительных мероприятий, проводившихся начальником департамента полиции МВД С.В. Зубатовым), в коих в качестве просветителя, читавшего лекции «школьникам», принимал участие и П.П. Бажов,

который не переставал быть общественником и на новом месте. Не исключено, такие занятия проходили у него на квартире. Вот откуда, возможно, знакомство рабочих, которые состояли в нелегальной РСДРП(б) с ним, а его с ними. Иначе вряд ли бы местные большевики поддержали кандидатуру неведомого им Павла Петровича на пост председателя объединенного Совета... Кстати сказать, среди рабочих имелись в немалом количестве и эсеры, так что не исключено, что местные большевики познакомились с Бажовым через эсеров.

Все это, разумеется, домыслы. Зато в деле общения нашего героя с эсерами все обстоит яснее.

Как уже говорилось выше, эсеры — это наследники дела народолюбцев. Те «ходили в народ», и эти сделали ставку на крестьянство как на основную часть русского народонаселения. Эсеры не исключали тактичного контакта с буржуазными партиями, что и показал второй состав Временного правительства, которое возглавил эсер А. Керенский.

Так что тесная работа П.П. Бажова с социалистами-революционерами после Февраля вполне логична. И нужно еще иметь в виду, что большинство революционеров были людьми малограмотными и присутствие в их рядах такого образованного соратника — умевшего четко сформулировать нужную мысль и грамотно и понятно донести ее с трибуны — всячески поддерживалось. Тем более если такой человек имел революционное прошлое (а Бажов его имел). Стремительная карьера Павла Петровича как общественного деятеля в период между февралем и октябрём 1917 года говорит о том, что отношение к нему со стороны эсеровского начальства было весьма доверительным.

Совет крестьянских, рабочих (именно в таком порядке) и солдатских депутатов, председателем которого стал Бажов, был органом хоть и действительной власти, но все же не легитимным, и Павла Петровича стали продвигать по параллельной линии, пока 23 августа он, уже гласный (т. е. депутат с правом голоса) городской думы, не избирается городской головой города Камышлова. Его замом становится работавший на железной дороге большевик Н.А. Удников. Членом го-

родской управы стал также и большевик Т.И. Сысков. Согласитесь, если бы между эсерами и большевиками в городе в это время были серьезные распри, вряд ли социалисты могли обойти кандидатов от кадетов, которые в Камышлове, как говорилось выше, имели солидную численную поддержку.

Механика подсчета голосов при этих выборах нам неизвестна. Но о том, что победа представителей социалистических партий была стремительной и для их противников — ошеломляющей, говорит анонимный документ: жалоба безымянных «граждан и гражданок» Камышлова Пермскому губернатору о недоверии вновь избранным в городское самоуправление лицам по причине того, что городской голова не имеет положенной для этого частной собственности, а Удников и Сысков и более того — отбывали тюремное наказание (не за политическую деятельность, а... за кражу). Обыватели «покорнейше просили» результаты августовских выборов в городскую думу отменить и назначить новые выборы...

Ну, насчет имущественного ценза избираемого господа состоятельные камышловцы были и правы, и неправы. Недвижимости у нового городского головы в Камышлове и правда не было, однако Временное правительство обязательность этой нормы уже упразднило в своем специальном постановлении. Что же касается имеющейся судимости членов управы, то таковые и впрямь не могли участвовать в городском самоуправлении на основании статьи пятой постановления Временного правительства.

Но одно дело законы, а другое — реальное положение вещей. Оставаясь на политической платформе эсеров, Павел Петрович не мог не видеть, что большевики, не имея большинства, действуют по принципу «Смелость города берет», и их бесстрашие, которое в иной ситуации назвали бы авантюризмом или даже безумством («безумством храбрых»), вполне возможно, вызывало у него уважение к этой политической силе.

Любопытно, что спустя много лет, став писателем, Павел Петрович вспомнит своих соратников-большевиков по работе в Камышлове и воспроизведет

их образы на страницах рассказа «В кадетской крепости» («Спор о стихах»), причем под их реальными именами. Рассказ этот останется в его творчестве не самым лучшим, и образы рабочих-большевиков — не самыми привлекательными. Видимо, правда жизни все же взяла верх над партийной целесообразностью...

А тогда, летом 1917 года, исполняя свои служебные обязанности председателя Совета, П.П. Бажов активно включился и в подготовку уездного съезда крестьянских представителей — членов Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Эта профессиональная (или даже можно сказать сословная) организация не позиционировала себя как политическую партию, хотя возникла в 1905 году и, включая в свой состав в пределах европейской России до двухсот тысяч членов, имела смелость требовать от правительства издания закона о созыве Учредительного собрания. Кроме того, Крестьянский союз сознательно бойкотировал выборы в первую Государственную Думу, а некоторые его члены были арестованы за откровенно антиправительственные действия. В итоге в 1906 году деятельность этой организации была запрещена.

Разумеется, после февраля 1917 года ВКС возродился, и в Камышловском, почти сплошь крестьянском уезде его отделение обещало быть заметной силой в местном политическом раскладе, хотя по-прежнему главные интересовавшие крестьян вопросы были «профессионального», хозяйственного значения: «1) возвращение всей земли народу без выкупа, 2) уничтожение навсегда купли-продажи земли, 3) передача земли в пользование только тем, кто ее обрабатывает, 4) уравнительное распределение земли». Также имелась необходимость сформулировать позицию местных крестьян и по остальным вопросам, связанным с происходившими в стране изменениями: отношение к просвещению, свободе совести (и в Камышловском уезде были волости, сплошь населенные старообрядцами), печати, собраний, к вопросу о войне, Временному правительству и т. д.

На уездном съезде ВКС председатель Совета Бажов выступил с развернутым докладом по всем этим вопро-

сам. Его доклад был настолько обстоятельным и доходчивым, что решили даже издать его в местной типографии и распространить в напечатанном виде, тем более что он был озаглавлен как «Программа трудового крестьянства».

Наличие этого доклада в изданном виде дало некоторым исследователям (Н.В.Кузнецовой, И.Ф. Плотникову) повод назвать его первой книгой писателя Бажова! Понятно их стремление открыть что-то новое в творчестве писателя, но... Никакая это не книга, а всего лишь брошюра, изданная с утилитарной целью: познакомить с докладом как можно больше крестьян уезда. Развозилась ли она по волостям, раздавалась ли через волостные управы, мы не знаем. Зато знаем, что брошюра продавалась — и не в книжных лавках, а в самой уездной управе по 20 копеек за экземпляр.

Даже имея внешний облик книги, в литературном смысле это все же не книга, ибо изначально сочинялась не для публикации, а для устного прочтения. Более того, при дефиците времени, который ощущался у совмещавшего несколько должностей П.П. Бажова, вряд ли доклад этот был прописан столь скрупулезно, как это выглядит в брошюре. Скорее всего, Павел Петрович зафиксировал на бумаге основные положения и цифры, а всю «лирику» говорил в зал, не пользуясь записью. Речь стенографировалась, и эти словесные личности попали в расшифровку, были затем вычитаны и поправлены автором. Вот так и получился полный текст брошюры. К тому же фамилия автора на обложке набрана в современной, привычной нам орфографии: «Бажов», что говорит о том, что рукопись к печати готовил не сам Павел Петрович, который бы непременно исправил написание своей фамилии так, как оно значилось в документах: «Бажев».

И тем не менее эта брошюра примечательна для нас, поскольку в ней мы впервые встречаем живые речевые обороты, которые в будущем будут характерны для его художественных произведений. Например:

«...Составителей законопроекта, отстаивающих интересы трудового крестьянства, разослали — кого на Амур кету-рыбу ловить, кого на Чукотский нос —

на льды любоваться, а иных посадили и за крепкие стены Петропавловки...

Частно-трудовое хозяйство понимается в том смысле, что навсегда должны быть устранены такие «земледельцы», которые ездят на поле только чайку попить, васильков нарвать да посмотреть, как другие на них стараются...»

Не будем утруждать читателя, приводя другие примеры, коих в тексте немало, отчего доклад выглядит не сухим документом, а живым разговором с залом, отметим лишь, что изначальная учительская профессия автора доклада о Программе трудового крестьянства сказывается в том, что вторым пунктом, сразу после основного вопроса о землепользовании, следует народное образование. А на третьем месте — отношение к церкви, и здесь докладчик от имени крестьянства ратует «за полное отделение церкви от государства», а во-вторых — «за полную свободу совести, предоставляя каждому исповедовать веру, какую тот считает лучшей». Таким образом, продекларировано и вековечное чаянье старообрядцев, которые устали доказывать, что они не граждане второго сорта...

Смена деятельности, произошедшая в жизни Павла Петровича в послефевральский период, совсем другой стороной повернула его принадлежность к словесности. Должность учителя русского языка в духовном училище ему пришлось оставить. Надо полагать, будучи председателем Совета, а потом городским головой, он получал жалованье, достаточное для содержания большой семьи и потому грустить об оставлении привычного учительского поприща ему не приходилось. Вместе с тем уже в июле того же года он — редактор газеты «Известия Камышловского уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». И действительно, кому как не ему — руководителю этого выборного органа и абсолютно грамотному человеку, имевшему к тому же хоть и скромную, но все же практику работы в периодической печати, возглавить местную газету? Кроме этого, он публикуется в камышловской эсеровской газете «Заря народоправства» от 29 октября — разумеется, не с художественным произведением, а

с репликой «Письмо в редакцию» по поводу своего конфликта с представителем губернского земства г. Мининым, подвергшим критике работу руководства уезда и городского головы лично. Эта реплика интересна для нас тем, что в ней П.П. Бажов недвусмысленно подтверждает свою приверженность партии социалистов-революционеров.

Однако, как мы знаем, четыремя днями ранее в Петрограде, столице России, произошел новый переворот и власть захватили большевики. Их поддержала наиболее радикальная часть столичных эсеров, переформировавшаяся в партию «левых эсеров», а деятельность основной части социалистов-революционеров, не принявших переворот, была запрещена.

Но наибольший протест со стороны теперь оппозиционной партии вызвал не столько вооруженный захват власти большевиками, сколько разгон 6 января 1918 года избранного, несмотря на внутрисосийские катаклизмы, Учредительного собрания. Четырнадцатого января такой митинг состоялся в Камышлове, и на нем оратор П.П. Бажов выступил с протестом против стравливания советов и Учредительного собрания.

Это событие можно считать водоразделом в его политической деятельности. С утратой легитимности партии социалистов-революционеров при новом большевистском режиме Павел Петрович не пропадает с поля общественно-политической деятельности Камышлова и уезда. Хотя с первых должностей представители победившего пролетариата его подвинули, он остается членом исполкома уездного Совета. Затем его снова назначают редактором уездной газеты вместо бывшего до него эсера А.А. Сударикова. Что же, большевики меняют одного оппозиционера на другого? Скорее нет. Тут дело в личностях. Местные власти, похоже, дорожат П.П. Бажовым.

После того как 12 апреля 1918 года члены лево-эсеровской партии покинули исполком Совета, большевики поставили Павла Петровича на руководство уездным просвещением, нисколько не опасаясь политического подвоха с его стороны. И не ошиблись.

За последующие два с половиной месяца комиссариатом просвещения проводится следующая работа: составлен и вынесен на обсуждение исполкома проект создания Совета народного образования; вместо признанных неудачными выборов педагогов комиссару просвещения Бажову предоставляется личное право принимать и увольнять учителей; в «Известиях Камышловского Совета» публикуется обращение к жителям уезда с просьбой о добровольном пополнении сельских библиотек; выносятся решение один-два раза в неделю дополнять выпуски уездной газеты страницей с культурно-просветительскими материалами, в связи с чем комиссариат обращается к читателям с предложением присылать материалы соответствующего содержания; на исполкоме обсуждаются вопросы строительства новых школьных зданий и проект сметы на них, а также организации детского клуба; обсуждается вопрос о добровольном займе на школьное строительство и народное образование; возобновляет регулярную работу местная публичная библиотека с детским и взрослым отделениями.

Двадцать первого июня проходят перевыборы членов исполкома. Павла Петровича перемещают на работу в коллегии при отделе финансов, но при этом просят продолжать выполнять и прежние функции до возвращения с Всероссийского съезда Советов избранного на этот пост товарища Пульникова...

Участвуя в совещании по промышленному развитию уезда, Бажов выступает с двумя докладами: «Глина, известняк и минеральные воды» и «Торфяное дело».

Затем, не снимая с него прежних обязанностей, Павла Петровича «одаривают» еще одной должностью — заведующего технико-строительным отделом с правом «для правильной постановки работы в отделе кооптировать специалистов по его усмотрению».

Все кончается тем, что вскоре большевики приглашают Баждова вступить в свои ряды и в знак полного доверия предлагают считать его стаж с... 26 июня 1917 года. Как объяснял позже сам Павел Петрович, «...на фракционном собрании съезда Советов 26/VI — 1918 было т. Липкиным внесено предложение: „считать чле-

ном партии с прошлого года, когда он отбивался от эсеров за наших делегатов» .

Этот бонус по стажу нахождения в партии большевиков позже сыграет с Бажовым злую шутку, но пока он не может не радоваться такому признанию своих заслуг.

Нужно отметить, что к этому времени большевиков в городе стало значительно больше, чем год назад. Так, весной 1918 года на первом легальном собрании членов РСДРП(б) было зарегистрировано семьдесят девять человек. Откуда же они взялись? Ряды местных большевиков пополнили раненые фронтовики, находившиеся на излечении в госпитале, а также бойцы и командиры 6-го Сибирского стрелкового корпуса, прибывшего в Камышлов с фронта для расформирования.

Председателем исполкома уездного Совета был избран бывший прапорщик большевик И.И. Цируль. Также бывший прапорщик большевик Макар Васильев стал уездным военным комиссаром.

Тем временем в стране разгоралась Гражданская война.

Сибирское правительство, оставшееся на контрреволюционных позициях, развернуло наступление со стороны Омска в западном направлении. Его союзниками выступил чехословацкий корпус, сформированный Временным правительством для борьбы на русско-австрийском фронте, но так и не дождавшийся ввода в бой. Захватив Челябинск, чехословаки развили наступление на Екатеринбург..

В этих условиях расформирование старой армии органично переросло на местах в формирование вооруженной Красной гвардии, отряды которой с открытием Дутовского фронта стали ядром будущего полка Красных Орлов. Этот полк был сформирован 13 июля 1918 года в селе Катайском Камышловского уезда, командиром его стал бывший фронтовой унтер, член партии большевиков сапожник П.Н. Подпорин.

Для борьбы на Дутовском фронте была мобилизована почти половина членов партийной организации уезда.

Но Павла Петровича Бажова в этих рядах не оказалось.

Ему была поручена не менее героическая миссия — переправить и сдать в Пермский губисполком денежные ценности Камышловского казначейства и местных отделений Русско-Азиатского и Волжско-Камского банков. Двадцатого июля он, как заведомо просвещенный, еще публикует в уездных «Известиях» объявление о сборе всех учащих города в библиотеке «для обсуждения плана работы по составлению рекомендательного каталога», а затем во главе отряда из двадцати восьми красногвардейцев — крестьян Тамакульской волости отбывает по назначению.

Его путь в Пермь, ввиду нависшей над Екатеринбургом угрозы сдачи, пролегал, скорее всего, через станции Богданович, Егоршино, Алапаевск, обе Салды и Нижний Тагил, где новая, открытая перед самой войной дорога вливалась в старую Горнозаводскую, которая после Кушвы переваливала через Уральский хребет и оказывалась уже в Прикамье.

В Перми по описи сдали несколько ящичков с серебряной и медной мелочью, до трех сотен золотых монет и ценные облигации миллионов на восемь. На это ушло два дня. Когда собрались в обратный путь, стало известно, что Екатеринбург и Камышлов в руках белых...

Глава 6. СКИТАНИЯ. Гражданская война. Урал. Сибирь. Алтай

Возвращаться назад пришлось тем же путем, но доехали только до Алапаевска, после которого попали во фронтную зону. На станции Самоцвет они встретили своих — камышловцев из отряда Липкина (того самого, что предложил считать Бажова членом РКП(б) с июня прошлого 1917 г.) и влились в их ряды.

Как позже писал Павел Петрович в своем очерке «Бойцы первого призыва», это была еще не вполне оформленная часть. Руководил ею бывший председатель Камышловского исполкома большевик М.В. Ва-

силев, и пока оставалось не ясно — то ли бригада это, то ли дивизия. Тем не менее она контролировала значительную территорию с центром на узловой станции Егоршино.

Бажова определили в Особую советскую роту. Это был прообраз будущего политотдела, куда помимо штатных политработников входили также депутаты Камышловского Совета.

Нужно сказать, что, несмотря на некоторый сумбур в военной организации большевиков в этот период, пропаганда и агитация в рядах новорожденной Красной армии была на высоте. Вот, к примеру, что писала газета «Уральский рабочий» в № 168 от 28 августа 1918 года:

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФРОНТА ГАЗЕТАМИ. Заведующий политическим отделом восточной дивизии разослал всем военным комиссарам частей восточной дивизии следующий циркуляр: „Каждый красноармеец должен быть осведомлен о политическом и общем положении советской республики. Всем комиссарам отдельных частей вменяется в неуклонную обязанность посылать ежедневно курьеров в штаб дивизии за литературой и следить за тем, чтобы получаемая литература планомерно распределялась также ежедневно по всем частям участков фронта.

Ни один красноармеец, где бы он ни был, не должен быть лишен возможности прочесть газету.

Всем комиссарам предлагается немедленно принять меры к проведению данного приказа в жизнь”.

В войска поступали газеты, напечатанные не только на русском языке и предназначенные, кроме своих, также для воинов противной стороны. Как пишет в «Бойцах первого призыва» Павел Петрович, «переправа наших газет к белым при колеблющейся линии фронта между четырьмя основными пунктами проводилась довольно широко. Наши, отступая к какой-нибудь позиции, обычно оставляли пачки газет, в том числе на чешском, латышском и мадьярском языках. И не было случая, чтобы эти газеты находили даже тогда, когда позиция занималась вновь через самый короткий срок.

На Боярском направлении пришлось видеть, как из внутренних карманов телогреек убитых вынули у одного „Правду”, у другого латышскую газету „Борьба”... По внешнему виду оба убитые были типичные русские. Тот, что умер с „Борьбой”, по документам значился крестьянином Тюменского уезда. Хранить газету для курева как будто не было смысла, так как у него в кармане оказались полновесный кисет с табаком и пачка курительной бумаги. Красноармейцы даже позавидовали.

— Удобство это с табачком-то воевать! И бумажка — с запасцем.

Случай этот, кстати сказать, послужил толчком к организации своей газеты.

— Надо, между прочим, организовать. Езжай в Алапаевск. Там у нас, между прочим, типография Шаравьевой загнана. Так вот, нельзя ли между прочим наладить газету... Чтобы, знаешь, близкие места были и тут же общая информация, — оживленно говорил командир дивизии, пересыпая речь своим любимым „между прочим”.

Мысль оказалась встречной. Заведующий политотделом дивизии Мумин В.М. в двух американских грузовых вагонах уже разместил типографию, разыскал человек шесть типографских рабочих и добыл целый вагон бумаги.

На предложение ответил обрадовано:

— Вот и хорошо. Приблизим к огню и начнем выпускать. Связь установим. Тут же при редакции будет информационный отдел дивизии

Так рождалась «Окопная правда», которая стала органом 29-й дивизии».

Эта дивизия сначала носила имя Восточной, потом ей дали наименование 1-й Уральской, а когда слили со 2-й Уральской, то она стала Сводно-Уральской и только с 11 ноября 1918 года получила свое номерное (29-я) наименование в составе 3-й армии Восточного фронта большевиков. В дивизию входил и 1-й Крестьянский коммунистический полк, известный в истории гражданской войны как полк Красных Орлов.

Разумеется, с организацией дивизионной газеты должность ее практического руководителя (идейное

руководство осуществлял начальник политотдела дивизии В.М. Мумин) была предложена Павлу Петровичу, тем более что перед последним его отъездом из Камышлова в конце августа он был в очередной раз назначен редактором уездных «Известий», правда, как признавался позднее, ему «редактировать не пришлось».

Выходит, все-таки пришлось. Судьба газетчика в 1917–1918 годы неизменно пунктиром проглядывает в его биографии.

По воспоминаниям самого Бажова, во вновь образованной «Окопной правде» он был «и редактором, и секретарем газеты, и выпускающим — все в одном лице. Газета вместе с типографией ездил в двух вагонах. Выходила нерегулярно. Выпустили мы пятьдесят номеров на Уральском фронте. Сотрудниками газеты были красноармейцы». И при этом уточняет: «Писать было некогда». Это все потому, что при существовавшем тогда кадровом голоде на Павла Петровича по сложившейся традиции взвалили еще несколько должностей.

Так, с 29 августа он возглавляет информационное отделение штаба дивизии, которое «взяло на себя регистрацию телеграмм, составление политических, точных секретных сводок, составление для газет оперативных сводок и сводок о политической жизни на фронте, посылку на фронт радио и т. д.»

Первого сентября 1918 года ему вручили, наконец, партбилет — «красную книжечку», где и значилась дата вступления в РКП(б), указанная задним числом, — 26 июля 1917 года. В октябре Бажова выбирают секретарем партячейки штаба дивизии.

Ясно, что писать в газету ему было некогда. Это косвенно подтверждают и сохранившиеся номера «Окопной правды», в которых политическая митинговая риторика полностью исключает какое-либо художественное слово.

Вот передовица из № 4:

«Ленин — вождь восставших пролетариев России указал путь борьбы и победы мировому пролетариату.

Ненависть всего капиталистического мира сосредоточена в нашем вожде.

Они решили убить из-за угла нашего вождя (речь о покушении на В.И. Ленина на заводе Михельсона. — В. С.), чтобы убить революцию рабочих и крестьян.

Мы одолели буржуазию в открытом бою, она не одолевает нас своими покушениями на наших вождей!»

Или первый абзац следующего материала, озаглавленного «5 сентября»:

«Российская буржуазия в открытом бою потерпела полное поражение!

Не рассчитывая на свои силы, она бросилась на мировой рынок грабежа с воплем о помощи, и международные разбойники капитала послали в Советскую Россию свои ударные батальоны для удушения Рабочей Революции...» и т. д.

Достаточно сравнить стиль этих материалов с давешней Программой трудового крестьянства, чтобы убедиться — они написаны разными людьми. Не мог человек с интеллектом и без малого семнадцатилетним стажем преподавателя-словесника писать столь грубо, прямолинейно, рассчитывая не на ум читателя, а на его классовый инстинкт... Но в том-то и дело, что красноармейская масса, никаких «академиев» не кончавшая, была способна воспринимать именно такой лобовой язык, который без всяких интеллигентских околичностей сразу достигал понимания.

О том, что газета соответствовала задачам, поставленным перед ней партийным руководством, свидетельствует заметка в «Уральском рабочем», № 168 от 28 августа:

«ОКОПНАЯ ПРАВДА. 24 августа вышла в Алапаевске новая газета «Окопная правда» — издание Политического отдела штаба Восточной дивизии.

Выходя в непосредственной близости фронта, «Окопная правда» производит впечатление настоящей фронтовой — «окопной» газеты благодаря изобилию материала из жизни фронта. С первого номера чувствуется в ней та живая связь с нервной беспокойной тревожной жизнью «передовых позиций», которая единственно служит залогом необходимости газеты и ее ценности для читателя-фронтовика...

В первом номере газеты есть всего понемногу: и заметка об одном эпизоде боя под Екатеринбургом, и обзор нашего стратегического положения на Алапаевском направлении, и телеграммы из-за границы, из центра, из России, с Украины, и официальные сообщения, и, наконец, целый ряд заметок, объединенных общим заголовком «Жизнь на Алапаевском фронте». Этот отдел, конечно, самый интересный...

— Номер вышел не совсем удачный, следующий будет лучше и интереснее, — сказал привезший нам газету товарищ — один из ближайших ее сотрудников...

Хочется ответить ему и его товарищам по газете:

— Ваша «Окопная правда» хорошая, живая газета. И если последующие номера будут не хуже первого — вы сделаете свое большое и нужное дело.

В добрый час!»

Н.В. Кузнецовой удалось восстановить периодичность выхода первых номеров «Окопной правды»:

№ 1 — 24 августа 1918 года

№ 2 — (между 24 августа и 1 сентября)

№ 3 — 1 сентября

№ 4 — 5 сентября

№ 5 — 8 сентября...

На основании этих исследований она пришла к выводу, что газета выходила в среднем два раза в неделю. Но при такой периодичности до конца года никак не получается 50 номеров — от силы 34–35. Если, добавляет она, не считались отдельными номерами выпуски листовок ...

Но сегодня, спустя почти сто лет, для нас не столько важно общее количество выпущенных под непосредственным руководством П.П. Бажова номеров газеты, сколько степень его литературного участия в этом процессе. А оно все же было. Воспоминания Л.И. Скорино сохранили для нас рассказ Павла Петровича о том, как он осуществлял процесс редактирования рукописей:

«...Писали подчас отчаянные стихозы. И все же в их заметках, очерках было главное — жизненная правда.

Получил я однажды рукопись, называлась она „В карасинке“. Написано химическим карандашом, на клочках бумаги, бесхитростно и даже безграмотно, —

не забудьте: тогда еще „ять” существовало. Ни абзацев, ни знаков препинания, и матерок есть. Но все рассказывалось так искренне, что не останешься равнодушным. „Да ведь это разобрать надо, — подумал я, — расставить знаки...” Подвалом напечатал — не убавил, не прибавил, только в грамматике порядок навел.

Хороший получился подвал. Рассказывается случай, как бежали наши из плена. Вошли в город белогвардейцы, загнали всех в Нобелевский керосиновый склад. Переживания тех, кто сидел „в карсинке”, ждал смерти, и как радовались, когда оттуда вырвались. А рассказано живыми, свежими словами. Иной раз Эолова арфа превосходит и труды композиторов...”

К осени 1918 года относится известное письмо П.П. Бажова родным, написанное и пересланное каким-то невероятным способом в Камышлов. Уезжая в августе с банковскими ценностями в Пермь, Павел Петрович не думал, что разлука растянется на несколько месяцев, а семья окажется на занятой врагом территории.

Прожитый 1917 год оказался для его родных весьма не простым. Это как раз то время, когда дети, по воспоминаниям старшей дочери Ольги Павловны, «папу почти не видели». По подсчетам Н.В. Кузнецовой, также ссылающейся на Ольгу Павловну, в этом году семья потеряла младшую дочь. Трехлетняя Ариадна умерла от дизентерии — ни высокое в городе положение отца, ни забота матери и ее родни не смогли спасти девочку.

Расставание Павла Петровича с семьей в последней декаде августа 1918-го было тоже не простым.

Приведу литературную реконструкцию этого эпизода из книги «Горка крута, да миновать нельзя...» екатеринбургского литератора М. Немченко:

«...Бажов ходит взад-вперед по комнате. Забирает бороду в кулак, то ли сжимает, то ли поглаживает. Этот жест — признак раздумья, скрытого волнения — не раз повторится потом в жизни. Приоткрыв дверь спальни, выходит из нее Валентина.

— Уложила?

— Спят уже — и он, и девчонки, — кивает она.

— Давай присядем, Валянушка, — надо мне с тобой поговорить.

— Ну, чем обрадуешь? — Насторожившись, она садится рядом.

— Рад бы, да нечем... — Трудно подбираются у Бажова слова. — Понимаешь, командируют меня в Пермь. Ценности из уездного банка вывезти. Сама знаешь: белые прут, вон уже Шадринск взят, до нас рукой подать... Вот и приходится увозить, чтобы им не досталось... Не хотел тебя до времени беречь. А сейчас уж некуда откладывать: завтра утром едем. Вагон дают и отряд охраны.

— А о нас ты подумал?! — вскакивает со стула Валентина.

Бажов тоже встает, протягивает ей пачку:

— Вот деньги, — все, сколько дали. И паек мой будете получать...

— Что сейчас деньги — пустые бумажки... — Она отводит руку, и пачка шлепается на стол. — А придут белые, не с пайком сюда явятся, — с обыском.

— Валянушка, пойми: не мог я отказаться. Раз уж пошел с большевиками, — назад пути нет. Отступаем пока, а все равно одолеем, — не дадим Россию на куски растащить, и старому не дадим вернуться! Если бы не верил в это, — может, в учителях бы и остался.

— Ну и остался бы... — срывается у нее. — Папа, боюсь я за тебя! С тремя-то детьми, да еще и беременная... Ну, возьми нас тогда с собой!

— Куда, ну куда брать-то? — пытается убедить он. — Тут, в Камышлове, — какой-никакой дом, сестры, родня. Помогут, если что... А куда в Перми ткнешься? Ни кола, ни двора...

— Значит, бросаешь нас?

— Да как ты могла подумать такое?! Кто у меня еще есть, кроме вас четверых?

— Считаю уж, пятерых. — Валентина проводит рукой по животу. — Вон уже пошевеливается...

— Валянушка, родная моя, хорошая, — думаешь легко мне вас оставлять? — Бажов обнимает ее, гладит. — Знаю: не будет мне покоя, изведусь, пока снова вас не увижу... Но пойми: не могу иначе!.. И другое подумай:

ну, останусь я тут, дождусь беляков, — и что? Куда спрячешься в этом городишке, где меня каждая собака знает? В первый же день сдадут — и к стенке...

— Да понимаю я, все понимаю... — Безнадежность в ее голосе. — Одно понять не могу: как угораздило в это вляпаться? В круговерть эту кровавую...

— Валянушка, это борьба! Или мы их — или они нас... А вспомни-ка, разве сама не говорила, как хочется новой, свободной Россию увидеть?

— Говорила... Да я слово в слово за тобой повторяла, в рот тебе глядела, как в училище за партой! — вспыхивает Валентина. — Девчонкой за тебя вышла, — ты и мужем мне был, и наставником, да все равно что и отцом. Своего-то едва помню: крохой была, когда он помер... Я вот хочу, чтобы ты понял, как я в тебе растворилась! — уже не в силах сдерживаться она. — Никогда не говорила, а сейчас скажу... Да, радовалась вместе с тобой, когда кончилась эта распутищина, когда царь от престола отрекся. Думали: вот оно, начало свободы! Да разве мог кто помыслить, в какую смуту все рухнет, сколько крови хлынет...

— И я такого не мыслил, — опускает голову Бажов. — Иначе все виделось. Да обратно, Валянушка, уж не воротисься...»

Все это время Павел Петрович чувствовал свою вину за то, что оставил семью в столь сложных обстоятельствах, но в реалии ничего поделать не мог. Красные войска Урала медленно пятились под натиском колчаковцев и чехословаков все дальше и дальше от дома. Вот в таких обстоятельствах и родилось упомянутое письмо:

«Валянушка! Родная моя, хорошая, дорогая! Ребята! Где вы все? Что с вами? Как тяжело не знать этого! Хоть и уверяю себя, что ничего с вами не сделали, но полной уверенности все-таки не имею, и мне представляются картины одна другой безотраднее. Трудно, оказывается, быть политическим работником, оставив в таких условиях семью. Тяжело. Одно время я был уже совсем близко, только несколько верст отделяло меня от вас, но пришлось отступить (вряд ли такое могло быть, судя по обстоятельствам боевых действий полка Красных

Орлов, изложенным в очерке «Бойцы первого призыва. — В. С.). Ты все-таки не унывай, крепись и заботься о ребятишках. Все в них. У них все впереди. И для своих и для чужих ребят не могу согласиться, чтобы опять допустить владычество этого проклятого денежного мешка. Его свалить — ничего не жаль. И все-таки свалим!

Из наших, которых ты знала, правда, многих нет, но на смену им приходят новые, и силы не слабеют, а крепнут, если не здесь, то в других местах. У меня все-таки есть уверенность, что к зиме будем в своем уезде, вернусь и я, если, конечно, уцелею. Наши меня, правда, берегут, но случайности всякие бывают. Работы у меня, как везде и всегда, полно, ею только и спасаюсь. Если выдается свободный час, то это всего хуже — все думаешь, что с тобой, с Алешкой, с девчонками. Ночи не сплю сплошь, а как-то это на меня мало действует, вошло, видно, в привычку. Но ты не бери с меня примера. Помни, что у тебя на руках трое малышей, и у самой еще много осталось впереди. Не унывай, заботься о ребятах, жди меня. А если не случится возвратиться, не раскисай, не падай духом, у тебя дети. Помни мою последнюю просьбу — воспитывай, как я говорил. Прощай, поцелуй ребят».

Переживания отца семейства были не напрасными. Когда красным удавалось освободить занимаемые белыми районы, он видел, что делали классовые враги на занятой территории с не успевшими скрыться активистами советской власти и их семьями. Гражданская война не знает жалости...

И в Камышлове противник вел себя не иначе. Как вспоминала потом старейший член партии О.В. Панова, городская тюрьма и полицейский участок были переполнены арестованными, некоторых за недостатком места содержали во дворе. Ночью во двор ворвались пьяные конные белогвардейцы и стали топтать лежавших на земле, а затем подняли всех, выстроили и каждого десятого расстреляли. Грабеж и насилие стали в городе обычным делом. Особо отличились «голубые уланы» атамана Анненкова.

Конечно, белые не обошли своим вниманием и семью Бажовых.

Валентина Александровна:

«Мы в это время находились в отчаянном положении. В маленьком уездном городе, каким был тогда Камышлов, всем было известно, что я жена большевика и что муж ушел с частями Красной Армии. В доме несколько раз производились обыски. Я с детьми пыталась укрыться у сестры, учительницы Августы Александровны Иваницкой, в селе Спасском. Но и здесь свирепствовали белые. Сестру на второй день арестовали и увезли в Камышлов. Арестовали и вторую сестру, Наталью Александровну Иваницкую, за то, что почти все ее ученики ушли с частями Красной Армии. Арестовали зятя, тетку. Племянника зарубили пашками.

Меня не трогали, — видимо, надеялись, что беспокойство о семье приведет сюда Павла Петровича и его удастся схватить. Школа, где я осталась с детьми и старушкой матерью, непрерывно подвергалась обыскам...»

Тем временем на фронте, что пролегал теперь по территории Верхотурского уезда, продолжались упорные бои. Происходившее на участке Восточного фронта, где воевала 29-я стрелковая дивизия и входивший в ее состав 1-й Крестьянский полк Красных Орлов, отражено в приказе по 3-й армии от 22 октября 1918 года:

«В последних боях на тагильском направлении, когда яростные атаки противника, значительно превосходящего нас в силах, были направлены к прорыву нашего фронта, положение дивизии, защищавшей этот участок, становилось критическим. Части, ведшие уже до того жестокие бои с противником, лишенные смены, почти без поддержки, истекали кровью, а наседавший в превосходящих силах противник не давал возможности привестись в порядок и перегруппироваться. Наши части под влиянием этих причин надламывались морально, и уже имелись и признаки утраты боеспособности. В это критическое время начальником дивизии был брошен его последний резерв — 1-й Крестьянский коммунистический стрелковый полк. От стойкости и мужества этого полка зависела участь этой дивизии, а с нею и фронта. 1-й Крестьянский коммунистический стрелковый полк, получив боевую задачу, принял

на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки этого участка. Стремительным ударом он бросился на врага, соединив разумное свое командование с храбростью истинных сынов революции, рядовых стойких бойцов, разбил наголову противника и, не дав ему оправиться, энергично его преследовал.

Днем и ночью полк не знал отдыха, не знал и остановки: он гнал врага, брал трофеи и восстанавливал тактическое положение. Результатом беспримерной доблести 1-го Крестьянского коммунистического полка было то, что за полтора дня мы отвоевали у противника двадцать верст, обильно залитых его кровью и в тактическом отношении дающих нам самое выгодное положение...

В воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных на поле сражения 1-м Крестьянским коммунистическим стрелковым полком, Центральный Исполнительный Комитет на заседании своем постановил: наградить этот полк Красным знаменем — символом выдающихся заслуг перед пролетарской революцией...

Командующий III армией в своей речи при вручении знамени отметил особое значение боевой награды:

— Всероссийский Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, посылая почетное знамя, хочет подчеркнуть, что Первый Крестьянский коммунистический полк — сверхгерой».

И все же сверхгероям Красной Армии в конце 1918 года на Восточном фронте пришлось пятиться до самой Перми. Но, придя в Пермь, они застали ее уже частично занятой противником, организовавшим в городе восстание против советской власти. Перехватить инициативу и организовать оборону города перед наступающими с нескольких сторон войсками белых не удалось, и единственное, что смог сделать в этой ситуации полк Красных Орлов, — задержать сдачу станции Пермь-2 и суметь эвакуировать пятнадцать эшелонов воинского груза. Все-таки львиная доля военного имущества, сосредоточенная на этой станции ввиду отсутствия паровозов, — сто двадцать три орудия, свыше

тысячи пулеметов, а также пять тысяч вагонов с продовольствием и девять бронепоездов — досталась белогвардейцам. При этом тридцать две тысячи красногвардейцев попали в плен.

Это был действительно разгром, который по аналогии с бытовавшим в научной литературе термином «Пермская катастрофа», означавшим катаклизм, произошедший на Земле двести пятьдесят миллионов лет тому назад, в конце Пермского геологического периода, и погубивший почти все живое, стали именовать так же.

Остаткам полка Красных Орлов удалось прорваться и уйти за Каму. Но Павла Петровича Бажова среди отступивших не оказалось...

Что же с ним произошло?

Об этом мы знаем из позднейшего объяснения нашего героя партследователю т. Лукьянову во время партийной чистки тридцатых годов. Из объяснения следует, что 25 декабря 1918 года, когда белые захватили город, а красные заканчивали эвакуацию оставшихся войск, он, Бажов, замешкался, уничтожая в штабном вагоне на станции Пермь-1 документы, а когда возвращался, был встречен появившимися белыми, которые сначала оглушили его прикладом по голове, а затем, «после зверского избиения», увезли в бесчувственном состоянии в тюрьму.

Нужно сказать, белые знали, что такое полк Красных Орлов, и не питали никакой жалости к его бойцам, попадавшим в плен. Как следует из очерка «Бойцы первого призыва», «не раз командиру полка Ослоповскому по телефону передавались угрозы, что его повесят»...

И для коммуниста, и для рядового бойца Крестьянского коммунистического полка одинаково грозила мучительная смерть с издевкой и надругательством над трупом.

Знали об этом и бойцы полка, но в плен они не сдавались. Все же по лесам, в направлении от Левшино до Перми белогвардейцами было расставлено немало раздетых догола трупов в самых диких положениях с надписями: «Вот как летят Красные Орлы».

К тому же Бажов был не рядовым бойцом, а политработником дивизионного уровня, и что его ожидало, понимал вполне...

Дальнейшие события нам известны из рассказа самого Павла Петровича редактору свердловского издательства К. Рождественской:

«Повели нас за Ямскую улицу. Казарма, нары в три этажа. Ночь светлая. Сижу у окна. Сговорились несколько человек бежать. Удалось. Направились до Верхних Мулов. Перебраться к своим не удалось...».

Вариант рассказа короткий и ни слова об избиении до бесчувствия — на своих ногах до тюрьмы дошли. Не исключено, что, отвечая перед парткомиссией, Павел Петрович несколько сгустил краски, дабы убедительней объяснить, почему не ушел со своими, а остался в тылу. Факт же побега в той неразберихе выглядит вполне правдоподобно — все же порядка с размещением такого количества пленных (тридцать две тысячи!) по определению быть не могло и наверняка кого-то и упустили. Как известно, П.П. Бажов, работая даже при штабе дивизии, по-прежнему носил штатскую одежду. Это объяснялось не его вкусами, а нехваткой обмундирования: если таковое и поступало, то его в первую очередь отдавали в строевые подразделения. По немногим сохранившимся фотоснимкам того периода видно, что прославленных кожаных курток на плечах командиров и политработников нет и в помине: председатель полкового бюро РКП(б) Ф.И. Стриганов носил рабочую блузу, у самого М.В. Васильева на голове не папаха, а... гражданская шляпа, как и у других членов комсостава полка Красных Орлов — Д.И. Лещева и Г.Е. Куткина. Павел Петрович разжился папачкой, но ни звезды, ни красной ленты на ней не было. В обычном пальто он вполне мог сойти за штатского...

Сама тактика побега, судя по отчету, сделанному для следователя парткомиссии, была следующей:

«Мое положение в тюрьме было слишком ясно для товарищей, знавших мою работу и обстоятельства моего захвата, поэтому они сначала укрывали меня под нарами, не внося в списки, а потом помогли выйти из тюрьмы. Правда, риск сломать голову или попасть под

пули был большой, но мы с т. Розенталем (впоследствии погибшим в Приморье) рискнули и вышли.

Поскольку Пермь тогда уже была прочно занята белыми, то попытка наша перебраться через Каму была неудачна, и мы отправились в восточном направлении. От Лысьвы т. Розенталь, имевший какой-то пропуск на имя одного из рабочих Алапаевского завода, смог сесть на поезд, а я, как вовсе не имевший документов, вынужден был пробираться лесами через Кумыш — Кын и чувовские деревни на Екатеринбург».

Собственно, с этого момента и начинаются поистине «джек-лондоновские» приключения нашего героя, оставшегося в одиночестве, на беспутье в промежутке между Пермью и Екатеринбургом, что по прямой составляет три с половиной сотни километров, а ведь Бажов двигался окольными путями — в январе, когда морозы на Урале достигали тридцати градусов, если не больше...

Обстановку в тылу белых зимой 1919 году Павел Петрович позже описал в очерке «Из колчаковского года»:

«В деревнях недалеко за Пермью... началась расправа.

Кулачье везде тянет к ответу бедноту, которая так или иначе поддерживала Советскую власть.

В Троицком селе, в верстах 30 от Перми, мне пришлось видеть около деревенской поскотины целый ряд поставленных у изгороди трупов.

Это все деревенская беднота.

Осиротелые семьи запуганы, но настроены враждебно к кулакам. Заметив незнакомого человека, стараются его укрыть.

Чем дальше пробираешься от Перми, тем это настроение становится заметнее...»

Однажды чуть не напоролся на колчаковский заелон, но обессилевший, упал на дороге, и его подобрал проезжавший крестьянин, укрыл рогожей и провез мимо часовых... Остаться на территории, занятой врагом, было равносильно смерти. Надо было искать своих. А крутом — на многие сотни и даже тысячи верст — распростерлась «Колчакия», как назвал Павел Петрович белый режим позднее, когда начал писать.

Свои, по его сведениям, были только в Сибири. Бажов помнил о появлении осенью в 29-й дивизии Антона Валека — курьера ЦК РКП(б) для связи с Сибирью. По решению прошедшей в начале сентября подпольной Сибирской конференции, взявшей курс на подготовку к всесибирскому вооруженному восстанию против режима Колчака, он ставил перед уральскими большевиками вопрос об организации помощи сибирским товарищам в проведении агитационной работы среди основного населения региона — крестьянства и указал на бородатого Бажова как на человека, который внешне весьма подходил для этой деятельности. Вероятно, тогда же в дивизионном партийном комитете были оставлены пароли и явки в Омске.

Павел Петрович решил воспользоваться давешним «приглашением» А. Валека и двинуть к нему в Сибирь. Однако пешком и без документов до Сибири не дотянешь. Вот для чего и нужно было попасть сначала в Екатеринбург.

Неимоверная концентрация сил и воли в исключительных условиях помогли ему осуществить этот план.

По стечению обстоятельств Антон Валека в это же самое время находился не в Сибири, а рядом — в Перми и тоже стал свидетелем «Пермской катастрофы». В последние дни 1918 года он по заданию Уралобкома РКП(б) готовил подпольную группу для работы в Екатеринбурге. Казалось бы, их скорая встреча была предрешена. Но, разумеется, ни Бажов, ни Валека не знали, что в тот момент их разделяет не тысяча верст, а несколько городских кварталов.

Валека прибыл в Екатеринбург по подложным документам на имя коммерсанта Богданова 7 января 1919 года. Приблизительно в это же время или чуть позже в городе появился и смертельно уставший Бажов. То, что он отважился на пеший переход при всей драматичности обстоятельств, спасло ему жизнь. Как стало потом известно, член группы Валека Антон Анисимов, посланный в Екатеринбург первым, был опознан в поезде контрразведчиками и выброшен из тамбура на полном ходу..

Организованная подпольная работа в столице Урала лишь разворачивалась, и Павел Петрович не смог ни

навести нужных контактов, ни запастись какими-либо фиктивными документами. Единственное, что было в его силах, — изменить внешность. Он сбрил усы и бороду и стал неузнаваемым (без бороды его никто уже и не помнил). Знай Валек, что приглянувшийся ему для деятельности в Сибири большевик из партячейки штаба 29-й стрелковой дивизии находится в городе, тотчас бы отыскал его и оставил для подпольной работы здесь. Но судьба нашего героя строилась по другому сценарию, и, придя в себя, он тронулся в Камышлов, тревожась о семье. Полгода они ничего не знали друг о друге...

Валентина Александровна:

«...Ожидая ребенка, я попала в больницу и сразу после родов была отправлена в заразный скарлатинозный барак (не иначе из мстительных побуждений колчаковских властей. — В. С.). Здесь я и новорожденный тяжело заболели. И тогда меня, больную, с умирающим ребенком на руках выписали из больницы. В эти дни и попал в Камышлов Павел Петрович. Позднее он говорил, что никогда из его памяти не изгладится картина той страшной ночи: темная холодная комната, три фигурки скорчившихся от холода маленьких детей, жена в бреду и мертвый новорожденный сынишка».

Мать успела дать ему имя — Константин.

Старшая дочь Ольга Павловна (в январе 1919-го ей было шесть с половиной лет, дочери Елене — пять с половиной, сыну Алеше — чуть больше трех) рассказывала:

«В этой комнате (левые два окна во втором этаже дома на ул. Торговой, позже К. Маркса) лежала мама с сыном, когда болели скарлатиной... Братика мы не видели. Знаем, что он лежал на печи одно время, и мама там лежала...»

Бажовы не любили вспоминать эту трагическую страницу в жизни семьи, поэтому больше никаких достоверных подробностей недолгого свидания Павла Петровича с семьей не сохранилось.

Впрочем, нет, вот еще искорка воспоминаний от Ольги Павловны:

«Появление отца в Камышлове в этот период не помню. Возможно, он приходил ночью, когда мы спали.

Но у меня такое чувство, что помнится, как он наклонился и поцеловал меня сюда (в щеку)».

Павел Петрович (из показаний партследователю в 1933 г.):

«В Камышлове Карпов С. В., у которого сын был расстрелян белыми, сумел сфабриковать мне подложку как кооператору, командированному в восточную Сибирь по закупке мяса, Карпов же снарядил меня в дорогу по-зимнему и отвез на ст. Аксариху, где его дочь... добыла мне пропуск и железнодорожный билет».

До Омска Бажов следовал поездом. Относительный комфорт холодного, но все же защищенного от ветра вагона был для него мнимым: простуда, которую он получил во время пешего перехода из Перми в Екатеринбург переходила в болезнь.

Наверное, это было неоправданным риском — направиться в Омск, столицу белых, где сыск был налажен куда лучше, чем в том же Екатеринбурге, но Бажов ехал для работы с А. Валеком.

Однако в Омске, почти в одно время с пермской, произошла своя катастрофа. Спустя месяц после разгона Колчаком Омской областной думы, развала вследствие этого буржуазного Сибирского правительства и установления военной диктатуры в городе вспыхнуло восстание рабочих, руководимое большевистским подпольем. Оно потерпело неудачу.

Бажов попал в Омск во второй половине января 1919 года, когда все явки оказались провалены. Надежные документы не позволили ему остаться в городе, и он «бежит» дальше в Сибирь...

Судя по всему, никаких конкретных планов на ближайшее будущее у него не было. «Беспаспортный» и больной, он просто пытался спастись.

Эту точку зрения подтверждает и его позднейшая автобиографическая повесть «За советскую правду», которая является, пожалуй, единственным свидетельством того, что и как происходило с нашим героем в Сибири.

«Здесь нет выдумки, — писал Павел Петрович в предисловии. — Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя (что впоследствии и случилось. — В. С.)».

Вот как происходил его дальнейший путь в глубины Сибири:

«Шестеро на площадке товарного вагона — норма. Даже самые строгие охранники не придираются на остановках.

Стоять приходится боком. Положение крайних опасно. „Бывает, что и спихнут“. В середине и безопаснее и теплее. Только все-таки холодно.

Конец зимы, безветренно, а дышать больно.

Зима девятнадцатого года, мягкая и снежная вначале, теперь прижала наглухо. Вторую неделю держатся морозы, лютые, упорно ровные, градусов на тридцать пять...

Маленький бритый человек в синих очках притулился в середине площадки, между двумя мордастыми спекулянтами.

Поверх городской шубейки надет огромный, с чужого плеча, бараний тулуп с «саксачьим» воротником. «Семифунтовые казанские с крапинками» надежно защищают ноги от холода. Теплая на меховой подкладке шапка-ушанка.

А все-таки, видно, перемерз. Кашляет. Надрывно, подолгу, до холодного поту...»

«Бритый человек в синих очках» — это кооператор П.П. Кирибаев, прообразом которого стал сам автор. О нем будто бы отстраненно — в третьем лице — и рассказывает писатель. В реальности, даже по подложному документу, он продолжает оставаться Бажевым (Бажевым).

Казалось бы, в этом произведении, написанном уже в послевоенное время, автору ничего не стоило выставить себя посланцем партии с высокой и благородной миссией борьбы с белыми, идейным вдохновителем и организатором партизанской войны в сибирском «урмане» — местном хвойно-лиственном редколесье, но этого не происходит. Все свидетельствует о том, что дальнейшие действия героя — результат случайного стечения обстоятельств.

Так, в Барабинске он оказывается лишь потому, что из-за своего кашля не нашел пристанища на предыдущей станции Татарск. Из Барабинска поехал в уездный

Каинск по случайному совету — так как там легче было устроиться с жильем. А гостиная изба в Каинске оказалась в аккурат напротив уездной управы, где у вываливших на улицу мужиков Кирибаев узнает, что в уезде большой дефицит учителей. Идет к земскому начальнику и напрашивается в учителя в самую отдаленную волесть. Разумеется, в надежде на встречу с сибирскими партизанами. Но есть ли там эти самые партизаны — ему неведомо... Похоже, он не лукавит перед местным начальством, когда объясняет свое решение тем, что хочет отдохнуть и подлечиться. А по сути — затеряться в глубинах Сибири с надежным документом учителя.

Думая о том, как причудливо складывается судьба того или иного человека, невозможно отказаться от мысли о существовании какого-то высшего предопределения в композиции жизненных эпизодов. Вот и за Павлом Петровичем, должно быть, числилась в горних верхах «неспетая партия» учителя в старообрядческом селе. Вспомните, что сразу после окончания семинарии он выбрал место в школе села Шайдуриха, но потом вдруг отказался и вернулся в город. Так вот, учительствование в сибирском селе Бергуль, что в двухстах верстах от Каинска (ныне г. Куйбышев Новосибирской области), и было как раз той кармической отработкой, предназначенной ему в молодые годы, поскольку деревню эту населяли... именно старообрядцы, разряд населения, который весьма интересовал его в прежние годы.

Павел Петрович как будто снова окунулся в те времена, когда «велосипедил» по кержацким селам и деревням Урала, выпрашивая и записывая любимые им присловья. В Сибири он столкнулся с несколько иной языковой, вернее, диалектной средой, поскольку бергульцы были переселенцами из Минской губернии, а в Белоруссию их предки попали с Новгородчины в давние времена никоновского гонения. Спасаясь, они вынуждены были уйти в западно-русские земли, находившиеся тогда в составе Речи Посполитой. И до сих пор многое и в поведении, и в речи их потомков носило стойкий польско-белорусский налет.

Так, на людях они обращались друг к другу на «вы», чего у русских старообрядцев никогда не бывало. Парни,

приглашая девок на вечерках на танец, целовали им руку. Зато звучание их имен закоснело в форме давнего ...надцатого столетия: Кумида, Парафон, Васенда, Антарей... Да и те имена, что угадывались, произносились по-старинному: Ивко Парфентьевич, Панаско Макарьевич, Омелько Савватьевич — точно со страниц былин сошли. Правда, пройдя обработку белорусским — акающим наречием, слышались «по-русски»: Ивка, Панаска, Омелька...

Но теперь Павел Петрович собрание фольклора отставил. Прошло столько времени!.. Да и политический выбор, который он окончательно сделал (всего полгода назад, а кажется — давно-давно) диктовал ему другие интересы. Хотя почему другие? Ведь и в начале века его путешествия по кержацким заповедным местам были в политическом смысле не столь безобидными. Другое дело, что здесь, в Сибири, в 1919-м, вести пропаганду борьбы за свободу народную ему не пришлось, по крайней мере, в том, прежнем объеме, — за него сделали работу время и обстоятельства. Быстро менявшиеся в период Гражданской войны условия жизни лучше всякого словесного агитатора промыли глаза и уши народу.

Вот и получалось, что в Бергуле не он подступил к народу с «разговорами», а тот к нему:

«Сидят все задумавшись, как будто чего-то ждут друг от друга. Андрей начинает первый.

— Вы, господин вчитель, не таитесь от нас... Вы... товарищ будете?

Для Кирибаева положение давно определилось, и он с улыбкой говорит:

— Кому как...

— Вот хоть бы нам, — подхватывает Омелько, — если нас казаки драли.

— Товарищ, выходит. Меня тоже порядком измяли. Еле жив выбрался.

Андрей вскакивает и возбужденно машет руками:

— Я ж говорил... А! Не вчитель, а товарищ!

Надолго открылись сверкающие зубы Омельки.

— Видное ж дело. Образков нет и вошь, як патрон. Опречь окопа таких не найтить.

Сейчас же переходят к расспросам:

— Как там? Скоро ли придут? Где теперь? Есть ли хлеб? Патроны?

Кирибаев рассказывает об Уральском фронте.

Узнав, что при захвате Перми недавно мобилизованные крестьяне сдавались белым, Андрей рычит:

— Выдерут сучьих сынов шомполами — будут знать, яка сибирска воля. На заду узор напишут, щоб не забыли.

— Як наши ж дурни. Мериканы... воны устроють. Вот и устроють — без штанов ходить. Дурни! Разве ж можно нам без Расеи. Там усе.

— И правда уся там, — энергично заканчивает Андрей.

Разговор переходит в военное совещание. На вопрос об оружии Андрей отвечает, что у него есть старый, запрянтанный в урмане бердан и винчестер, который удалось утащить из Омска при демобилизации.

— Патронов только две обоймы, — вздыхает он.

— Так ты ж ими десять казаков снимешь.

У Омельки тоже есть трехлинейка, и к ней десятка полтора патронов.

Называют еще многих крестьян, у которых припрянтано оружие...

— Удумать бы, как уместях собраться. Причинку какую...

Кирибаев предлагает образовать какую-нибудь артель и послать в Каинск бумагу о разрешении.

— Верно это, — соглашается Андрей. — Старики не пойдут — нам лучше. Молодые запишутся — так воны и дальше пойдут. До вурману!

— С других мест приехать можно, — добавляет Омелько.

Наиболее подходящей кажется артель по обработке дерева.

Решили действовать без спешки. Выждать недели две-три, потом объявить на сходе и просить уезд о разрешении бергульским кустарям составить артель для получения военных заказов: на ободья, клещи для хомутов и так далее.

— Закружится дело! Клещи Колчаку уделаем. Крепко будет! — смеется Андрей.

В сенях зарычал Дружок. Возвращались хозяева. Время уж давно за полночь. Омелько и Андрей вышли. В сенях говорят вполголоса с хозяином.

Андрей опять входит в комнату и тревожно спрашивает:

— Вы вычить-то можете... сколько-нибудь?

Кирибаев успокаивает: бывало дело. Не первый раз».

Не правда ли, вызывает улыбку опасение бергульцев, высказанное в последнем вопросе? Но такая компетентность приезжего в их глазах — чтобы и товарищ, и «вчитель» в одном лице — выглядит и в самом деле счастливой редкостью.

И Павел Петрович не обманул кержаков. В возобновившую свою работу сельскую школу записалось до пятидесяти маленьких сельчан обоого пола. Привезли школьную мебель, что хранилась по избам, что-то сделали вновь по заказу «вчителя», и учебный процесс начался. Даже местному «попу» — старосте кержаков было дано обещание не преподавать Закон Божий...

Совершенно чудесным образом стали известны воспоминания о том, как преподавал Павел Петрович в бергульской школе, его тогдашних учеников, записанные известным уральским писателем, младшим современником П.П. Бажова Борисом Рябининым. Он, пожалуй, единственный из свердловчан решил побывать в Бергуле в семидесятые годы XX века.

И в наши дни уральцу добраться до этого села не шутка. Рябинин сначала летел самолетом от Новосибирска, а потом еще ехал машиной несколько десятков километров.

«В половине зимы он появился. — рассказала ему Елизавета Константиновна Хохлова. — В папаше, роста небольшого, глаза умные, ласковые. Мне тогда восемь лет было, только в школу пошла. Да школы-то не было, при нем ее начинали. Зима студеная была. До Бергуля трое суток ехал, испростыл весь. Вощик-то ему тулуп свой дал. Да он, видно, еще раньше простуженный был... Баню истопили. Позвали брата Андрея. Самогонки дали. Парили до того, что чувств лишился. Вытащили на снег, тут очнулся, в себя пришел. Снова

парили. Лечили по-сибирски. У нас завсегда так простуду выгоняют. Поправился. Меньше кашлять стал. Потом вроде и вовсе повеселел...»

«Ну уж действительно был учитель! — начинает Тит Галактионович Пнутов. — С темна до темна трудился Павел Петрович! Все делал сам и других приучал. Ничего не было, ни чернил, ни бумаги. Чернила делали из клюквы. Он доставал бумагу, карандаши. Привез школе. Дал тетради: «Пишите». Мне подарил свою ручку.. Бороды еще не было, а может, сбрил...»

Учение это в бергульской школе продолжалось всего ничего — два с небольшим месяца, а вот запомнилось ученикам на всю жизнь...

Почему же так мало? А потому что начались боевые действия «артели».

Снова П.П. Бажов, «За Советскую власть»:

«В это время и раздались первые выстрелы. На дороге между Межовкой и Биазой прострелили головы начальнику милиции (колчаковской. — В. С.) и его помощнику.

Карательный отряд, посланный из Каинска, оказался мал. Его без остатка сняли за сорок верст до Межовки.

Понадобились батальоны, полки, обходные движения...»

Павел Петрович заканчивает свое повествование в самом начале вооруженной борьбы партизан с белыми. Почему? А потому что это выступление оказалось неудачным.

Как пишет историк И. Ф. Плотников, рассчитывая на успех партизан урмана, большевики-подпольщики Каинска решили освободить политзаключенных из местной тюрьмы. Но из-за ошибки пропагандиста, наивно давшего конспиративные контакты солдатам-полякам из охраны, в городе начались аресты, которые свели на нет деятельность всего антиколчаковского движения в уезде. Часть руководителей подполья погибла, и карательные отряды загнали партизан далеко в урман.

В этой ситуации «вчителю» Бажову оставаться в Бергуле было небезопасно. Барабинские железнодорожники снабдили его явками в губернском Томске, и в середине мая он покинул уезд.

К этому времени успех на фронте сопутствовал Красной армии. Белые отступали, и вместе с ними в Сибирь потянулись беженцы из имущих. Как пишет в своих воспоминаниях о муже Валентина Александровна, на улицах Томска Павлу Петровичу стали попадаться знакомцы из Камышлова, которым была хорошо известна его революционная подноготная. И тогда он с ведома Сибирского ЦК отправляется на Алтай — в Барнаул. Теперь у него на руках «документ» на имя страхового агента из Вятки. Барабинские железнодорожники, фабрикуя эту бумагу, сумели слегка исказить подлинную фамилию нашего героя, приписав к правому элементу буквы «ж» петельку, которая превратила ее в две буквы — получилось «хе», и Павел Петрович Бажев превратился в Бахеева...

Барнаульские товарищи направили «страхового агента» в Змеиногорский уезд. Тут невольно вспоминается, как в «Уральских былях» отец Егорши, когда его «отставили», хорохорясь, грозитя податься «на Колыванские». Так вот, сын его на эти Колыванские и попал, с той лишь разницей, что сама Колывань и другие алтайские заводы остались в районе Барнаула, а Павел Петрович угодил в самые что ни на есть горные районы Алтайской губернии, где находились рудники. И в рудниках этих добывали не только привычную уральцу медь, но и свинец, цинк, а самое главное — золото и серебро. Кстати, начальную разработку здешних серебряных месторождений начал не кто иной, как Демидов. Легенда (а может, и правда о чеканке фальшивых монет в подвале Невьянской башни) основана на алтайской добыче серебра.

В предреволюционные годы разработкой этих месторождений занимался британский концессионер Лесли Уркварт. Фамилия тоже известная на Урале: примерно тогда же он стал концессионером Кыштымского горного округа и построил с нуля ныне печально знаменитый Карабашский завод — самое экологически грязное место в России. Так что куда ни кинь, все аукается родина.

В середине 1919 года алтайские рудники уже не функционировали, поскольку Л. Уркварт, предвидя

смену форм собственности в России, затопил шахты, тем самым толкнув местных горнорабочих в объятия революции. По сути, «страховой агент Бахеев» прибыл в район западного Алтая, когда зародилось стихийное партизанское движение (чисто сибирское явление) и требовались усилия координатора, чтобы сопрячь отдельные отряды в единую силу.

Местом поселения «агенту» был рекомендован правый берег Иртыша — на границе двух административных образований: горной Алтайской губернии и степной Семипалатинской области. Таким образом, сфера его деятельности расширялась практически до русско-китайской границы. Семипалатинская область была едва ли не сплошь крестьянской. И земледельцы (из русских переселенцев и казаков), и животноводы из местных киргизов (как тогда называли нынешних казахов) жили побогаче, нежели крестьянство в Центральной России, так что вовлечение их в революцию на стороне большевиков представляло определенную сложность.

Павлу Петровичу здесь способствовали два обстоятельства. С одной стороны, в долинах рек Бухтармы, Убы и Ульбы были волости, населенные... старообрядцами, и потому контингент, с которым пришлось работать агитатору и пропагандисту Бахееву, оказался ему хорошо знакомым. А с другой — даже зажиточные земледельцы из казаков не благоволили к колчаковцам по причине зверств и самоуправства, которые были характерны для адмиральской власти в этом районе. Белые, точно так же, как и красные, стремились вовлечь местное крестьянство в борьбу на своей стороне, а когда люди упрямылись, в ход шли далеко не «конституционно-демократические» методы...

Павел Петрович поселился в поселке Верхняя Пристань в нескольких верстах южнее города Усть-Каменогорска у вдовы Матрены Антоновны Рябовой. Она была «своим» человеком не только потому, что выполняла роль связной. Эта женщина внесла трагический семейный вклад в дело революции — двое ее сыновей, активистов советской власти, были казнены местными контрреволюционерами во время мятежа,

вспыхнувшего в городе. Для Бахеева, который официально намеревался работать исключительно «в уезде», это поселение вне города выглядело вполне логичным (ведь и первый революционный учитель Павла Петровича уездный ветеринар Н.С. Смородинцев жил не в самом Екатеринбургe, а в поселке Верхисетского завода). Секретарь волостной управы И.И. Ягодкин выдал Бахееву папку с незавершенными делами его предшественника Унгвицкого и тем самым благословил на разъезды по Змеиногорскому уезду.

В отличие от бергульского (случайного, по сути) эпизода партийной деятельности Павла Петровича, период алтайский свидетельствует о том, что у него все получилось. На нелегальном положении ему пришлось быть с июля по декабрь 1919 года. За это время он восстановил подпольные организации, погибшие после неудавшихся самостоятельных выступлений как в самом Усть-Каменогорске, так и в селе Шемонаиха — здесь уже в октябре девятнадцатого были готовы к новым сражениям. По результатам пропагандистской деятельности Павла Петровича был создан Березовский партизанский отряд во главе с Карташовым, который вскоре перешел к активным действиям в направлении Золотухи, где разгромил стоявший там отряд белых, взяв немало пленных. Второго декабря партизаны вошли в Шемонаиху и установили здесь Советскую власть. В результате правильно поставленной пропагандистской работы и проведенной мобилизации военные силы восставших выросли чуть ли не в десять раз.

Помня о камышловском полке Красных Орлов, Павел Петрович предлагает назвать отряд, зародившийся в горном селе Орловка, полком Красных горных орлов.

К концу года, не без организационной помощи Бахеева, на стыке Алтайской губернии и Семипалатинской области удалось сформировать целую крестьянскую партизанскую армию, состоящую из пятидесяти тысяч бойцов. Во главе ее стоял Е.М. Мамонтов. Пятнадцатого декабря (по другим данным — 10 декабря) четвертый корпус этой армии под командованием М.В. Козыря стал освободителем Усть-Каменогорска. Вместе с частями этого корпуса в город вошел и вдохновитель ор-

ганизованных боевых действий в регионе Павел Петрович Бахеев (под настоящей фамилией его здесь никто не знал, а как о Бахееве — слышали о нем многие, даже не знакомые с ним лично).

Однако с освобождением города от белых события Гражданской войны для усть-каменогорцев не завершились. Дело в том, что большевистская прослойка в стане победителей была невелика. Когда посчитали коммунистов и сочувствующих, то набралось всего двадцать восемь человек. Естественно, все были направлены на ответственные посты и занялись восстановлением мирной жизни. Так, Бахеев, будто по привычке становится редактором уездных «Известий» и заведующим информационно-инструкторским отделом ревкома. На почве этой деятельности у него и возник серьезный конфликт с партизанским комкором Козырем, который сам в партии большевиков не состоял и исповедовал поистине «партизанские» взгляды относительно дисциплины и политики общих действий.

Взяв город, козыревцы без суда и следствия казнили трех именитых горожан — протоиерея Дагаева, владельца типографии купца Горлова и бывшего «мэра» Сидорова. Такой «революционный террор» не понравился большевистским руководителям города. А Козырь, чувствуя силу, вознамерился опубликовать в «Известиях» свой манифест. Редактор ответил ему отказом. Расправиться с большевиком анархист не посмел, но зато посадил в крепость. Потребовалось вмешательство красных сил из Семипалатинска, чтобы освободить Павла Петровича. И вот тут уже ответный ход был за ним.

Из воспоминаний Н. Анова:

«Задача перед Бахеевым стояла чрезвычайно сложная. Он знал, что партизанский полк (шеманаихинский) в борьбе с колчаковцами выполнит любой его приказ. Но... ведь атаман Козырь привел с собой не белогвардейцев, а тоже партизан, успешно воевавших против Колчака. Надо было проявить большой такт при разоружении крестьянского корпуса. Павел Петрович решил устроить митинг. В нем приняли участие козыревские партизаны из армии Мамонтова и красные партизаны.

Очевидцы митинга в Усть-Каменогорске, на котором председательствовал Бахеев, рассказывали мне, как искусно выступал Павел Петрович, затрагивая самые болезненные вопросы о власти, волновавшие партизан обоих лагерей. Против Колчака воевали не только бедняки, сочувствующие большевикам, но и зажиточные мужики...

Но вот победа над сухопутным адмиралом одержана. Как жить дальше? Что делать?

Павел Петрович блестяще разоблачил сущность бывшего поручика царской армии Козыря. Митинг закончился полной победой Бахеева... Все обошлось без кровопролития. (Крестьянский корпус принял решение отправиться в Центральную Россию на помощь Красной армии и впоследствии участвовал в боях на польском фронте против Пилсудского. — В. С.)».

Воистину, виртуозное владение речью, умение точно и в нужный момент использовать ударные аргументы — это все свойства грамотного, профессионального оратора, коих во множестве породило революционное движение в России. И не беда, что Павел Петрович не обладал зычным голосом — когда говорят интересно и, главное, понятно, публика слушает молча и лишь потом разражается аплодисментами.

Однако справедливости ради нужно сказать, что этот конфликт между козыревцами и ревкомом был не последним фактом разногласий в тот период. Все же большевики и крестьяне по-разному понимали, что такое Советская власть. И если пролетарии, на которых опирались коммунисты, стремились к всеобщему обобществлению предмета труда, его средств и результатов, то те же бухтарминские крестьяне, что ввязались в революцию не по политическим мотивам, а единственно потому, что их намеренно втравили в борьбу, делиться за здорово живешь нажитым и наработанным не хотели. А тут началась принудительная продразверстка, когда у крестьян не только требовали излишки зерна, но и норовили отобрать необходимое для жизни. Разумеется, местные селяне, не знавшие крепостного угнетения и прошедшие школу вооруженного сопротивления Колчаку, снова брались за оружие...

Таким образом, большевикам — и Павлу Петровичу в их числе — приходилось ездить в область на усмирении бывших союзников по общей борьбе. Он даже состоял членом ревтрибунала и, значит, имел право решать судьбы...

Кроме того, Семипалатинская область стала своеобразным коридором, по которому прорывались за кордон отступавшие разрозненные части белых и по которому они вторгались на территорию, где установилась советская власть, из-за рубежа с террористическими рейдами. Так, в результате одного такого бандитского нападения было полностью вырезано партийно-советское руководство города Каркаралинска.

Словом, нашему герою было чем заняться и днем, и ночью.

Но если в бытность его в камышловском полку Красных Орлов и в период бергульских вылазок против белых он был ничем не связан, кроме военной и партийной дисциплиной, то теперь... То теперь его возвращения домой длинными и темными ночами дожидалась семья.

Еще летом 1919 года, до установления в регионе советской власти, как только Бажов, ставший Бахеевым, определился с постоянным местом проживания на Верхней Пристанни, он тут же через какие-то верные каналы дал знать семье, где он, и его Валянушка, собрав детей, ринулась навстречу неведомым испытаниям, лишь бы снова быть с мужем.

Конечно, со стороны обоих это была серьезная авантюра. Дом М.А. Рябовой, где квартировал Бахеев, находился вблизи страшного Шмелева Лога, в котором колчаковцы расправлялись со всеми, кто вызывал у них подозрение, а по ночам казнили содержавшихся в крепости. Не самое безопасное место для проживания семьи большевика-подпольщика. Да и Валентине отважиться на столь долгое путешествие с тремя маленькими детьми — через фронт и чуть ли не минув пол-Сибири — дело куда как не простое. И все же собралась... Возможно, здесь не последнюю роль сыграл совет врача, долго лечившего ее после той злосчастной скарлатины, которая унесла жизнь новорожденного

сыночка Кости: нужен длительный отдых и хорошее питание. Ни того ни другого обеспечить себе дома, в Камышлове, она не могла. И потому ей казалось, что поездка к мужу поможет осуществить все медицинские рекомендации.

Валентина Александровна:

«Едва поднявшись на ноги после болезни, я начала собираться вместе с детьми к Павлу Петровичу. От него к тому времени была получена весточка. Не остановили меня ни дальность расстояния, ни трудности и опасности пути. Была только одна мысль — поскорее добраться до мужа. Я уехала из Камышлова тайно — иначе задержали бы колчаковцы...»

Писательница Е. Хоринская добавляет к этому конспективному рассказу услышанные от Валентины Александровны детали этого небезопасного путешествия:

«Племянница, работавшая медсестрой в госпитале, достала билеты на поезд. В темноте вышли из дома, добрались до станции. Валентину Александровну от волнения била дрожь, руки тряслись, когда подавала кондуктору билеты. Ведь в любой миг ее могли задержать. Казалось, что каждый белогвардеец подозрительно смотрит на нее. „Да, да, вон тот, высокий, идет прямо к их вагону. Нет, прошел... Ох, скорее бы отправление!“ Только когда тронулся поезд, вздохнула с облегчением...»

Конечно, впереди долгий, неимоверно трудный путь в набитых людьми теплушках, пересадки, когда толпа с бою берет каждый вагон, сидение сутками на станциях... Нечем кормить детей. Вот они все трое сидят возле нее, как голодные галчата... А кругом белые... Ничего, она пройдет все трудности, все опасности, только бы пробиться к самому дорогому для нее человеку — к своему мужу, быть рядом с ним. Пусть трудно, но вместе... И люди, глядя на эту худенькую темноволосую женщину, которая в такое время куда-то едет с тремя ребятишками, как будто понимали и только качали головами: ну и ну! И всегда находились такие, кто делился с ней хлебом, пускал переночевать — не замерзать же детишкам на улице, — помогал, чем мог. И добрых людей оказалось немало.

Долго длилось это тяжелое путешествие. Но все же добрались до Усть-Каменогорска».

И еще деталь — от дочерей: «...Наконец, после долгой и сложной дороги прибыли в Усть-Каменогорск и увидели на пристани в толпе встречающих отца — и мама шепнула: „Вот ваш отец, только об этом никому нельзя говорить!“»

Конспирация сразу же вошла в жизнь маленьких уральцев. Хотя память старшей дочери — Ольги — запечатлела все же другие реалии жизни на Алтае:

«Помню очень красивые горы — красивее, чем Урал. Лето там очень жаркое, а зима — холодная. Красив Иртыш! Он течет с гор и очень холодный и быстрый. Если оставишь вот здесь свое белье и полезешь купаться, то вылезешь из реки далеко оттуда и надо будет за бельем назад возвращаться. А зимой из-за быстрого течения Иртыш замерзал не ровно, а бурунами, и даже в мороз можно было провалиться, так как быстрая река снизу подмывала лед.

Помню, мы с отцом ловили рыбу на удочку. Еще — срезали ивовые прутья и плели корзины.

Жили мы сначала на Пристанях, это пригород, в белом домике, а потом уже переехали в город.

Папу почти не видели, он был занят на партийной работе. Мама играла в любительских спектаклях в клубе... Мы целыми днями были предоставлены сами себе. Помню, как бегали в эти горы, рвали цветы, как я однажды, потянувшись за цветком, чуть не свалилась в какую-то пропасть и как Елена меня вытаскивала...

В Усть-Каменогорске мы пошли в первый класс.

Вечерами папа уходил на какие-то дежурства... У нас в комнате было такое высокое окно, и мама всю ночь сидела на подоконнике и ждала его...»

Последние четыре абзаца этого рассказа — реалии наступившего советского времени.

В 1920 году Валентине Бажовой не было еще и тридцати. Только здесь, на Алтае, спустя восемь лет после свадьбы, она смогла реализовать свою давешнюю мечту участвовать «в борьбе» рядом с мужем. И хотя ходить вместе с ним в ночные дозоры по охране города от банд

она не могла, зато участие ее в общественной жизни города было столь же активным и многообразным, как и ее мужа на поприще партийном.

Валентина Александровна:

«Дел было много. Как член женотдела, принимала участие в создании детских домов, устройстве многочисленных сирот. Была активным членом первого в Усть-Каменогорске самодеятельного коллектива, возникшего при рабочем клубе «Красная звездочка». Исполняла самые различные роли, от главной героини до суфлера. В Усть-Каменогорске создавалась библиотека. Помню, с каким чувством радости я поставила на полку первые десять библиотечных книг. Подбор библиотеки, выдача книг все пополняющейся библиотеки тоже занимали немало времени».

В марте 1920 года из-за отсутствия бумаги прекратился выход уездных «Известий», и Павел Петрович вновь сосредоточился на деятельности в области просвещения. В этот период при его непосредственном участии в городе возобновляется работа профессионального драматического театра, зарождается самодеятельное сценическое искусство детской и мусульманской трупп. Нужно сказать, что большое внимание Бахеев уделял образованию и культурному развитию местного нерусского населения. При его участии в одном из сел было создано национальное женское училище. А специальные курсы учителей-киргизов (казахов) в следующем году осуществили выпуск первых восьмидесяти семи специалистов для преподавания в школах сел и айлов.

Шла организация школ и в русских волостях. И Павел Петрович даже поддержал инициативу двух интеллигентов — профессора Матвеева и доцента Соколова, ратовавших за создание в городе Алтайского крестьянского университета. Целесообразность организации такого учреждения была, на первый взгляд, не очевидной: местные «студенты» не имели не только среднего образования, но зачастую и вообще никакого. Однако Бахеев-Бажов думал о подготовке будущих партийных кадров и отказываться от идеи ученых-беженцев, оказавшихся в городе волею судеб, не стал.

Известен один такой студент первого набора — Джанузак Таирбердинов. Несмотря на молодые года он успел стать членом местного совета, принять участие в борьбе с Колчаком, за что был посажен в усть-каменогорскую крепость вместе с сыном М.А. Рябовой. Ему удалось бежать и стать партизанским связным. На момент поступления в университет он служил в местной милиции.

Среди друзей Бахеева в этот период — борцы за установление советской власти Шакен Утепов и Жанши Кирибаев, член уисполкома. Вот откуда фамилия героя в повести «За советскую власть».

Между тем 17 и 19 мая в партийные органы уездного Усть-Каменогорска и областного Семипалатинска приходят телеграммы из Камышловского уисполкома с просьбой откомандировать Павла Петровича обратно на Урал. Как отнесся к такому привету с родины сам Бажов, мы не знаем. Однако известно, что местное бюро РКП(б) ответило камышловцам отказом: мол, самим позарез нужен.

И чтобы подтвердить на деле эту его необходимость, 26 июня Бахеева-Бажова избирают председателем уездного бюро профсоюзов. А спустя неполных два месяца он становится первым политическим лицом в уезде — председателем уездного комитета РКП(б).

И хотя теперь газетой занимаются другие люди, Павел Петрович (как главное идеологическое лицо) все-таки остается ее куратором.

Продолжим воспоминания Н. Анова, который как раз в 1920 году был командирован в степные районы Алтая:

«Когда я приехал в Усть-Каменогорск, Павел Петрович обрадовался, узнав, что я журналист и работаю в газете «Советская Сибирь». На мое предупреждение, что я намерен здесь прожить не более двух-трех месяцев, он не обратил внимания: мол, там виднее будет.

Бахеев довел меня до типографии, где помещалась редакция газеты и стоял колченогий стул редактора. Он вручил мне редакционный портфель — тощую папку с селькоровскими письмами, познакомил с рабочими и, пожелав успеха, отправился в уком партии.

Вместо двух-трех месяцев я прожил в Усть-Каменогорске около трех лет, проработав фактически редактором газеты «Советская власть» (так стали называться после возобновления «Известия» местного ревкома. — В. С.) до конца ее существования.

Я разговорился с заведующим типографией Божко, молодым быстроглазым человеком, щеголявшим военной выправкой.

— Бахеев удивительно энергичный человек, — сказал он мне с восхищением. — Обратите внимание: чем человек ниже ростом, тем больше в нем развита энергия. Я давно это заметил. Вы на его пышную бороду не смотрите (по свидетельству соратника Павла Петровича Н. Рахвалова, борода на лице бывшего «агента» отросла как раз к августу 1920 г. — В. С.), ему всего сорок лет. Как говорится, мал золотник, да дорог. Так вот, когда Колчака выгнали, Павел Петрович затеял газету издавать. При белых тоже газета выходила, но владелец Горлов со злости утопил типографию в Иртыше. Не хотел, чтобы большевики печатной продукцией занимались. Сволочь была жуткая, рабочих без куска хлеба решил оставить. Но не удалось, Бахеев с помощью рабочих вытащил машины из реки... Канители было много в порядок их привести, но кончилось все благополучно. Газета хоть не каждый день, а выходит».

Освободиться от множества должностей Павлу Петровичу удалось только став партийным начальником. Этого требовала серьезность должности. А до того бесконечное совмещение доходило до курьеза. Все пишущие о жизни Бажова в этот период как анекдот приводят следующий случай.

Н.Н. Мелихов, коммерческий агент одного из бывших акционерных обществ, узнав о национализации парохода «Нарымец», решил «прихватизировать» имевшееся там пианино и вывез его на квартиру к приятелю. Про это узнал Н.С. Гавриленко, художник драмкружка клуба водников, и с помощью двух красноармейцев изъездил это пианино на народные нужды. Приятель Мелихова, бывший директором народного училища, не успокоился, пошел с ходатайством о возврате к заведующему отделом образования Бахееву, но получил отказ. Тогда

он пошел с жалобой на Бахеева в газету, но редактором оказался... все тот же Бахеев, подтвердивший свою давешнюю позицию по этому вопросу... Директор был гражданин грамотный и отправился в упробюро, поскольку был членом профсоюза работников просвещения. Но и здесь ему пришлось разговаривать все с тем же Бахеевым, который к этому времени был назначен на руководство и сюда...

С одной стороны, конечно, абсурд. Тут же на ум приходит знаменитое стихотворение В. Маяковского «Прозаседавшиеся», в котором одна половина ответственного лица находилась на совещании, пока вторая заседала на другом. Фантастика! Но, как уже говорилось, кадровая скамейка у большевиков в первые годы советской власти была, пожалуй, еще короче, нежели сегодня в новой России, где выпускается «специалистов» с высшим образованием на душу населения едва ли не больше, чем в любом другом государстве мира...

Нам же интересен вот какой вопрос: а что творчество? Не стал ли Алтай отправной точкой в будущем писательстве Павла Петровича Бажова?

Нет, не стал.

В 1920 году он разменял пятый десяток, но стремления к литературному сочинительству у него так и не возникло. Ну, во-первых, газета, как известно, не способствует развитию литературных навыков. В газете на первом месте точность факта, оперативность его подачи в номер и планомерность выхода печатного издания, не говоря уже о широте распространения. Писательство же (а тогда говорили: сочинительство) дело не спешное, вдумчивое, располагающее к многократному переписыванию сочиненного в угоду большей точности выражения мыслей, образов, деталей. Преподаватель-словесник, имевший дело с первоклассной литературой, это хорошо понимал. Да и, верно, полагал, что в сорок лет свой путь в литературе не начинают. Поздно-вато...

Но зато он способствовал развитию художественного творчества других. Тому же Н. Анову как журналисту и молодому литератору он рекомендовал съездить к старообрядцам: «Край наш очень интересный, здесь

у кержаков сохранился семнадцатый век. Полюбопытствуйте! Пригодится!»

С его благословения начало свою жизнь в городе и литературное объединение «Звено Алтая».

Пройдет много лет, и Николай Анов, ставший-таки профессиональным писателем, заметным в Сибири, сочинит приключенческий роман «Пропавший брат», основанный частично и на алтайских событиях 1919 — начала 1920-х годов, где выведет Бахеева под фамилией Батенин. В 1940 году, когда первое издание романа увидело свет, Н. Анов даже не подозревал, что бородастый алтайский большевик и автор «Малахитовой шкатулки» — одно и то же лицо.

Подобным же образом политработник Бахеев всплывает и на страницах автобиографической трилогии известного писателя Ефима Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова». Пермитин был уроженцем Усть-Каменогорска, на закате Гражданской войны исполнял обязанности военного коменданта города, а после ранения и демобилизации — учительствовал. Наверняка с Павлом Петровичем они вращались на одних орбитах, хотя Пермитин впоследствии тоже мог не догадываться, что Бахеев и Бажов — одно и то же лицо. По крайней мере, его воспоминаний о Павле Петровиче нет ни в одном из трех изданий мемуарного сборника о Бажове.

Получается, оба писателя, Анов и Пермитин, запомнили именно Бахеева — яркую, незаурядную личность, уверенную в правильности пути, выбранного Революцией, и таким было общее восприятие его тогдашними жителями горно-степного Прииртышья.

Вот еще эпизод из воспоминаний Н. Анова:

«После Восьмого съезда Советов, состоявшегося в конце декабря двадцатого года, Бахеев на открытом партийном собрании сделал доклад о выступлении В.И. Ленина (председателя Совета народных комиссаров — тогдашнего правительства Советской России. — В. С.) на съезде.

В тот вечер в Народном доме зажгли люстру. Павел Петрович прошел на сцену и, оглядев переполненный зрительный зал, стал рассказывать о грандиозном плане электрификации всей страны и о первой элек-

тростанции, что строится в Кашире, на Оке. И хотя в театре стоял страшный холод, всем интересно было слушать о мощном потоке электроэнергии, который пойдет в самые глухие, отдаленные деревушки, и в каждой избе станет так же светло, как во дворце.

Все шло хорошо, но в самом ответственном месте, когда докладчик стал рисовать картину будущей России, залитой электрическим сиянием, свет в люстре начал слабеть и, наконец, совсем погас. За кулисами нашли свечку, разрезали на две части, и Павел Петрович продолжал свою речь, будто не замечая внезапного мрака, воцарившегося в зрительном зале. В это время, перебежав улицу, кто-то помчался на электростанцию и принес печальную новость: сухие дрова кончились, а сырые не хотят гореть. Механик Теплоухов разозлился и ушел домой, сказав, что света не будет до утра. Смекалистый человек кинулся в собор (он стоял рядом с Народным домом) и притащил дюжину толстых церковных свечек. Две из них поставили на трибуну, остальные на стол президиума.

Ноги у слушателей заоченели, а стучать ими об пол казалось неудобным. Однако никто не ушел. Все жадно слушали прекрасные слова о будущих электростанциях и не сводили глаз с бородатого лица Павла Петровича, освещенного колеблющимися огоньками восковых свечей. А он говорил, как всегда спокойно, только в этот вечер уверенный голос его звучал по-особенному торжественно. И докладчик, и слушатели верили Ленину, и хотя зрительный зал тонул во мраке, все знали: электрификация сотворит в России чудо. После доклада все поднялись и дружно запели „Интернационал“.

Спустя несколько дней за кулисами театра гарнизонного клуба инженер Стольный, прикуривая от примитивного кресала, заметил Павлу Петровичу:

— На прошлой неделе я слышал ваше выступление в Народном доме. Начали вы с лампочки Эдисона, а конец доклада прошел при свете церковной свечки... Вы, Павел Петрович, великий фантазер и мечтатель.

— Фантазия для революционера тоже вещь необходимая, — убежденно произнес Бахеев, — а без мечты вообще могут жить только животные».

В этом эпизоде явно слышится переключка с известным диалогом английского писателя Г. Уэллса и предсовнаркома В.И. Ленина. Первый назвал второго «кремлевским мечтателем», а второй ответил ему: «А вы приезжайте к нам, батенька, лет этак через двадцать. Тогда и посмотрим». Слова Бажова также оказались пророческими: на Иртыше спустя несколько десятилетий была сооружена Усть-Каменогорская ГЭС со шлюзом высотой 40 метров, который был на тот момент... самым высоким в мире!

Сомневавшийся инженер Стольный наверняка знал о неудачной попытке французских концессионеров запрудить куда более скромную речку Тургусун в Алтайских горах, предпринятой в предреволюционные годы. Речной поток снес искусственное сооружение в тот же день... Вот откуда его неверие в фантазии новой власти. Но, как видим, большевики оказались реалистичнее фантастов.

Тем временем областная (губернская) партконференция избрала Бахеева членом бюро обкома. Он узнал об этом, вернувшись из поездки в приграничные территории, где улаживал возникший конфликт между крестьянством и казачеством.

Пройдет еще четыре месяца, и в феврале 1921 года Павел Петрович будет призван на работу в областной центр. Здесь ему «как старому партийному работнику» предложат должность руководителя областного совета профсоюзов.

Ольга Павловна, старшая дочь:

«Жили в области в основном казаки. Они зажиточные, к большевикам относились враждебно. Когда мы на санях зимой переезжали в Семипалатинск, то на нас смотрели с опаской и на ночлег пускали не все. Остановились в одном доме. Помню холодные взгляды в нашу сторону: семья комиссара... Даже сейчас, спустя столько времени, представляю себе, как из темных углов смотрят на меня чужие глаза...»

Трудно сказать, какие планы на дальнейшее строила семья Бажовых в тот период. Наверное, жизнь в Прииртышье была в целом сытнее. Но вот из Камышлова в Усть-Каменогорск (о переезде Павла Петровича в Се-

мипалатинск на Урале пока не знали) приходит повторный запрос о возвращении «тов. Бажова Павла» в родную парторганизацию «т. к. ощущается острая нужда в работниках».

Что ж, думается, Павлу Петровичу было приятно, что его помнят и ценят в Камышловое, который он вынужден был покинуть шестнадцать месяцев назад. Да он бы, наверное, и не прочь был возвратиться в родную обстановку, но ведь не отпустят сибиряки...

И точно. Словно бы задабривая Бахеева, семипалатинцы посылают его в Москву — делегатом на 4-й Всероссийский съезд профсоюзов. Хотя, действительно, кому и ехать как не ему — председателю областного совета профсоюзов?

Мандат делегата выписали 29 апреля. Но Бахеев-Бажов... никуда не поехал. А ведь собирался, наверное...

Вышло так, что, разъезжая по области, где, конечно же, никакая профилактическая медицинская работа не велась, он подхватил болезнь жарких мест — малярию. Пока мог справляться, работал. Но как раз накануне отъезда его состояние ухудшилось, и поездку в Москву пришлось отменить. Местные товарищи, конечно, терпеливо бы дождались его выздоровления, но лечащий врач заявил: больного может излечить только перемена климата. Тут уж ничего не попишешь: в своих делах эскулапы поавторитетней Устава партии будут. И семипалатинцы с согласия Сиббюро ЦК РКП(б) отпустили больного Бахеева восвояси...

Валентина Александровна:

«С тяжело больным мужем и детьми я вновь отправлялась в дальний путь. Транспорт работал с перебоями. Приходилось ехать в теплушках, в тамбурах, жить по неделе и больше на каком-нибудь полустанке. В дороге Павел Петрович заразился тифом. Ослабленный организм с трудом боролся с болезнью. После брюшного тифа начался паратиф, потом тифоид и в конце концов тяжелое воспаление легких... Жизнь Павла Петровича висела на волоске. Выздоровел он на Урале и уверял, что его спасла родная природа, по которой он так истосковался. Как только Павел Петрович начал вставать

с постели, он просил, чтобы его уводили в лес. Там он сидел целыми днями, наслаждаясь покоем, тишиной, ароматом сосны, прогретой солнцем. К концу лета он так окреп, что врачи, которые не надеялись на его выздоровление, удивленно спрашивали: «Вы с какого курорта вернулись?» — «С нашего, уральского», — отвечал Павел Петрович».

Часть III

Глава 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ. Камышлов. Екатеринбург. «Крестьянская газета»

Конечно, в Камышлов Павел Петрович вернулся далеко не в рабочем состоянии. Наверняка местные товарищи рассчитывали, что он тут же включится в борьбу по осуществлению восстановительного периода, объявленного партией. Но букет болезней, сопутствовавший возвращению Бахеева, снова ставшего Бажовым (Бажевым), не давал такой возможности. Вероятно, по этой причине ему был предложен «легкий труд» — опять руководство уездной газетой в качестве члена ее редколлегии. Официально редактором числился В.Я. Кобелев, зав. отделом агитации и пропаганды укома, но он также был болен и находился на лечении. Таким образом, Павлу Петровичу досталось не вполне ухоженное хозяйство.

Главная проблема — недостаток средств на выпуск «Красного пути», так теперь назывался этот печатный орган.

Наследие Гражданской войны в городе и уезде было очень тяжелым. То, что не успела реквизировать советская власть в 1918 году, было увезено или уничтожено отступавшими колчаковцами. Вместе с ними подалось на восток и большинство предприимчивой части горожан и местной интеллигенции. Промышленность была в запустении. Многие из оставшихся в живых камышловцев вынуждены были искать заработок на стороне. Население и без того небольшого города сократилось. Не лучше обстояло дело и в деревне. Продолжались классовые разборки (кулаки на членов сельхозкоммун), потом в уезде вспыхнула холера, затем оспа и, как следствие плохого питания, — цинга. Народ вымирал. Летом 1921 года, когда и вернулись Бажовы, в Камышловском уезде на 5324 человека родившихся приходилось 6042 человека умерших. Баланс отрицательный. Самое

страшное было в том, что шестьдесят четыре процента ушедших из жизни составляли дети до пяти лет. В некоторых волостях детвора этого возраста вымирала чуть ли не поголовно... Подобное положение было характерно и для других уездов Екатеринбургской губернии. Понятно, что бюджет, которым располагали губернские власти, шел в первую очередь на борьбу с голодом и болезнями. Финансирование «Красного пути» из Екатеринбурга было прекращено.

Пытаясь найти выход из положения, члены Камышловского укома (в тот период — гг. Попов, Пыхтеев и Головин) на очередном заседании 4 июля 1921 года рассмотрели письменный доклад Павла Петровича насчет нецелесообразности издания в городе сразу двух газет — ежедневного информационного выпуска «УралРОСТА» в виде стенной газеты и «Красного пути», поскольку ни одно из изданий не достигает «определенной цели». По этой причине во исполнение решения VII уездной партконференции и с согласия губкома РКП(б) решили сосредоточиться на издании «Красного пути», но теперь как ежедневной газеты камышловских большевиков.

Однако и эта мера не вывела газету на должный уровень. В своем отзыве о качестве уездных газет, подготовленном к первому губернскому съезду работников периодической печати, инструкторский отдел «УралРОСТА», видимо, не без обиды на камышловских товарищей, отозвался насчет «Красного пути» следующим образом: «Газета как с руководящей, так и с технической и литературной стороны нуждается в коренной реорганизации» — мол, вы там у себя в уезде не больно-то самостоятельничайте...

Первый губернский съезд работников периодической печати проходил 15–17 сентября 1921 года в Екатеринбурге. П.П. Бажов в качестве делегата присутствовал на нем, и фотограф запечатлел его на общем снимке.

Конечно, оценка «старших товарищей» была для руководимой Бажовым газеты нелицеприятной и заставляла уездное руководство и его самого, несмотря на нездоровье, всерьез заняться реорганизацией печатного

органа. Было решено расширить корреспондентскую сеть, включить в редакционную коллегию опытных пропагандистов. Так, заведующим отделом пропаганды и агитации газеты был утвержден А.Ф. Власов.

Однако эти оргтрепыхания не помогли. Все решают не кадры, как принято думать, а... финансирование. Седьмого марта 1922 года президиум Камышловского укома выносит грустное решение о прекращении с 15 марта издания «Красного пути» в связи с отсутствием средств. Оставшихся без работы газетчиков распределяют по другим ведомствам, предписав им «давать материалы для екатеринбургской газеты (имеется в виду «Уральский рабочий». — В. С.) не менее двух раз в месяц»...

Павла Петровича назначают в упродком (уездный комитет по продовольствию).

Нужно отметить, что еще в сентябре предыдущего года Павел Петрович, как совслужащий, успешно прошел сито партийной чистки, проводившейся уездной комиссией по просмотру, проверке и чистке партии. В общем списке «чистившихся» членов ячейки местного уотнаробраза (уездный отдел народного образования), куда входили и газетчики, он значится тринадцатым из двадцати девяти членов РКП(б).

А в списке постановления укома «об определении (то есть занятости. — В.С.) работников уездного масштаба» Павел Петрович и вовсе занимает сороковую позицию из пятидесяти пяти. Все это говорит о том, что в партийной иерархии Камышлова и уезда в 1921 году Бажов занимал далеко не высокое место. Остается догадываться, зачем так настойчиво требовал его назад местный уком. Ведь руководящие кадры в уезде и городе сменились, и наверняка лично с ним никто из новых вождей раньше знаком не был. Даже запрос, посланный 19 апреля 1921 года из Камышловского укома в уком Усть-Каменогорский, просит откомандировать назад не Бажева (Бажева), и тем более не Бахеева, а... Батова Павла. Можно допустить, что ошиблась укомовская пишбарышня, печатая на машинке текст по рукописному оригиналу, но... секретарь укома, подписывая эту бумагу, должен был ее прочесть? Скорее всего, при кадровой голодухе тому было все равно — что Бажев,

что Батов — лишь бы кто-нибудь приехал! Когда же Павел Петрович прибыл, секретарь понял, что надежды на делового, серьезного помощника — видно, так обещали знавшие Бажова — не оправдались, а увечных и больных и своих хватало...

Если верить воспоминаниям Валентины Александровны, то из недужного состояния Павел Петрович выходил полгода. Значит, полную работоспособность он обрел лишь к рубежу 1921/1922 годов.

Как жила семья в это время? Известно, что квартировали они по другому адресу: на улице Набережной (ныне Кирова), вблизи от Пышмы — не последней среди уральских рек, и заречной лесной местности, уже известной читателю как Бамбуковка. Конечно, к этому времени дачные постройки в ней пришли в запустение, однако лес оставался. Видимо, он и стал действенным источником выздоровления главы семейства.

Согласно исследованиям Н.В. Кузнецовой, в этот период в семье рождается следующий ребенок: сын Владимир. Дочери наверняка ходят в школу «первой ступени».

После закрытия газеты Павел Петрович служит в упродкомитете техническим заведующим. Он компенсирует отсутствие гуманитарной составляющей в его новой деятельности сотрудничеством с только что открытым Камышловским краеведческим музеем. Такой путь находит его давешнее стремление к постижению истории края.

Воспоминания камышловской учительницы Александры Петровны Кузнецовой записал Н.А. Езовских:

«В Камышлове был создан краеведческий музей. В его работе Бажов принимал самое активное участие. Читал лекции, проводил беседы на научно-политические и литературные темы.

П.П. Бажов предложил нам, молодым учителям, провести с учениками старших классов второй ступени экскурсии. Одну из них мы посвятили поиску костей мамонта, сбору местного фольклора. Как преподаватель литературы, я поддержала предложение Павла Петровича. Провели экскурсию в радиусе двадцати — двадцати пяти километров от села Галкино. Она прошла интересно.

Как сейчас представляю Павла Петровича: в длинной толстовке василькового цвета с низко надетым ремешком, с холщовой сумкой за плечом и свитым в трубку плащом. На голове — соломенная шляпа с широкими полями. Его глаза, большие, смеющиеся, весело смотрели на ребят.

Длинная бородка клином свисала на грудь, густые брови, открытый сократовский лоб, на ногах — простые солдатские сапоги-вездеходы, в руках палка, похожая на посох.

В сумке — толстая тетрадка с карандашом, перочинный нож, небольшой топорик и каравай хлеба. Павел Петрович ходил очень быстро. Мы просили подождать, на что он шутливо замечал: «Наденьте сапоги-скороходы, тогда не будете отставать».

По дороге он низко кланялся встречным. В деревне отыскивал старожиллов, садился на завалинку и беседовал с ними, набивая трубку табаком. На наше предложение сбрить бороду отвечал, что борода вызывает уважение и доверие к нему стариков, крестьян.

Действительно, своим обращением, окаяющим разговором он вызывал доверие у крестьян.

Мы собирали лекарственные травы, местные частушки, игровые и свадебные песни, записывали бытовые обряды, характерные местные выражения. Павел Петрович особенно интересовался местными умельцами-горшечниками, мастерами деревянной утвари, вязальщицами-кружевницами, ковровярами.

Во время привалов разводили костер, пекли картошку, варили уху. Бажов читал нам отрывки из пушкинских поэм, рассказывал о своих годах учебы и работы учителем. Мы удивлялись тому, что он много пушкинских стихов знает наизусть. Ребята очень любили слушать его рассказы о работе в школе, борьбе с колчаковскими бандами, богатой природе Урала, о людях труда».

Не правда ли, вспоминается подобная же экскурсия на Шувакишское озеро, которую провел для Егорши, героя «Дальнего — близкого», старичок Полиевкт Егорыч. Вот ведь как аукается давнее. Ничего не пропадает втуне! И какие бы загибы в пути судьба ни готовила

нашему герою, он неизменно возвращался к тому, что наметил в ранние годы: к истории родного края и к слову народному.

Было очень кстати, что уком год назад, как только Бажов встал на учет в местной партийной организации, предписал ему заниматься сбором материалов по истории партии. Так что это был тот счастливый случай, когда лично желаемое и общественно необходимое сплелись в единую косу общей потребности.

Тем временем в летние месяцы 1922 года газета «Красный путь» снова оживает: в такой ответственный период, когда печатное слово остается на весь уезд единственным средством массовой информации, без газеты никак нельзя. Ее пытаются издавать на средства местного бюджета. Но кроме наличия финансов по-прежнему стоит и вторая проблема — отсутствие надежного работника в должности редактора. Надо полагать, Павел Петрович до сих пор трудоспособен лишь относительно...

Наконец 9 августа президиум укома назначает его ответственным редактором газеты, решив освободить от занятости в упродкоме. Теперь поиск средств на полиграфию полностью ложится на него. Спустя месяц на совещании секретарей партячеек города и волостей Бажов сообщает о полном отсутствии денег на издание газеты и предлагает... принудительную подписку на «Красный путь» для всех членов партии в уезде.

Эту свою точку зрения он повторяет и на страницах газеты, публикуя в номере за 13 сентября материал «Наша уездная газета должна жить и будет жить» и в номере за 27 сентября — «Еще раз о газете».

Вопрос о жизнестойкости большевистской печати важен был еще и потому, что 7 ноября советская власть готовилась отметить первое пятилетие своего существования. К этому дню в Камышловской типографии выходит специальный выпуск «Красного пути» — в виде брошюры в две краски. Материалы разделены на две группы. Первая — официозно-пропагандистская: «Октябрь и РКП» И. Флеровского, «К IV конгрессу Коминтерна» Вяльбе, «Октябрьская революция и крестьянство» В. Соловьева и др. Во второй — Октябрьская рево-

люция в воспоминаниях участников, где среди прочих опубликованы: «Роковая ночь в Петрограде» Матроса, «Октябрьский переворот в Москве» С. Рожкова, «На заводе» Мотовилихинца. Все эти материалы переложены стихами разных авторов на подобные темы и с соответствующим настроением.

Предваряет праздничный номер передовая статья, подписанная «П. Б.» — то есть Павел Бажов. Приведем ее полностью, она интересна:

«В 5-ю ГОДОВЩИНУ. Писалась передовица к первой годовщине во фронтовую газету, шли одно за другим бодрые слова, но внутри неотступно сверлила беспокойная мысль: „удержимся ли?“

Общая обстановка тогда была жуткая. Черное кольцо, замыкавшее республику Советов, становилось все тесней и, казалось, с каждым днем увеличивалось в своем объеме. Единственным утешением был Запад, где тогда загорались огни Революции. Освобождение из тюрьмы К. Либкнехта, демонстрации в Берлине под лозунгами „Да здравствует Ленин и Троцкий!“, распад Австро-Венгрии, объявление Болгарской Народной Республики — все это давало надежду на близкую помощь пролетариата Запада.

Вблизи же безразлично постукивал аппарат, и на бумаге появлялись далеко не безразличные слова:

„В северном направлении замечено обходное движение. Срочно шлите подкреплений“.

Давалась неразрешимая задача послать подкрепления из несуществующих резервов.

„В восточном направлении чехословаки переходят в наступление. Поезд с продовольствием еще не пришел“.

Он и не придет никогда. Вместо поезда отправлены лишь два вагона, где погружены последние крохи продовольствия и праздничные подарки, здесь же разместились члены дивизионного бюро РКП, и еще оставалось много свободного места.

„Когда выслать бронепоезд за грузом? Надобность крайняя“.

Опять неразрешимая задача: откуда взять снаряды, когда их нет.

Такова была обстановка первой годовщины. Как она не похожа на нынешнюю. Сильно вырос за пять лет сын Парижской Коммуны Красный Октябрь. Сжимавшее его черное кольцо давно уже рассыпалось в мелкие куски. Некоторые из них еще волочились по Советской земле, но теперь все чисто: недавно бултыхнул в воды Тихого океана последний осколок. И теперь от Петрограда до Владивостока, от Севастополя до Архангельска как будто достаточно места, но и эта обширная территория становится тесной Красному Октябрю. Уже чувствуется сильный нажим могучей пролетарской руки на Западе, на Балканах и в Малой Азии.

Как осенняя паутина, давно разорвалась сеть блокады, хотя ковалась она из лучшей английской стали, и хотя денег на нее французские капиталисты не жалели.

Пытался бороться с Красным Октябрем Сам Властелин всего живущего — Глод, но и он отступил.

И даже политическим слепцам и младенцам стало ясно, какие огромные творческие силы заложены в Красном Октябре.

Даже самый плохой счетчик теперь легко может вывести основные итоги.

Первый итог. — Массы рабочих и крестьян непобедимы, когда они пропитаны мыслью об освобождении и когда они спаяли свою волю к победе.

Опыт пятилетней борьбы достаточно ярко показал это. Бессильной оказалась и огромная сила военной техники мировой буржуазии, и блокада, и внутренние восстания, и скрытое противодействие врагов Революции. Все это побеждено, все осталось давно позади.

Второй итог. — Рабочий класс пять лет стоит у власти и за это время не только внешним образом подчинил свою буржуазию, но и победил ее волю и побеждает волю буржуазии Запада. Об этом свидетельствует и сменевеховство, и раскол церкви, и поиски новых форм государства, которые на Западе захватили виднейших представителей промышленности, правительства и науки, и следующие одна за другой конференции, на которые не хотят приглашать, но не могут не пригласить Советскую Республику.

Это ясно для каждого. Итоги позволяют сказать на рубеже пятой годовщины: за пять лет Красный Октябрь победил в России, побеждает в Европе и неизбежно близится время, когда он победит во всем мире».

На правда ли, написанное — ближе к литературе, нежели к митинговой риторике «Окопной правды»? Эта передовица по языку своему родственна «Программе трудового крестьянства» того же автора. Все же не зря партийные товарищи приберегали бывшего словесника, а теперь и опытного журналиста для должности редактора уездной газеты.

В следующем, 1923 году, Павлу Петровичу удалось показать себя и мыслителем значительно большего масштаба. Поскольку дело с изданием газеты в Камышловке продолжало висеть на волоске, он предлагает печатать междуездную газету — общую для Камышловского и Ирбитского уездов — в типографии третьего города крестьянского Зауралья — Шадринска. Тем более что секретаря камышловского укома РКП(б) В.Я. Гловина к этому времени перебросили на работу именно в Шадринск. На заседании президиума Камышловского укома 24 июля 1923 года обсуждался вопрос о выдаче Бажову жалованья за август и тысячи рублей на проезд и устройство дела в Шадринске, однако эта поездка, скорее всего, так и не состоялась, поскольку необходимость в издании «Красного пути» отпала сама собой...

Дело в том, что 30 декабря 1922 года в столице Советской России городе Москве состоялось подписание договора об учреждении Союза Советских Социалистических Республик (СССР), в который помимо Российской Федерации (РСФСР) вошли Украинская (УССР), Белорусская (БССР) и Закавказская Федеративная — ЗФСР (включала Грузию, Армению и Азербайджан) Советские Социалистические Республики. Большевики вернулись к «имперскому» строению государства, правда, на основе юридического равноправия всех его составляющих.

Наряду с имевшимися в составе РСФСР автономными национальными республиками на карте СССР появились и республики союзные. Также менялось административно-территориальное деление русско-

населенных субъектов: упразднились старые губернии, а их территории объединялись в более крупные образования — края. Появились Северный край, Нижегородский край, Сибирский край... Была также идея объединения территорий не столько по административному принципу, сколько по хозяйственному — с целью создания единого экономического организма.

Взгляд руководства страны упал прежде всего на Уральский регион. Это объяснялось тем, что до начала Гражданской войны органы управления вновь созданной Екатеринбургской губернии де-факто позиционировали себя как всеуральские — Уралобком, Уралсовет, Уралплан — тем самым как бы подготавливая создание единого административно-хозяйственного субъекта РСФСР, причем административное управление здесь следовало за хозяйственной необходимостью.

На XII съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) вопрос о новом районировании страны по этому принципу стоял отдельно. Главной задачей страны на текущем этапе была объявлена скорейшая индустриализация СССР как основа построения социализма, а также предусматривалось развитие кооперации в деревне (то есть переход от индивидуального хозяйствования к коллективному) и при этом — укрепление смычки города с деревней в единый хозяйственно-культурный комплекс. Таким задачам как раз и соответствовали новые принципы районирования.

К чести тогдашнего руководства большевистской партии, оно не стало директивно и повсеместно внедрять это решение. Уральский регион был выбран как опытный, экспериментальный на этом пути. Поэтому Уральская область в новом понимании этого термина стала первой в стране по дате образования. Конкретное решение по организации нового региона было принято ВЦИКом (Всесоюзным Центральным исполнительным комитетом — аналогом нынешнего Законодательного Собрания РФ) 18 июня 1923 года. Официальный документ — положение об Уральской области — утвердили на третьей сессии ВЦИК 3 ноября 1923 года, и он вступил в силу 10 декабря — в день открытия в Екатеринбурге Первого съезда Советов Уральской области.

Однако практическая деятельность по осуществлению этой задачи началась значительно раньше. Вот почему летом 1923 года и прекратил свое существование Камышловский уезд, войдя в более крупное территориальное образования — округ с центром в Шадринске. По этой причине и надобность в уездной газете «Красный путь» — отпала...

На этот раз П.П. Бажова не стали перебрасывать на другой фронт работы, поскольку он был затребован в губернию (вернее — область) для работы во вновь созданной областной «Крестьянской газете».

Процесс становления этого печатного органа Уралобкома был, как и полагается делу, начатому с нуля, непростым. Первый номер газеты вышел 22 мая 1923 года. Однако Павел Петрович, прикрепленный к редакции, продолжал оставаться в Камышлове, посылая в столицу области корреспонденции с места. Разумеется, они касались положения дел в местном сельском хозяйстве. Отсюда и псевдонимы: Камышловец, Камышловский, Старый крестьянин.

Было и немного политики, но опять касательно крестьянства: «Крестьянин-эсер о своих бывших вождях». В этом материале Павел Петрович, похоже, объясняет чужими словами свое политическое решение шестилетней давности порвать с эсерами и сделать ставку на большевиков. Позднее, в беседах, интервью и выступлениях, он никогда этой темы не касался, поэтому и воспринимается сегодня монолог бывшего председателя Камышловской уездной организации эсеров крестьянина И.А. Семянникова, пересланный Павлом Петровичем в «Крестьянскую газету», как признание самого Бажова. Думается, такое допущение будет правомерным:

«...Не отрицаю, что я одно время стоял „по ту сторону баррикад“, но делал это не умышленно, а считал, что действую в интересах трудящихся. Последующие события показали мне, что нельзя добиться освобождения трудящихся и осуществления социалистических идей в союзе с буржуазией.

И вот, анализируя все происходящее, я пришел к заключению, что вожди с.-р. с Февральской революции вели предательскую политику по отношению к рабо-

чим и крестьянам и докатились чуть ли не до полного союза с исконным нашим врагом — капиталом. В виду всего этого я давно фактически вышел из рядов с.-р. и официально об этом заявляю...

Партию с.-р. считаю окончившей свое политическое существование, а ее заграничных вождей в лице Чернова и др. безответственными демагогами, ничего общего с крестьянами не имеющими».

(Уточним, что документов, подтверждающих членство Бажова в партии социалистов-революционеров в 1917–1918 гг., так никто из исследователей его жизни и не видел; в автобиографиях же он сам не скрывал, что одно время «блокировался» с эсерами.)

Одиннадцатого сентября 1925 года Павел Петрович приезжает в Екатеринбург, где в бухгалтерии редакции «Крестьянской газеты» получает гонорар за свои корреспонденции. Возможно, его сразу из Екатеринбурга командируют в Москву — на сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку, которая проходила во временных павильонах на набережной Москвы-реки.

Свидетельство об этой поездке весьма надежно благодаря тому, что на обратном пути Бажов оказался в одном вагоне с пермскими детдомовцами, а ребят опекали студенты Пермского государственного университета, среди которых был и Александр Шарц, известный в будущем уральский краевед. Он и оставил воспоминание об этой встрече:

«...На эту поездку нам выдали мешок денег — 700 миллионов рублей знаками 1922 года (в то время килограмм хлеба стоил один миллион рублей).

Осмотрев выставку, мы побродили по Москве, побывали в Кремле, а потом дружной гурьбой пришли на Ярославский вокзал: настало время возвращаться в Пермь.

Вагон, в котором мы поместились, был старой конструкции: в нем поднятые вторые полки превращались в сплошные нары. Мы захватили больше полвагона, развернули полки и удобно разместились на них.

Кроме нас в вагоне были и еще пассажиры. Один сразу обратил на себя наше внимание. Лет за сорок,

небольшого роста, широкий, выпуклый лоб, спокойные пронизательные глаза, красивая русая борода. Его манера говорить и простота в обращении — все удивительно располагало к нему.

Ребята окрестили его „дедушкой“ и сразу захотели подружиться с ним. Опустили полки в одном из купе, чтобы образовалась комната, и пригласили „дедушку“.

Это был Павел Петрович Бажов.

Наш поезд шел еле-еле. Все пять дней пути Павел Петрович был нашим спутником и собеседником. Он рассказывал об Урале, о Гражданской войне, интервенции, о зверствах белогвардейцев...

В те времена в общих вагонах проводников не было, уборкой вагона никто не занимался, вагоны чистились и дезинфицировались только на станции отправления. Павел Петрович предложил установить дежурство по уборке и мытью вагона. В число дежурных включил и себя. Ребята запротестовали. Но Павел Петрович их унял:

— Я такой же пассажир!

— Нет, — закричали ребята, — вы другое дело!

И все же Павел Петрович настоял на своем, дежурил наравне со всеми. А так как дежурили по несколько человек, то ребята ухитрились оставлять Павлу Петровичу мыть самый крохотный уголок...

Мы, сопровождающие, имели строжайшую директиву от Пермского губоно не выпускать ребят одних из вагона — побеги тогда были частым явлением. Однако очень скоро стало ясно, что ребята никуда не денутся. Они так и липли к „дедушке“, не оставляя его ни на минуту.

Вспоминая нашу поездку спустя полстолетие, я поражаюсь: как это удалось Павлу Петровичу почти мгновенно покорить и привлечь к себе ребят? Без малейших усилий он объединил, сдружил всех пассажиров. Возник веселый, трудолюбивый коллектив...*

Надо полагать, по возвращении из Москвы в Екатеринбург корреспондент Бажов дал в газету исчерпывающий материал о работе первой подобной выставки в новой России (к сожалению, номера газеты за первый год ее существования разыскать не удалось).

Вероятно, в Камышлове были удивлены его возвращением назад. Двенадцатого сентября из местного партийного комитета, который после перевода Головина в Шадринск возглавил предшественник Бажова на посту главреда «Красного пути» Кобелев, в адрес Екатеринбургского губкома ВКП(б) пришло следующее недоуменное письмо:

«Бывший редактор газеты „Красный путь“ — тов. Бажев, переданный губкомом в распоряжение редакции „Крестьянской газеты“, до сих пор сидит в Камышлове в виду того, что редакция „Крестьянской газеты“ не шлет обещанных на переброску денег. Очевидно нужда в тов. Бажеве у „Крестьянской газеты“ не слишком велика.

Посему просим телеграфировать об оставлении тов. Бажева в распоряжении укома».

Действительно, непорядок — и забрать не забрали, и нагрузить не дают...

Наконец, «шесть червонцев путевых» были перечислены через уком в Камышлов, и 13 октября окончательное прибытие Павла Петровича в Екатеринбург было подтверждено телеграммой.

(Здесь не лишним будет отметить, что как раз на рубеже 1923/1924 гг. в стране прошла денежная реформа — ушли в прошлое цены в миллионах и появилась стабильная денежная единица червонец, обеспеченная золотым содержанием.)

Задержка с «переброской» была вызвана, скорее всего, тем, что окончательного (юридического) решения об образовании Уральской области пока не было, следовательно, не было и финансирования на «областную» деятельность.

А возможно, была и другая причина: «перебросить» то нужного работника со всеми его многочисленными чадами и домочадцами в Екатеринбург редакция могла, но где же его разместить? Квартирный вопрос в этот период стоял остро не только в Москве, где жил Михаил Булгаков...

«А как же дом?! — воскликнет памятный читатель. — Ведь еще до революции Бажовы успели построить собственный дом на углу Архиерейской и Болотной!»

Прежде всего надо сказать, что ни улицы Архиерейской, ни улицы Болотной в советском Екатеринбурге к этому времени уже не было. Первая стала называться Детским Городком, а вторая — улицей Рабочего Большакова. При чем тут детский городок и кто такой Большаков? Детским городком (приютом для детей, потерявших родителей) стали шикарные особняки богачей в начале улицы, а Степан Степанович Большаков — это видный большевик, бывший слесарь завода Злоказова, ушедший на фронт в составе особого батальона Уралобкома и погибший в 1918 году в боях под Сылвенским заводом.

Но дом как был, так и остался. Только в нем по ордерам жилоткомхоза обитали совсем другие люди. «Как же так! — снова воскликнет читатель. — Дом ведь построен Бажовым на личные средства и, таким образом, являлся частной собственностью!» Да, и как частная собственность он был реквизирован советской властью. Таким образом, большевик, красный партизан, партийный работник идеологического фронта Павел Петрович Бажов и советская власть оказались как бы в конфликте...

Известно и уже говорилось здесь, что отъезд семьи в Камышлов в 1914 году был вызван в числе прочего и необходимостью выплачивать кредит, взятый на строительство этого жилища. Хранящееся в фондах Объединенного музея писателей Урала уведомление о платеже по векселю за февраль 1917 года, посланное на имя П.П. Бажова, свидетельствует, что ежемесячная выплата составляла пятьдесят рублей, то есть едва ли не треть жалованья заемщика, на иждивении которого находилось на тот момент пять членов семьи плюс теща. Удалось ли Павлу Петровичу полностью погасить заем до революции или нет, за отсутствием других документов не известно, однако то, что он имел все-таки право проживать в этом доме, построенном по его проекту из купленных на его деньги материалов, на оплаченном им участке, сегодня сомнения не вызывает. Вероятно, теми же аргументами в 1923 году руководствовался и сам Бажов, а поскольку в классовом понимании он никаким эксплуататором не был,

его собственность не могла быть реквизирована по социально-политическим мотивам...

О том, что собой представляют чиновники сферы ЖКХ, всем хорошо известно. Но это изобретение не нынешних дней. Пожалуй, с первых лет Советской власти, когда в стране возобладала распределительная система, работа по раздаче жилой площади стала одной из самых притягательных (разумеется, после продовольственного и вещевого снабжения) сфер деятельности всякого рода жулья как с партбилетом, так и без него. Это как раз тот случай, когда, по тезису Ленина, государством учились управлять кухаркины дети. Для работы в ЖКХ природного «кухаркиного» интеллекта хватало вполне, а моральные и материальные дивиденды (неофициальные!) были несравнимы с таковыми же в других сферах деятельности совчиновничества.

Чтобы у читателя не возникло мнения, что вышесказанное — сугубо субъективные измышления, приведем реплику из материала Юр. Янопольского, опубликованного в журнале «Товарищ Терентий» — приложении к областной газете «Уральский рабочий», № 18 за 17 мая 1924 года:

«О жилподотделе.

Значение этого слова всем известно: подотдел, который тянет жилы.

Жилподотдел добросовестно выполняет свои функции»...

История возвращением семьи Бажовых в свое жилище — это памятник молодой советской бюрократии, которая «тянула жилы» из семьи на протяжении нескольких лет. Позже домочадцы не любили вспоминать эту историю, и потому она известна лишь в общих чертах.

По рассказам первого уральского бажововеда Михаила Адриановича Батина, который в 1970-е годы читал студентам-филологам УрГУ спецкурс «Жизнь и творчество П.П. Бажова», известно, что семья Павла Петровича, не сумев с ходу вселиться в свое прежнее жилище, сняла квартиру в доме напротив — на этом месте сейчас троллейбусная остановка. Дом был обычным — деревянным одноэтажным и так же стоял двумя фасадами на обе улицы. Его владельцами были преж-

ние знакомые Бажова. М.А. Батин называл и фамилию их, услышанную от Павла Петровича, но студенческая память ее не сохранила. Михаил Андрианович все сетовал, что никак не соберется сфотографировать этот дом для истории — «а то снесут, и ничего не останется...» (Так оно и вышло...)

Если читатель помнит, Бажов оставлял свой дом на попечение надежного человека — коллеги по епархиальному ведомству священника Александра Здравосмыслова. Однако в 1919 году тот ушел в Сибирь вслед за отступавшими колчаковцами, и дом остался на произвол судьбы. Кто там жил в последующий период — неизвестно, а на момент возвращения семьи он был превращен в коммуналку, и в нем по ордерам пресловутого жилоткомхоза проживали совершенно чужие люди...

Долго ли, коротко ли, но в конце концов Павлу Петровичу удалось получить заветный ордер на комнату (!) в собственном доме. По воспоминаниям Ольги Павловны, им — семерым! — досталась самая неудобная из четырех жилых комнат: столовая, которая имела всего четырнадцать с половиной квадратных метров и была... проходной. Сразу за ней следовала кухня и выход во двор — к колодцу и в уборную, и все остальные жильцы, у кого была необходимость, неизбежно должны были пройти через эту комнату, в которой табором (иначе никак не назовешь) поселились «новые» жильцы.

Кончилось все это трагически. Кто-то из соседей занес в дом инфекцию скарлатины. Екатеринбург — не Камышлов. Всем детям Бажовым тут же сделали прививку. Старшие — Ольга, Елена и Алексей выдюжили, а маленький Володя нет...

То была уже третья потеря в семье. Вероятно, этот тяжелый случай подхлестнул волю всегда сдержанного Павла Петровича, и спустя некоторое время он выиграл по суду право собственности на дом № 11 по улице Детский Городок. Правда, как и все другие владельцы собственного жилья, Бажовы подлежали уплотнению, и в комнате, что сразу слева от входа, по ордерам жилоткомхоза еще долго квартировали чужие люди. С этим пришлось смириться...

Можно сказать, что дом, находясь около десяти лет в чужих руках, не пострадал. Вселившись по решению суда, прежние владельцы начали обживать его сизнова.

Если войти с крыльца и попасть в коридор, деливший дом на две части, то первую комнату по правой руке — самую большую и светлую — отдали детям. Она была совмещена со следующей — родительской, куда имелся и отдельный вход из коридора. Поначалу сын Алеша располагался в родительской комнате, а когда подрос, ему, по воспоминаниям Ольги Павловны, выгородили место в самом тупике коридора, у окна, где поместились кровать, стол и стул. Столовая осталась за бабушкой.

Вот таким образом к середине 1925 года Бажовы решили свой квартирный вопрос. Так что седьмой по счету и последний ребенок в семье — дочь, которую нарекли снова Ариадной, родилась 10 августа 1925 года уже здесь.

Павлу Петровичу в это время было сорок шесть лет, Валентине Александровне тридцать три года, дочерям Ольге и Елене — тринадцать и двенадцать, сыну Алексею — десять лет.

Прежде чем перейти к рассказу о работе Павла Петровича в «Крестьянской газете», имеет смысл посмотреть, как изменился город за то время, что наш герой отсутствовал в нем. Для этого отправимся вместе с ним... на работу, в редакцию, которая размещалась в самом центре Екатеринбурга — на Торговой площади.

Как вспоминал он сам позже в мемуарной повести «Дальнее — близкое», осенью 1923 года провозная плата на извозчике в городе составляла «многозначную цифру», что ему «не нравилось». Да если б и понравилось, то каждый день ездить на работу на этом виде городского транспорта все равно было накладно. И вообще не дело это: член партии и совслужащий, а разъезжает, точно буржуй недобитый...

Наверное, не будет ошибкой сделать вывод, что любитель быстрого хода Павел Петрович Бажов отправлялся каждое утро на службу пешком, и потому легко

смоделировать его путь в редакцию дорогой, которая позволит увидеть, каким стал город к исходу шестого года Советской власти.

Итак, бывшая Архиерейская. «Дальнее — близкое»:

«Раньше это была тихая улица, оживлявшаяся разве по случаю какого-нибудь семейного праздника того или другого дома. Теперь эта улица называлась Детский Городок, вполне оправдывая свое название. Здесь в особняках бежавшей буржуазии были размещены дети, потерявшие свои семьи во время Гражданской войны. Лишь один дом, видимо, менее других пригодный для размещения детей, отведен был под общежитие рабфаковцев.

Все это говорило о новом, о том, чего не бывало при прежних хозяевах города».

Дойдя до конца этой ставшей ребячьей улицы, Павел Петрович, скорее всего, поворачивал налево и вскоре достигал перекрестка бывших Александровского проспекта (ставшего улицей Декабристов) и Большой Уктусской (в 1923 г. — улица Троцкого, а ныне — 8 Марта). С этим районом города у Павла Петровича было связано много воспоминаний.

В угловом здании по правой руке — общежитии он жил когда-то как учащийся духовного училища. За перекрестком, по левой стороне проспекта, располагалось прежде «родное» епархиальное училище, уже не существующее, в котором прослужил семь лет. Прямо — крупнейшая в Зауральской части прежней Российской империи женская Ново-Тихвинская обитель. Как монастырь она к 1923 году была упразднена, однако некоторые ее храмы продолжали свою деятельность в качестве приходских. А вот и краснокирпичная трехэтажная громада нового здания епархиального училища, в котором не пришлось поработать ни ему самому, ни его коллегам: оно было сдано как раз перед революцией и сразу же стало использоваться по другим надобностям — сначала в нем находилась эвакуированная из Петрограда академия Генерального штаба, в годы колчаковщины здесь был домзак для пленных красноармейцев, после освобождения города — госпиталь для раненых, затем опять тюрьма для классово

чуждого элемента, а также казарма... Но зато нынче, в 1923 году, здесь разместился свой Уральский государственный университет! Как говорится, если Магомет не идет к горе... Наверняка Павел Петрович вспомнил, как двадцать лет тому назад страстно желал продолжить учение в университете и как сначала (может, и напрасно) проявил характер, а потом получил «волчий билет»:

«Можно было поступать только в три университета, — рассказывал он потом редактору К. Рождественской. — Дерптский, Варшавский и Томский. В Дерптский я не хотел. Неметчина, кислый дух, тринадцать классов. В Варшавский — русификаторская политика и все такое — не хотел. Оставался Томский. Но там было только два факультета: естественный и медицинский. Не влекло. Но я все-таки подал. А тогда требовалась характеристика от семинарии. Те дали, но, видимо, не совсем благоприятную, — меня не допустили».

А сегодня вот он, университет — сам пришел на Урал. Да только поздно. На пятом десятке лет учебу начинать курам на смех — после стольких-то своих учеников, что за семнадцать полных лет педработы выучил... Но зато дома детвора подрастает, уж им-то не миновать университетской скамьи.

УГУ — так тогда сокращали на письме полное название нового университета — раскинулся широко: ректорат во главе с видным большевиком Б.В. Дидковским, изучавшим в эмиграции в Женевском университете геологию у профессора Дюпарка, поместился в двухэтажном здании бывшего пансиона епархиального училища, что на углу улицы Декабристов и бывшей Щепной площади, получившей название Университетской; химический, металлургический, словесно-исторический, естественно-географический факультеты (поначалу УГУ традиционно делился на институты) — в новом здании бывшего епархиального; горный — на другом краю площади, также в новом, построенном перед революцией здании для второй женской гимназии, которая так и не успела въехать под новые своды; а в прежнем «родном» и теперь тоже бывшем духовном училище, сумевшем послужить приста-

нищем и для новорожденной в 1913 году семинарии. — университетский рабфак.

И поскольку наш герой дошагал до здания бывшего духовного училища, еще несколько слов о бывшем втором городском, с учениками которого «духовники» когда-то конфликтовали, но в стычках с гимназистами выступали единым фронтом. В этом полуторазэтажном здании на углу улицы Троцкого (то есть 8 Марта) и Хлебной площади в советское время разместилась школа второй ступени имени Ленина. Сюда Павел Петрович определил двух своих дочерей — Ольгу и Елену.

По воспоминаниям Ольги Павловны, школа эта была необычной — ее полное название: Первая образцово-экспериментальная школа имени В.И. Ленина. В ней учились по методике заграничного Дальтон-плана, приспособленного под советские потребности. Так, в оригинале эта метода подразумевала выработку самостоятельности в изучении учебного материала. Ученик как бы заключал контракт с учителем на самостоятельное изучение темы и потом сдавал ее. Отечественные педагоги, модифицируя Дальтон-план под советские нужды, сохранили принцип самостоятельности, но самостоятельным был не отдельный ученик, а коллектив класса. При этом класс в целом отвечал за успеваемость каждого ученика.

Ольга Павловна:

«Утром мы приходили в школу. Внизу висела доска с перечнем кабинетов — литературы, живописи, математики, и мы сами выбирали, чем будем заниматься сегодня. Выбрав кабинет, вешали бирку — мол, занято — и шли в класс. Там учительница давала нам тему, и мы самостоятельно ее изучали. А потом она спрашивала и ставила каждому оценку.

В старших классах была специализация — мальчишки специализировались по техническим профессиям, а девчонки — по педагогической деятельности. В каникулы мы должны были работать на детских площадках, а после школы — ехать по направлению в район учителями...»

Такую судьбу выбрал своим дочерям Павел Петрович, видимо, по той причине, что и сам он, и мать девочек, и

все сестры Иваницкие — их тетки — были педагогами. Выходит, семейная традиция...

Но пора следовать дальше.

Хлебная площадь, куда со всего уезда, а теперь из округов и районов, приезжали хлеборобы с мешками своей крестьянской продукции, осталась на месте. Сложности послевоенного восстановительного периода, наверное, сделали ряды подвод пореже, но не пресекли совсем. Все же новая экономическая политика (нэп), сменившая строгости «военного коммунизма», давала крестьянину жить.

Другими стали вывески на лавках и магазинах. Вместо прежних «Графа Строганова» и «Графини Стенбок-Фермор» появились: «Всесоюзный текстильный синдикат», ЦРК, «Москвошвей», «Кожтрест», «Уралторг», «Уралселькустсоюз»...

Дальнейший путь по улице Троцкого выводил Павла Петровича к обоим Златоустам — Большому и Малому. Здесь он как-нибудь однажды мог встретиться с тем самым священником о. Александром Здравосмысловым, бывшим уездным миссионером, на которого оставлял свой дом в 1914 году. Потеряв каким-то образом из фамилии одну «с» и став просто Здравомысловым (так поскромнее, незаметнее?), Александр Васильевич, недолго поскитавшись с отступавшими белыми, вернулся в Екатеринбург и стал служить в разных еще не закрытых к этому времени церквях города. Как раз в середине двадцатых годов он служил настоятелем Свято-Духовской церкви, которую в народе называли Малым Златоустом... Была ли такая случайная встреча и о чем говорили собеседники, если была, никто теперь не знает. Можно лишь добавить, что о. Александр в советское время неоднократно подвергался арестам по политическим мотивам. Ему вменяли в вину антисоветскую деятельность, а он всего-то боролся с еретиками — обновленцами и григорианцами. Хотя обновленцы — это церковники, признавшие советскую власть...

Наконец Павел Петрович выходил на центральную площадь — бывшую Кафедральной, а ставшую имени Революции 1905 года. Внешне, по абрису она тоже ничуть не изменилась — и Богоявленский собор на месте.

и старо-новый гостиный двор с его магазинами, и памятник, стоящий лицом к плотине городского пруда... Хотя нет, памятник-то другой! Был черный чугунный, а стал белый мраморный. Прежде на постаменте стоял царь-освободитель, а теперь... «Освобожденный человек». Освобожденный не только от оков, но и от одежды. Таковы гримасы свободы...

Статую эту к очередному революционному празднику в рамках объявленной В.И. Лениным монументальной пропаганды выпросили у скульптора Эрзы. Сам Эрзя (С.Д. Нефедов) был мастером, прошедшим стажировку в Италии и Франции и считавшим себя последователем Менье и Родена. Вернувшись из-за границы в Москву и прослышав об уральском селе Мрамор (прежде Сысертского горного округа) — богатом месторождении ценного для скульптора материала, он отправился на Урал. Пока ехал, поменялась власть. Однако это мало интересовало художника. Он поселился в Мраморском и начал работать. Известно, что к нему с идеей постановки памятника героям белого воинства подступали и колчаковцы, однако Эрзе удалось отвертеться. А вот от настойчивых просьб советской власти отказываться было, что называется, неудобно. И поскольку ничего другого подходящего в более или менее готовом виде у ваятеля на тот момент не оказалось, комиссары согласились на шестиметровую статую обнаженного человека. Таким образом, появление этой скульптуры на царском постаменте на площади 1905 года — факт случайный и, конечно, курьезный. Похоже, символику и название скульптуре те, кто затеял ее постановку на площади, стали придумывать уже после водружения оной на постамент. А народ, не сильно искушенный в тонкостях искусства, дал ей точное и хлесткое прозвище: «Ванька голый». Как писал позже Павел Петрович в «Дальнем — близком», «Фигура была сделана рукой мастера (Эрзи), но ее полная нагота давала материал для обывательских пересудов и не подходила для такого места, как площадь 1905 года».

Раздражая партийное руководство, попавшее благодаря излишней расторопности дураков-совчиновников от искусства с этим новоявленным памятником как кур

в оцип, «Ванька голый» стал предметом всеобщего издевательства острословов и карикатуристов...

Выйдя на площадь, Павел Петрович сворачивал налево и, пройдя вдоль Нового гостиного двора, попадал на другую площадь — Торговую, где и находилась редакция «Крестьянской газеты». Расположение было очень удобным. Приезжают жители сел и деревень в город по своим торгово-закупочным делам и в редакцию зайдут, о своих проблемах расскажут, а то и заступничества попросят. Адрес-то известен: улица Л. Вайнера, дом 12, второй этаж.

Сюда, в двухэтажное здание, которое многим старожилам памятно по располагавшемуся здесь долгое время ресторану «Ермак», «Крестьянская газета» переехала осенью 1923 года. Прежде все газеты располагались на бывшем Вознесенском проспекте, ставшем ул. К. Либкнехта.

«Дальнее — близкое»:

«На месте, где теперь внушительное здание кафе по ул. К Либкнехта (сейчас архитектурная академия. — В. С.), было два или даже три дома. В одном из них — двухэтажном, на семь, помнится, окон по лицевому фасаду — размещались редакция „Уральского рабочего“, „Крестьянской газеты“, „На смену!“, журнала „Товарищ Терентий“. В нижнем этаже помещалась экспедиция этих изданий и тут же недавно организованное издательство т-во Уралкнига. Ко всему этому здесь в верхнем этаже — квартира редактора „Крестьянской газеты“.

Было не очень просторно...»

Вот, пожалуй, выяснилась и реальная причина задержки вызова Павла Петровича на работу в областной город — люди нужны, а посадить некуда. А как только переехали в новое, более просторное помещение, все и решилось.

По воспоминаниям Бажова, «Крестьянскую газету» поначалу делал коллектив из трех человек. Это два редактора — А.И. Парамонов и А.И. Поликашин и литсотрудник А.И. Шубин. Последний был опытным газетным деятелем с дореволюционным стажем. Одно время он даже редактировал «Зауральский край». После Февраля, как и Бажов, сделал ставку на партию эсеров и

выступил против разгона Учредительного собрания, но если Павел Петрович вовремя переориентировался, то Шубин, оставаясь при Колчаке в Екатеринбурге, продолжал придерживаться прежних взглядов, за что после освобождения Урала большевиками подвергся аресту. Однако серьезной опасности в публицистической деятельности Шубина не нашли и привлекли как «спеца» для создания советской печати.

Поликашин представлял собой новую генерацию журналистов. Он был выпускником КИЖа — Коммунистического института журналистики. А Парамонов и вовсе был опытным партийцем, имевшим практику журналиста.

Присоединившись к ним, Павел Петрович стал исполнять одну из важнейших в печатном издании функцию — секретарскую. Ответственный секретарь — это, по сути, режиссер выпуска. Редакторы отбирают нужные материалы и передают их секретарю, а тот с помощью специально размеченной линейки распределяет их на полосах (страницах) газеты: хочет — так, а хочет — эдак. Безусловно, это касается лишь композиции полосы, поскольку определение важности и первенства материалов остается за ответственным редактором. Впрочем, первое время, пока газета, что называется, становилась, номера подписывались коллективно: «Ответственный редактор: Редколлегия».

Собственно, создание «Крестьянской газеты», редакция которой уплотнила население тогдашнего деревянного Дома печати на Карла Либкнехта, наверное, и стало причиной предоставления екатеринбургским газетчикам более просторного помещения на улице Вайнера.

На вопрос, для чего была создана эта газета, можно ответить следующим образом.

ВКП(б) изначально считала себя партией рабочего класса, но при этом коммунисты не забывали, что большинство народа — это все же крестьяне, и от того, как они будут относиться к советской власти, насколько они почувствуют ее своей, зависит в целом успех революции. Если пролетариат самой сутью своей деятельности был объединен в производственный коллектив

и потому руководствовался мнением большинства, то крестьяне представляли собой полную противоположность — здесь каждый держался за свой земельный надел и личное хозяйство. Основную массу крестьянства составлял так называемый середняк, то есть крепкий хозяин, работающий сам на себя. Тот же, кто владел излишком посевной площади и поголовья скота и для обработки большого хозяйства привлекал наемную рабочую силу (батраков), числился у новой власти кулаком — явлением чисто буржуазного порядка и, следовательно, пребывал в ряду классовых врагов. Кулаков в стране было не мало, тем более во времена нэпа. Но основную массу крестьянства составляли все же середняки, и от их позиции напрямую зависел успех затеянных в России и в целом в СССР социальных перемен.

Таким образом, «Уральская областная крестьянская газета» (как она стала называться чуть позже) была рождена как средство налаживания постоянного диалога партии с крестьянством. Причем эту функцию, как показывает пример камышловского «Красного пути», местные уездные газеты достойным образом обеспечить не могли. И кадров не доставало, и средств. С образованием единой Уральской области проблему пропаганды социалистического землепользования было решено сосредоточить в центральном органе Уралобкома, коим и явилась «Крестьянская газета».

Первые годы своего существования издание выходило на четырех полосах. Периодичность — два номера в неделю. Обращает внимание отсутствие фотографий в номере (видимо, ограниченная мощность типографии «Гранит», где кроме прочего печаталась и «Крестьянская газета», не позволяла обеспечить фотоклише все выходявшие в Екатеринбурге периодические издания). Однако этот недостаток с лихвой покрывался штриховыми рисунками. То были портреты вождей (сопровождавшие их речи), изображения новой сельхозтехники и сельских новостроек, иллюстрации к зарисовкам и фельетонам, а также шапки постоянных рубрик и рисунки-«пробочки», которыми затыкали остававшиеся не занятыми текстом места.

О чем писала газета? Ну вот, например, часть перечня материалов одного из номеров: «Окружная выставка животноводов. Готовьтесь!», «О сбыте сибирского масла», «Собирайте и продавайте спорыню» (лекарственная трава. — В. С.), «Детские ясли в деревне», «Об отпуске леса крестьянам».

Не правда ли, содержание статей понятно из заголовка. Это делалось намеренно, чтобы сразу привлечь внимание сельского читателя, не особо искушенного в образности печатного слова, к интересующей его теме.

Кто был автором материалов? Помимо журналистов это: «Агроном Лейрих», «Агроном Ларцев», «Ветеринарный врач Н.С.» и др. Профессия пишущего специалиста указывалась намеренно, чтобы недоверчивые из читателей прониклись уважением к изложенному. Кстати, в последнем авторе угадывается давний знакомый — Николай Семенович Смородинцев, первый революционный учитель Бажова, с которым они когда-то ездили на борьбу с эпизоотией. В начале 1920-х ветеринар разменял седьмой десяток, но продолжал быть полезным обществу. Не исключено, что именно Павел Петрович и привлек его к сотрудничеству во вновь образованной газете.

Правомерен вопрос: а что же публиковал на ее страницах сам Бажов? Ну, тот, кто знаком с деятельностью ответсека газеты, знает, что писать самому ему просто некогда. Разве что небольшие материалы и урывками — в свободное от основной работы время. Как представитель редакции Павел Петрович выезжает на различные мероприятия — то с отчетом о работе «Крестьянской газеты» в райцентры Екатеринбургского округа (Сысерть, Арамилы, Белоярское), то с докладами об очередной годовщине Октябрьской революции, то представляет газету на I съезде сельсоветов Ирбитского округа, то по командировке окружкома партии проводит Ленинскую неделю в Бродокалмакском районе. Понятно, что любопытного до жизни простого народа Павла Петровича это официальное представительство начало тяготить, и при первой возможности он оставил должность ответсека — передал в другие руки.

А возможность эта возникла не случайно, ибо изначально задумывалось, что одной из главных задач газеты будет налаживание заочного диалога между «Крестьянкой» и крестьянами. К тому же, как ни увеличивай штат редакции, а охватить из областного центра все уголки безмерной Уральской области не удастся. Значит, выход один: воспитывать сельских корреспондентов (селькоров) на местах. Для этой цели «Крестьянской газетой» был издан специальный инструктивный сборник «Селькор», в котором добровольным авторам разъяснялось, как писать в газету, какие темы в первую очередь интересуют печатный орган, даже какой выбрать псевдоним — поскольку от того, как подписан материал, так он и воспринимается читателем. Павел Петрович, который принял деятельное участие в создании этой творческой инструкции, приводит в качестве неудачного примера курьезный случай, когда пожилой, но, видимо, начитанный крестьянин выбрал себе псевдоним: «Сомнамбула»... Мало того, что такая подпись по смыслу не отвечает теме материала, но еще и непонятна читателю, а кто поймет смысл заморского слова — так и воспримет написанное, мол, не спится человеку, вот и портит бумагу..

Если для сотрудников газеты псевдоним был необходимым атрибутом — не принято подписывать более одного материала в номере одной и той же фамилией — то для селькора, особенно пишущего на животрепещущие темы, псевдоним был маской, а то и панцирем, который защищал от нападков и даже мест со стороны критикуемых — как кулачества, так и местного начальства. На протяжении всех лет существования «Крестьянской газеты» в ней периодически печатали сообщения о гибели селькоров от ножа или пули классовых врагов. Так что в своей деревне селькор был, можно сказать, секретным агентом газеты. Важность его деятельности заключалась не просто в информировании читателей о безобразиях, нарушениях и даже преступлениях, творящихся на местах. Редакция переправляла особо важные в этом отношении письма в соответствующие органы, которые принимали меры.

Работа редакции по развитию диалога с читателем привела к ожидаемому результату: на второй год существования «Крестьянской газеты» она имела около полусотни постоянных авторов с мест. И это не считая разовых писем от читателей.

В 1925 году появилась необходимость в учреждении в редакции специального отдела писем, и Павел Петрович становится его заведующим. Он и трое сотрудников включаются в разборку, прочтение и обработку поступившей почты. Среди постоянных рубрик, основанных на крестьянской почте, были такие: «За грамотную деревню», «Комячейка в деревне», «За бабьи интересы», «Крепко стой за кооперативный строй».

Заканчивался восстановительный период и начинался реконструктивный. Руководство страны смотрело в будущее. А оно было известно — индустриализация. Но какая индустриализация возможна без изменения хозяйственных отношений на селе? Кулак был обречен, поскольку впереди виделось обобществление средств производства сельскохозяйственной продукции. Тотальная коллективизация оставалась пока в проекте, в середине двадцатых крестьянина надо было приучать трудиться коллективно — либо в традиционных артелях, либо в сельхозкоммунах, первых ростках будущих колхозов.

Партия мониторил, говоря сегодняшним языком, отношение крестьян к этому, и голоса с мест приобретали особую для нее важность. Бажов как завотделом вынужден был ежемесячно составлять отчеты в Уралобком о поступивших в редакцию письмах из деревни.

Сохранившиеся в архиве отчеты дают представление о том, сколько времени надо было убить на составление оных бумаг, когда уж тут заниматься собственно журналистской работой. Но должность завотделом все же больше чиновничья, нежели творческая...

Вот «Отчетная ведомость поступления селькоровских и крестьянских писем с 1 января по 31 декабря 1925 г.»

В январе получено всего: 997 писем

в феврале — 3068

в марте — 4877

в апреле — 8403.

С мая по декабрь того же года пришло 17 368 писем. Из них «полезных», то есть тех, что могли быть использованы в газете: по литературному отделу — 389; статьи по ведению сельского хозяйства — 606; крестьянские письма о недочетах «советского механизма» — 776; информация о жизни деревни вообще (статейная) — 1502 письма.

Далее идет скрупулезный анализ писем по тематическим группам. Потом то же, но уже по каждому месяцу отдельно.

Следом прилагается ведомость рассылки поступивших писем в округа и районы для расследования указанных недостатков.

Здесь же сообщается о работе редакционного адвоката, который за отчетный период дал обратившимся лично читателям 83 устных совета, из которых: по уголовному праву — 10, гражданскому — 28, финансовому — 7, лесному — 1, трудовому — 11, административному — 4, разных советов — 2.

Эти отчеты П.П. Бажов составлял в ученических или самодельно сшитых тетрадках, после чего они переписывались на пишущей машинке. Надо сказать, что у бывшего учителя словесности почерк-то был не очень каллиграфический. Тем не менее пишбарышни могли разобраться в его зачеркиваниях, надписываниях и других исправлениях, и предназначенная для посылки в Уралобком машинопись выглядит вполне аккуратной.

В одном из таких отчетов Павел Петрович пишет, что количество поступающих в редакцию писем в двадцать раз превышает потребности газеты. Иногда присланные эпистолии имели весьма экзотическую форму. Так, одну из них даже сфотографировали: на снимке завитком писем, стоя спиной к объективу, разворачивает на фоне стены письмо, состоящее из целого ряда блокнотного формата страниц, склеенных друг с другом в некую ленту-раскладушку общей длиной... едва ли не метра в три!

Крестьяне Большого Урала прияли «Крестьянскую газету». По истечении трех лет работы ее тираж составлял 150 тысяч экземпляров, причем 140 тысяч из них распространялось по подписке. Такого результата не имела ни одна областная газета в СССР! Даже ста-

рейшина региональной партийной прессы — газета «Уральский рабочий» уступала «Крестьянке» по этому показателю, а по количеству самодеятельных корреспондентов, число которых к этому времени исчислялось тысячами, — и подавно.

Вот как образно обрисовал Бажов свое положение заведующего отделом в материале «В море крестьянских писем» («Крестьянская газета», № 35, 22 мая 1926 г.):

«...Наступило половодье.

Затопило письмами редакцию. Захлебнулись газетные листы... Вдулись и стали лопаться от писем столы редакционных работников. Затопило заведующего отделом крестьянских писем до бороды...»

Нужно сказать, что селькоры верно подметили роль самого Павла Петровича в организации этого половодья, что было отражено в приветствии газете в день ее трехлетия.

Похоже, несмотря на трудности, Павел Петрович чувствовал себя на этом посту как рыба в воде.

«Каждое письмо из деревни, — пишет он в том же материале, — это ценный документ. Хранить его надо, а не рвать... Настанет время, когда ученые и писатели будут изучать эти пачки крестьянских писем. По этим письмам целые книги, повести, рассказы о деревне будут писать».

Он и сам кое-что из присланного копирует себе в тетрабочку — на будущее...

Однако сколь ни разнообразны были эти сообщения с мест, журналисту для профессиональной деятельности нужны были собственные, непосредственные впечатления, и, разделавшись с очередным отчетом, Павел Петрович брал командировку в глубинку.

На страницах «Крестьянской газеты» появляются такие его авторские материалы, как «О сучке Ральфе, хлебозаготовках, контрреволюции и прочем», «Тоже „коммунар“» — зарисовки фельетонного характера на тему бытовых и хозяйственных неурядиц, коих было на селе еще немало: «Настоящее начальство», «Стулодавы», «Надлежит и полежит», «Не надо бузить» и др., в которых журналист обличает бюрократизм недавних хлебобобов, ставших руководителями на местах и

посчитавших, что закон им не писан, а также пороки, которые, свойственны как рядовым гражданам, так и высоко взлетевшим.

Из Каслей он привозит материал «Школа, которую надо расширить» — о молодежи, что на технической базе старого уральского завода взялась ремонтировать сельскохозяйственные машины. А в материале «Тележного цеха люди» из Арамили он всячески поддерживает почин малоземельных крестьян, которые для своего прокорма организовали дело, ставшее обоюдовыгодным, — цех по производству телег, сразу нашедших спрос у местного населения.

В материале с броским (даже грозным) заголовком «Что вы сделали, отвечайте!» говорится о том, что пора проверить выполнение взятых коллективами соцобязательств.

Другим заголовком автор, словно с трибуны, призывает: «Глубже поднимайте пласты самокритики». Это наставление все тем же селькорам.

«Делячество, хвостизм, оппортунизм и примиренчество надо искать не где-то на стороне, а у себя дома, — пишет он. — Они есть в любой деревне, где слабо идут хлебозаготовки, плохо поступает сельхозналог, где силен поп или сектанты, где не пускают батрака в колхоз.

Разоблачать хитро прикрытую кулацкую работу и ликвидировать ее — это и есть первоочередная задача самокритики в деревне» (№ 76, 25 октября 1929 г.).

Выступления на антирелигиозную тематику — фирменный материал Павла Петровича. Не исключено, что Бажову поручили это направление пропаганды по причине его особой осведомленности в вопросе.

В своих материалах автор не опровергает Священное Писание и Жития Святых, а разоблачает современных ему служителей культа, мимикрировавших согласно условиям нового времени.

Так, в беллетризованной зарисовке «Старушичий агент» рассказано о «разъездном батюшке» — одном из тех священников, что время от времени наезжают в безцерковные деревни, чтобы справить молебен, отпустить грехи и проч., а за это берут плату: «по пудовке (мерное ведро, в которое помещается пуд зерна. — В. С.)

с амбара». И дело не в том, что этот «агент спасстраха» обирает верующих кретьян, а в том, что напившись, на обратном пути половину гонорара и рассыпет... На эти деньги, с горечью заключает внук бабки Дарьи, можно было бы в деревне Красный уголок устроить...

В «Самообложении по-старинке» П. Деревенский (таков часто используемый псевдоним Бажова) рассказывает об ухищрении монахов Далматовского монастыря, которые зарабатывают на жизнь, выставив прихожанам не святые мощи, а музейные экспонаты, для чего придумали им «целебную» легенду:

«Только и всего...

И потекли потомки много раз обманутых, обворованных, битых, и понесли доброхотные даяния» (№ 5, 18 января 1929 г.)

Вот он, повод для самокритики! Не столько попы хитры, сколько прихожане темны...

Досталось от П. Б. (это второй из часто встречающихся псевдонимов Бажова) и землякам-сысертцам. Подметил он, что в родном «заводе» церковь стоит не простая, а... коронованная! Вместо традиционного для остальных храмов креста на шаре увенчана она императорской короной, из которой крест и вырастает. И курьез даже не столько в этой короне, сколько в том, что рядом на постаменте стоит памятник — боец революции с винтовкой, который словно бы недоуменно вопрошает: «За что же мы боролись, коли все на прежнем месте?». «Давно пора ее убрать», — констатирует П. Б. (№ 89, 4 декабря 1929 г.). И ведь убрали — вместе с колокольней. По принципу: снявши голову, по волосам не плачут...

Все приведенные выше материалы — невелики по объему и погоды в номере не делают. Но были у Павла Петровича выступления и посерьезней.

Номер 135 от 18 октября 1924 года открывается передовой статьей Деревенского «Надо усилить борьбу с частным торговцем». Партия, с одной стороны, разрешала частную инициативу в рамках нэпа, а с другой — вела с ней борьбу, но не напрямую, а посредством развития конкуренции между кооперативами и предпринимателем. Увы, частник был сильнее. На основании наблюдений автор делает вывод: «Крестьянское

хозяйство... значит, покупает больше у Хапова (образ частного торговца. — В. С.) и компании, чем в кооперативе». И далее директива: «Это надо учесть нашим кооператорам и усилить борьбу с притаившимся врагом». Автора, между прочим, не смущает, что враг-то вроде, согласно нэпу, — «в законе»...

С еще большим запалом Павел Петрович выступил в № 92 за 1929 год, где чуть ли не две трети второй полосы занял его материал под пространным многоступенчатым заголовком:

«Оборвем паутину кулацких сплетен.

Мишкинские кулаки придумали новую сплетню.

Они говорят, что мы отдаем Урал
американским капиталистам.

Врут мишкинские кулаки!»

Статья написана по селькоровской информации и носит характер разъяснения читателям политики партии в вопросе экономического сотрудничества большевиков с Западом. Основная мысль следующая: Советская власть использует опыт и средства зарубежных капиталистов для создания собственной индустриальной базы, на основании которой СССР сможет догнать и перегнать экономику своих классовых оппонентов.

«Просидел я на письмах семь лет, — вспоминал позже Павел Петрович в разговоре с К.В. Рождественской. — Писал много о деревне. Давали нам длительные командировки на месяц с наблюдательной целью. Я имел возможность поехать по деревням, понаблюдать...»

Эти наблюдения позволили Бажову снабжать газету не только «мелким жанром» — информацией, корреспонденциями, фельетонами, но и подтолкнули к овладению более серьезным с точки зрения литературного опыта жанром, каким является очерк.

«Газета создала у меня симпатию к очерку и быту. Стал я сильнее присматриваться к языковой стороне, к речевым особенностям...»

По сути, ничего нового в мировосприятии Павла Петровича не произошло. Стоит вспомнить его фольклорные (а значит и языковые) экспедиции по деревням Урала в ранний период учительской деятельности.

А если копнуть глубже, то и сказы дедушки Слышко на Думной горе — это тоже неосознанный пока сбор особенностей старой уральской речи: на будущее, с неопределенной пока целью.

Что же до любви к факту, то, с одной стороны, Павел Петрович не раз признавался, что **не мечтал быть писателем** (то бишь беллетристом-сочинителем), а с другой — психологически вся его предыдущая деятельность строилась на самой что ни на есть фактологической основе: он преподавал **правила** русского и старославянского языков, чистописание, алгебру, где все регламентировано и не может быть отсебятины. Его доклад о творчестве Мамина-Сибиряка основан также **на конкретных текстах**, как и «Программа трудового крестьянства» — на **программных** установках партии социалистов-революционеров. Если и была во всем этом возможность для авторского творчества, то только в плане изложения материала — его можно было сделать доступным и понятным, а можно было изложить и сухо, по-казенному, лишь бы отчитаться и поставить галочку. Павел Петрович полностью использовал эту небогатую возможность, и потому его помнили до конца своих дней бывшие ученики и ученицы, потому епархиальное начальство сочло нужным запечатлеть его доклад на нецерковную (!) тему в епархиальной газете и потому сегодня с интересом, в отличие от других архивных документов, перечитывается текст «Программы трудового крестьянства»...

Так что «журнализм» П.П. Бажова был органичным. И то, что он в конце концов вышел на очерк, который стал его основным и любимым жанром, — всецело обоснованно.

Выезжая в командировки в область по редакционным заданиям, Павел Петрович прихватывал и заказы «со стороны» — от других областных печатных органов. Это было в норме журналистской деятельности — зачем посылать в одно место нескольких корреспондентов, тратить время и деньги (!), когда и один может для всех постараться. Самому Бажову такие поездки были выгодны тем, что обилие материала, не помещавшегося в корреспонденции для «Крестьянской газеты», мог-

ло быть дано, скажем, в журнале, где автору предостав- лялось гораздо больше места.

Таким полем для дополнительных публикаций стал двухнедельный тонкий иллюстрированный журнал «Товарищ Терентий», который официально считался при- ложением к региональной газете «Уральский рабочий». Журнал носил скорее досугово-просветительский, не- жели официозный характер, и потому бажовские очер- ки из различных мест Уральской области пришлись ему в пору. Вот, например, привез Павел Петрович из Полев- ского очерк «Тихое дело» (№ 12, 1925 г.) — о сегодняш- ней жизни старого медеплавильного завода, который в результате технической реконструкции стал заводом химическим, но при этом продолжает выпускать медь. Другое дело, что теперь здесь производится и соляная кислота. Живая зарисовка процесса транспортировки этой опасной продукции от завода к железнодорожному разъезду высвечивает проблему: неумение полевчан де- лать техническую стеклопосуду должного качества мо- жет обернуться травматизмом как людей, так и лоша- дей, которые по-прежнему остаются главной тягловой силой. А «тихое дело» оно потому, что основной процесс пережигания медного колчедана в кислоту происходит в специальных емкостях — невидимо и неслышимо...

Следом журналист едет в село Мраморское, и оттуда журнал получает его очерк «У мраморских кустарей» (№ 16, 1925 г.). Читатель узнает, что и каменотесное производство — также «тихое дело», поскольку, даже вступив в артель, бывшие кустари сидят по домам в своих мастерских и «шоркают» камень. Сегодня у них постоянный заказ — плитка под распределительный электроцит. В области идет большое строительство, вот и щитков этих нужно множество. Уже и дефицит камня намечился. Но артельщики разыскали новый выход мрамора на поверхность и делают все, чтобы он остался за артелью...

Из Мраморского Бажов едет на поезде до Каслей. Журнал печатает его очерк «Из поездки на Каслинский завод». Благодаря перу автора, читатель становится свидетелем происходящего на старом заводе, где сегод- ня льют чугунную утварь — чугунки, сковородки, гири,

печные дверки — в немалом количестве, и все уходит в торговлю, буквально минуя склад, как говорится, с руками отрывают. А ведь это ни много ни мало 3000 пудов изделий в день... Традиционный каслинский чугуn выдерживает конкуренцию даже с лысьвенской эмалью — татары по-старинке предпочитают кумганы (в тексте — кунганы) здешнего производства. Хотя, конечно, старые мастера, обучая «фабзайцев» (учащихся школы фабрично-заводского обучения) мечтают о былом художественном литье: «Все одно и то же. Надоело. С игрушкой веселее было. Каждая форма по-особому».

Получал журнал очерки Павла Петровича и на «родную» для него, как сотрудника «Крестьянской газеты», сельскохозяйственную тему. Таков очерк «Под старыми ветряками» (№ 17, 1925 г.) о том, как крестьяне деревни Любиной Байкаловского района Ирбитского округа с помощью агрономов переделали всю пахотную землю по баллам плодородия. Каждой семье в зависимости от количества едоков достались в обязательном порядке как хороший кусок, так и куски похуже. Все остались довольны такой справедливостью и хотят по тому же принципу переделить и покосы...

И все же большинство материалов, написанных Павлом Петровичем в это время, публиковалось на страницах «Крестьянской газеты» — будь это записки бывшего рядового 29-й дивизии Б. Павлова (еще один его псевдоним) «Из колчаковского года» (25 июля 1925 г.) или очерк «По битой карте» (15 июля 1926 г.), в котором рассказывается о крестьянах села Тютняр на Южном Урале, предков которых Демидов когда-то выиграл в карты у князя Долгорукого и переселил в свои вотчины. Но речь не об истории, а о том, как тютнярцы, не найдя поддержки у властей — что на местном уровне, что на всесоюзном, — сами решили свою проблему, перейдя в «подданство» соседнего вновь образованного башкирского национального кантона... По сути, если вчитаться, речь идет о порочных сторонах большевистской национальной политики, когда нацменам было предоставлено прав больше, чем представителям государствообразующей нации. Однако автор такого вывода предусмотрительно не делает, а наоборот, гово-

рит о пользе «башкиризации» тютнярцев, которые принесли на территорию кантона земледелие и культуру, в результате чего башкиры и сами стали выходить из прежнего темного существования.

Но если все же выделять что-то из всего обилия газетно-журнальных публикаций Павла Петровича двадцатых годов, стоит остановиться на беллетризованной им истории, рассказанной в письме одного из селькоров. Несколько большая, чем прежде, литературная проработанность этого материала дала повод некоторым исследователям даже именовать его рассказом...

Называется он «Ленок». Не правда ли, сразу напрашиваются ассоциации — то ли речь о сельхозкультуре, то ли... о женщине. А слово «ленок» созвучно слову «медок». В общем, все не однозначно. И на самом деле в материале есть и первое, и второе, и третье...

А история эта о том, как пожилой крестьянин Никита собрался в Оленин день сеять лен. Вместе со своей старухой они произвели необходимый народный ритуал заговора на то, чтобы урожай льна выдался хорошим. И тут соглядатай этого тайного процесса, их малолетний внук, после слов о белизне волокон будущего урожая возьми и ляпни: «Как волосы Марфушки!», и тем самым спутал старикам все карты.

Да нет, положенные ритуалом действия были произведены, но образ сельской вдовы Марфушки, возникший вроде случайно, прочно засел в голове героя. Он другими глазами посмотрел на свою жену — долгоношую старуху, и на жизнь свою однообразную и беспросветную... Всю ночь мужик ворочался. А засел-то образ пригожей вдовы потому, что, по тем же народным поверьям, следовало бабе, которая встретит в поле сеющего лен мужика, заголиться, пожелав тем самым, чтобы выросший ленок был столь же бел, как ее тело... Ничего не скажешь, кошмарный сон накануне сева.

Невыспавшийся и злой Никита едет в поле и сеет свой лен. И тут как назло слышит из лесу женскую песню, а следом за ней появляется и сама певунья — та самая Марфушка. Ну, как вам такое наваждение? Сплюнул бы мужик и продолжил свое дело, но баба (на то она и бесовское отродье), зная обычай, взяла и... за-

голилась. Так и идет, зажав подол в зубах. Известное дело, на селе женский пол в те времена «штанов» не носил... Ну и подвела оная Марфушка старика Никиту под судебное дело. Не выдержал герой да и повалил соблазнительницу прямо на грядку. Как свидетельствует селькор, насилу стащили... Теперь односельчане в шутку интересуются у Никиты: как поспел ленок — с алиментами или без?..

Ничего себе история, да? Только виновата, выходит, не баба, вынудившая мужика совершить проступок, а... старые поверья, пережиток прошлого. Такой вывод делает лукавый автор, понимая, что иного в партийном органе напечатать и невозможно. Но что-то подсказывает, что выбор этого селькоровского письма из мешка многих подобных ему не случаен. Автора, думается, заинтересовала не столько борьба с пережитками, сколько живой человеческий случай, который никак не связан ни со временем, когда это происходит, ни с властью, которая на дворе, ни с партийными установками на коллективизацию деревни. Ведь именно этот материал обработан им с учетом глубинной психологии, мотивации поступков героя, который через подсознание (говоря сегодняшним языком) и запрограммировал эту встречу в поле, ибо накануне проклял свою прежнюю жизнь, зажатую в тисках деревенского религиозного и общинного истеблишмента.

Не поспеешь Бажов на дальнейшую литературную работу над этим сюжетом, занявшим в подвале газеты всего четыре колонки, разверни он его, уточни и углуби — и получился бы настоящий рассказ. Но то ли времени не хватило, то ли желания, а может быть, и постеснялся депутат городского Совета (коим он стал в январе 1926 г.), длиннородый коммунист Павел Петрович Бажов, у которого дома росла годовалая дочка, а старшие уже заканчивали обучение в средней школе, увлечься «скользкой» темой взаимоотношения полов. Не поняли бы партийные товарищи, а уж дома и по-давно могли бы истолковать все по-иному. Больше эта тема никогда не возникала на страницах его реалистических произведений. Она, как драгоценная жила, мелькнула в породе и ушла в глубь земли.

Глава 8 . ИСКУС ТВОРЧЕСТВА. Произведения двадцатых годов

Как ни странно, двадцатые годы при всей его сверхзанятости — самое плодотворное время в жизни Павла Петровича. Ему за сорок, и хотя многим он кажется стариком из-за солидной бороды, в его волосах не видно седины. Бажов крепок и бодр, о чем говорят его многочисленные поездки в область. И творчески плодovit, о чем свидетельствуют его частые публикации во многих периодических изданиях Урала. К тому же — молодой отец. И хотя реально физическое здоровье оставляет желать лучшего (дочь Ольга Павловна вспоминала, как навещали отца в легочном отделении горбольницы, что располагалась недалеко от дома — на углу улиц Декабристов и Розы Люксембург, где ныне старые корпуса медакадемии), бодрости духа ему не занимать.

Выбравшись волей судеб из оказавшегося рядовым районным городишкой Камышлова назад в Екатеринбург, ставший де-юре столицей всего Урала, наш герой нашел то, к чему стремился — масштаб и глубину деятельности. Можно сказать, что именно в период работы в «Крестьянской газете» Бажов и состоялся как *homo scribens* (человек пишущий). Теперь он уже не видел для себя другой деятельности, нежели связанной так или иначе с литературной работой.

В жизни Павла Петровича много счастливых случайностей, которые определили его творческую судьбу. Одна из них — создание Уральской области и учреждение «Крестьянской газеты», что позволило Бажову стать профессиональным журналистом.

Вновь созданная газета, как уже говорилось, расположилась в старом Доме печати, где кроме периодических изданий помещалось и... Впрочем, дадим возможность рассказать самому Павлу Петровичу.

«Дальнее — близкое»:

«В нижнем этаже помещалась экспедиция этих изданий и тут же недавно организованное издательство т-во Уралкнига... но уральской книги еще не было.

Пока занимались переизданиями и самым неожиданным набором вплоть до „Джунглей“ Киплинга».

И далее, в разговоре с К. Рождественской:

«Мне предложили: „Напиши что-либо из уральской жизни, пиши, что припомнишь“. И я написал „Уральские были“».

Над словом не думал, запас был. Писал так, как у нас говорят... Календарных дат не надо мне было, я сближал события, сопоставлял, сгущал характерное».

Чувствуете — подход к работе совсем не газетный: свободный, не связанный строгим фактом. Задача: изобразить не столько в точности, как было, а так, чтобы интересно читать. А интерес очень часто возникает не столько из самой правды жизни, сколько от умения рассказчика подать материал.

Если в цитируемой выше фразе Бажова нет кокетства, то все равно работа над первой книгой была для него не простой. Хотя бы потому, что нужно составить сюжетный план, отобрать необходимое, а что-то посчитать второстепенным и потому не столь важным...

Точно не известно, в какие сроки были написаны «Уральские были». Но если учесть, что в Екатеринбург Бажов приехал в октябре 1923 года, а публикация отдельных глав очерка началась в журнале «Товарищ Терентий» следующей весной, в мае (№ 17 за 10 мая 1924 г.), то едва ли не за полгода. Срок немалый. Хотя, учитывая занятость автора в газете, работать над первой книжкой ему пришлось, скорее всего, вечерами, а то и ночами. Но нет сомнения в одном: внутренне писалось ему легко. Потому что, во-первых, он хорошо знал реалии прошлого Сысертских заводов, многое прошло непосредственно через жизнь его самого и родительской семьи. Во-вторых, воспоминания о детстве, какими бы они ни были, всегда приятны — плохое уходит из памяти, а хорошее въелось навечно. И, наконец, в-третьих, Бажов обладал даром рассказчика — вспомнить хотя бы эпизод с пермскими детдомовцами. А это первый признак писательского таланта! Ведь именно здесь кроются истоки своеобразия повествовательного стиля — качества, за которое не в последнюю очередь и ценят творчество пишущего.

Возьмем любой отрывок из «Уральских былей», ну вот хотя бы из главы «Сысертские заводы»:

«— Здравствуй, матушка Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами!

Так пела „мастеровщина“ о своем заводе и речке.

Гор, правда, там нет, но небольшие увалы, отроги Уральского хребта, густо покрытые сосновым лесом, со всех сторон окружили завод и так „ловко стали“ около речки, что дали возможность легко ее запрудить.

Четыре заводских пруда имеются на этой маленькой речке: Верхнезаводский — самый большой, Сысертский, на котором стоит главный завод округа, Механический и Ильинский...

Возле верхнезаводских фабрик был маленький поселок, домов около семидесяти, из которых значительную часть составляли заводские дома: для управителя, надзирателя и т. д. Вблизи Ильинского частных домов совсем не было. Механическая вплотную примыкала к окраине Сысертского завода — «Рыму». Все занятое в производстве население жило в Сысертском заводе, который широко раскинулся в северной части заводского пруда, а дальше тянулся по берегу Механического и в заречной части. Считалось в Сысерти в пору моего детства около двенадцати тысяч населения...

Все заводы были окружены густым хвойным, преимущественно сосновым лесом...

Кроме заводских селений в черте Сысертского округа было несколько рудников и приисков с возникшими около них поселками. Жители этих поселков в пору крепостничества звались „горнозаводскими крестьянами“, „непременными рабочими заводов Сысертских“. Такими же «непременными» они остались и потом, так как незначительные наделы и „неродимые“ земли не давали им возможности кормиться только крестьянским хозяйством, заставляли работать на заводы: по добыче и доставке руды, возке угля, железа, чугуна и т. д.»

Согласитесь, вроде бы написано о сугубо прозаичном деле — горных заводах, железе, руде, но читать интересно, и особенно тем, кто незнаком с этим материалом. Под пером Бажова образ уральского завода

словно бы поэтизируется. Производственный пейзаж, расширяясь, прорастает в окружающую природу, и оттого традиционный смысл слова «завод» в уральском его понимании превращается в нечто иное, нежели читателю представлялось прежде.

По сути, «Уральские были» являются энциклопедией этого незаурядного явления по имени «уральский завод», где в единый организм сплелись и производство, и жилой поселок со своей инфраструктурой (церковь, школа, администрация), и рудники, и фабрики — филиалы основного производства, и рудознатцы, что ищут и находят новые месторождения, и крестьяне, занимавшиеся извозом заводской продукции в «город», не говоря уже о дикой природе, которая окружала все это, давая дополнительное пропитание, стройматериал, поддерживала здоровье изнуренных тяжелым трудом жителей горного округа.

Конечно, сын потомственного заводчанина большевик Павел Петрович Бажов не мог не показать тяжесть жизни уральского рабочего и не пройтись сатирическим веником по спинам заводчиков, их «сударей» и «присударей». Но ведь все это... правда.

А вот о позитиве в адрес заводчиков (а он тоже был!) автор не написал — знал, что пропустят в печать, а что нет. Играть в политические поддавки было не в его характере.

Положительный герой его очерка — это малая родина. Сысерть со всеми ее плюсами и минусами. Читатель чувствует любовь автора к родному краю и сам, повинаясь чарам авторского сказывания, начинает его любить, подсознательно экстраполируя бажовские картинки на реалии своего собственного детства, где было то же самое, хотя и по-другому.

В первой главе этой книги пришлось обращаться к содержанию очерка достаточно часто, поскольку другого, более яркого и исчерпывающего источника сведений о времени и месте, где началась жизнь нашего героя, не существует. «Уральские были» — это художественное воплощение автобиографии П.П. Бажова.

Интересно, что своим нечаянным (созданным по предложению соседей-издателей) очерком Павел Петрович,

можно сказать, предвосхитил предложение А.М. Горького написать «историю фабрик и заводов». Идея сочинения таких исторических очерков будет провозглашена «пролетарским писателем» лишь в 1931 году.

Отдельной книжкой «Уральские были» выйдут 11 ноября 1924 года. Однако, как было сказано выше, право первой публикации ряда глав из нее получил журнал «Товарищ Терентий». В мае — июне того же года в номерах 17–19 были напечатаны 9 главок: «Турчаниниха», «Пучеглазик», «Палкин», «Воробушек» (№ 17); «Кузькино отродье», «Мастерко», «Приказные» (№ 18); «Заводские», «Приисковые» (№ 19).

Неизвестно, кто был инициатором этой предварительной публикации — журнал, издательство или сам автор. Не исключено, что журнал. Думается так, потому что рабочие столы Бажова и А.П. Бибика — в тот период чуть ли не единственного штатного сотрудника «Товарища Терентия», располагались... в одном кабинете, друг против друга, и, естественно, творческий контакт между пишущим и публикующим был налажен мгновенно и к обоюдной радости: редактор получал квалифицированного и надежного автора, автор — дополнительное поле для публикации и, что немаловажно для кормильца большой семьи, гонорар сверх газетного... Удобно было и «Уралкниге» — у нее появлялась возможность предварительного знакомства с тем, что пишет автор, с которым у нее заключен договор, а заодно могла узнать и первые отзывы читателей.

Но все же не стоит исключать и то, что эта предварительная публикация была на руку самому Павлу Петровичу и из других соображений. Ведь он понимал, что статейки в газету — это одно, а книжка — совсем другое. Здесь могла иметь место рефлексия начинающего писателя: а вдруг я взял неверный тон, вдруг мое видение прошлого Сысертских заводов не соответствует общему (партийному!) представлению о том, как все было на самом деле...

Поэтому неслучайно в журнале первыми опубликованы именно главы, сатирически отображающие персоналию давешнего руководства Сысертского горного

округа и завода, и лишь затем появляется его величество рабочий класс...

Тот своеобразный стиль, за который мы ценим сегодня «Уральские были», те незабываемые образы людей из народа в журнальной публикации остались за кадром. Не по ним шла сверка написанного с временем и его идейно-культурными установками.

Приведем наблюдение писателя Евгения Пермяка, коротко знакомого с Павлом Петровичем в более поздние годы, которое будет здесь к месту:

«...В жизни Бажова была одна прекрасная фея. Эта милая фея и одновременно муза, по имени Застенчивость, была ведьмее всех ведьм на литературной стезе Павла Петровича.

Диву даешься, как мог такой человек быть отважным подпольщиком, непримиримым комиссаром, пламенным оратором — и вдруг...

Не желая обидеть начинающих и вступающих на литературный путь во все времена, нужно отметить некоторую их не то чтобы напористость, но, во всяком случае, настойчивость и, уж конечно, умение защитить себя и свои первые литературные произведения.

Этим качеством Павел Петрович катастрофически не обладал».

Что ж, похоже на правду. Ведь даже эти публикации в «Товарище Терентии» состоялись не под охватывающим названием «Уральские были», как была названа позднее книга, а под более скромным: «Из недавних уральских былей». А в сноске название будущей книжки значится и вовсе другое: «На Турчаниновских заводах». И фамилии автора в начале публикации... нет. Она тоже скромно помещена в сноске. Теперь вспомним, что все его материалы в «Крестьянской газете» начального периода шли либо без подписи (мелкие), либо под псевдонимами: Деревенский, П. Деревенский, Старозаводский, П. Б.

В «Товарище Терентии» фамилия Бажова впервые представлена в привычном для нас сегодня написании. Но по документам Павел Петрович продолжает оставаться Бажёвым. Это имя стоит в сберегательной

книжке, открытой 1 июля 1927 года (а финансовый документ всегда точен): то же и в делегатском билете за № 227 на I Уральскую областную олимпиаду по самодетельному искусству (конец двадцатых — начало тридцатых годов).

Можно, наверное, сделать предположение, что неофициальное написание фамилии (не по грамматическому принципу, а по фонетическому — через «о») также есть... псевдоним (пусть и прозрачный), которым Павел Петрович пользуется, публикуясь не по месту службы. Данную версию подтверждают и очерки, напечатанные в «Товарище Терентии» — приложении к другой газете — в 1925 году. Это материалы из Полевского, Мраморского, Каслей и Байкаловского района, о которых говорилось выше, и подписаны они так же: П. Бажов.

Но в 1924 году Павел Петрович еще словно бы робет. Вторая публикация глав будущих «Уральских былей» в № 18 дается и вовсе без указания фамилии автора, мол, продолжение предыдущей. То же и в третьей... Вряд ли это оплошность ответсека редакции журнала (с материалами других авторов в этих номерах такого казуса нет). Возможно, сам автор попросил не педалировать лишней раз его личность. По причине, которую указал Евгений Пермяк.

Таким образом, в этой публикации отдельных очерков и первых глав будущей книги «Уральские были» зафиксировано рождение *литературного имени* писателя, которое расходилось с его личным. Но в случае с Павлом Петровичем оба имени были максимально приближены друг к другу и на слух — идентичны. В то время как многие другие литераторы, начиная свой путь в более раннем возрасте, брали литературные имена, никак не намекающие на их природные: Пешков — «Горький», Смидович — «Вересаев», Придворов — «Д. Бедный»... Собственно, псевдоним для того и берется, чтобы «спрятаться». Павлу Петровичу же в его сорок пять это было ни к чему. Но все же... (Опять вспомним Евгения Пермяка.)

Нужно сказать, что в обиходной жизни даже коллеги по редакции, слыша фамилию Бажёв, думали, что

он «Бажов», и поэтому во многие не слишком официальные документы он таковым и попал — через «о»: 26 октября 1926 года «Бажова» подписали на Большую советскую энциклопедию; 29 апреля 1927 года он получает посылку из Москвы на имя «Бажов»; на это же имя ему, как представителю «Крестьянской газеты», выписан мандат делегата 2-й Белоярской конференции рабселькоров. И только машинописная записка из издательства «Свердлгиз» разделяет одно и другое: адресована Бажеву (гражданину), но обращается — к «тов. Бажову», то есть литератору.

Уверенность читателя в том, что автор «Уральских былей» — именно «Бажов» поддерживает и рецензия на книжку в № 15 за 18 января в газете «Уральский рабочий» (распространявшейся, как и «Крестьянская газета», по всему Большому Уралу). Здесь просто опубликован рисованный портрет в овале (точнее, в круге) бородатого человека и подписано: «т. Бажов». Некто П. К-ов, отметив, что изображение старых уральских заводов у Мамина-Сибиряка носит «слишком давний исторический характер», ругает за то, что сегодня «нужен бытописатель уральских заводов с психологией рабочего, умеющий глазами рабочего взглянуть и по-рабочему оценить жизнь и быт дореволюционных уральских заводов.

П. Бажов — уралец, родился в Сысертском заводе и рос там, его отец работал на них... Язык у тов. Бажова литературный и красочный. Рабочим он особенно близок и будет по душе — понятен (здесь и дальше подчеркнуто самим рецензентом. — В. С.). Не забудутся художественно и с чуткостью зарисованные тов. Бажовым рабочие Макар Драган и Мякина.

Маленькая книжка тов. Бажова — но она большой вклад в уральскую литературу. Ее следует широко рекомендовать, тем более что эти заводские очерки являются типичными для многих частновладельческих уральских заводов.

Издана книга хорошо».

Надо полагать, такова была и официальная оценка первой книжки нашего героя, после которой его стали воспринимать как литератора.

Нельзя утверждать, что с выходом «Уральских былей» П.П. Бажов проснулся знаменитым — это будет передержкой. Однако главным внутренним итогом этой «внеурочной» работы стало приобретенное им чувство: «Я тоже могу!» Он перешагнул через тот ступор стеснительности или, по-современному, зажатости, когда упорно думаешь, что обжиг горшков доступен только богам...

Не будет преувеличением сказать, что, отведав вкус свободного (не по служебной обязанности) творчества, Павел Петрович тут же взялся за разработку следующего замысла — ни много ни мало целой «эпопеи» о бывшем с ним в годы Гражданской войны.

Вот как, по воспоминаниям Л.И. Скорино, рассказывал об этом сам Бажов:

«...Рисовалась мне она («эпопея». — В. С.) как кинолента жизненных положений. Таких книг тридцать две штуки было у меня намечено. Хотел рассказать о том, что пережито в годы борьбы за советскую власть. Вот хотя бы Алтай в двадцатом году — как бились за прииск Аджар. Сколько крови потрачено. Но сидим в степной дыре, а резонанс в Америке — держать, держать... Или вот еще: горцы Кавказа ходят в газырях, с кинжалами, пояса с серебряной насечкой, а Орловка поднята выше кавказских аулов — народ здесь в зипунах, овчинах, перепоясаны кашемировыми кистями. Называются эти бабы и мужики «полк горных орлов». Партизанский отряд. Это жители селений по Бухтарме-реке.

Да, пиши, не отрывая пера...»

Повесть «За советску (так первоначально. — В. С.) правду (Из жизни урмана)», стоявшая в издательском плане 1926 года, была сдана в печать в июне 1925-го. Не исключено, что Павел Петрович работал увлеченно и закончил рукопись раньше договорного срока.

В отличие от «Уральских былей», которые по жанру стоит отнести хоть и к художественному, но все-таки очерку, «За советску(ю) правду» — это полноценная повесть с организованным сюжетом, с присущим ей живым языком повествователя, художественной образностью, развернутым характерным диалогом. Если в целом автор здесь не уходит от действительной канвы

событий, то в частности он позволяет себе вымысел, совмещение нескольких реальных персонажей в один, акцентирует этнографические мотивы, что в реальности могло быть и не так важно, и даже главный герой носит фамилию, никак не напоминающую его собственную.

И хотя это не мемуары — повесть, но «За советску(ю) правду» опять практически единственный источник сведений о том, что было с Павлом Петровичем в период его пребывания в томском урмане.

Казалось бы, главным в сюжете повествования должна была стать именно партизанская борьба. Но... рассказ о жизни сибирских белорусов — столыпинских переселенцев в канун будущих схваток остается основным содержанием рядом этого произведения. Заканчивается оно весьма неожиданно — сразу же после первых выстрелов, и не ясно, как развернутся события дальше...

Возникает две мысли: либо начинающий автор не в ладах с композицией литературного произведения, во что слабо верится, либо... не хочет говорить о последовавшем за рассказанным. А в жизни выступление партизан закончилось разгромом... Правда, не окончательным. Белые загнали партизан вглубь урмана, откуда те при изменении ситуации на фронте вскоре вышли и приняли участие в изгнании Колчака из Каинского уезда.

Так почему же Бажов заканчивает свою повесть столь неконкретно, беспасфосно?

«Начиналась тяжелая полоса борьбы. Сибирский крестьянин кровью смывал свою былую вину против советской власти (первоначальную поддержку Омского правительства. — В. С.).

Веселый медвежатник Андрей погиб в первой же стычке. Случайная пуля пробила ему темя как-то сверху. Сразу свалилось огромное могучее тело. Не успел он даже повторить перед смертью свой постоянный призыв:

— За советску правду!

Тяжелый отцовский бердан перешел к сынишке-подростку. Винчестером работал лучший стрелок урмана Панаска».

Всё. На этом точка.

Такой «открытый» конец становится объяснимым, когда узнаешь, что повесть «За советску(ю) правду» — лишь первая часть дальнейшего повествования, завязка к развитию и кульминации тех победных событий, которые должны развернуться при участии «вучителя Кирибаева» в последующих частях «эпопеи»...

К сожалению, ничего этого не последовало. Отсутствие свободного времени, необходимого для художественного осмысления столь обширного фактического материала, а может быть, и осознание того, что ему с его небогатым пока литературным опытом рановато браться за большое полотно, пусть и разбитое на отдельные повести, не позволило начинающему писателю реализовать этот свой замысел.

Не исключено также и то, что рассказанное в повести «За советску(ю) правду» в общей задумке несостоявшейся «эпопеи» о Гражданской войне могло стоять не первым звеном. Наверняка Бажову хотелось поведать и о товарищах по 29-й дивизии, с которыми сражался на Урале и отступал до Перми. Он восполнит этот пробел в дальнейшем, однако написанное не будет иметь прямого отношения к этому раннему художественному замыслу.

Пожалуй, как отзвук этой ненаписанной части выглядит скромный по объему очерк «Из колчаковского года», опубликованный в «Крестьянской газете» 15 июля 1925 года — в очередную годовщину освобождения Урала от белых, по которому можно судить, как удалось Бажову в декабре 1918 года миновать расправы в белогвардейском плену...

В середине лета Павел Петрович берет паузу — уходит в отпуск. Захватив старших детей, он отправляется в Полевской район — посещает село Мраморское, Гумёшевский медный рудник, берега реки Чусовой... Не за одним физическим и эмоциональным отдыхом приехал он сюда — хотел познакомить детей со своей малой родиной. Однако ведь не в Сысерть повез... Не было ли у него какой тайной мысли — творческого, разумеется, характера? Про то в точности не известно. Но, согласитесь, вполне допустимо сделать такое предположение...

С началом осени Павел Петрович получает из типографии свеженький сигнал своей книжки «За советску(ю) правду». Вскоре вышел и весь тираж — 3000 экземпляров. Теперь Бажов известен как автор двух верных с политической точки зрения исторических книг, и в качестве положительной оценки его литературного творчества ему поступает заказ на сочинение третьей.

Шел год двадцатилетия первой революции в России. При Уральском обкоме ВКП(б) была образована Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории коммунистической партии, более известная как Истпарт — прообраз будущего партархива. Так вот, этот Истпарт совместно с издательством «Уралкнига» учредил историко-революционную серию, в которой и должно было выйти очередное сочинение Павла Петровича о Сысертской забастовке 1905 года, живым свидетелем которой он был. Понимая, что серьезные дела рождаются не в спешке, выход книги издательство запланировало на следующий, 1926 год.

И опять Бажову приходится совмещать практическую журналистику, координацию действий селькоров в «Крестьянской газете» с написанием книжки. Параллельно продолжают публиковаться его очерки с мест в журналах-приложениях «Товарищ Терентий» и «Колос».

Новая книга, названная «К расчету (Сысертский завод в 1905 году)», появилась опять раньше срока — в декабре 1925-го. Таким образом, задание партии Павел Петрович выполнил досрочно. О том, что это был заказ не столько литературный, сколько политический, свидетельствует разноречивость в написании имени автора. На обложке, рисованной художником, он значится как Павел Бажов, а на титульном листе под грифом «Истпарт Уралобкома ВКП(б)» написано: П. Бажев. И точно так же его именуют несколько раз в официальном предисловии. Для партийного руководства он продолжает оставаться не литератором, а в первую очередь коммунистом, чья фамилия в партбилете своего первоначального написания не изменила...

Никаких воспоминаний Павла Петровича о работе над третьей книжкой не сохранилось. Но сегодня ее текст оставляет впечатление, что и эта литературная работа далась Бажову относительно легко. Повествование идет ненатужно. Даже во втором по счету предисловии — авторском, названном «Необходимая оговорка», где он дает точные данные — экономическую диспозицию в округе накануне забастовки, следует «разговорный» текст, заставляющий вспомнить его давешнюю работу — «Программа трудового крестьянства»:

«Была еще одна дырка в заводском мешке. Где-то с бочку, маленькая. Сыпалось туда не так много, но все-таки гораздо больше, чем выдавалось пенсионерам, и главное, совсем зря.

В любом заводском отчете можно было найти такие расходы:

На содержание церковнослужителей 4.532 р. 13 к.

-----// ----- певческого хора 504 р.

----//---- церковноприход. попечительство 1.680 р.

Заводоуправление, видимо, считало молитвенную машину более важной, чем устройство какого-нибудь подъездного пути, подъемника.

Забавнее всего, что к содержанию этой молитвенной машины привлекались и рабочие...»

Основную часть очерка автор начинает со ставшего для него традиционным развернутого беллетризованного эпизода, снабженного характерным диалогом, в котором проявляется завязка сюжета произведения:

«Отчетливо помнится ненастный день начала осени.

Идет мелкий дождь. Старый архиерейский сад через дорогу кажется задернутым тонкой колыхающейся сеткой.

Почему-то с утра сижу дома. Из окна видны редкие пешеходы городской окраины. В вязкой грязи Болотной улицы барахтается замухрышка-лошаденка с целым возом ребят, выглядывающих из-под половиков. Тут же какая-то женщина.

К окну по тропинке подходит черный не старый человек и, сверкнув рядом ровных широких зубов, говорит:

— Ну, пускай гостей! Видишь, сколь богатства привез!

Да ведь это Черепанов! Сысертский слесарь-приятель, „сродственник”. Куда это он по-цыгански! Всем домом?

Поспешно бегу открывать ворота. Мать забренчала самоварной крышкой. Домишко наполнился промокшими ребятами и разноголосо зазвенел.

По случаю неожиданного свидания „раздобылись” одной „маленькой” — за казенной печатью...

Черепанов — тип тех заводских рабочих, которые от дедов и прадедов унаследовали привычку к непосильной, сверх всякой меры работе. Без раздумья, без ропота. Пока на ногах держится. Несмотря на свои 30 лет, он уже глуховат. Считается хорошим специалистом по зублению напильников вручную. „Рука уж так несет, чтобы насечка ровная была”, объясняет он свою машинно-точную работу.

На сдельщине ухитряется в неделю загнать чуть не 5 полных суток работы.

„Зарывной на работу”, говорят про таких.

„Выпивает” только по самым большим праздникам, и то более чем умеренно.

Жена такой же „безответный”, работающий человек. Четверо, пока еще шумливых, ребятишек до 10 лет.

Имеют неплохой по-заводски родовой дом, маленькое хозяйство, корову, лошаденку-бандуру.

Оба дальше „своего города” никуда не бывали.

Теперь „снялись”. Едут за станцию Тайга: на новые Подвинцевские прииска.

— Там будто можно машинистом поступить. Верный человек писал.

— В Сысерти немислимое дело оставаться. На восемь гривен за сутки не назубляешь. Ежели 20 полных робишь, и то 20 рублей не наскобишь. Как тут быть? У меня ведь их четверо.

Верно, что получалось „немислимое” дело. Работать почти без сна, до полной одури целый месяц, и не получить даже 20 рублей.

За самую ненадежную ветку ухватишься, чтобы выкарабкаться из такого омута».

Все-таки это не очерковая, а самая настоящая художественная проза. Официальную заказную работу по истории революции таким языком не пишут. Но, видимо, к тому времени еще не сформировалась когорта академиков-историков, что позднее на голубом глазу сочинит бесконечные по объему и выхолощенные по сути «кирпичи»-монографии, которые будут вынуждены читать сквозь слипающиеся веки слушатели воскресных университетов марксизма-ленинизма и студенты вузов ...

А пока о серьезном можно было рассказывать живо и, главное, со знанием дела — ни один из суших тогда в столице Урала литераторов так не мог. И в обкоме это поняли.

Правда, имелась одна заковыка (о ней говорилось в главе четвертой этого повествования, рассказывающей о революционной деятельности нашего героя в 1905 г.): никаких документальных сведений о руководстве большевиками Сысертской забастовкой — не было. Понятно, что в условиях попытки революции социалисты уничтожали всякие свидетельства своего участия в подобных мероприятиях. И тогда на службу победившему в 1917 году пролетариату приходили... архивы охранного отделения (если их, конечно, не расплыли по мостовой в революционном раже). Так вот, даже в таком «специальном» архиве про вдохновителей забастовки — молчок. Похоже, полиция и сама их не знала.

Как признано в первом (официальном) предисловии, «в повести... работа партии в забастовке осталась совершенно в тени». По этой причине неведомый нам автор предисловия тут же излагает официальную версию, что де после неудачной посылки в Сысерть в 1905 году двух «товарищей-профессионалов», которые «особенно себя не проявили», в поселке «наездом стал бывать тов. Иван (Н.Н. Бушен), фактический руководитель тогдашней Екатеринбургской организации РСДРП(б)».

В самой книге об этом, разумеется, ничего нет — Бажов писал только о том, что видел сам или что подтверждалось информацией из уст участников былой забастовки. Вот и выходило, что в реальности события

в Сысерти закрутил приезжий студент Е. Девяшин, который принадлежал к непонятно какой социалистической организации. Как уже говорилось, на основании вскользь сказанного в книжке можно предположить, что Девяшин был скорее эсером, нежели большевиком. Поскольку ни заказчик книжки, ни ее автор в 1926 году не сделали очевидных попыток притянуть его в стан РСДРП(б), так оно, скорее всего, и было.

Отметив отсутствие лейтмотива руководства Сысертской забастовкой большевиками, Истпарт все же посчитал, что «в остальном повесть верно изображает картину борьбы сысертских рабочих в революцию 1905 г.».

Отметим два момента. В официальном предисловии «К расчету» неоднократно названа именно повестью, а не очерком. Это говорит о принятии заказчиком явно художественного решения темы автором. Хотя с точки зрения сегодняшнего времени правомерно уточнение: документально-художественная повесть. Будь это произведение полностью художественным, Бажову ничего бы не стоило ввести в руководство забастовкой того самого Бушена... Но это был 1925 год, когда, как отмечено, каноническая история революционного движения в России пока не устоялась. У руля ВКП(б) пребывали столь разные, с сегодняшней точки зрения, личности, как И. Сталин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, а также Г. Зиновьев с Л. Каменевым. В партии были обычным делом дискуссии по различным теоретическим и внутрипартийным вопросам, и, следовательно, легально существовало разномыслие (пусть и в рамках марксизма-ленинизма). Так, полный диктат партии по отношению к деятелям литературы еще не наступил. Если и могли возникнуть какие-то «указивки» писателю, то исключительно самодеятельного характера со стороны радетелей так называемого пролетарского искусства. Но «крыша» Истпарта Уралобкома надежно защищала автора от таких поползновений.

Сразу же скажем, что позитивное отношение заказчика к этому труду П.П. Бажова осталось неизменным и спустя несколько лет — в 1929 году. Истпарт и «Уралкнига» переиздали «К расчету» тиражом 5000 экземпляров. Ко-

нечно, в тексте появились некоторые поправки, но они не повлияли на прежнюю суть книжки, поскольку носили чисто литературно-редакторский характер и принадлежат, скорее, самому автору, который всегда тщательно относился к работе над собственным текстом...

Итак, три книжки за два года. Отличный старт! Вроде бы есть повод возгордиться, а то и вовсе бросить газетную поденщину и полностью перейти на сочинительскую работу. Вот и коллега А. Шубин в журнале «Уральская новь» (так стал называться «Товарищ Терентий»), в № 8 за 1926 год, в обзоре литературных новинок назвал «Уральские были» и «За советскую правду» «прекрасными образцами работ нашего уральского бытописателя».

Однако Бажов был человеком реалистически мыслящим и не позволил себе «головокружения от успехов».

Из позднего разговора Бажова с литературоведом Л.И. Скорино об этом периоде своей жизни:

«Нет, не был я еще писателем. Всякий желающий писать — желает. А я не хотел... Откликался на задания...»

Похоже, в этих словах нет рисовки. Последующие три года Павел Петрович целиком отдает газетной работе, продолжая активные выезды в города и села области. Согласно статистике, собранной В.В. Горевой и Н.В. Кузнецовой, в 1926 году на страницах уральской печати появляются 32 бажовские публикации, в 1927 году — 29, в 1928-м — 64 материала. Почти все они подписаны его традиционными «газетными» псевдонимами — П. Деревенский, П. Б., П. Ирбитский (материалы из г. Ирбита) и только редкие — П. Бажов. Среди таких — серия очерков «В новой деревне» (номера «Крестьянской газеты» за 9, 13, 16, 20, 23 декабря 1927 г.). Пять номеров — пять очерков. В общем предисловии к публикации сказано:

«Перед десятилетием Октября редакция нашей газеты командировала тов. П.П. Бажова в Байкаловский район Ирбитского округа для подробного ознакомления с жизнью байкаловских крестьян. Тов. Бажов пробыл там целый месяц и за это время написал чрезвычайно интересную книжку о новой, советской деревне.

В ближайших номерах «Крестьянской газеты» мы печатаем 5–6 глав из этой книги».

Как, снова книга? Да, но на этот раз написанная в рабочем порядке, что называется, без отрыва от основной деятельности. Книга, которая складывалась из его газетных публикаций. Сборник очерков, но на одну тему — как уральская деревня медленно, шаг за шагом, подвигалась по пути коллективизации. Уникальность этой работы Павла Петровича в том, что он наблюдал и изучал хозяйственную деятельность одной и той же деревни на протяжении длительного времени.

Речь о д. Любиной. Павел Петрович в процессе своей работы в «Крестьянской газете» наезжал в этот округ довольно часто. И деревня эта была ему знакома прежде всего тем, что тамошние мужики оказались на удивление «дружными» — то есть внутренне готовыми к работе в обобществленном хозяйстве. Однако не для всех любинцев были характерны такие взгляды. Имелись среди них и «диссиденты». И они тоже стали объектом наблюдения журналиста.

В августе 1928 года в «Крестьянке» появляется новая публикация о состоянии дел в Любиной. Тогда же переработанный материал на эту тему поместила и московская газета «Беднота» — «По новому пути (Из опыта уральской деревни)». Так шло накопление фактического и образного материала.

В октябре того же года Павел Петрович публикует в «Крестьянской газете» целую «повесть» на основе своих наблюдений — «Потерянная полоса».

Она давалась «подвалами» в семи номерах подряд — с № 73 по 79-й. Похоже, Павел Петрович решил произвести эксперимент — совместить два жанра: документальный (очерк) и художественный (повесть). Однако на этом пути его постигла творческая неудача...

Если в предыдущих своих книжках Бажов писал о том, что хорошо знал, то в сельском хозяйстве он был всего лишь... журналистом. Да, тщательным, но наблюдателем. Сам никогда землю не пахал, злаки не «ростил» и потому глубина чувств человека, которого враз лишили предмета труда — земельного надела, что кормил его, почитай, всю жизнь, автору были не знакомы.

(У самого Бажова, по происхождению человека «заводского», чувства собственника были выражены слабо — вспомним, как он, выстроив дом в Екатеринбурге, без особых опасений покинул его на целых девять лет.)

Здесь же в центре повествования оказался «вчерашний человек» — старик Михайло Воинков, некогда крепкий, зажиточный крестьянин, державший и батраков, а ныне в силу возраста и обстоятельств — иждивенец сельхозартели. Он не понимает изменений, что произошли в деревне, и все еще думает, что владеет десятинами и «восьминниками». Но когда совершает выход в поле, найти ничего не может — все межи запаханы. Вместо сохи — трактор, встреченная за селом детвора воспитывается в детсаде, а его лошадь, сноха и бывший батрак трудятся на уборке артельного клевера.

Перед автором стояла главная задача: показать изменения в деревне, и они вскользь показаны, а вот глубина переживаний человека, потерявшего основу традиционного бытия, — увы... Коня и трепетную лань впрячь вместе у Павла Петровича не вышло. Тут уж либо очерк, либо повесть. А вышел опус — ни то ни другое — не лучший в его журналистском багаже...

Похоже, сам автор понял это и после газетной публикации нарек «Потерянную полосу» все же очерком. В таком виде и решил предложить в столичные издательства, хотя художественная скороспелость ее, явная идейная запрограммированность были очевидны. Тем не менее Павел Петрович почему-то поспешил выпустить ее в свет. Возможно, кто-то повлиял на его решение — может быть, тот же редактор «Крестьянской газеты» А. Поликашин, который и выступил посредником между автором и редакциями.

Кончилась эта история тем, чем и должна была. «Потерянная полоса» оказалась в редакции всесоюзного иллюстрированного журнала «Наши достижения», что редактировал известный буквоед А.М. Горький. Рукопись переслали ему в Италию, где он проживал в это время, и Алексей Максимович ее отредактировал.

Ей-богу, в его редакции нет ничего разгромного — поправки носят чисто стилистический характер и практически никак не меняют суть и особенности текста. Восприняв текст как очерковый, Горький убрал из него два оставшихся (по недосмотру автора?) прозаических абзаца, которые сами по себе были неплохи — добротные художественные фрагменты... Пойди автор по этому пути, не исключено, его ждал бы успех. Но что-то помешало Бажову. (Газетная спешка?)

Короче говоря, «Потерянная полоса» в столичном журнале напечатана не была... Не факт, что на ее пути стал сам «буревестник революции». Скорее всего, изменилась ситуация: журнал успел опубликовать ряд материалов на подобную тему, и по этой причине рукопись Бажова посчитали «устаревшей». По крайней мере, такие отзывы дошли до Павла Петровича.

Как быть дальше? У Бажова было два варианта: либо все же сесть и доработать материал до уровня художественного произведения, либо обидеться на «пролетарского писателя» и забросить рукопись поглубже в стол.

Слов нет, автору всегда неприятно получать отказ, тем более из столичного журнала. Это было, похоже, первое «нет» со дня регулярной работы Бажова в печати! Однако обижаться было не в его стиле...

Напомним, что редакцией «Крестьянской газеты» вскользь была анонсирована новая книжка Павла Петровича на ту же тему — коллективизация в Ирбитском округе, который стал первым по охвату крестьянских хозяйств колхозным движением. Так вот, фрагменты непринятой «Потерянной полосы» вошли в состав этой новой книги, которую выпустил «Уралогиз» (такое название получило местное издательство, ставшее филиалом центрального государственного издательства) тиражом в три раза большим, чем предыдущую, — 15 000 экземпляров!

Это говорит о многом. Во-первых, о важности темы, поднятой на ее страницах, а во-вторых — о доверительном отношении к автору со стороны партийной власти.

«Пять ступеней коллективизации» — такое название было дано П.П. Бажовым.

Нельзя сказать, что автор в полном смысле автоматически объединил тексты с газетной полосы под одной обложкой. Здесь есть авторское предисловие, которое объясняет, почему возникла эта книжка. В нем сказано, что как только Ирбитский округ был объявлен районом сплошной коллективизации — не только первым на Урале, но и в СССР, так сразу стали появляться многочисленные «первенцы» этого процесса — всем захотелось быть у истоков и испытать из родника славы. П.П. Бажов как корреспондент «Уральской областной крестьянской газеты» имел возможность на протяжении едва ли не пяти лет наблюдать поступательное движение деревень Ирбитского округа в этом направлении и знал, что наиболее явно процесс становления коллективистского мышления крестьян проявился в этот период именно в деревне Любиной Байкаловского района. Почему? Да потому что местная партячейка, которая на проверку оказалась крупнейшей среди таковых во всем округе (пятнадцать членов и двадцать два кандидата в члены ВКП(б), сумела сплотить бедняков и середняков на пути к коллективному землепользованию и они в указанном партией направлении двигались «всей массой», а не «отдельными группами смельчаков».

Конечно, у любинцев были свои преимущества. Деревня в одночасье полностью освободилась от кулаков и в этом не столько заслуга самих коммунаров, сколько иные обстоятельства. После случившегося пожара, когда выгорели усадьбы богатеев (о его причине, кстати, ничего не сказано ни в газетных публикациях, ни в книжке), кулаки сочли за благо выселиться из деревни поближе «к земле», образовав на выселках вместе с присоединившейся к ним частью середняков «пятидворки» и «десятидворки». Поэтому сопротивления своим коллективным действиям оставшиеся в деревне середняки и бедняки не испытали.

Отсюда и первый успех крестьян, когда они бесконфликтно перераспределили имевшиеся у них наделы по новому (про это писалось выше).

Автор постепенно, по мере раскрытия темы пытается выяснить, откуда же у любинских мужиков такая дружба? Вот и постановление о том, чтобы вместо цер-

ковных праздников Флора — Лавра и Власа — Модеста праздновать всей деревней 7 ноября и 1 мая, они приняли «без особого напряжения».

Дореволюционная статистика не дает ответа на требуемый вопрос: в Любиной прежде по показателям все было примерно так же, как и в других деревнях...

А дальше следует рассказ о том, как становилась любинская артель, ставшая коммуной «Победа». Для контраста автор сначала показывает не очень справную коммуну «Маяк» Талицкого района, где, обобществив бывшие поповские угодья, коммунары не смогли собрать девять десятин клевера при хорошем урожае. Как выразился кто-то из завистников, «ни себе, ни людям». Причина — в нехватке собственной рабочей силы. И в появлении в коммуне «пришлого народа». Но с ним выходит: «Как работы нет, так в коммуне густо, а как к страде, так у всякого дело на стороне...»

Другая коммуна — «Путеводная звезда» и вовсе распалась надвое. При этом не выиграли ни оставшиеся, ни ушедшие...

Зато в Любиной — и «полоса широкая, и общественный четырехпольный севооборот».

Зимой 1926 года секретарь местной партячейки т. Воинков (частая в этих местах фамилия. — В. С.) приехал на съезд сельхозсоветов с докладом, а уехал — с трактором.

Понятно, что зимой пахать нечего, и Воинков приспособил трактор под перемол зерна. В Любиной «фордзон» за сутки перемалывает 600 пудов.

Кроме трактора, на вырученные в течение трех лет от продажи урожая средства любинцы успели приобрести и другие сельхозорудия: молотилку, жнейку, сортировочные машины. Но здесь техникой управляет бывший автомобилист, а в других коммунах, где прикрепленные к машинам крестьяне положенных курсов не прошли, эффект от использования машин куда меньше...

Бажов, посещая любинскую коммуну, из раза в раз видит реальные позитивные изменения. Вот он приехал вместе с представителями ЦКК и Облземуправ-

ления с проверкой общественного севооборота, и его самого включили в комиссию. И что же? Поле признано чуть ли не идеальным. О том, что таково мнение не только начальства, но и коллег-земледельцев, говорит случай, когда на очередной окружной сельхозвыставке макет этого поля, представленный любинцами, вызвал наибольший интерес у земледельцев. Домой любинцы вернулись с призом — вторым трактором...

Успешная любинская артель «Победа» сначала входит в кустовое объединение «Авангард», а с 1929 года становится производственным участком краснополянского колхоза «Гигант». Все эти ее поступательные шаги регулярно отражались на страницах «Крестьянской газеты», переименованной в 1930 году в «Колхозный путь», и в итоге по праву нашли отражение в книжке П. Бажова.

В «Пяти ступенях коллективизации», несмотря на «строгий» жанр, наличествуют и эпизоды, от которых веет живой жизнью. Один из таких — собрание любинцев в пожарнице, самом вместительном помещении в деревне. Обсуждаются вопросы: о пакостливом козле, которого мужики ввиду его бесполезности предлагают пустить под нож, а бабы защищают, видя в нем определенный прок; отсутствие гусей хорошей породы для откорма — крестьяне даже просят газету помочь достать им парочку таких гусей на развод. Автор не случайно отмечает «гусиную» проблему, поскольку в выращивании более крупного скота любинцы уже преуспели: после двух лет селекционной работы любинские телки были премированы на сельхозвыставке, а «по свиному делу» (так у Бажова) стадо хозяйства увеличилось более чем вдвое...

«Самым замечательным на этом собрании, — пишет далее автор, — было отношение говоривших к советскому строительству.

Критика порой была резкая, но в ней не было даже намек на ехидство или злопыхательство, что частенько случается наблюдать на других собраниях.

Чувствовалось, что все говорившие не отделяли себя от строителей и, указывая на тот или иной беспорядок, настойчиво доказывали:

— Тут не понимают, не знают, какой это важный вопрос в деревне. Надо его в газетах осветить».

Нет сомнений, книжка «Пять ступеней коллективизации» — это также «отклик на задание», и шагом вперед для Бажова в литературном смысле она, наверное, не стала. Но как образчик партийной журналистики того времени она — явление заметное.

Командировки журналиста П.П. Бажова на село во время его работы в газете были делом не редким, причем в любой сезон. Это отмечают все, кто знал Павла Петровича в двадцатые годы. Известны его письма домой из этих поездок. Вот одно из них, от 12 апреля 1928 года, адресованное жене Валентине Александровне:

«Валянушка, ну, я опять пока в Зайково. На днях будет в Скородуме собрание уполномоченных артели, мне придется дожидаться этого собрания. А потом поеду в Чернорецкое, как предполагал. Уже сговорился с председателем артели — примерно после 15–16 направляюсь на недельку — может быть, и больше в этот район. Там кроме Чернорецкого придется, вероятней всего, поработать еще в Белослудском селе. Кстати, там, говорят, на пригорке скорее сохнет. Есть предположение перебросить туда трактора и начать пахать неделей раньше, чем ожидают по району. Очень бы хорошо получилось, если бы это удалось. Все-таки чуть не десятую часть пахоты можно бы возложить на машину. Вчера была проверка тракторов, оказались в удовлетворительном состоянии.

Меня все больше начинает захватывать деревенская весенняя суматоха, тревога о погоде, от нее ведь зависит быстрота и успешность дела. Приближаются те горячие дни, о каких сложилось присловье: «О весну за вицей в куст некогда»... Для успешной работы мне нужно лишь, чтоб у вас там все было как надо. Ну, всего хорошего. На улице шумят тракторы, прибыли новые! Целую крепко ребятишек...»

И конечно, «ребятишкам» запомнились долгожданые возвращения отца из командировки.

Младшая дочь Ариадна:

«В годы моего детства отец работал секретарем редакции и заведующим отделом писем „Крестьянской

газеты". Часто и подолгу не бывал дома. Без него скучно. Мама делает все как обычно, но не весело, старшие сестры куда-то убегают — все у них неотложные дела. Но вот отец возвращается из командировки с тяжелым портфелем и фотоаппаратом через плечо. Мамочка узнавала его шаги еще на улице и первой бежала навстречу. Всклакивали из-за своих чертежных досок сестры Ольга и Елена, спешила, с трудом переставляя больные ноги, бабушка, мамина мама. Я бежала со всеми своими приятелями казаками-разбойниками. Брат Алеша выглядывал из комнаты.

Отец целовал маму, спрашивал сестер: „Сколько осталось?“ (у них всегда истекали сроки сдачи чертежей), ерошил волосы мне и моим друзьям, проявляя удивительную осведомленность об их именах и состоянии здоровья.

— А в городе сегодня жара, Екатерина Васильевна, — сообщал он бабушке, которая давно уже не выходила за пределы дома. — Алеша, вот тебе струна. У тебя ведь лопнула? — протягивает он свернувшееся колечко Алеше, учившемуся играть на мандолине. — А это вам всем, ребята, баловство, — и вынимал из портфеля что-нибудь вкусное. Не очень дорогое, но в большом количестве, чтобы всем хватило.

Наконец, очередь доходила до дворового пса Шарика. Получив свою долю внимания, он с деловым видом спешил во двор и лаял без всякой надобности, демонстрируя хозяину свою ответственность за порученное дело.

С приходом отца все в доме оживало. Пока он мыл руки и переодевался, мама быстро заканчивала обеденные приготовления, все садились за стол. Обед на столе, но никто не берет в руки ложки, пока не возьмет отец. А он не начнет есть, пока не сядет мама. Никто такого закона не устанавливал, никто бы не рассердился, если бы его нарушили, но он существовал, он стал привычкой. Наверное, это пришло в наш дом от старых заводских традиций. Вероятно, так было в рабочей семье Бажова-отца, Бажова-деда и прадеда».

Это события конца двадцатых годов. Младшая дочь Павла Петровича Ариадна — единственная из его детей

унаследовала склонность отца к гуманитарным наукам и позднее записала и издала свои воспоминания «Глазами дочери» (первое издание «Дом на углу»), благодаря чему нам и известны подробности быта большой семьи Бажовых.

В 1929 году отцу семейства исполнилось пятьдесят лет. Старшие дочери, Ольга и Елена, уже окончили школу и должны были ехать в село учительницами. Но не поехали по причине того, что сразу поступили в вузы.

К этому времени блеснувший было на небосклоне столицы Урала университет прекратил свое существование. Не хватило у советской власти мочи содержать такое многопрофильное учебное заведение. Однако высшее образование из Екатеринбурга, ставшего в 1924 году Свердловском, не ушло. Университет расформировали на ряд профильных вузов, преимущественно технического направления. Это объяснялось особенностями восстановительного, а затем и реконструктивного периода советской экономики — стране нужны были в первую очередь свои «красные инженеры». И дочери Павла Петровича поддержали этот патриотический почин — поступили в технические вузы: Ольга — в горный, Елена — в строительный.

Оба института располагались недалеко от дома. Горный, как уже говорилось, в здании, построенном для Второй женской гимназии (угол Сибирского проспекта, который вскоре станет улицей Куйбышева, и Матроса Хохрякова), а строительный — в новом, специально для него возведенном здании на улице Троцкого (8 Марта). Этот конструктивистский дом известен в городе как старое здание совпартшколы. Отец как член партии одобрил выбор дочерей, поддержавших кадровую политику руководства страны. Хотя с Еленой на этот счет были дискуссии... По воспоминаниям Ольги Павловны, ее сестра очень любила рисовать, имела склонность к архитектуре, но отец отговорил ее: «Что значит рисовать? Сейчас инженеры нужны стране». Мнение отца было для детей определяющим. И Елена пошла в строительный. Ее специальность звучала прозаично: «водоснабжение и канализация».

Вот откуда чертежи, которые надо было сдавать в срок...

Еще одно уточнение. В этом повествовании упоминались домашние имена, которыми глава семейства называл домочадцев. Валяшущка, Валестёнка — так он называл жену. Ридчёна — это младшая дочь Ариадна.

На вопрос, как они возникли, старшая дочь Ольга Павловна ответила так:

«Затрудняюсь сказать... Что касается мамы, то это, наверное, что-то интимное — при мне он никогда так ее не называл. Вот Елену у нас в доме звали не Леной, а Лёной. А меня даже не помню как, наверное, с уменьшительным суффиксом... (Есть свидетельство других лиц: Ольгу дома звали Лёлей — В. С.)

Скорее всего, потому, что я самая старшая из детей и помнила отца дольше, чем другие, я и любила его больше. Маму тоже, но больше отца. Мама нас, старших, много шпыняла — то надо сделать и то... Мы часто не выполняли ее просьбы, но если они были сделаны через отца — выполнялись обязательно...»

Из воспоминаний Ариадны:

«Главой дома был отец, хотя казалось, что он ни во что не вмешивается и всеми нашими заботами руководит мама. Никогда он не кричал, не командовал, не шумел, не распоряжался. Но когда „папа сердился“, все ходили на цыпочках. А сердился он, когда мало помогали маме, когда возникали ссоры между детьми, когда не возвращали на место его „инструменты“, когда читали „всякую чепуху“ или забывали выполнить его просьбу. Он тогда хмурился, был молчалив, и в доме становилось тяжело и неудобно».

А вот каким запомнился тогдашний Бажов однокласснице Алексея (ученице той же школы им. Ленина) Людмиле Татьяничевой, ставшей впоследствии известной поэтессой:

«...1929 г. Я училась в пятом классе... Одним из моих школьных товарищей был Алеша Бажов, черноволосый задумчивый мальчик с крупными выразительными глазами. Он очень любил стихи и, возможно, даже писал их, но по крайней застенчивости своей никогда

их нам не показывал. Не говорил он и о том, что отец его литератор, известный в области журналист. По своей начитанности Алеша заметно отличался от большинства своих сверстников.

Мне отчетливо запомнилось, как однажды весной, по дороге на пионерский сбор, мы, целая ватага мальчишек и девчонок, зашли за Алешей.

Окна одноэтажного дома, в котором жила семья Бажовых, были широко открыты. В одном из них я увидела лицо сказочного старика. Впрочем, глаза его светились совсем молодо — открытые, горячие, с доброй лукавинкой. А стариком он показался потому, что лицо его пряталось в широкой, волнистой бороде, какой я ни разу ни у кого не видела. Мои друзья с неменьшим интересом разглядывали диковинную роскошную бороду.

— Ну что, ребята, хорошая борода? — спросил нас „старик“ и, добродушно рассмеявшись, спросил: — Наверно, Алешины товарищи?

В это время появился Алеша, и когда он встал у окна, мы сразу поняли, что „старик“ — Алешин отец.

У детей есть удивительное свойство — распознавать отношение людей к себе. Безошибочно. Быстро. Иногда с первого взгляда. Так, с первых слов, мы почувствовали расположение к Павлу Петровичу. Он беседовал с нами как с равными, внимательно и уважительно. Задавал вопросы, на которые было легко и радостно отвечать...»

Говоря о творческих склонностях детей Бажова и их любви к чтению, целесообразно снова вернуться к воспоминаниям Ариадны Павловны.

«...Сарай с многочисленными конюшнями, а главное, сеновал, где еще по старой памяти лежало душистое мягкое сено, стал излюбленным местом игр. Туда я забиралась с интересной книгой и забывала обо всем на свете. Читать я начала рано, и научил меня отец. Он долго искал подходящий букварь. Учебники, по которым тогда учились, не отличались красочностью. Печать была бледной. Отец рылся в своих старых учебниках, но анахроничные тексты не устраивали его. Наконец, он принес азбуку, которая понравилась, и начались наши первые уроки. Были они интересны

и неустойчивы. Я ждала их с радостью. Часы, когда отец раскладывал на столе большую яркую азбуку, были счастливыми в моей жизни. Первая азбука мне очень нравилась. В ней не было обидных слов, а только слова, которые пришли вместе с революцией. Начиналась она так:

**Аэроплан летит в лазури,
Ему не страшны вихри, бури.
Буржуй всегда владел тем золотом,
Что труд создал серпом и молотом.
Винтовка есть залог свободы
В руках восставшего народа.
Герб России обновленной –
Серп с молотом соединенный...**

Читать я научилась мгновенно и начала одну за другой глотать книги, выбором которых незаметно, но строго руководил отец. Это были сказки Пушкина, Перро, братьев Гримм, русские народные сказки, басни Крылова, а позже сочинения Тургенева, Чехова, Толстого, Достоевского. Книги стали моим главным увлечением.

Под крышей нашего дома был просторный чердак, по-уральски — вышка. Здесь лежали ненужные вещи, старые книги, альбомы, рисунки, журналы. Света там было немного, но можно было раскрыть окно, усесться с книгой в руках и перенестись в иной мир. Родители редко поднимались на вышку. Это была наша вотчина: сначала старших детей, а потом моя персональная. Но отец иногда поднимался... смотрел, что читаю, выбирал из стопки сложенных журналов какой-нибудь номер и некоторое время тоже читал.

— Нет, не могу, темно здесь. Шла бы ты, Ридчёна, вниз. Ну, ладно, ладно, как знаешь, читай... — говорил он в ответ на мой отрицательный жест и с журналом в руках спускался».

К этому времени газетная деятельность Павла Петровича подходила к концу. С одной стороны, выросло новое, молодое поколение советских журналистов, а с другой — работа Бажова по освещению колхозного

движения была положительно оценена партийным руководством Уральской области, и с марта 1930 года он выезжал на село уже в качестве представителя обкома. Деятельность по пропаганде линии партии в сельском хозяйстве продолжилась на новом уровне. Так что выход в свет книжки «Пять ступеней коллективизации» оказался как нельзя кстати.

Приказом по издательству от 18 августа 1930 года Бажов официально открепляется от газеты «Колхозный путь» и откомандировывается в распоряжение обкома ВКП(б).

В служебном смысле — это, безусловно, рост. Куда же направит Павла Петровича партия?

В ведомство, от которого у многих деятелей культуры и сегодня случаются желудочные колики. Его полное название — Управление по охране государственных тайн в печати. Сокращенно и завуалированно — облит. А традиционно и более понятно — цензура...

Вообще, в существовании такого учреждения нет ничего необычного. Как говаривал в 1918 году сам В.И. Ленин, лишь то государство имеет право на существование, которое способно защищаться. В истории человечества цензура — обычное дело, ибо охраняет от искажений не только политическую линию правящего класса, но и традиционные для данного общества религиозные и нравственные устои. Поэтому, когда сегодня наиболее небезразличные к судьбам страны и народа деятели культуры РФ требуют возрождения в СМИ нравственного ограничения, которое не позволило бы коммерсантам от печатных и электронных изданий растлевать подрастающее поколение, а первые лица государства упорно твердят, что в России цензуры больше не будет, возникает вопрос: а те ли в действительности цели у власти предержажших, которые они декларировали в период выборной кампании?..

Но тот облит, в который пришел в конце двадцатых работать П.П. Бажов, конечно же, был цензурой прежде всего политической.

Напомним, что к 1930 году в число врагов советской власти, кроме буржуев, кулаков, нэпманов, которых уже добивали как класс, стали попадать и коммунисты,

разошедшиеся во мнении, как дальше должно развиваться государство рабочих и крестьян, с большинством однопартийцев — то есть с генеральной линией ВКП(б), которую проводил ее руководитель И.В. Сталин.

Опять же и в этом нет ничего необычного. В партийных дискуссиях кто-то должен побеждать. Победили сталинцы. Проиграли оппоненты — троцкисты, бухаринцы и иже с ними. Мы не знаем, какую политику повели бы они, победив, к какому результату привели бы первое в мире государство рабочих и крестьян. Но то, что при этом сталинцам, уступив они в оном соперничестве, было бы несладко — факт. Правила борьбы того времени были одни для всех...

В СССР брало верх единомыслие. И облито был призван обеспечить его в советской литературе, периодических изданиях, а также в театре, кино, на эстраде, на радио, в изобразительном искусстве, музыке).

Итак, сменив место службы, Бажов не ушел из стана пишущих, хотя переместился, фигурально выражаясь, из числа «пахарей» в состав «агрономов».

Посмотрим, каким же было литературное поле на Урале в 1920-х — начале 1930-х годов.

Глава 9. ЧИНОВНИК И ЛИТЕРАТОР. Бажов и литературная жизнь Урала второй половины 1920-х — начала 1930-х годов

Екатеринбург, пребывая до революции в статусе провинциального города, в культурном отношении таковым себя не считал. И если в большую русскую литературу после Д.Н. Мамина-Сибиряка он никого больше не делегировал, то это не значит, что жизнь духовная пребывала здесь в застое.

Вернемся на пару десятилетий назад. События первой русской революции, притом что последующие за ними времена принято считать реакционными (точнее, охранительными и созидательными — иначе чем

же славен П.А. Столыпин?), послужили небывалому прежде развитию в городе периодической печати. В 1906–1912 годах в Екатеринбурге стали выходить газеты «Екатеринбургская неделя», «Уральский край», «Утро», «Уральский рабочий», «Голос Урала», журналы «Гном» и «Уральский кооператор». Понятно, собственно литературная составляющая печатных полос этих изданий была невелика, однако появившуюся у екатеринбуржцев возможность высказаться публично по тому или иному вопросу переоценить трудно.

Активно зауральская общественность отозвалась на шестидесятилетие своего земляка — автора «Приваловских миллионов» и «Горного гнезда» и на последовавший вскоре его уход из жизни. Вслед за проведением общепринятой панихиды в екатеринбургском соборе губернским земством было выдвинуто предложение об учреждении именной Маминской стипендии для студентов высших учебных заведений. Было также решено при городской публичной библиотеке открыть детскую и присвоить ей имя Мамина-Сибиряка.

В эти годы Екатеринбург был едва ли не обязательным пунктом остановки для деятелей отечественной культуры, разъезжавших по восточным регионам страны с культурологическими лекциями и чтением своих произведений. Так, в ноябре 1915 года здесь сошлись пути известного символиста К. Бальмонта, читавшего лекцию «Океания», в которой, как отмечалось в рецензии газеты «Зауральский край», «причудливо сочетались стихи, ритмическая проза и беглые наблюдения туриста», и уникального ученого-энциклопедиста, бывшего народовольца Н.А. Морозова, просидевшего в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях более двадцати лет, кои он потратил на сочинение научных трудов. В Екатеринбурге он выступал с темами «В поисках философского камня» и «Современное воздухоплавание на фоне общественной жизни народов». Из Екатеринбурга в Пермь оба поехали в одном вагоне.

Спустя год неофициальную столицу Урала удостоил посещением еще один литератор-декадент — Федор Сологуб. Он докладывал уральцам о России «в мечтах

и ожиданиях». Это были своеобразные футурологические прогнозы, впрочем, основанные не на научных исследованиях.

Начиная с 1917 года столичных декадентов из лекционных залов города начинают вытеснять представители левого искусства: Екатеринбург посещают врозь и купно футуристы В. Каменский, В. Гольцшмидт, Д. Бурлюк, к которым в ряду местных поклонников «будетлян» примыкают Д. Виленский, И. Заикин, Н. Гущин.

Смена власти — царской на советскую, советской на колчаковскую — значительных изменений в этот строй культурных событий не внесла. Сидящие в зале екатеринбуржцы занимали пассивную позицию — были не творцами, а всего лишь потребителями искусства. Зато многих из тех, о ком писала столичная пресса и чьи книжицы продавались в магазинах и лавках, они имели возможность видеть воочию, слышать собственными ушами и на основании непосредственных впечатлений могли составить свое мнение.

Поступательное развитие литературного процесса в городе началось с освобождением Урала от Колчака летом 1919-го. В первые советские годы наблюдается параллельное движение нескольких его составляющих.

Прежде всего, стоит отметить просветительскую деятельность по пропаганде наследия лучших писателей прошлого. В Екатеринбурге в лучших залах города проходили вечера, посвященные А. Герцену, И. Тургеневу, Л. Толстому, Н. Некрасову, В. Короленко.

Стихотворцы — поклонники классического стиха, образов недавно модного декаданса и, главное, имевшие непролетарское происхождение, объединились в неполитическую, но поэтическую Ассоциацию уральских литераторов, которая известна под аббревиатурой «Улита». Переход советского хозяйства на рельсы нэпа позволил им даже организовать свое издательство и выпустить в свет альманах.

Об этом издании в рецензии В. Степановой («Уральский рабочий» за 29 июня 1922 г.) сказано следующее:

«С одной стороны, поэты, выступающие в нем, бесспорно талантливы, конечно, не все и не в одинаковой мере, и книжка стихотворений производит известное

настроение, но, с другой — невольно поражаешься бедностью, трафаретностью их переживаний...

„Бархат плеч”. „обнаженное плечо”, „бархат пушистых щек”, „яркий блеск очей”, „блеклые краски истертых до дыр переживаний” — это попросту банальности, сдобренные доброй долей пошлости.

Илья Невский, говоря об «Улите» как о движении в целом в своем обзоре «Литература на Урале» («Уральский рабочий», 1 мая 1922 г.), добавляет:

«...Здесь дарование отлично заменяется развязностью, апломбом, претензией. Те из них, кого отличают последние качества, конечно, абсолютно нетерпимы к чужому мнению и какой бы то ни было критике...

Интеллигентская литературная молодежь, по-видимому, весьма отчетливо и, по-видимому, довольно мучительно (в смысле идеологической преемственности) продолжает переживать эпоху „литературного распада”, начавшегося вскоре после реакции 1905 г. и ознаменовавшегося необычайным развитием модернистской, декадентской и символистской литературы...

Такие, едва вступив в литературу, начинают перепевать Бальмонта, Северянина, Блока...

И наконец новое революционное искусство — причудливая смесь юродствующего футуризма с теорией «пролетарского искусства», которое якобы начнется с чистого листа и будет делаться исключительно представителями рабочего класса, все настойчивее стало занимать главенствующее положение в губернском (уже) городе Екатеринбурге.

Время перемен — самый нестабильный период. Ведь вот культурные власти советского Екатеринбурга, с одной стороны, воздвигают на главной площади города «Ваньку голого» С. Эрзи, который помимо своей откровенной наготы характерен был именно классическим, традиционным решением образа, а с другой — того же Эрзю и его сторонников «комиссары от искусства» Равдель и Швецова, а вслед за ними Боева и Соколов, прибывшие из Центра для реорганизации местного художественно-промышленного училища в Высшие художественные мастерские, вытеснили из числа преподавателей как архаистов.

Разумеется, эти попытки «кухаркиных детей» построить вуз на пустом месте успехом не увенчались, а город потерял выдающегося мастера, который, не вернись он в столицу, мог бы украсить Екатеринбург и «ваньками» в рабочей блузе...

Однако неудача в организации высшего творческого учебного заведения ничуть не смутила радетелей новой культурной политики.

В партийной газете — органе губкома РКП(б) «Уральский рабочий» Екатеринбургский пролеткульт 29 ноября 1921 года публикует следующее извещение:

«Товарищи рабочие и работницы!

При Екатеринбургском пролеткульте открывается первая пролетарская литературная студия. Если вы пишете стихи, рассказы, пьесы, идите в эту студию поделиться своими достижениями с другими товарищами, работающими в этой области. Если вы только начинаете работать и ваши произведения нигде еще не печатаются или вы только интересуетесь вопросами литературы, идите в студию, где вы получите возможность свободно работать по созданию новой пролетарской литературы.

До сих пор литература и искусство были в руках буржуазии. Сейчас мы должны овладеть ими и создать свое новое пролетарское искусство, новую пролетарскую литературу. Только активной творческой работой можно достигнуть этого».

Все вроде бы верно: новая социально-политическая реалья должна иметь и новую литературу. Кроме того, такая «тотализация» литературной деятельности помимо основной своей направленности наверняка должна способствовать и культурному развитию рабочих и работниц... Смущает другое. Можно организовать массы на ударный труд в строительстве, на производстве, в сельском хозяйстве, где главное условие успеха — наличие рабочих рук, элементарное понимание процесса и отсутствие умных рассуждений, которые внесут лишь смуту в общий процесс.

А тут — литература, где эти самые рассуждения и есть соль дела... Пушкин, «свергнутый с корабля современности», учился в Лицее, Гоголь — в учительском

институте, Л. Толстой — в университете. И не то чтобы там их обучали сочинительскому искусству — нет, они постигали всю культуру прошлого, из которой и выросло потом то, за что мы их ценим... А здесь как же? Все прошлое, невзирая на его качество, — в помойную яму? Действительно, новый подход... Благо и авторитетный прецедент имеется: Максим Горький! Он ведь тоже нигде толком не учился, и его университеты — грубая трудовая жизнь. Зато какие произведения сочинил!.. Значит, и другие так могут.

Вера великая вещь. Если партии нужна новая литература — она обязательно будет. В регионе тут и там начинают создаваться пролеткультовские литературные группы и кружки. Таковой появился при вновь образованном журнале «Товарищ Терентий». При рабфаке бывшего УГУ (Уралуниверситета) рождается «Словострой». При областной комсомольской газете «На смену!» — также литгруппа, и весьма боевитая. Но наиболее громким стал «Мартен», который возник в противовес «Улите» и, можно сказать, своим напором свел ее в могилу.

Вот как продекларировал свои цели новорожденный «Мартен» в манифесте, опубликованном в «Уральском рабочем» 6 октября 1923 года:

«В прошлый понедельник состоялось организационное собрание литературных сил г. Екатеринбурга. После обмена мнений решено: создать литер. кружок, цель которого — противопоставить искусству с мелкобуржуазной идеологией идеологию пролетарскую.

Произведения членов ассоциации будут подвергаться товарищеской критике. Работа ее будет опираться, главным образом, на уральские заводы, оттуда и будут черпаться новые творческие силы...

Если открытая борьба в области политической разрешается сравнительно быстро — огнестрельным и холодным оружием, медленнее в области экономической — освоением орудий производства, то в области идеологической борьбы процесс становится особенно длительным и выявляется в форме создания новой культуры через захват, пересмотр и переоценку ценностей...

Революционное разрушение является необходимейшим моментом для создания и выявления новой культуры...

Искусство, как и культура в целом, есть орудие классовой борьбы. Искусство как самоцель не существует...

В противовес творчеству класса отжившего, выгоревшего самого себя, замкнутого в узкие рамки, потерявшего под собой производительный базис индивидуализма, пролетариат выдвигает во главу угла своего творчества коллективизм и содержание.

Основой бытия пролетариата является труд и борьба. Отсюда и его творчество может быть лишь художественным отображателем борьбы и труда...

Вот такая воинственно-агрессивная позиция. Где уж тут устоять «Улите», которая, познакомившись с этим «иду на вы», предпочла спустя пару месяцев самораспуститься, официально мотивируя свой уход от борьбы отсутствием среди ее членов идеологической связи. Что, в общем-то, тоже было верно...

Продолжим цитировать манифест «Мартена». Любопытно, что назвавшись в начале документа «литер. кружком», организаторы его заканчивают свою декларацию в ранге ни много ни мало «Ассоциации пролетарских писателей на Урале!» Конечно, когда противник покинул ринг, оставшийся вправе считать себя самым главным.

В Ассоциацию, естественно, вошли и все другие литгруппы пролетарской направленности.

Эта «ассоциативная» форма организации литераторов новой формации не была изобретением уральцев. К середине двадцатых годов вульгаризированное движение пролеткульта в области литературы стало принимать организованные формы. В целях консолидации устремлений на этом пути была создана Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), ее крупнейшее московское звено стало именоваться МАППом, ленинградское — ЛАППОм. Потому органично и название УралАПП.

В состав правления УралАППа вошли: Андрей Хмара, Владимирский, А. Поликашин, Никишин, Ершова. (Отсутствие имен или инициалов перед некоторыми

фамилиями — тоже характерный знак того времени, говорящий о пролетарском происхождении их носителей, для которых классовая приставка «тов.» была важнее личного имени-отчества.)

Из этого перечня временных (как сказано в манифесте) литературных вождей Урала середины двадцатых годов в истории словесности задержался один А. Поликашин, в то время вместе с А. Парамоновым — ответственный редактор «Крестьянской газеты» (хотя вряд ли бы и о нем вспомнили, если бы не разговор о Бажове).

Как уже говорилось, А. Поликашин, выпускник Коммунистического института журналистики, попал в Екатеринбург (Свердловск) в составе столичного журналистско-писательского десанта, посланного на усиление фронта уральской печати. Кроме него здесь оказались и молодые личности, впоследствии прозвучавшие в отечественной литературе довоенного периода: Виктор Кин (Суровикин), возглавивший в Свердловске молодежную газету «На смену!», а позже написавший известный роман о Гражданской войне на Дальнем Востоке «По ту сторону»; сменивший его на посту ответреда молодежи Владимир Ермилов, в скором будущем беспощадный РАППовский критик, затем редактор всесоюзной «Литературной газеты»; Леопольд Авербах — один из будущих главарей РАППа и позже секретарь парткома Уралмаша и Михаил Чарный, в будущем литературовед, работали в 1923–1924 годах в газете «Уральский рабочий».

То было время, когда П.П. Бажов, вернувшись в Екатеринбург, обживался на новой должности в «Крестьянской газете». А поскольку все редакции помещались в Доме печати на улице Вайнера на одном этаже, а зачастую и в одних комнатах, то естественным образом возникла ситуация, когда наш герой впервые столкнулся с будущими профессиональными литераторами.

Хотя «столкнулся» — не совсем верное утверждение. По воспоминаниям М. Чарного, Павел Петрович в тот период «был чуть ли не вдвое старше нас, тих и скромн и мало общался с нашей компанией молодых приезжих». Но это не значит, что Бажов не обратил на

них внимания. В «Дальнем — близком» Павел Петрович позже написал об этом периоде: «Кроме Поликашина запомнился В.В. Ермилов... В редакции «Уральского рабочего»... был молодой Аркадий Гайдар».

Добавим, что к этому времени сам Бажов всю работу над «Уральскими былями», которые по выходе в свет были доброжелательно оценены в уральской прессе, что, однако, никак существенно не повлияло на писательскую самооценку автора. Он по-прежнему остается на газетной работе.

А вот уралАППовцы его заметили. Вместе с членом правления ассоциации А. Поликашиным Бажов приглашается на ее очередное заседание, где, надо полагать, литвождями инициируется следующий вопрос: у «Крестьянской газеты», в которой работают оба, имеется хорошо налаженная сеть сельских корреспондентов; почему бы, пользуясь предстоящим областным съездом селькоров, не принять их всех... в союз крестьянских писателей, который, в свою очередь, станет очередной ячейкой УралАППа?

В то время многие деятели были убеждены, что массовость — залог успеха любого дела. Если речь идет о физкультуре, то, наверное, так и есть, а вот что касается культуры не физической, а духовной...

Однако решено — значит выполнено. 10–13 апреля 1925 года состоялся I Уральский областной съезд селькоров «Крестьянской газеты», на котором присутствовало сто одиннадцать делегатов. Вот все они одним махом и были приняты в «писатели».

Тут нужно сделать небольшое пояснение. В дореволюционной традиции писателем принято было называть любого, кто более или менее регулярно что-нибудь куда-нибудь писал — заметки ли в газету, петиции в вышестоящие инстанции и т. д. Иными словами, человека, изъясняющегося посредством пера и бумаги. Вот откуда идет такое облегченное понимание литературного труда, перешедшее в первые советские годы. С этой точки зрения рабкор, селькор, юнкор, военкор, конечно, писатели — а кто еще?.. Если же речь идет о сочинителе романов, то это нечто иное — это «беллетрист» или писатель патентованный, то есть живущий

литературным трудом, имеющий патент на право заниматься этой деятельностью и платящий соответствующий налог (помните стихотворение В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии»?). Никаких таких патентов рабочие литераторы брать, конечно, не собирались, ибо платили налог по основному месту работы. Все подводит к мысли, что руководство РАПП просто решило низвести профессиональный литературный труд до уровня досуга доминирующего класса...

Поначалу пролетарские литераторы чувствовали свое место, ограничиваясь сочинительством в жанрах малых литературных форм. Но по мере развития площадного и самодеятельного клубного театра они ничтоже сумняшеся берутся за сочинение пьес, а с появлением литературных журналов — и за повести с романами.

П.П. Бажов, из очерка «В начале пути»:

«Товарищ Терентий» с 1923 по 1926 год был центром, около которого группировались существовавшие тогда литературные объединения, кружки и отдельные литераторы. По крайней мере, Пермь, издававшая до этого времени литброшюры под гордым заголовком «Мы», перестала это делать, и пермские поэты и прозаики стали печататься в «Терентий». Нередко на страницах журнала появлялись вещи и писателей челябинской группы.

Понятно, много тут было художественно незрелого, порой вовсе уродливого...»

Павел Петрович приводит характерное для «пролетарского» творчества четверостишие:

Он вступил в ряды из подвала,
Когда вышел боевой приказ.
Мать долго-долго рыдала,
Истомила тоскою глаз...

Конечно, такие «отчаянные стихозы» на страницы журнала не попадали. Но публиковались другие.

«Товарищ Терентий», будучи по месту издания и распространения журналом уральским, публиковал материалы и произведения авторов независимо от места

их проживания. что, можно сказать, делало издание общероссийским.

Так, в № 11 за 1925 год была опубликована статья Веры Степановой «Две пролетарки-поэтессы», где сказано:

«Пролетарка-работница развертывает постепенно свои дарования, пред которыми побледнеет слабое, художочное творчество буржуазной женщины... Ответом на это (точнее, примером этому. — В.С.) может служить беглый взгляд на поэзию двух пролетарок — Ксении Быковой и Анны Барковой»

Вот для примера, строчки тов. Барковой, дочери училищного сторожа, работницы из Иваново-Вознесенска, выбравшей себе «пролетарский» псевдоним Калика Перехожая (это в компанию к Горькому, Голодному, Приблудному и Бездомному), она произвела на свет следующую «поэзу», комментировать которую нет необходимости:

...Пусть я горестно ропщу:
Созревает женщина иная,
Я в себе ее рощу.
Я — зерно гниющее, страдая,
На закланье я иду;
Я ропщу, но все же умираю
За грядущую весну.

И вот резюме рецензента:

«Уже и теперь Ксения Быкова и Анна Баркова соперничают с такими поэтессами буржуазного мира, как Анна Ахматова. За ними идут другие...»

В развитие тенденции — статья Ел. Бабинской «На фронте литературы и искусства» в том же номере «ТТ»:

«Борьба за пролетарское искусство вышла уже со страниц газет и журналов на улицу и стала действительно борьбой, иногда переходя в кулачную расправу. Рабочие, а особенно рабочая молодежь, отвоевали себе место не только в таких журналах, как „Красная новь“ (еще не так давно доступных лишь для патентованных литераторов), но они штурмуют храмы искусства, как это было недавно в Москве, в Доме печати».

Нужно сказать, что как читатель пролетарий имел достаточно чуткое ухо и тонкую душу и зарифмованную другими авторами халтуру чувствовал сразу. Вот фрагмент дискуссии о поэме «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского, прошедшей в присутствии автора в упомянутом выше столичном Доме печати (Из той же статьи Ел. Бабинской):

«... — Что это такое? Рифмованная политграмота? Политическая хроника? Статья из „Известий“ или поэма? Где здесь поэзия в этой поэме? — кричит какой-то „член“ одного из многочисленных литературных кружков. — Ибо, если посмотреть на поэму Маяковского с точки зрения искусства или изящной литературы...

Вот попало бедняку (точнее, бедняге. — В. С.) за эту „точку зрения“.

— Это точка зрения, — отвечает Маяковский, — какого-то там кружка для нас в настоящий момент точка зрения... что... даже наплевать на нее нельзя.

Другой критик горько упрекает автора за такие слова, как партия, РКП, буржуи, нэп и т. д., место которым, по его мнению, на страницах „Правды“, но не в поэме (в зале свист, шиканье, ропот)...

На трибуну выходит рабкор, 18–20-летний парень в синей блузе и длинных сапогах (полушубок, вероятно, бросил под стул, как и большинство его товарищей) и молодым горячим голосом начинает:

— О чем вы спорите, товарищи! Вы говорите, что поэма Маяковского это не поэма, что это политграмота?! Но, товарищи, для нас политграмота — это красивейшая поэма. Вы утверждаете, что такие слова, как РКП, партия, Коминтерн, не поэтичны? Но для нас, товарищи, это самые прекрасные слова в мире, сотни раз более поэтичные, чем все ваши „соловьи“, „розы“ и „луны“ (буря аплодисментов). Вы говорите: поэму нельзя отнести к искусству и литературе? Согласен, товарищи, эта поэма не принадлежит ни к искусству, ни к литературе, эта поэма принадлежит нам, рабочим. Не почувствуют ее, не поймут патентованные литераторы? Но почувствуют ее в глубине души 150 миллионов трудящихся».

Согласитесь, это серьезный аргумент. У невзыскательного политизированного стихотворчества наряду с противниками имелся в немалом количестве и соответствующий ценитель, а это не пустой звук — предложение рождается спросом...

Подобную потребность у сельских жителей подметил в своей книжке «Крестьянская газета», вышедшей в Москве, А. Поликашин:

«Большую популярность и много одобрительных отзывов вызвала повесть местного автора, которую мы печатали с продолжениями в 8 номерах июля 1925 г. Повесть называлась «Как с Никитою Федот ездил в город на завод». В основе ее — смычка города с деревней, ревность крестьянина к рабочему. Повесть была написана в стихах...

Учитывая общий и несомненный успех этой вещи, редакция печатала как бы в продолжение ее и с перерывами в несколько месяцев две новые повести о тех же ходаках: «Не во сне, а наяву путешествие в Москву», а затем «Кому на Руси жить хорошо».

Изучение этого опыта по письмам и при выездах в деревни показало, что такие произведения читались всюду в первую очередь, как только газета доставлялась с почты, устраивались громкие чтения и длинные разговоры по поводу их сюжета».

Но самое главное в том, что читательский интерес к такого рода стихопродукции нередко рождал и ответное сочинительство: «Об огромной тяге самих крестьян к творчеству говорят ежедневно поступающие в редакцию стихи крестьян. Пишут всячески и обо всем, пишут настойчиво и длинно. Знаний для этого, понятно, нет; творят, подражая Некрасову, Никитину, Кольцову и поэтам Гражданской войны».

Вот так и формировалась РАППовская массовая культура.

Наконец, редакция того же «Товарища Терентия» не выдержала и разразилась статьей «Рабочекрестьянское творчество» (№ 11 за 1925 г.):

«...Только за первую половину минувшего года по 18 издательствам и журналам («Госиздат», «Красная новь», «Молодая гвардия», «Новая деревня» и т. д., и т. д.), сосредоточенным в Москве, прошло:

рукописей ок. 12 тыс. объемом в общем — 7000 печатных листов;

из них: беллетристики — 36 проц.
стихов — 60 проц.
критики — 4 проц.

Общее количество авторов (за тот же промежуток времени) достиг 8500 чел. Из них:

рабочих — 33 проц.
крестьян — 15 проц.
прочих — 52 проц.

В числе этих «прочих» немало интеллигентов, но зато наберется добрая половина учащихся — от земли и фабрики. Таким образом, без большой погрешности против истины можно сказать, что писателей «от труда» не менее 80 % общего их количества. То есть в круглых цифрах — 10 000.

Правда, из каждой сотни присланных в редакцию рукописей годными к печатанию наберется не более 5. Количество за счет качества...

95 проц. — браку!

Причины: идеологическая невыдержанность;
нехудожественность;
пинкертоновщина (увлечение занимательностью сюжета. — В.С.);
отсутствие злободневности;
безграмотность.

Это — группировка по данным московской анкеты (отдела печати ЦК РКП). Но в Центр поступают произведения со значительным отбором. С меньшим и вовсе без отбора попадают в провинциальные органы и издательства. А по этому материалу — в частности, по тому, какой поступает в «Уралкнигу» (редакции газет, журналов, самого издательства) можно сказать, что причины негодности произведений располагаются в таком порядке:

безграмотность;
нехудожественность;
беспредметность (то есть отсутствие темы, идеи — вообще — стержня)».

Ну вот, собственно, и достижение должного результата: попытка создать какую-то особую классо-

вую культуру (в частности, литературу) оборачивается пшиком!.. И все потому, что посчитали, де, основополагающим моментом для появления писателя является не талант (который, как мы теперь хорошо понимаем, дается от Бога), а социальная принадлежность...

Но руководители РАППа вовремя уловили эту проблему.

На Всероссийском производственном (!) совещании поэтов один из вождей ассоциации Л. Авербах провозгласил новый этап развития пролетарской литературы. Вот как он объяснил причину этого:

«Если попытаться найти некоторую общую закономерность, выявить общие процессы, то в первую очередь надо указать на несомненное снижение внимания к художественному качеству, которое мы сейчас имеем. Это относится и к прозе, и к поэзии, и к драматургии — по всему фронту пролетарской литературы наблюдается сейчас это явление.

Лозунг борьбы за художественное качество — есть важнейшая задача Российской ассоциации пролетарских писателей на сегодняшний день, ибо повышение художественного качества одновременно есть и повышение политических функций литературы...

Задача борьбы за художественное качество включает в себя прямой поход против халтуры, против приспособленчества, против версификаторства, которое наблюдается по всему фронту поэзии...»

Известно, что все партийные организации страны проводили периодическую чистку своих рядов. Причем едва ли не главным методом «очищения» считалась самокритика чистившихся. Тот же метод использовали и литературные подразделения РАППа.

Особенно заметной, с точки зрения привлечения к событию внимания общественности, была чистка литгруппы при уральской областной комсомольской газете «На смену!». Ввиду многочисленности этой организации она проходила в два этапа.

Первый состоялся в декабре 1929 года на заводе «Красный кровельщик» (бывший Верхисетский завод) в присутствии и при активном участии рабкоров и рабочих предприятия. Как писал в журнале «Штурм» (№ 1,

1930 г.) один из руководителей этого литобъединения А. Исетский, «...мы краснели не столько от колкого ветра, сколько от прямых и резких вопросов рабочих, которые только что отзвучали позади и которые зазвучат завтра. Вернее, краснели не от вопросов, а от ответов чистившихся товарищей — до того они были беспомощны, неудовлетворительны, что стыд кумачом ложился на щеки». Первой жертвой чистки пал известный в городе поэт Г. Троицкий.

Спустя два месяца прошел второй этап этого «самолечения» группы «На смену!». В том же номере нового уральского литературного журнала в рубрике «Хроника литературы и искусства» писалось:

«Чистка обнаружила полную политическую безграмотность значительного большинства членов группы в общественно-политической жизни и пренебрежение членов группы к учебе, результатом чего явился очень медленный творческий рост „насменовцев“. Комиссией по чистке исключены из группы 5 чел., осталось в группе 19 членов, из них 6 рабочих.

Вот тебе и творцы „пролетарской культуры„! Оказывается, новую поэзию творят не столько сами рабочие, сколько примазавшиеся к ним „попутные„ элементы. Вот отчего, видать, и качество оной страдает!..

Неудивительно, что при чистке самой УралАПП методы были еще круче: „Из 113 членов, прошедших чистку, исключено 53 человека или 47 процентов (! — В.С.). Значительное число исключено по группе „служащие„ — 48 чел. и 58% к составу этой группы в АПП до чистки. В результате чистки укрепилось и численно возросло рабочее ядро АПП — вместо 23 процентов до чистки рабочие от станка составляют теперь в АПП — 38,3 процента (и все равно меньшинство. — В. С.)».

Что же предлагалось сделать в этой ситуации? Как повысить художественную сторону самодеятельного творчества?

Рецепт — в речи Л. Авербаха: организовать призыв в литературу... рабочих-ударников.

Тут возникает два вопроса. Первый (пессимистичный): если ударники прежде не пришли в литературу сами, значит, им до этого было не много дела? Второй

(оптимистичный): но в то же время рабочий-ударник в отличие от просто рабочего — все-таки личность, поскольку «ударяет» на производстве, увлеченный идеей построения социализма и, значит, способен к индивидуальному мышлению, ибо ударников среди общей массы трудящихся не так много... Может, имеет смысл попробовать — вдруг они и у литературного станка тоже «приударят» начнут?..

Вожди РАППа полагали, что литература сродни рабочей специальности — ей можно обучить, как работе с напильником или со швейной иглой. Сами-то они никаких литвузов не кончали, значит, и пролетписатели могут обойтись, обучившись элементарным навыкам.

В ходе этого объявленного второго этапа развития пролетарской литературы при свердловском клубе им. Горького был открыт кабинет пролетарского писателя, где обещалось всяческое содействие «литературному молодняку» — как в овладении писательским мастерством, так и (это главное!) — «помощь в идейно-теоретической работе». Все-таки тема и идея оставались для РАППовцев главными атрибутами новой литературы. Деятельность новообразованного кабинета пролетарского писателя распространялась на всю территорию Урала.

Вместо прекратившего выходить «тонкого» журнала «Товарищ Терентий», в Свердловске начал издаваться настоящий «толстый» литературный журнал «РОСТ», который активно публиковал творчество пролетарских самодельных писателей с периферии Уральской области. Нужно признать, что технический уровень стихосложения авторов заметно улучшился.

Возьмем подборку стихотворчества Кыштымского литературного кружка, организованного при районной газете «Социалистический штурм» после выступления на поэтическом производственном совещании Л. Авербаха. В этом кружке, как явствует из аннотации, представлены главным образом рабочие-ударники (12 человек из 18-ти). Руководит им рабочий-ударник завода

«Уральский лыжник» А. Мецдеряков. Ему и слово (стих называется «Буянит кровь»):

Сегодня я иду в строю.
Мой крепнет шаг.
Мою сестру — индустрию —
Не сломит враг.

Чтоб у тебя румянец щек
Играл и не замолк —
Сегодня делает отчет
Ударный комсомол...

...О прошлой жизни, плесенью
Обросшей, не тужу.
Я лишь советской песнею
Да стройкой дорожу.

Я шел походкой шустрою
К заводским воротам
И пел, что мы с индустрией
Растем не по летам.

На всех фронтах
Я так дерусь,
Что бью и в глаз, и в бровь!
Не бойтесь — я не выдохнусь:
Во мне буянит кровь.

В том, что в этом «уральском лыжнике» и на самом деле буянит кровь, сомневаться не приходится. Это уже успех!.. Однако, прикрыв ладонью его фамилию, оную стихопродукцию легко спутать с чем-то «маяковским» или «безыменским»... Иными словами, начинающий автор довольно верно почувствовал модную интонацию и настроение, вместе с тем личного своеобразия в его стихах не наблюдается. РАППовский патронаж помог рабочему-ударнику, как любят говорить сегодня, взять «формат», то есть овладеть некоей усредненной поэтической нормой, но «художественного качества», за что с трибуны так ратовал Л. Авербах, все равно не случилось...

О таком стихотворце Бажов бы не сказал: «Крылышки у него хоть маленькие, да свои». Сказал бы другое: «Какой хороший слесарь пропал!»

И тут самое время задать вопрос: а какое место в литературной жизни Урала в этот период занимал сам Павел Петрович?

По воспоминаниям К. Боголюбова, в то время видного деятеля пролетарской литературы на Урале (преподавателя Урало-Сибирского коммунистического университета, одного из основателей группы «На смену!», работника секретариата УралАППА), он познакомился с Бажовым лишь в 1928 году, и то случайно, зайдя в областное издательство, где по каким-то своим делам появился и Павел Петрович. Это несколько удивляет — ведь к этому времени Бажов был автором трех книжек, не последней фигурой среди журналистов, хорошо был известен и в обкоме партии. К тому же по заданию УралАППА они с А. Поликашиным еще в 1925 году создавали при редакции «Крестьянской газеты» отделение Союза крестьянских писателей.

Возможно, объяснение этому может быть следующим. Журналисты и писатели, фигурально выражаясь, живут на разных берегах одной реки. Каждый решает свою задачу. Если учесть, что, во-первых, Павел Петрович много времени проводил в разъездах по деревням, а во вторых, в стане вождей УралАППА была частая ротация руководителей, то на общих мероприятиях Бажов и рапповцы могли и не встретиться. Это тем более верно, что один из главных упреков в адрес руководства ассоциации пролетарских писателей со стороны партийных органов касался именно замкнутости их руководящих слоев, «близорукости», оперирования числом членов организации, а не знанием конкретных лиц. В этой ситуации весьма заметный своей «стариковской» внешностью Бажов все же мог и не попасть в поле их зрения. А если и попадал, то не вызывал интереса по причине своего далеко не комсомольского возраста. Узнать же, что он старый партиец и литератор, можно было только при личном общении, которого не случилось...

Положение изменилось, как только Павел Петрович «расквитался» с газетой. С 1 марта 1930 года он фак-

тически уже не был ее работником, а 9 августа отзыв Бажова из «КГ» был официально оформлен приказом по издательству «Уральский рабочий» — его направили в распоряжение обкома. Так вот, в промежутке между этими датами он и становится членом УралАПП по секции очеркистов на основании собственного заявления.

Ясно, что вступить в ассоциацию пролетписателей, тем более с такой биографией, как у Бажова, было нетрудно. Значит, столь долгая временная задержка с этим вступлением была вызвана позицией самого Бажова, который, как говорилось выше, писателем себя в тот период не считал, поскольку «писал по заказу».

Что же изменилось в 1930 году? Скорее всего, Павлу Петровичу, потерявшему принадлежность к газете, в поездках по деревням, пусть и в ранге представителя обкома, понадобился официальный статус пишущего, что позволяло бы интересоваться вопросами, напрямую не связанными с его партийной миссией.

О том, что такой «новичок» — партиец со стажем, да еще работающий «по заданию обкома» — пришлось УралАППу ко двору, говорит тот факт, что позже, на очередной конференции региональной ассоциации Павла Петровича изберут в ее правление. К этому времени он будет работать главным политическим цензором Уральской области, так что не исключено, что избрание это состоится не столько благодаря его литературным заслугам (прежде не замечаемым), сколько служебному положению...

Работа Павла Петровича Бажова в органах цензуры в исследованиях о нем освещена слабо. Об этом факте, по существу, лишь упоминается. Причина не столько в отсутствии конкретных документов, сколько в ложном комплексе стыда исследовавших, которые придерживаются «интеллигентского» мнения, что, де, цензура во все века давила свободу слова и была верной слугой власти, с которой интеллигенция априори находится в конфликте. Вроде бы цензорская деятельность Бажова его позорит... А как же в таком случае быть с любимым поэтом интеллигенции Ф. Тютчевым? Ведь он тоже служил в цензурном ведомстве, и не у кого-нибудь, а у царя Александра II, с которым расправились отважные

революционеры-народовольцы... Все эти добровольные умолчания ведут лишь к одному — искажению правды и потому не могут почитаться за благо.

Документов о конкретной работе Павла Петровича в Ураллите в Государственном архиве Свердловской области и на самом деле нет. Но есть ведомственные материалы того времени за интересующий нас период — с 15 августа 1930 года по апрель 1932-го, когда Бажов там работал, то есть можно познакомиться с кругом вопросов, к решению которых мог иметь непосредственное отношение наш герой. А за последние полтора года, когда он руководил Ураллитом, тем более.

(Для сведения: Главлит — государственный контрольный орган, полное название которого Государственное управление по делам литературы и издательств при Народном комиссариате просвещения, был создан Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР 6 июня 1922 г. Тогда же были созданы и местные органы Главлита при губернских отделениях народного образования.)

Итак, в 1930 году, когда Павел Петрович начинал свою работу в Ураллите, из Главлита сюда среди прочих поступили и такие циркулярные распоряжения:

«№ 740/с

Секретно

Всем крайлитам, облитам, окрлитам.
Политредакторам и уполномоченным
политредакторам
(Копия — нач. информотдела ОГПУ)

Форсированное социалистическое наступление на капиталистические элементы в деревне встречает бешеное сопротивление кулачества, выражающееся зачастую в террористических актах (убийства и ранения членов партии, представителей советской власти, деревенского актива; вооруженные сопротивления проводимым мероприятиям по социалистической перестройке деревни, поджоги сельсоветов, обобщественного имущества и пр.)

Учитывая необходимость для печати заострить общественное внимание, в особенности же бедняцко-батрацких слоев, на борьбе с кулаческими выступлениями. Главлит, однако, указывает на необходимость соблюдения при этом особой осторожности: из разрозненных фактов отдельных кулацких выступлений печать не должна создавать видимости организованного движения, восстаний против Советской власти и т. п.

Исходя из сказанного, Главлит предлагает:

1) Не разрешать к опубликованию данных об убийствах и ранениях кулаками товарищей из числа мобилизованных партией и профсоюзами для работы по коллективизации деревни (в счет «1000», в счет «25 000» и т. д.)

2) Не разрешать печатать данные о массовых выступлениях кулачества, если бы где-нибудь таковые имели место. Равным образом не разрешать опубликование сводных данных о количестве террористических актов (убийств, поджогов и пр.) по районам, округам, областям и т. д.

3) Опубликование материалов об отдельных террористических актах кулачества (кроме запрещенных в п. 1 и 2) допускать в печати с одновременным указанием на те мероприятия по общественной и советской линии, которые проводятся или должны быть проведены в борьбе с кулацкими выступлениями.

Однако материал о приговорах над кулаками-террористами необходимо предварительно согласовать с соответствующими органами ОГПУ.

Зам. зав. Главлитом Самохвалов

Зав. военно-экономическим отделом Ланговой».

«Секретно

Распоряжение

по военно-экономическому отделу № 79

Материалы о вредительстве в Уральской черной металлургии и угольной промышленности предварительно согласовывать с Инфо ОГПУ».

Нужно отметить, что акты вредительства со стороны классовых и политических противников с переходом страны к индустриализации и коллективизации были не редкостью (этим и вызваны процитированные выше циркуляры Главлита). Генеральной линии ВКП(б) сопротивлялись и «осколки» старой России, и противники внутри коммунистической партии. И если со случаями вредительства в промышленности Ураллит мог встречаться лишь косвенно (см. предыдущий документ), то предотвращение таковых в печати было прямой его обязанностью.

В архивной папке «Материалы, запрещенные к печати, изъятые из печати» хранится примечательный образчик тогдашнего вредительства: фрагмент, вернее, даже обрывок (поскольку действительно вырван) типографской полосы набора одной из газет с заголовком, призывающим крестьян к активной хлебосдаче. По тогдашней «моде» этот заголовок имеет многоступенчатое построение:

**НЕ ОСЛАБЛЯТЬ ХЛЕБОСДАЧИ
НЕ СДАВАТЬ ТЕМПЫ ХЛЕБОЗАГОТОВОК
ОРГАНИЗУЕМ МАССОВУЮ СДАЧУ
НЕ СДАВАТЬ!**

**ПО УРАЛУ ВЫПОЛНЕНО ТОЛЬКО 76 ПРОЦЕНТОВ
ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО ПЛАНА**

Как видно, две последние фразы лексически и смыслово вроде бы вытекают из трех первых, однако четвертый лозунг набран жирным шрифтом и более крупным кеглем и, таким образом, фраза «Не сдавать!» является самой броской — она и будет прочитана первой, после чего остальные призывы (те, что сверху) могут быть и вовсе не прочитаны. А для усиления действия этой четвертой строки — снизу информация для понимающих: мол, срываются планы большевиков!..

Подобную историю приходилось слышать и из другого источника, когда с объявлением государством кампании денежных займов у населения в подобный же многоступенчатый призывный газетный заголовок «вкралась» строка: «Ни одного займа»...

Еще один пример печатного вредительства того времени содержится в книге исторического публициста С. Кремлева. Он рассказывает о том, как в год 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина (и эта дата широко отмечалась по всей стране) были выпущены школьные тетрадки с серией рисунков на обложке по пушкинским сказкам. И вот на одной из них был изображен витязь на распутье (видимо, повторяющий сюжет картины Васнецова), а на перехватах ножен его меча были вписаны буквы, которые продолжались и на поясе богатыря. Вместе они складывались в надпись: «Долой ВКП(б)».

Блокирование такой печатной продукции и было, пожалуй, основной целью деятельности обллита. Борьбой же с авторами занималось совсем другое ведомство.

Помимо вражеских происков цензуре приходилось тормозить и пролеткультовское творчество, которое при всей своей искренней преданности советской власти, но невысоком уровне образованности стихотворцев могло вызвать у более грамотного читателя совершенно иное впечатление.

В той же архивной папке хранится образчик стихотворчества ткачихи Алексеевой — «Траур годовой»:

Ты ЛЕНИН крепко спишь
Не видишь суеты мирской
На улицах ряды
Идут с поникшей головой

.....

Страна справляет
Траур годовой
Ушел от нас учитель мира.

И музыка печальный марш играет
Кончину раннюю Твою вспоминает
Твоя кончина принесла
Нам чашу горечью налитой... и т.д.

Разумеется, эти стихи не были пропущены в печать не по политическим причинам, а из-за их литературной несостоятельности. Именно качество «произведения» могло повлиять на отрицательное восприятие идеи стихотворения в целом.

Цензорам приходилось читать решительно все, что предназначалось к публикации. Это был напряженный и во многом неблагодарный труд. Павел Петрович и начинал свою работу в цензуре как старший инспектор печати и зрелищ. Но если обычный редактор мог позволить себе пропустить какие-то словесные, стилистические и даже фактические ляпы, то ошибка редактора политического (коим по сути являлся инспектор обллита) оценивалась совсем по другой шкале...

Работники политической цензуры вслед за Маяковским могли смело назвать себя «ассенизаторами».

Такая работа вряд ли могла прийтись по душе человеку творческому. Ту ответственность, которую наверняка испытывал теперь П.П. Бажов, не компенсировала неплохая, надо полагать, оплата деятельности руководителя областной цензуры. Чтобы хоть как-то отвлечься от постоянного цензорского буквоедства, Павел Петрович начал баловаться рецензированием тех произведений, которые, нужно думать, уж очень его «достали».

Действительно, работая в обллите, он был читателем поневоле. Отсюда и новый его — «критический» — псевдоним: Чипонев.

Первому от рецензента досталось М. Чернышу из Перми за вышедшую книжку «Стихи о прозе». Видно, Павел Петрович, оценивая эту, может, не больно добротную с поэтической точки зрения работу, все же не выходит до конца из образа политредактора и основное его обвинение Чернышу — в политической неразборчивости. Поводом послужил «Венецианский мотив», в котором автор сравнивает выпавший в Венеции снег, испортивший привлекательный для туристов пейзаж, и снег на Урале, который для уральцев всегда благо. С сегодняшней точки зрения, хоть убей — никакого «криминала» в таком сравнении не узришь. Но в конце 1930 года, когда вышли эти «Стихи о прозе» (а рецензия опубликована в журнале «РОСТ», № 11–12), Венеция как таковая ассоциировалась у советского сознательного гражданина с режимом Муссолини, и потому говорить о туристических красотах в этой стране рецензент считал политической близорукостью.

Не вызывает сомнения, что стихотворные фельетоны, собранные рапповцем М. Чернышом под одной обложкой, заслуживали серьезной литературной критики. Однако не в результате ли политической оценки его творчества облитом автор был исключен из Ассоциации пролетарских писателей?.. Впрочем, на момент публикации рецензии критика Чипонева на книжку исключение Черныша из УралАПП уже состоялось.

В следующем, 1931 году, рецензии Чипонева ни разу не появляется на страницах уральской периодики. П.П. Бажову не до критики. С 21 января по 5 февраля он, как руководитель Ураллита, находится в Москве на совещании, собранном его ведомственным начальством.

30 марта — 6 апреля принимает участие в Уральском областном съезде по культурному строительству, как делегат от Ураллита.

В том же месяце, в двадцатых числах, Бажов участвует в областной конференции пролетарских писателей, где его, как было сказано выше, и выбирают в правление ассоциации. Параллельно с конференцией УралАПП проходит 1-я Уральская конференция пролетарско-колхозных писателей, на которой авторы от станка и сохи организационно объединяются в УралОПКП — Уральское общество пролетарско-колхозных писателей как, надо полагать, основной сектор УралАППа. И вот здесь-то Павла Петровича выбирают председателем бюро правления, что справедливо, поскольку его опыт партийной работы, равно как и опыт организатора колхозного строительства, вряд ли у кого (на тот момент) мог вызвать сомнение.

В этом же году происходит смена уральской писательской периодики — вместо прекратившего выход «РОСТА» УралОГИЗом начинает издаваться «толстый» журнал с характерным для «неистовых ревнителеев» названием «Штурм». И здесь Павел Петрович как литературный начальник включен в состав редколлегии. Причем согласно алфавиту стоит первым из девяти ее членов. То, что он включен в редколлегию не как писатель, а как литчиновник, подтверждает и написание его фамилии через «е» — Бажев (как значится в личных документах).

По сути, смена печатного органа УралАПП — это знак перехода ко второму этапу развития пролетарской литературы, о чем говорил со столичной трибуны цитированный выше вождь РАППа Леопольд Авербах.

«Обращение РАПП, — написано в редакционной статье первого (начального) номера журнала «Штурм», — заставило повернуться лицом к основной фигуре реконструктивного периода, лицом к ударнику, к героям пятилетки и советскую писательскую общественность...

Уральский отряд пролетарской литературы второй угольно-металлургической базы (первая — Донбасс на Украине. — В.С.) должен принять обращение РАПП как боевую практическую программу перестройки своей творческой работы».

И снова речь шла не столько о повышении культурного уровня пишущих, сколько о призыве в литературу ударников от станка и земли.

Правда, в предпоследнем номере «РОСТА», вышедшем по окончании 3-й областной конференции УралАПП, один из литвождей Иван Панов обратил внимание на недостаточное участие в формировании нового писателя редакторского и критического цехов:

«На Урале нет коммунистической литературной критики, которая должна являться одним из главных орудий в руках партии...

Уральское отделение ОГИЗа не только должно помогать воспитанию кадров пролетписателей из рабочих-ударников, оно должно быть прямо заинтересовано в этом, ибо УралАПП — огромный резервуар, из которого ОГИЗ может черпать кадры рабочих авторов. Существующее же положение в Редиздате прямо настораживает, требует вмешательства директивных и руководящих организаций.

Несколько примеров. Редиздату нужно окружить себя рабочими авторами. Прекрасно. Призывом ударников УралАПП вобрал в себя лучшие пишущие силы рабочего класса. Ведь чего проще договориться с УралАППом и начать эту работу совместно. Так нет же, ОГИЗ тратит деньги, людскую силу для выискивания этих кадров... А почему бы эту работу сразу не проводить через УралАПП? — И странно, и непонятно».

*Екатеринбург-Свердловск 2-й половины 1920-х гг.
Площадь 1905 года (бывшая Кафедральная)*

*«Ванька Голый» или памятник
освобожденному человеку.
Скульптура С. Эрзи, стоявшая на
площади 1905 года в 1920–1926 гг.*

*П.П. Бажов с коллегами по редакции «Крестьянской газеты».
Справа от него А.И. Шубин*

*Выезд редакции к читателям в Арамиль по случаю 3-летия
«Крестьянской газеты». В правой машине П.П. Бажов, в левой
(в центре) – гость из Москвы популярный поэт Демьян Бедный*

П.П. Бажов –
в отделе
письма беседует
с крестьянами

П.П. Бажов изучает крестьянские
письма, которые нередко были
чрезвычайно длинны и невероятно
обширны

П. БАЖОВ

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

ОЧЕРКИ

П. БАЖОВ. «Уральские были»
Из недавнего быта Сысертских за-
водов. Очерки. Издание «Уральские
были», ц. 45 коп.

П. Бажов.

Первая книга и первый отзыв в прессе. Легализация литературного имени «Бажов», хотя в личных документах он еще остается Бажевым

А.П. Бондин

*Первые соратники
П.П. Бажова по
литературной
работе*

А.С. Ладейщиков

К.В. Боголюбов

*П.П. Бажов. Парадный
фотопортрет, выполненный
в год его 50-летия. 1929 г.*

*Семья Бажовых: в центре Павел Петрович,
сидит от него старшая дочь Ольга, справа – средняя дочь Елена; сидят:
Алексей, младшая дочь Ариадна, Валентина Александровна. 1929 г.*

*К.В. Рождественская, редактор
первых сказов Павла Бажова*

*В.П. Бирюков, краевед и составитель
сборника «Дореволюционный
фольклор на Урале», где впервые
появились бажовские сказы*

Счастливый автор с первым изданием «Малахитовой шкатулки». 1939

60-летие П. П. Бажова. Общий снимок свердловских писателей. В первом ряду слева направо: А. Савчук, И. Панов, А. Бондин, П. Бажов, А. Ладейщиков, В. Занадворов, Е. Хоринская, К. Филиппова. Во втором ряду: третий слева Б. Рябинин, четвертый К. Боголюбов. 1939 г.

*В автомобиле по родным местам. Поездка с Б. Рябининым в Полевской.
1939 г.*

*П.П. Бажов в Полевском на Думной горе, где в отрочестве слушал сказы
Василия Хмелинина – дедушки Слышко*

*Пешком на вершину
Азов-горы*

*У старой шахты на
Гумёшевском руднике*

П.П. Бажов с младшей дочерью Ариадной. 1939 г.

*П.П. Бажов с московскими писателями С.В. Михалковым, А.И. Роскиным
и К.М. Симоновым. 1939 г.*

Пикетаж с эвакуированными москвичами Д. Заславским, Л. Шаумяном,
А. Барто и М. Шагинян. 1943 г.

А. Караваева

М. Шагинян в эвакуации.
Шарж Г.В. Ляхина

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ С.С.С.Р.

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЫ

ДЕКАБРЬ
27

СОСТОИТСЯ ВТОРОЙ БОЛЬШОЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Министерство
ЗАЛ
Федерации

ПИСАТЕЛИ ФРОНТУ

М. АНЧАРОВ М.х. ГРИНБЕРГ М. МАРИЧ И. САДОФЬЕВ
Н. БАЗИЛЕВСКИЙ В. ЗВЯГИНЦЕВА Н. МЕРЦАЛЬСКИЙ Л. СЛАВИН
П. БАЖОВ О. ИВАНЕНКО Н. МУРЗИДИ В. ФИНИН
Д. БАРТО Анна КАРЛОВА Е.в. ПЕРМЯН Ольга ФОРШ
А. БАРАНОВ Лев РАССИЛЬ Борис РОМАШОВ Е. ХОРИНСКАЯ
К. БОГРОДОВ А. МЛАКОВ Д. САВЧУН Маргарита ШАГИНЯ
Ф. ГЛАДКОВ А. НАРАБАЕВА

Организовывает А. НАРАБАЕВА

Проводит Ф. ГЛАДКОВ

Выход в зал Министратива в 7 ч. для лиц 18 и старше. Место от 2 до 8 руб.
Целью танковой колонны „Свердловские Комсомольцы“

Афиша литературного вечера «Писатели фронту», в котором приняло участие московские и свердловские писатели. 1941 г.

Писательская бригада на переборке картофеля в колхозе под Свердловском. Весна 1942 г. В центре (сидит) П.П. Бажов, вторая справа от него – М.С. Шагинян, в первом ряду перед ним – Л.И. Скорино

За работой в саду

П.П. Бажов и Евг. Пермяк. 1949 г.

Дедушка Бажов с внуками Аликком (сын Елены) и Володей (сын Ольги)

*Писатель Борис Полевой
в гостях у деда и внука
Бажовых. Внук – Никита
(сын Ариадны)*

П.П. Бажов на крыльце своего дома на ул. Чапаева, 11

Комната в доме Бажовых – родительская спальня и одновременно рабочий кабинет писателя

Собрание свердловских писателей. Слева направо: В. Стариков, К. Боголюбов, О. Маркова, Ю. Хазанович, П. Бажов, ..., Б. Дижур и Н. Попов

И. Ликстанов

Е. Хоринская

К. Мурзиди

Действительно непонятно, почему РАППовское руководство посчитало, что лучшие литераторы СССР сосредоточены исключительно в РАППе. В редакционно-издательском отделе УралОГИЗа могли полагать иначе на том основании, что точно также, как работнику пера и бумаги не сварить сталь, так и сталевару не «сварить» полноценной книги, которую как интеллектуальный товар нужно кроме всего прочего и продать — и в прямом, и в переносном смысле.

К слову сказать, из рабочих-ударников — членов УралАППа в большую литературу так никто и не вышел. Воистину «и странно, и непонятно»...

Но нужно отдать должное: проблема слабости редакции была поднята верно. Вот здесь ничего удивительного нет. Настоящий редактор — фигура еще более штучная, чем автор, и любого, даже будь он на производстве ударник, в редакторское кресло не посадишь — если, конечно, печься о художественности литературы. Запомним эту проблему. Очень скоро она начнет решаться с участием П.П. Бажова, а пока продолжим знакомиться с событиями его жизни в 1931 году.

Авторитет номер один в советской литературе, А.М. Горький, в этот период высказал продуктивную идею: пора создать полновесную историю Гражданской войны. И поскольку все мысли «буревестника революции» руководством партии, заинтересованным в окончательном возвращении Горького на родину, принимались за благо, то ЦК ВКП(б) 30 июля постановил: «... Приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны (1918–1921 г.)», 10–15 томов, в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений». Были образованы главная редакция, историческая и художественная редакции.

Уралобком решил: «Вся парторганизация, вся пролетарская общетвенность Урала должны участвовать в издании истории гражданской войны». В развитие постановления ЦК на Урале был образован областной комитет содействия главной редакции, всем райкомам было предписано создать районные группы содействия, также предусматривалось разработать план

практической работы по сбору материалов, использованию архивов, сохранившихся записей участников Гражданской войны, фотографий и т. д., о чем не преминул сообщить журнал «Штурм».

Буквально в следующем же месяце Бажов принял участие в сборе бывших бойцов и командиров 29-й Уральской дивизии, с которой в рядах полка Красных Орлов начинал свой боевой путь в 1918 году. В детских воспоминаниях невольного свидетеля этого разговора С. Неустроева Бажов выглядит центральной фигурой встречи:

«Партизанский сбор оказался довольно внушительным: приехало-пришло человек двадцать бойцов и командиров из 29-й Уральской дивизии, представителей полков имени Красных Орлов, 1-го Камышловского, 4-го Уральского...

Наше внимание привлек Бородач, так мы на полатях (дети собравшихся. — В. С.) его прозвали. Меня очень заинтересовало, почему это все присутствующие, что бы ни говорили, старались сказать именно ему. И говорили-то не просто, а как-то по особенному уважительно... Но и Бородач каждому внимал, не отмахивался, слушал, да еще переспрашивал, просил повторить...

На двух сдвинутых столах незаметно как-то появилась водка, стаканы, кислая капуста, соленые сморщенные огурцы, зеленый лук, какая-то рыба, черный нарезанный крупными ломтями хлеб. Хозяйка стогношила уже уху из карасей с Ирбитского озера и стала подавать ее на столы в разнокалиберных глиняных эмалированных чашках и фаянсовых тарелках. Хозяин налил в объемистые граненые стаканы водку и хотел было предложить выпить, приговаривая традиционные «Со свиданьем», «Рыба посуху не ходит». А Бородач остановил его:

— Товарищи мои боевые, собрались мы, чтобы вспомнить боевую страду восемнадцатого. Потом можно и осушить по маленькой. А перво-наперво поговорим...

И «красные орлы» разговорились. Известно, испокон веков россияне любили рассказывать интересные истории и бывальщины, особенно солдаты-ветераны...

— А помнишь, как под Шмаковой фронт держали?

— А помните, как здесь, в Елкино, беляки кухни нашей испужались?..

— А помните, как Филипп объегорил беляков под Покровским?..

Разговор становился все громче и громче...

Бородач быстро записывал, переспрашивал, кое-что дополнял и уточнял сам, кое в чем поправлял рассказчиков».

Вполне вероятно, что Бажов сам выступил инициатором написания книги о боевом пути полка Красных Орлов. Но нельзя исключить и вариант директивы сверху, поскольку все предыдущие книжки Павлом Петровичем были созданы именно «по заказу». Суть не в этом, а в том, что Бажов снова брался за материал, который был ему хорошо знаком.

А тем временем над РАППом, как крупнейшей литературной организацией страны, начинают стучаться тучи. Сначала журнал «Пролетарская революция» публикует письмо генерального секретаря ВКП(б) И.В. Сталина по поводу статьи Слуцкого по истории германской социал-демократии, генсек обвиняет автора в троцкистской методологии освещения истории партии. Это письмо становится своего рода инструкцией для принятия решений в области литературы.

Затем следует дискуссия между комсомолом и руководством РАПП по поводу замкнутости, самоизолированности последнего в своей деятельности, вследствие чего никаких положительных результатов ударной деятельности пролетарских литераторов нового призыва не видно.

А далее «оппортунистическая практика руководства УралАПП» была вскрыта местными организациями АПП Магнитогорска и Лысьвы. Вожди УралАПП попытались эту критику замолчать, однако она стала известна в обкоме ВКП(б), и в итоге появилось постановление его секретариата (подписано 4 января 1932 г., опубликовано в № 1 журнала «Штурм»), в котором сказано, что «руководство секретариата УралАППа в лице Андреева Н. и И. Панова вело двурушническую политику обмана

партийной организации, пыталось дезориентировать пролетарское литературное движение Урала, создавая внутри руководства обстановку кастовой изолированности, зажима самокритики и взаимного укрывательства оппортунистических ошибок».

Согласившись с мнением фракции расширенного пленума УралАПП и постановлением бюро Уралобкома ВЛКСМ, партийные власти решили снять с руководящих постов в Уральской ассоциации пролетарских писателей обоих вышеупомянутых литераторов, причем Андреева с исключением из партии, а Панова — со строгим выговором с предупреждением.

Вместо них на пост руководителя УралАПП назначался Н. Харитонов. Новым редактором «Штурма» стал партийный работник «Орлов В.А.».

В том же номере журнала помещен и критический материал насчет работы ОПКП (который, как известно, возглавлял руководитель Ураллита П.П. Бажов):

«...Руководство (секретариат) УОПКП в своей работе практиковал те же методы руководства, что и УралАПП. Совершенно слабая связь с местами, замкнутость, отсутствие массовой и учебно-воспитательной работы неизбежно задерживали политический и творческий рост писателей, не способствовали закреплению новых кадров ударников, призванных в литературу».

Несмотря на эти критические выступления, Бажов остался на посту руководителя общества пролетарско-крестьянских писателей и даже был включен в состав нового секретариата УралАПП от УОПКП.

Первым же действием обновленного секретариата Уральской ассоциации пролетарских писателей стала командировка группы опытных литераторов — в составе Бажова, Балина, Благих и Шмакова — в передовые совхозы области с целью оказания конкретной помощи литкружковцам — членам УОПКП в налаживании учебно-методической работы. Примечательно, что, наказывая прежнее руководство УралАПП и критикуя некоторых рядовых его членов, Уралобком был далек от того, чтобы «дать по шапке» решительно всем критикуемым. Те же Шмаков и Балин, например, «страдаю-

щие многими творческими ошибками... но имеющие в основном правильные идейные установки», были включены в выездную бригаду УОПКП.

В творческом плане Павел Петрович в этот период переживает паузу. Разве что пишет рецензию на рукопись С. Шмакова, которую прочел как цензор. Рецензия напечатана в журнале «Штурм» в № 2–3 за 1932 год с редакционным предуведомлением, где сказано о необычности ее, поскольку, как правило, рецензируют вышедшее произведение, а тут — лишь поступившее в печать.

По жанру «В ненастную осень», скорее всего, художественный очерк, в герое которого — корреспонденте областной газеты Ключеве рецензент узрел рупор классового врага и потому со страниц журнала летит строгий вопрос:

«Что он (автор. — В. С.) хотел показать своим очерком: работу чужака в советской газете или то кривое и поверхностное изображение советской действительности, которое может получиться у крайне неустроенных (в жилищном плане. — В. С.) лириков ключевского типа?

Если последнее, то кому и зачем это нужно?

Если же это мыслится, как показ чужака, то сделано вовсе плохо. чужак этот подмалеван, замазан, прикрыт... Самому автору очерка это лицо, как видно, не вполне ясно».

Да, по тональности это не литературный разбор произведения, а объяснение цензора, почему рукопись не может быть допущена к печати. Скорее всего, на Павла Петровича повлияла та общая нервозность, которую возбудили события вокруг УралАППа и, соответственно, руководимой им УОПКП. (Даже фамилия рецензента в редакционном предуведомлении набрана и напечатана вразнобой: то Бажов, то... Башев, и никто из выпускающих этого не заметил.)

Публикацией такой рецензии в журнале наш герой, похоже, продемонстрировал свою реакцию — как чиновника и как литератора — на критику партии в адрес Уральской ассоциации пролетарских писателей. Она подписана не псевдонимом, не литературным именем, а так, как значилось в партбилете: Бажев.

Но главные события на советском литературном фронте были впереди.

ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 года принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в результате чего РАПП, равно как и дочерние его учреждения, прекратил свое существование.

Тогда же, в апреле, Павел Петрович был освобожден от работы в обллите и снова откомандирован в распоряжение обкома.

Часть IV

Глава 10. РУБИКОН СУДЬБЫ. От партийных репрессий к первым сказам

Частая переброска функционеров с одного места на другое была обычной практикой партийной жизни того времени. И все же Павел Петрович после номенклатурной должности начальника цензуры всей Уральской области (включавшей, напомним, нынешние Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую с ХМАО и ЯНАО области и Пермский край) был назначен на значительно более скромную должность редактора в УралОГИЗ. И хотя редактором он оставался политическим, что также говорило о не последнем его месте в иерархии работников издательства, все же этот перевод можно рассматривать как понижение.

Не исключено, что переброска на новое место могла иметь следующую подоплеку. К началу тридцатых годов ВКП(б) уже воспитала работников с высшим партийным и управленческим образованием — людей, окончивших комвузы, комакадемии, госуниверситеты, и выпускник провинциальной духовной семинарии, что имело вес в годы двадцатые, с началом периода тотальной индустриализации, обострения классово-идеологической борьбы, закрытием и разрушением церквей, выглядел на посту заведующего Ураллитом, что называется, недостаточно уместным. Хотя от его литературно-редакторских услуг, как видим, партия отказываться не собиралась.

Тем более что и давешняя критика слабости редакторского звена в региональном издательстве требовала от руководства области каких-то решений. Вот они и состоялись...

Но, потеряв в должностном уровне, Павел Петрович выиграл профессионально — он еще на шаг приблизился к собственно литературе. Не забыл и журналистику. Зная

о прежней его многолетней практике в «Крестьянской газете», местная партиячейка и фабзавком поручили Бажову руководство многотиражкой «Уральский гизо-вец».

Вот как вспоминает свое знакомство с Павлом Петровичем редактор Клавдия Рождественская:

«Осенью 1932 г., когда я поступила на работу в УралГИЗ, Бажов сидел вместе с редакторами в одной большой полутемной комнате. Его стол с аккуратно разложенными рукописями стоял у дальней стены. Павел Петрович всегда что-нибудь читал или писал. Все книги и плакаты, какие выпускал УралГИЗ, проходили через его руки. А производительность издательства в то время была немалая. В 1932 году издательство до первого ноября сумело выпустить около двадцати миллионов листов-оттисков.

Можно себе представить, какую огромную и ответственную работу вел Бажов. Сколько было в его силах, он боролся за идейное и художественное качество выпускаемых книг.

В 1933 году Бажов стал редактировать сельскохозяйственную литературу. Это был самый горячий участок в издательстве. Особенно напряженным был выпуск посевной литературы. В тот год к 15 марта предложено было издать шестьдесят четыре брошюры. Приказ заведующего издательством от 22 января гласил:

«1. Бажову ежедневно докладывать мне о ходе выпуска посевной.

2. Всю наличную бумагу забронировать на выпуск сельскохозяйственной литературы.

3. Всю работу типографии подчинить задаче своевременного выпуска сельхозлитературы и плакатов».

После таких уточнений уже, что называется, и язык не повернется утверждать, что Бажова «задвинули», скорее наоборот — выдвинули в авангард партийно-редакторской работы, которую в таком объеме мало кому можно было доверить.

А что же тем временем происходило в литературном строительстве? Что пришло на смену распущенному РАППу и его местным отделениям?

В постановлении партии от 23 апреля 1932 года было сказано:

«...2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем...

4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения».

В Свердловске на месте распущенного правления УралАПП появился Уральский оргкомитет по созданию ССП (Союза советских писателей), который возглавил все тот же Н. Харитонов.

Журнал «Штурм» стал официальным органом этого оргкомитета. Изменился состав редколлегии: помимо местных писателей Н. Куштума, А. Маленького, самого Н. Харитонova и ответственного редактора В. Орлова в нее были включены столичные литераторы Леонид Леонов, Борис Пастернак и Ефим Зозуля. П. Бажову в качестве политредактора УралОГИЗа, бывшего и издателем этого журнала, места в редколлегии не досталось.

Возможно, в этом не было ничего злонамеренного или хотя быстораживающего. Однако мелкие и, на сегодняшний взгляд, даже малозначительные, но все же неприятные события, тем не менее преследовали его начиная с 1932 года, постепенно накапливаясь...

Еще работая в Ураллите, он подал документы на чистку в Общество партизан с тем, чтобы получить билет единого образца, но его документы где-то затерялись. Об этом он спустя год напомнил в письме на имя председателя Свердловской городской комиссии по чистке красных партизан бывшего начдива Макара Васильевича Васильева:

«В делах Бюро Красных партизан не оказалось моих документов, на основании которых мне выдано удостоверение № 74 от 27 апреля 1931 г. Поскольку мое участие в Красной гвардии и Красной армии подтверждалось лично Вашей подписью и подписью умершего Федорова А.Е., то прошу удостоверить, что такие документы были своевременно предъявлены.

Одновременно представляю свою краткую автобиографию, на основе которой прошу проверить меня в городской комиссии по чистке красных партизан.

Участник Гражданской войны Бажев Павел Петрович.

В настоящее время работаю в Огизе.

Банковский (переулок. — В. С.), 3.

15/III-33».

В прилагаемой к письму автобиографии рассказывается о его боевом пути и ни слова не сказано об учебе в семинарии, учительстве в духовном ведомстве, сотрудничестве с эсерами и белогвардейском плене. Бажов справедливо посчитал, что эти сведения здесь не к месту. А может быть, подумал, что дело прошлое и на втором десятке лет советской власти об этом пора забыть. Но так считали далеко не все. И скоро ему придется в этом убедиться.

А пока, согласно выписке из протокола заседания Комиссии по чистке Красных партизан, Бажева Павла Петровича принято было «считать проверенным». Это удостоверил своей подписью сам М.В. Васильев.

В феврале 1933 года на общем собрании партячейки типографии, где он состоит на партучете, в ответ на сообщение Бажова о ходе выпуска литературы ему было указано на недостатки: медленное прохождение рукописей и неиспользование в работе редакторов других секторов издательства.

В апреле он, как редактор, участвует в совещании по обсуждению плана выпуска литературы к уборочной и осенне-посевной кампании.

Этот период его деятельности знаменателен тем, что он выступил и как редактор художественного текста — рукописи романа рабочего писателя из Нижнего Тагила Алексея Петровича Бондина.

Бондин был на особинку в ряду литераторов от станка. Он пришел в литературу не по партийному гудку, не по призыву ударников, а по собственному желанию. В 1924 году, еще до образования РАПП, он сочинил пьесу «Враги», с этого и началось его знакомство с уральскими литераторами. Бажов помнил его со времен своей работы в «Крестьянской газете», когда при журнале «Товарищ Терентий» был образован литклуб.

«...Как-то сразу, — вспоминал потом Павел Петрович в мемуарном очерке «В начале пути», — почувствовалось, что это профессиональный рабочий, привыкший к жизни цеха. Внешне это не было подчеркнуто. Ни расстегнутого ворота, ни замасленной куртки, ни грязных рук, что по обычаю того времени считалось чуть ли не обязательным для рабочего. Наоборот, явился подтянутым, даже слегка прифранченным, а все-таки видно было, что это рабочий, из тех самых, о которых много говорилось на собраниях писателей...

Разговорились. Оказалось, что он слесарь тагильского депо. Написал пьесу, готовит материал для повести. Сюда приезжает довольно часто. Ищет литературной учебы...»

С тех пор у Бажова с Бондиным и завязались приятельские отношения, перешедшие затем в дружеские. Чем Бондину поглянулся Бажов — понятно. Пишущий слесарь нашел в бородаче равного себе по возрасту и происхождению, с одной стороны, и значительно более грамотного и искушенного в тонкостях литературы человека, с другой. Бажов же, не имевший в Свердловске близких по духу и мировосприятию друзей и для бесед предпочитавший более людей из провинции, нежели из города, получал в лице Бондина приятного и полезного собеседника, который мог обогатить его как своими познаниями в производстве, так и своеобразными житейскими воззрениями...

Так вот, сочинив первую часть своего первого романа «Лога», Алексей Петрович обратился к Павлу Петровичу с просьбой стать его редактором, и Бажов, в чьи прямые обязанности редактирование художественной литературы не входило, по-дружески взялся за это дело и довел его до конца. Отдельным изданием подготовленная к публикации книга вышла в УралОГИЗе в 1934 году.

Бажов:

«Редко редактору приходилось работать с таким автором, как Алексей Петрович. Он удивительно легко и спокойно относился к поправкам и редакторским требованиям, где видел попытку улучшить рукопись. С одинаковой охотой он шел и на сокращение и на рас-

ширение частей, иногда делал даже по несколько вариантов одного и того же».

Интересно замечание Павла Петровича и еще по одному поводу (обсуждалась малая проза Бондина в кружке при «Уральском рабочем»):

«Примерно в таком же порядке шел спор об языке рассказов. Одни, ориентируясь на изысканно построенные фразы, очень усердно возражали против местных слов, другие, наоборот, доказывали, что местные слова придают нужную окраску рассказу.

Сам Алексей Петрович после кружка сделал по этому поводу решительный вывод:

— Обязательно назову эту повесть «Связчики». Чем плохо это наше слово?

Этот спор не раз потом вспоминался, когда мне пришлось редактировать первое издание романа «Лога». Может быть, в противовес именно насаждению на «устные» слова в первом издании их оказалось с излишком...»

Опыт редактирования произведений Бондина пригодится Павлу Петровичу, когда он сам сядет за сочинение художественной прозы.

А в 1931–1933 годах Бажов-писатель трудился над очередным соцзаказом — историческим очерком о полке Красных Орлов.

Для исполнения этого заказа Уралобком ВКП(б) распоряжением от 8 мая 1933 года переводит его из издательства в Уральский (позже Свердловский) филиал Института Ленина, который занимался вопросами изучения истории партии в Уральском регионе, — в Истпарт. Здесь в ранге научного сотрудника Бажов и продолжил эту свою работу.

При этом до июля он доводил до конца начатое в ОГИЗе. Ушел оттуда не с благодарностью, а со строгим выговором по партийной линии: «за небрежность в выпуске отредактированной с.-х. литературы, привлечение в качестве консультантов политически непроверенных и агрономически безграмотных людей». Помня о скрупулезности и ответственности Павла Петровича на любой работе, его знакомстве еще со времен «Крестьянской газеты» с агрономическими кадрами и со

спецификой сельского хозяйства, трудно поверить, что так в действительности и было. Скорее всего, руководство издательства таким «принципиальным» образом выразило свое недовольство неожиданным переходом Бажова в другое место. Тем более что это случилось в страдное для сельского хозяйства время.

Личной вины за собой член партии Бажов не увидел, поскольку подчинился решению вышестоящего — областного комитета.

Говоря об этом сложном времени, нужно отметить, что граница между «истинным» партийцем и партийцем, достойным строгого взыскания, была очень зыбкой. В такой обстановке появилось множество людей, демонстрировавших свою активность, принципиальность и бдительность, «разоблачая» других из своего близкого и не слишком близкого окружения.

Перейдя в Истпарт, Павел Петрович и попал на мушкетера одного такого деятеля.

Обидно то, что внешне — по фактам — сотрудник Истпарта М.С. Кашеваров был прав. Но эта правота оказалась именно внешней, а не по сути.

Короче говоря, Кашеваров, задумав дискредитировать Бажова перед партией, раскопал, что Павел Петрович до революции имел чин коллежского асессора и преподавал в учебных заведениях духовного ведомства. Так оно и было. Павел Петрович этого не скрывал, хотя и не афишировал. Затем, имея в своем распоряжении старую камышловскую прессу, дотошный Кашеваров вычитал, что Павел Петрович был избран городским головой от партии эсеров. А это не совсем так, поскольку членом партии социалистов-революционеров он официально не числился, а лишь блокировался с ними — но журналисты, тем более в провинции, не слишком щепетильны, в тонкостях не разбирались, и выходило, что Бажов, тогда Бажев, все же эсер. Далее, полистав периодику, Кашеваров нашел информацию, что камышловцы зимой 1918 года выступили против разгона большевиками Учредительного собрания и мэр города Бажов (Бажев) был на этом митинге оратором. Дальше, в период военных действий он находился в плену у белых. И, наконец, самое главное: Бажов в

анкетах указывает свое членство в компартии с июля 1917 года, в то время как в эвакуационных документах, составленных камышловским исполкомом перед уходом из города в 1918 году, он черным по белому значится членом исполкома, комиссаром просвещения, но в графе «Партийность» записано: «Беспартийный, сочувствующий большевикам». Неизбежно «встает вопрос, для какой цели тов. Бажову потребовалось иметь стаж с 1917 года». Уточним: в различных документах месяца вступления Бажова в РКП(б) указан по-разному — то июнь, то июль 1917 года.

Одним словом, Кашеваров разоблачал его как примазавшегося к партии большевиков скрытого эсера, то есть завуалированного врага...

Да, обвинение серьезное. Хотя нам известно: инициатива записи партстажа Бажову с 26 июня 1917 года принадлежала члену РКП(б) Липкину, что было знаком доверия к Павлу Петровичу, который реально с этого момента работал в русле большевистской политики.

Так это спонтанно выраженное доброе отношение к нему, не запротоколированное вовремя в документах, вышло Павлу Петровичу боком. Федорова, секретаря Камышловского укома, к этому времени не было в живых, и подтвердить эти благие намерения никто не мог. А тогдашний камышловский предисполкома Макара Васильев, с которого районная комиссия партконтроля взяла объяснения по этому поводу, написал: «Бажева Павла Петровича я знаю с февраля 1918 г. по г. Камышлову. Бажев Павел Петрович до оставления нами г. Камышлова в 1918 г. в рядах РСДРП(б) не состоял». И это по имевшимся документам — тоже правда, поскольку первый партбилет Павлу Петровичу выдали только на фронте в сентябре 1918 года, когда и вписали эту «бонусную» дату. А до того никакой учетной карточки на члена компартии Бажова (Бажева) заведено не было...

Вот таким образом он и оказывался примазавшимся к партии, обманувшим ее, влезшим к ней в доверие и т. д., а Кашеваров — бдительным партийцем.

Гром небесный грянул над головой Павла Петровича 17 ноября 1933 года на заседании партгруппы, куда входили коммунисты Истпарта, партархива Музея

революции (помещавшегося в бывшем Ипатьевском доме).

Из протокола № 32 следует, что на собрании присутствовало 10 человек, включая Бажова.

Вопрос первый (производственный): рассмотрение пятилетнего плана Истпарта. Из выступивших едва ли не половина заявила, что запланированные сроки выполнения работ не соответствуют объему, поскольку штат работающих недостаточен. Тем не менее постановили: «План работ Истпарта партгруппа признает вполне реальным и считает для себя обязательным включиться по-большевистски за его выполнение» (стиль документа сохранен. — В. С.).

Вторым вопросом стояло «Заявление тов. Кашеварова» относительно Бажова (суть его пересказана выше).

Павел Петрович выступил с оправдательным словом, в котором попытался объяснить партийным товарищам эти сложности своей биографии, признав правоту высказанных претензий лишь в одном: «На самом же деле я в 1917 году членом партии большевиков не состоял и вступил впервые в партию 26 июля 1918 г. на съезде Советов в Камышлове, где Липкин внес предложение зачислить мне стаж с июля 1917 г.»

Поскольку никаких документов в подтверждение своей правоты Павел Петрович предоставить не смог, собрание приняло решение: за вышеозначенные прегрешения, а также за то, что «на чистке ячейки ОГИЗа вел себя неискренне и не заявил о присвоении партстажа тов. Бажова П.П. из членов партии исключить».

Документы передали в районную комиссию партконтроля, которая должна была довести расследование до конца и затем передать дело в райком для утверждения.

25 ноября 1933 года, видимо, по запросу этой комиссии, секретарь партячейки обкома партии Уленков пишет на недавнего члена своей парторганизации «объективку», в которой и вовсе ставит точки над «е»:

«...2)...т. Бажев в 1918–1919 г.(!) был в партии эсеров и принимал активное участие (!!) в борьбе с большевиками после Февральской революции. Кроме того, из материалов видно, что т. Бажовым неправильно присвоил себе партстаж с 1917 г., т. к. фактически работать

в партии большевиков начал с конца 1919 г. и начало 1920 г. (!!!)» (Стиль документа сохранен, но восклицательные знаки мои. — В. С.).

Поражает, с какой легкостью коммунисты обкома отстранились от своего недавнего товарища, прикрывшись имеющимися у них документами, которые, как теперь известно, неверно отражали суть дела. После такой «объективки» человек просто обречен на арест...

Однако не надо думать, что в те годы все всегда решалось одним махом. Дело Бажова поступило партследователю Лукьянову, который потребовал от Павла Петровича письменных объяснений по сути предъявленных ему обвинений. Это пространное и подробное письмо от 3 декабря 1933 года, которое хранится в Центре документации общественных организаций Свердловской области в личном деле П.П. Бажова, хорошо известно и повторяет уже знакомые читателю оправдательные аргументы Павла Петровича. Интересно оно, кроме этого, пожалуй, еще вот чем: здесь Бажов вскрывает истинную подоплеку конфликта между Кашеваровым и им.

Оказывается, будучи на посту руководителя обллита, Бажов не пропустил к печати рукопись краеведческой книжки Кашеварова «История Шадринска», потому что признал ее «густо-черносотенной». Затем, перейдя на работу в Истпарт, Павел Петрович дважды «протащил» коллегу в местной стенгазете, один раз даже «с карикатурой колючего свойства за его леность в отношении партучебы». Таким образом, личная обида Кашеварова, перешедшая в озлобление вылилась в месть в виде доноса, названного разоблачением...

Что же, были среди партийцев всякие. Были и такие, что приняли к сведению мнение уважаемого в области героя Гражданской войны бывшего начдива 29-й Макара Васильева: «Бажев Павел Петрович ни в каких контрреволюционных действиях замечен не был... Считаю, что Бажева Павла Петровича нужно восстановить в рядах ВКП(б), который принесет партии пользу, работая по линии отдела народного образования и на литературном участке».

Второго февраля 1934 года партколлегия контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции 2-го

района г. Свердловска решение партгруппы Истпарта об исключении П.П. Бажова из партии отменила, ограничившись строгим выговором за сокрытие настоящего стажа, установив его отныне с 1 сентября 1918 года, когда во фронтовых условиях Павлу Петровичу и вручили первый его партбилет.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Он стоил Бажову двух с половиной месяцев стресса и двух месяцев пребывания не у дел, поскольку в виду оных обстоятельств его вынудили подать заявление об уходе с работы.

Как говорится, Бажов прошел дополнительную чистку «с песочком».

Любопытно, что, восстановив в партии, назад в Истпарт его не вернули. Видимо, «строгач» за сокрытие подлинного стажа сыграл здесь свою роль.

Повлияла ли эта история на судьбу рукописи пятой книжки Бажова об истории полка Красных Орлов? На удивление, нет. В конце октября 1933 года, еще до злополучного партсобрания, в Испарте, что помещался во флигеле усадьбы Музея революции, прошли читка и обсуждение бажовской работы, в которой приняли участие как ветераны полка, так и члены областного комитета содействия изданию «Истории гражданской войны». Серьезных претензий к автору высказано не было.

Из критико-биографического института ОГИЗа, куда труд Бажова послали на рецензию, также была получена положительная оценка. Как писал рецензент Г. Марев, «...книга в целом хорошо передает отдельные эпизоды гражданской войны на Урале и имеет большое воспитательное значение для рабочих, колхозных масс, в особенности для молодежи и бойцов последующих призывов в ряды РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии. — В. С.)».

Пятого мая 1934 года ее подпишут к печати, и она выйдет в свет в УралОГИЗе тиражом 5 160 экземпляров в серии «Октябрь и гражданская война на Урале».

О содержании этой книжки можно судить по главе шестой этого повествования, посвященной Гражданской войне. Здесь же хотелось бы отметить щепетильность автора в плане оценки глубины своей работы.

«Бойцы первого призыва» имеют подзаголовок: «К истории полка Красных Орлов». Обратите внимание: не «история» — то есть всеобъемлющее исследование и отображение вопроса, а уклончиво: «к истории», что говорит о том, что в книге изложен не весь материал по рассматриваемой теме. И на самом деле, Бажов пользовался лишь теми источниками, до которых мог «дотянуться» — это устные воспоминания ветеранов, документы, имевшиеся в местном партархиве, и газетный материал. Документы, попавшие в центральные архивы, ему были недоступны. Скорее всего, из-за отсутствия времени и возможности поехать в Москву. Павел Петрович не примеряет на себя мантию академического ученого, реалистично воспринимая степень научности своего труда, и в предуведомительной главе «К читателям» пишет:

«Автор считал бы себя удовлетворенным, если бы его очерки подтолкнули кого-нибудь из историков-марксистов к более глубокому исследованию на этом историческом участке».

И в этом издании Бажов выступает, прежде всего, как очеркист. Живые очерковые главы с использованием приемов, характерных для художественной литературы (в частности, диалог) делают повествование удобным для прочтения и сегодня, поскольку образы «красных орлов» предстают во всем своем объеме — и портретно, и речево, и мировоззренчески. Если бы подобную книжку сочинял не писатель, а кто-нибудь из военачальников или комиссаров, она имела бы точную датировку и топонимику сражений, но... была бы нечитабельна, как и большинство книг из послевоенной серии «Военные мемуары». Кстати, то же можно сказать и о вышедших после Гражданской войны мемуарах барона Врангеля — все же задача военных воевать, а не скрипеть пером. Для этого Бог создал литераторов.

В октябре предыдущего 1933 года в журнале «Штурм» Павлом Петровичем был опубликован рассказ «В кадетской крепости» о предреволюционных реалиях жизни в провинциальном Камышловле (этот уже упоминавшийся выше рассказ получил впоследствии название «Спор о стихах»).

Павел Петрович выводит в нем в герои под реальными именами тогдашних руководителей большевистского подполья — П. Подпорина, Н. Удникова, Т. Сыскова. В. Жукова, причем на каждого в сносках дается послужная «объективка».

Некоторые исследователи творчества Бажова считают, что автора вынудила к написанию этого «прозрачного» рассказа ситуация с его дореволюционным партстажем — мол, вот реальные свидетели моего давнего сотрудничества с большевиками. Однако это сомнительно, поскольку журнал — не газета и подготовка номера идет значительно медленнее. Нет сведений, когда в действительности вышел в свет этот сдвоенный номер за сентябрь — октябрь 1933-го, но очень сомнительно, чтобы в такой щекотливой ситуации редакция пошла навстречу подозреваемому в обмане партии Павлу Петровичу.. Если все же это имело место, то, насколько известно, публикация никакой реальной помощи Бажову не оказала.

Рассказ этот стоит в творчестве П.П. Бажова особняком, поскольку не является цикловым. Да у Бажова практически и нет рассказов — это не «его» жанр. Текст «В кадетской крепости» явно распадается на два практически не связанных одним действием эпизода. Один происходит на даче местных буржуев, другой — на патриотическом концерте в зеленом театре. Разве что общее место действие — дачная местность Бамбуковка и единое время действия — выходной день объединяют эти две сюжетные линии. И большевики, как указывалось, выглядят, скорее, хулиганствующими, нежели всерьез протестующими по политическим мотивам.

Тот факт, что камышловские большевики выведены в рассказе под собственными фамилиями, говорит скорее об очерковой, нежели беллетристической приверженности автора.

Это подтверждает в своей книге о Бажове и исследователь А. Саранцев. В рассказе «В кадетской крепости» («Спор о стихах») он «опознал» отвергнутое заказчиком первичное беллетристическое начало книжки о «красных орлах», о чем сам Павел Петрович рассказывал Л. Скорино. Писатель показал эту первую главу в комитете по

истории Гражданской войны и получил ответ: «Это, конечно, у нас пойти не может. Оно у вас со стихами... нам точнее надо... документальнее...» Вот откуда и странность композиции этого «рассказа». В качестве начала документальной повести, какой мыслил себе изначально книгу о «красных орлах» сам Павел Петрович, за этим эпизодом в том же ключе следовали бы и другие, и чувство литературной неловкости у читателя не возникло бы. Но, как говорится, не срослось... Хотя книжка «Бойцы первого призыва» все равно получилась интересной — не засушенной, как другие ее «коллеги по жанру».

Пока контрольная комиссия расследовала его дело и Бажов оставался без работы, он продолжал трудиться над собранными в поездках материалами о тавдинском лесобработывающем комбинате и о других предприятиях города Тавды для заказанной ему книжки об этом городе в серии «Из истории фабрик и заводов». (Очерки «Первый лесозавод», «Северные сукноделы» и «Машинка на Азанке» при его жизни так напечатаны и не были.)

Проверено, литературное творчество — это надежное лекарство, способное увести пишущего в мир творческих фантазий и в значительной степени защитить от бесконечных мыслей о житейских неурядицах. Пройдет еще несколько лет, и Павел Петрович убедится в этой истине, поскольку очередная пауза в его трудовой деятельности позволит ему, наконец, нащупать ту золотую жилу, которая прославит его на весь мир... В этот же раз промежуток «ничегонеделанья» продлился у Бажова недолго. На исходе зимы 1934 года он был назначен редактором, но не в ОГИЗ, а в уральское отделение Гослестехиздата, которое располагалось в Свердловске на третьем этаже Дома контор, что на углу улиц Малышева и 8 Марта.

Как значилось в типовом письме, которое рассылалось потенциальным авторам и было подписано управляющим Уральским отделением издательства П.А. Карьковым (знакомцем Павла Петровича по работе в «Крестьянской газете») и редактором литературного отдела П.П. Бажовым, «Свердловское краевое отделение Гослестехиздата намечает в своем издательском

плане на 1935 г. выпуск довольно значительного количества художественно-производственной литературы по «лесной тематике».

Основная установка издательства на художественно-производственный очерк, дающий широкой читательской массе показ работы в лесу и с лесом на фоне тех огромных сдвигов и достижений, которые мы имеем за последние годы в этой отрасли хозяйства».

Действительно, в период осуществления второй пятилетки лесная и лесоперерабатывающая промышленность стала одним из профильных направлений в общесоюзной специализации Свердловской области, и партийное руководство региона в лице первого секретаря И.Д. Кабакова уделяло этому вопросу едва ли не первостатейное внимание, что неоднократно положительно отмечалось отраслевым союзным наркоматом. Так что издательская деятельность в рамках специализированного «лесного» издательства была далеко не «тихим фронтом», как может показаться сегодняшнему читателю. Вот откуда необходимость расширения круга авторов.

По воспоминаниям свердловского писателя К. Боголюбова, Павлу Петровичу удалось включить в план местного отделения Гослестехиздата и классику:

«Это была инициатива Бажова: и выбор автора, и отбор произведений. Павел Петрович рекомендовал „Бойцы“, „Три конца“, „Горное гнездо“ и „Охонины брови“ Д.Н. Мамина-Сибиряка. Мне он поручил написать небольшие вводные статьи к трем последним произведениям, предупредив:

— Для лесорубов будешь писать... Пойми.

Заботу о читателе он проявлял во всем: книжки были снабжены его комментариями, объяснениями малопонятных слов. Характерно одно из замечаний Павла Петровича по поводу оформления „Горного гнезда“, специфически бажовское по трактовке предмета с народной точки зрения. Иллюстрировал книгу художник А. Кикин, по жанру плакатист. Мне довелось присутствовать при обсуждении рисунков. Павел Петрович указывал иллюстратору на громоздкость его фигур и тут же дал тему для обложки „Горного гнезда“, указав на

следующее место в романе: „Летняя короткая ночь любовно укутала мягким сумраком далекие горы, лес, пруд и ряды заводских домиков. По голубому северному небу, точно затканному искрившимся серебром, медленно ползла громадная разветвленная туча, как будто из-за горизонта протягивалась гигантская рука, гасившая звезды и вот-вот готовая схватить самую землю...»

Художник вынес рисунок на обложку. Он изображал тучу в виде протянутой над заводом руки. Так было найдено решение, передающее основное идейное содержание романа.

Павлу Петровичу рисунок понравился.

— Это подходяще. Это по Мамину. Идею отражает точно».

В марте — июне 1934 года на страницах журнала «Штурм» снова появляется рецензент Чипонев. Павел Петрович критикует романы К. Ловцова «Канал» и К. Шарова «Большаком», вышедшие в Москве.

Первая книга представляла собой производственно-авантюрный роман о современных уральских реалиях, в котором помимо прочего рассказывалось о повороте стока реки Чус(овой) в направлении с востока на запад с тем, чтобы сделать ее частью трансконтинентального канала Волга — Обь. Но не этот фантастический сюжет стал раздражителем рецензента.

«С первой страницы романа, — пишет Чипонев, — начинается пошлятина, безвкусица, клевета. Даже халтурой это назвать как-то неловко...

В книжке нет буквально ничего кроме безвкусной болтовни, перерастающей в прямую клевету на уральскую действительность и социалистическое строительство Урало-Кузбасса. Сюжет даже передавать зазорно». В нем намешано немислимое количество отрицательных персонажей, противоборствующих созидательным силам, — и инженеры-вредители, и старообрядцы (в книге «столоверы»), а также пьяницы и рвачи.

Особо Чипонева возмутило неуклюжее внешнее подобие речевым особенностям местного населения, не соответствующее реальности

В вот резюме: «Вывод? Какой же может быть вывод, кроме настоящей необходимости обезопасить, на-

конец, литературу от сточных вод, напирających через подобные «каналы».

Содержание книги К. Шарова привело рецензента в не менее возбужденное состояние. Чипонев делает вывод, что с нашей редактурой дело обстоит далеко не гладко, коль на книжный прилавок выходят такие романы...

«Выпуск подобной книжки нельзя считать ошибкой, над которой можно посмеяться и за которую следует пожурить ответственного редактора. Ведь невозможно допустить, чтобы сколько-нибудь грамотный редактор мог не заметить кричащей безвкусицы, дикой неграмотности и контрреволюционного упрощенчества, не говоря уже о порнографии, которая прет чуть не из каждой строки.

Редактура художественных отделов наших издательств, видимо, требует более пристального внимания к себе не только со стороны критики, но и всей писательской общественности. Пора всерьез заинтересоваться, кто и как у нас отбирает и редактирует, особенно произведения начинающих и мало известных авторов; имеет ли этот редактор хоть какое-нибудь право на такую особо ответственную работу: ведь только в результате полного безразличия к этому участку у нас вместо колхозного романа могла выйти подобная халтура».

Эти мысли были высказаны печатно Бажовым-Чипоневым как раз вовремя. 18 июня 1934 года в Свердловске в клубе имени Профинтерна открылась I областная конференция советских писателей. И хотя еще в январе 34-го громадная Уральская область, выполнив задачу создания промышленной базы в регионе, была разукрупнена, то есть разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую (территория Прикамья осталась в составе Свердловской области), на эту конференцию съехались делегаты со всего Большого Урала. Павел Петрович Бажов также был участником этого писательского форума.

Как отмечал в отчетном докладе на XII областной (еще Уральской) партийной конференции первый секретарь обкома И. Д. Кабаков, «...сейчас на Урале мы

имеем более 60 писателей, печатающихся в областных и центральных журналах. Существует 56 литературных кружков, объединяющих около 600 литкружковцев.

Крупным художественным произведением является «Я люблю», написанное молодым машинистом паровоза горячих путей Магнитки А. Авдеенко.

За короткий период выросли и значительно окрепли поэты Б. Ручьев, Н. Куштум, К. Реут, Г. Троицкий, С. Уланов (ЧТЗ), Губарев (Златоуст).

Мне кажется, товарищи, эти факты достаточно красочно и ярко говорят о крупнейших сдвигах на культурном фронте» (Фрагмент речи, напечатанной в журнале «Штурм», № 2, 1934 г. Стиль оригинала сохранен. — В. С.).

Да, с отменой гегемонии РАППа в советской литературе появился и реалистический взгляд на сущность и качество писательского труда. Теперь уж в «писатели» не загоняли по разрядке, а научились отличать профессионала от литкружковца, что обещало действительный рост количества добротных произведений.

Накануне конференции свердловчане — как литераторы, так и читатели — имели возможность видеть и слышать столичных писателей «первого ряда». Здесь побывали Илья Эренбург, возвращавшийся из поездки в Кузбасс и решивший подсобрать материал для новой повести; уроженка Троицкого района Челябинской области Лидия Сейфуллина, прогремевшая повестями «Перегной» и «Виринея»; автор романа о деревне «Бруски» Федор Панфёров; поэт с дореволюционным стажем Борис Пастернак; широко известный тогда прозаик, один из создателей журнала «Огонек» Ефим Зозуля (кстати, вот почему двое последних и оказались в редколлегии местного «Штурма» — понятно, для них заочное участие в работе провинциального журнала было лишь «галочкой», но для уральцев заполучить столичных литераторов в руководство журналом — дело престижное).

Павел Петрович с интересом посещал эти встречи со знаменитыми коллегами по перу, видимо, продолжал нащупывать заветную тропинку к художественному творчеству...

В президиуме писательской конференции сидели представители всесоюзного оргкомитета: столичные поэты Вера Инбер и Виктор Гусев, прозаик Борис Горбатов, критик и литначальник Владимир Ермилов, уральские литераторы, отмеченные секретарем обкома Н. Куштум, Б. Ручьев, А. Авдеевко, старейший из рабочих писателей А.П. Бондин, а также двое иностранных сочинителей, «товарищи Браста и Клара Блюм» (так и вспоминается ильфо-петровская писательница Вера Круц, участница автопробега в «Золотом теленке»).

Главной задачей конференции было избрание делегатов от уральских писателей на Первый (учредительный) съезд ССП, что и сделали. П.П. Бажов в число делегатов не попал — его авторитет как сочинителя среди коллег по перу в середине 1934 года был недостаточно высок. Впрочем, избрали, главным образом, молодых и рьяных. Павел Петрович при его бороде и негромком голосе таковым и подавно не был...

Однако это не значит, что как автор очеркового жанра он пребывал в тени и забвении.

Выход книги «Бойцы первого призыва» о полке Красных Орлов заметили и соседи «орлов» по бывшему фронту Гражданской войны — ветераны Камышловского полка. Они захотели, чтобы их боевые подвиги так же запечатлели на бумаге. Павла Петровича пригласили на совещание в Истпарт, где собравшиеся обменялись мнениями по поводу будущей книги. Разумеется, личность автора, предлагаемого руководством института, у ветеранов, которые желали получить «такую же» книгу, сомнений не вызывала. Тем не менее Бажов заявил следующее:

«Писать документальную историю полка я не берусь... Род литературы, в котором я работаю, — это исторический очерк... Материалов по истории полка у меня страниц 300–400. Все эти материалы обрисовывают хорошо первоначальную организацию полка. Но период сдачи Перми почти не освещен...»

Мнения собравшихся разделились: одни предлагали закончить Пермью, другие ратовали за полное описание боевых действий, пусть и за пределами Урала. Победила компромиссная точка зрения — писать

о боях на Урале, а в конце дать справку о дальнейших событиях.

При этом Бажов как человек опытный в деле создания заказных книг из-за недостатка времени отверг предложение читать на общих собраниях все поступившие воспоминания: «Будем зачитывать отдельные главы... и обсуждать их».

В отношении жанра книги присутствующий на обсуждении Ветлугин заметил, что будущая работа должна стать «художественным выражением той эпохи, <это> как раз то, что нужно для широких читающих масс».

На том и порешили.

Совещание состоялось 20 февраля 1935 года и было не первым по счету. Кашеваров, конечно, не имел возможности повлиять на принятие решений по этому вопросу, но, не изжив отрицательных чувств по отношению лично к Бажову, он решил насолить делу другим образом...

В мартовском номере «Штурма» он публикует разгромную рецензию на предыдущую книгу Павла Петровича «Бойцы первого призыва», где в своей буквоедской и провокаторской манере сообщает о целом ряде неточностей, замеченных им в тексте.

Рецензент подверг сомнению правильность приведенных автором статистических данных по трем земледельческим уездам бывшей Пермской губернии и обвиняет Бажова в изображении «бесклассовой экономики этих уездов», в попытке социально уравнивать крестьянство, что, по мнению Кашеварова, является грубой политической ошибкой автора.

Далее Кашеваров сомневается в утверждении Бажова, что в августе 1917 года камышловские большевики хорошо провели выборы в городскую управу и «фактически захватили этот участок в свои руки». Рецензент приводит цифры, из которых видно, что в думе на двенадцать эсеров, восемь кадетов и трех меньшевиков было лишь шесть большевиков, и снова напоминает, теперь уже печатно, во всеуслышанье, что городским головой Бажов был избран от эсеров, затем выражает неверие, что шестеро большевиков, работая в управе,

могли одолеть двадцать трех представителей других партий.

Педалируя выигрышную для его цели дискредитировать Бажова эсеровскую тему, Кашеваров обвиняет автора в неправильном понимании политики партии в Октябре как «коалицию с эсерами».

Касаясь отдельных очерков, составивших книгу, рецензент утверждает, что автор намеренно умолчал о роли эсеров в организации кулацких восстаний, и приводит конкретные фамилии таких организаторов в селе Тамакуль. И так далее...

«Книга Бажова, — пишет он в заключение, — которая по мысли издательства и автора должна была осветить период организации и боевого пути 1-го крестьянского Красных Орлов полка, очевидно, рассматривалась как почин в деле создания истории отдельных частей Красной гвардии и армии, сражавшихся на Урале. Но для того, чтобы этот почин был значительным и ценным, необходимы два условия: во-первых, партийность в освещении материала, во-вторых, правдивая подача фактов. К сожалению, ни того, ни другого в книге Бажова недостает, и это обесценивает книгу».

Вряд ли такой отзыв порадовал Павла Петровича. Однако всем было известно, что недавняя попытка исключить его из рядов ВКП(б) провалилась. Очередная вылазка злопыхателя никаких препятствий Бажову для работы над второй «полковой» книгой не создала, и он принялся за дело.

Конечно же, сбор и обработка материала осуществлялись параллельно с основной его деятельностью редактора Гослестехиздата. Издательством затевалась производственная «эпопея» — книга-репортаж о строительстве крупнейшего на Урале бумажного комбината.

Руководителем творческого коллектива был утвержден журналист пермской газеты «Звезда» по фамилии Блок. В письме, адресованном ему и второму ответственному лицу — Окулову, редакция так определила задачу:

«...Издательство (видимо, центральная контора Гослестехиздата, расположенная в Москве. — В. С.) ставит главным требованием, чтобы книга отразила то особен-

ное, чем строительство бумкомбината может и будет отличаться от других строителств. Иными словами говоря, издательство ставит непременно предварительным условием более глубокое изучение вопроса, длительное повседневное наблюдение над строительством или еще лучше непосредственное участие в нем. И еще одно условие для этой книги. Выпуск книги должен быть приурочен к моменту пуска бумкомбината — «лучше даже на первой бумаге», когда уже окончательно определится роль ведущих и рядовых участников строительства...

Срок сдачи рукописи устанавливается издательством 1 сентября 1934 г.

Однако благие намерения, как известно, не всегда ведут к успеху затеи. Выпуск книги был увязан со сдачей комбината, а тот все никак не сдавался... Вероятно, производственные неурядицы влияли и на работу авторского коллектива. Как отмечал Бажов в одном из писем по поводу этого проекта, «инженерно-технический и руководящий персонал почти совсем не дает материалов, ссылаясь на свою загруженность и непривычку к этого вида работе».

Письмо написано 9 ноября 1935 года, тогда как окончательным сроком сдачи объекта было утверждено 1 января 1936 года.

В конце концов авторский коллектив возглавил сам Бажов как представитель издательства, что объясняет его частое появление на Камбумстрое в течение всего 1935 года. Летом он даже вызвал к себе жену и дочь, чтобы они, пока он рулит процессом сборки материала, отдохнули на Каме.

Вспоминает младшая дочь Ариадна:

«Целый месяц мы с мамой гостили у отца и жили в рабочем поселке, на строительстве Камбумстроя в одном из новеньких двухэтажных светлых домов среди соснового бора. И от деревьев и от стен в доме пахло одинаково — свежей смолой. А вокруг кипела, бурлила в едином ритме жизнь большого рабочего коллектива. Весь поселок одновременно просыпался, уходил на работу, возвращался — печалился и веселился. Мне было там очень хорошо и весело. А отцу, видимо, не очень.

Он постоянно возвращался к нам огорченный, невеселый. Не радовали его даже наши поездки по Каме в выходные дни и прогулки по лесу, когда веселые белки, которых было там множество, забрасывали нас шишками...»

Занятость книгой о бумкомбинате не позволила Павлу Петровичу стать участником осуществления нового почина А.М. Горького, который выступил с предложением создать «Историю деревни». А тема-то эта была Бажову куда как ближе, нежели описание будней строительства предприятия по производству бумаги...

Вероятно, чтобы отвлечься от невеселых дум, Павел Петрович снова берется за сочинение беллетристики. Огромный материал по деревенской жизни, собранный в его памяти, давно просился наружу, и Бажов макает перо в чернильницу..

В новом замысле он вполне обоснованно решил увязать процессы, происходящие в деревне накануне коллективизации, с темой реализуемого реконструктивного периода и поселил героев своей повести (на этот раз это без сомнения должно было быть беллетристическое произведение!) на правом берегу большой реки неподалеку от окружного центра. Конечно, в образе большой реки угадывается Кама, а окружной центр — это город Пермь, ведь сюжетным стержнем повествования обещало быть именно строительство бумажного комбината.

Павел Петрович сделал главными героями молодого человека — крестьянина на отхожем промысле бакенщика Ивана Кочеткова и вдовую крестьянку Фаину, живущую с матерью, отчимом и маленьким братом в доме родственника — самого зажиточного в деревне Нагорье человека Евстигнея Поскотина.

Бажов знакомит читателя с главными героями в первом же эпизоде, на берегу реки, куда Фаина приходит проведать пасущихся в лесу телят и где встречает Ивана. Из ее рассказа сразу становится известно прохитрость хозяина, который прячет это поголовье подалее от деревни, чтобы не платить налоги. Здесь, на берегу реки, в тени домика бакенщика, за чаем и начинается звучать тема будущего строительства, а также

технологии производства бумаги. По мере развития сюжета, надо полагать, это привело бы к теме социального производства в целом, которая и стала бы главной или, вернее, основной темой повести, поскольку главной, как видится из заявленного, должна была бы быть тема преодоления естественных и искусственных трудностей при сооружении комбината.

Нужно сказать, Павел Петрович знал литературную конъюнктуру своего времени и с самого начала повествования (со второго буквально эпизода) стал закручивать пружину конфликта на противостоянии старого, представителем которого явился, естественно, скрытый и весьма умный классовый враг кулак Поскотин, и нового — в лице представителей будущего строительства. Но автор усложняет структуру противостояния: те трое, что приехали по приглашению Поскотина на выбор площадки будущего строительства, оказываются также чуждыми элементами. Городской архитектор — «спец», хоть и честен лично, но далек классово; чертежник — залетная московская пташка, мечтающая поскорее вернуться обратно в столицу; а заведующий хозяйством — так этот и вовсе беглый кулак, оказавшийся к тому же дальним «сродственником» жене Поскотина Антонине, дочери дореволюционного пароходчика... Все это становится известным читателю из первых трех глав, и он уже готов, не отрываясь от текста, следить за развертыванием событий. Тем более что Фаина, прознав все эти тайны, по совету члена партии бакенщика Ивана спешит на пароходе в город, чтобы сообщить в партийные органы о том, каким людям при дефиците кадров партия доверяет серьезное политическое дело.

Но, что называется, раскатав губу, читатель тут же и свернет ее обратно: дальше трех глав дело у автора не пошло... Почему?

Назвать эту работу Павла Петровича творческой неудачей, как давешнюю «Потерянную полосу», было бы несправедливо. Все написанные главы — добротное художественное повествование. Ни следа робости, ни грана ученичества. Пожалуй, это первый полноценно художественный текст, вышедший к этому времени из-

под пера Бажова, и — ничем не объяснимая остановка работы... Впрочем, такое уже с ним было — с повестью «За советску(ю) правду», которая также закончилась на полуслове. Но там хоть есть (пусть и гипотетическое) объяснение — мол, задумал цикл, дальше бы все и объяснилось... А здесь?

Возможно, в обоих случаях дело в одной и той же причине: автор, создав хороший текст, усомнился в своей оценке его и решил дать рукописи отлежаться, чтобы погодя перечитать ее свежим взглядом и продолжить дальше, внося необходимые поправки. Но если с повестью «За советску(ю) правду» он все же поспешил выступить в печати, то с «камской» рукописью этого не произошло.

Во-первых, в этом случае повествование только началось, и потребовалось бы много времени для его завершения. Во-вторых... А во-вторых, прекращение работы над ней, скорее всего, было вызвано окончательным отъездом автора с Камбумстроа.

Бумкомбинат сдали-таки в 1936 году, правда, не 1 января, как хотели, а 3 февраля, что не так существенно. Тогда же пошла первая бумага.

Была ли на ней напечатана книга, как требовало руководство Гослестехиздата, и вообще — была ли сама книга создана к этому времени, увы, неизвестно. Ни один из исследователей творчества Бажова об этом прямо не говорит. Похоже, вопрос нуждается в специальном изучении.

Не исключено, что затея могла провалиться по независящим от Бажова причинам. В пользу этой версии, помимо глухого молчания литературоведов, говорит то, что управляющий Уральским отделением Гослестехиздата П. А. Карьков в 1935-м, то есть еще до завершения проекта, покинул свой пост. Члены партии и бывшие его коллеги по «Крестьянской газете», Бажов и Велин, дали ему прекрасную характеристику, несмотря на которую в следующем году Карьков был арестован... Далее, в Личном листке по учету кадров, заполненном Бажовым много позже — 12 апреля 1942 года — значится:

«...II/34 — I/36 — редактор Лестехиздата.

VIII/36 — I/37 — редактор ОГИЗ...»

Спрашивается, что происходило с января по август 1936-го? Пояснений никаких нет. Вернувшись с Камбумстроя (который с 1933 г. назывался Краснокамском), Павел Петрович ушел из издательства. Что, может быть, было ликвидировано Уральское отделение? Или Бажову аукнулась положительная характеристика, данная товарищу? Кстати, известно, что Павел Петрович даже ходил заступаться за Карькова в НКВД. Бажова вежливо выслушали, сказали, что учтут его сведения и пожелали впредь быть более разборчивым в своем заступничестве. Карькову свидетельство Павла Петровича не помогло. Так, может, помешало самому Бажову? Пока с уверенностью на этот вопрос ответить сложно...

Как бы то ни было, но к работе над «камской» рукописью, вернувшись в Свердловск, Бажов больше не приступал и только на исходе жизни не вполне «уклюже», с литературной точки зрения (это признается многими исследователями), приписал к ней последнюю фразу и, исходя из нее, дал рукописи название: «Через межу». Сборник с этой публикацией он уже не увидел...

Но и в середине тридцатых Бажов не потерялся на литературном поле области. Он участвует в партийных собраниях свердловского отделения ССП, выступает на обсуждениях произведений коллег по перу. Но сам в Союзе писателей не состоит. Опять же — почему?

А потому, что в 1934 году, после учреждения ССП, когда шла перерегистрация членов писательских организаций, Павел Петрович подать документы... не соизволил.

О причине узнаем из его письма в Литературный институт им. А.М. Горького, на заочное отделение которого он удумал поступать в 1936 году, имея за плечами 57 лет от роду. Приложив к заявлению о приеме в качестве образцов своего творчества две книжки — «К расчету!» и «Бойцы первого призыва», он пишет:

«Все это в простейшем мемуарном роде, — «чему свидетель в жизни был». Претендовать с такой продукцией летописного порядка на звание члена или даже кандидата ССП я считал себя не вправе, поэтому при перерегистрации не подал заявление... Настолько я

все-таки грамотен, чтобы сознавать свою литературную беспомощность... потому хотел бы систематизировать обрывки своих литзнаний по отделению прозы».

Что это за акт самоуничужения? Неужели опять интеллигентская рефлексия, неуверенность в себе и даже застенчивость, о которой писал Евгений Пермяк? Познакомившись с вполне добротным текстом начала повести «Через межу», другой вывод и сделать сложно... Разве же уровень мастерства писателя определяется рангом его диплома: с высшим образованием — мастер; со средним — подмастерье; а с семинарским — только любитель?.. Чушь какая-то... Сколько серых личностей выпустил впоследствии литинститут — и счету не поддается. В то же время ни Шолохову, ни Платонову, ни Булгакову никакого специального (гуманитарного) образования не понадобилось...

Кого из тех нескольких десятков перерегистрированных в 1934 году свердловских писателей знает сегодняшний читатель? Увы, никого. А Бажов известен не только на Урале, но и по всей России! Думается, это результат его высокой требовательности к себе как к писателю. Он словно бы долго-долго трет ноги о половичок, прежде чем переступить порог храма Литературы — той, которую в течение почти восемнадцати предреволюционных лет преподавал своим ученикам и ученицам, служа учителем словесности по духовному ведомству.

Стать студентом вуза (как помним, мечта его молодости) седобородому Бажову довелось, когда его старшие дочери обучение в вузах уже закончили. Не только закончили, но и успели выйти замуж. В бывшей детской, разделенной перегородкой пополам, поселились две молодые семьи — Ольга с мужем Евгением Присадским и Елена с мужем Семеном Оглоблиным. Оба зятя также были студенты.

В этот период в доме на Чапаева, 11, (новое название улица получила после триумфального шествия по экранам страны фильма братьев Васильевых и повсеместного увековечивания памяти этого героя Гражданской войны) жило народу не меньше, чем в коммунальские времена — помимо обоих родителей четверо

детей, два зятя, бабушка и, вероятно, еще одна из сестер Иваницких — Наталия Александровна.

Бажовы освободились от навязанных им квартирантов в начале тридцатых. Возможно, чтобы впредь эта ситуация не возобновлялась, Павел Петрович и Валентина Александровна пригласили к себе жить тетю Талю, как называли ее дети. Она вместе со своей матерью (тещей Бажова) заняла освободившуюся от квартирантов угловую комнату окнами сразу на две улицы — Чапаева и Большакова и, таким образом, отныне в доме обитали только свои. О тете Тале известно, что она жила в Свердловске по адресу: улица 8 Марта, 66 (это следующий после здания бывшего Духовного училища, в котором позднее был рабфак, затем УрГУ и СИНХ, а теперь УрГЭУ, дом, ныне не существующий), с ноября 1923 года. Работала сначала инструктором школы и библиотеки, с февраля 1929-го — заведующей школой и библиотекой, а с декабря 1930-го — заведующей курсами.

Н.В. Кузнецова уточняет, что эта школа была милицейской (по уточненным данным — кинологической), а позже Наталия Александровна работала еще и в школе при филармонии. Это были, скорее всего, школы вечерние или сменные, где милиционеры и артисты получали неполное среднее (семилетнее) образование.

В возрасте сорока четырех лет (вероятно, по состоянию здоровья) 25 декабря 1933 года тетя Талья вышла на пенсию, которая составила пятьдесят процентов ее среднего заработка за все это время, т. е. 64 руб. 68 коп. Эта сумма и стала основой бюджета большой семьи, когда Павел Петрович вынужденно сидел без работы...

Но вот большая семья стала сокращаться. Ольга с мужем, окончив вуз, уехала на работу в Челябинск, а позже — на родину Евгения в Тульскую область, в район, где были залежи угля. Уехала в Москву и средняя дочь с мужем. Но это были закономерные события. То же, что случилось с девятнадцатилетним сыном иначе, чем трагедия, не назвать...

Об Алексее мы знаем очень немного. Из удостоверения, выданного ему в Областной опытной фабрично-

заводской школе-семилетке им. Свердлова 24 марта 1932 года, известно, что он проучился в этой ФЗС семь лет и выбыл с выходом на производство. К этому времени он уже значился членом ОСОАВИАХИМа (Общество содействия армии, авиации и химическому строительству — аналог нынешнего ДОСААФ-РОСТО); состоял в МОПРе (Международное общество помощи рабочим), а кроме того — в ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий), что никак особо его не выделяет — участие во множестве всяких организаций было характерно для многих его сверстников.

В июне 1932-го он «является учеником фотографа при секторе ИЗО УралОГИЗа и работает по заданиям издательства», что подтверждается справкой.

К ноябрю 1934 года он имеет книжку ударника, полученную за работу в бригаде электросварочного цеха завода «Уральский автоген» (находился на углу улиц Машинной и 2-й Загородной, ныне Фрунзе) и имеет производственный стаж два года. Выполняемая им работа: хронометражист.

Что это такое, становится ясным из соответствующей статьи в «Техническом словаре». В те годы шла отработка нормирования производственного труда, а для этого был необходим четкий хронометраж (замер времени, требующегося на производство той или иной операции). «Хронометраж должен проводиться над работой стахановца или ударника, причем хронометрируемый процесс должен быть надлежащим образом подготовлен и организован, чтобы исключить элемент случайности. Во время проведения хронометража должны тщательно учитываться все условия работы и в частности ненормальности, оказывающие влияние на длительность приемов и трудовых движений; кроме того, должны быть правильно установлены фиксационные точки (начало и конец наблюдаемых отрезков процесса). Все данные хронометража заносятся в наблюдательный лист и затем обрабатываются... Данные хронометража подвергаются тщательному анализу». Нужно добавить, что хронометрировался труд ударников и стахановцев для фиксации новых трудовых рекордов, которые в свою очередь влияли на увеличение

общих норм, а это дело в пролетарской стране — уже политического свойства. Иными словами, юный Алексей Бажов выполнял в электросварочном цехе весьма ответственную работу и, судя по всему, выполнял неплохо. Иначе бы сам не попал в ударники.

Однако вряд ли его устраивала должность стороннего наблюдателя трудового процесса. Наверняка ему и самому хотелось владеть искусством сварщика и резчика металла...

Как рассказывала Ольга Павловна Бажова в 1986 году, Алексей и овладел этой специальностью, после чего был отправлен в Калату (нынешний г. Кировград Свердловской области) на производственную практику.

И вот 24 ноября 1935 года случилось непоправимое. В цехе начинающему специалисту по чьему-то недосмотру досталась для резки на металлолом железная бочка с остатками горючего (или взрывчатого) материала. Нагретый пламенем автогена горючий воздух взорвал бочку, и куском ее обшивки Алексей был поражен в голову, после чего скончался. Как сказано в Свидетельстве о смерти № 2/58 от 28 ноября 1935 года, от «перелома черепа».

Так Бажовы лишились сына...

Ольга Павловна говорила, что отец и мать вдвоем ездили в Калату хоронить Алексея и кроме них никто в семье так и не знал, где его могила.

Не исключено, что именно этот стресс отвратил Павла Петровича от работы над жизнеутверждающей повестью о строительстве бумкомбината...

Его коллега по писательскому цеху Нина Попова вспоминала свою встречу с Павлом Петровичем в этот период:

«...Павел Петрович вошел в комнату нашего литературного отделения необычной, шаркающей походкой.

За несколько дней перед этим он похоронил сына Алешу, погибшего трагической смертью.

Тяжело было смотреть на осунувшееся лицо, постариковски отвисшие щеки. Какие утешительные слова можно было сказать ему в ту минуту?

Бажов подошел к моему столу (я тогда заведовала литературной консультацией). Он поздоровался, как

обычно. Достал из портфеля рукопись одного начинающего автора. Сказал:

— Вызвать бы этого человека... Рецензией не обойдешься. Поговорить с ним надо. Тут, видите ли...

И он заговорил о рукописи.

От моего стола Павел Петрович перешел к столу секретаря отделения. И снова я услышала деловой разговор.

Бажов мужественно нес свое горе: не только не навязывал его другим, но даже с достоинством и сердечной деликатностью отводил разговоры.

Эта высокая черта, которую А.М. Горький определил как «великодушные молчания», была всегда присуща Бажову».

В июле 1936 года исполнилось двадцать пять лет супружеской жизни Павла Петровича и Валентины Александровны.

Младшая дочь Ариадна:

«Моя память выхватывает из прошлого летний жаркий день 16 июля 1936 года. В нашем саду как будто специально к серебряной свадьбе родителей зацвела липа. Старшие сестры в то время уже не жили с нами, брат Алеша погиб в результате несчастного случая. Осталась я одна. Но в этот день по пути в командировку в Златоуст приехала из Москвы Елена.

Мама, худенькая, красивая, в светлом ситцевом платье, с цветком в еще черных волосах, играла на гитаре и пела. Когда обо всем переговорили, съели пироги и выпили чай, отец с таинственной и смущенной улыбкой вынес из дома простую ученическую тетрадь с пушкинским Лукоморьем на обложке, исписанную ровным, аккуратным почерком бывшего учителя русского языка и чистописания, и прочел нам глуховатым голосом, смущенно покашливая, сказ «Медной горы хозяйка» (В первоначальной рукописи слово «хозяйка» писалось автором с маленькой буквы)...

«Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то. Верст, поди, десять, а то и все пятнадцать до того места.

День праздничной был и жарко страсть. Парун чистый. А оба в горе робили, на Гумёшках то есть. Малахит-руду добывали...»

«Вот! Вот оно! — воскликнет читатель. — Наконец-то дошли до сказов!..» Это верно, с той лишь разницей, что ознакомление семьи с содержимым заветной тетрадки было не первым публичным прочтением автором его «Хозяйки».

Еще в апреле того же 1936 года Павел Петрович отважился обнародовать этот новоиспеченный текст на своем творческом отчете в Союзе писателей. Было это 16 или 27 апреля (собрание проходило в течение двух дней). Интересно, что реакция коллег-литераторов на первый публично прочтенный Бажовым сказ не известна... Видимо, в пылу полемики — «не расчихали», не обратили особого внимания, не придали значения и т. д. Другое дело — сообщение Павла Петровича о работе над рукописью по истории Камышловского полка! Вот здесь собратья по перу поручили своему тогдашнему шефу И. Панову «тщательно ознакомиться с рукописью т. Бажова и в случае необходимости организовать т. Бажову высококвалифицированную партийную консультацию для оценки с точки зрения исторической правды и точности описываемых событий...»

Вот так.

Кто знает, сколько бы еще тетрадка с «Хозяйкой» после двух читок для ограниченной публики лежала в недрах бажовской конторки на Чапаева, 11... Однако точно известно, что поводом для выхода этого необычного сочинения на свет явился случай.

В апреле 1936-го П.П. Бажов снова служит редактором в УралОГИЗе (теперь уже СвердловОГИЗе). И вот однажды в издательстве появляется известный краевед Владимир Петрович Бирюков, с которым подписан договор на сборник уральского фольклора.

Почему вдруг в передовом промышленном регионе — на пролетарском Урале — решили окунуться в глубины народной архаики? А дело вот в чем: А.М. Горький, к этому моменту, несомненно, «гуру» советских писателей, на I учредительном съезде ССП выступил с очередным почином: «Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза». По всей стране, как у нас и бывает, началась невидан-

ная прежде кампания по изданию сборников сказок, легенд, пословиц и т. п.

Не удивительно, что и в Свердловске было решено собрать и издать такой сборник.

Вот что написал в предисловии к нему сам В. Бирюков:

«Инициатива создания настоящего сборника принадлежит Свердловгизу, поручившему мне его составить еще в 1934 г. (сразу после съезда. — В. С.). До того времени я собирал фольклор лишь попутно, ценя его как источник для пополнения составляемого мной с 1913 года словаря наречий русского языка на Урале.

Поручение Свердловгиза заставило меня подойти к фольклору с другой стороны... Для этого потребовалось начать работу заново, так как собранных прежде текстов было недостаточно, а ряд текстов просто пришлось признать неподходящими для сборника, предназначенного для широкого читательского коллектива.

В частности, пришлось совсем снять старообрядческие стихи, имеющие большой академический интерес, а также собрание заговоров. Вместо этого решено было обратить внимание на сбор материалов, отображающих фольклор заводских рабочих. При первом взгляде он казался бедным, а в ряде случаев его как будто и совсем не было...»

И далее он же, но в другом месте:

«Бывая в издательстве, я встречал там Павла Петровича. Когда увидел его тут впервые, спросил, какую работу он здесь выполняет.

— Я редактор соцэка, соцэка, — посмеиваясь над неуклюжим словом, ответил Павел Петрович.

Редактировал он социально-экономическую литературу. Стол соцэковского редактора был рядом со столом редактора художественного. Когда я говорил со своим редактором о рабочем фольклоре, Павел Петрович внимательно прислушивался, а потом заметил:

— Рабочий фольклор есть, и немало его. Я могу дать в ваш сборник.

Я очень обрадовался этому предложению. И вот через каких-нибудь дней десять Павел Петрович передал мне свою рукопись с воспроизведенными по памяти

тремя рабочими сказами: „Про Великого Полоза“, „Медной горы Хозяйка“ и „Дорогое имячко“. Четвертый сказ был уже из другого цикла: „Про „водолазов“ — историческое предание из времен „картофельного бунта“ 1842–1843 годов.

Бажовские сказы прочел в издательстве не только редактор художественной литературы, но и другие сотрудники. Все они пришли в восхищение.

„Дореволюционный фольклор на Урале“ вышел в свет в 1936 году, редакторскую работу над ним завершал уже П.П. Бажов».

Итак, публикация первых четырех сказов состоялась в 1936 году, благодаря затеянному Свердловским государственным издательством фольклорному сборнику.

Сборник состоял из двух разделов. В первый вошли традиционные для русского народного поэтического творчества жанры: пословицы, поговорки, шутки, загадки, песни — разбойничьи, солдатские, игровые, свадебные, шуточные и т. д., романсы, частушки, а также народная драма. То есть материал, собранный Бирюковым до возникновения идеи представить в сборнике и рабочий фольклор. А вот второй раздел уже почти целиком отдан преданиям и тайным рабочим сказам. И «Про „водолазов“» включен на правах одной из главок в раздел, посвященный «картофельному бунту», правда, эта бажовская главка — самая сюжетно развернутая. Видно, что это не просто запись рассказа, а материал, над организацией которого потрудился собиратель, авторизовавший услышанное.

Вот первые строки этого текста:

«Съехались к царю министры да сенаторы, митрополиты да генералы. Самое что ни на есть высшее начальство. Был тут и пермский губернатор.

За обедом у царя с министрами вышел разговор про картошку. Она тогда внове была. Только-только разводить ее стали по деревням. Вот царь с министрами и разговаривал, как так устроить, чтобы мужик повсеместно картошку разводил. Картошка — хлебу замена, на случай голода подспорье. Вот и придумали написать от царского имени указ, чтобы в каждой волости не меньше десятины было посажено картошки...»

Как видим, стиль повествования — уже «сказовый», то есть близкий к разговорному, каким обычно устно рассказывают некогда бывшее на белом свете. Но конкретных авторских примет в нем пока не видно, поскольку они не успели выработаться. «Про „водолазов“» — это вроде пристрелки, причем без подготовки. Чуть более организовано «Дорогое имячко», но и оно стоит далеко-далеко от подлинных шедевров Бажова — «Медной горы Хозяйки» и «Про Великого Полоза». Скорее всего, в те «десять дней», о которых говорил В. Бирюков, вспоминались и записывались первые два текста, а третий и четвертый — были готовы и к обещанному сроку лишь прошли полировку свежим глазом и легким пером. Вот они-то, вероятно, и вызвали восторг у читателя. Ибо, как правило, незнакомый текст лучше воспринимается на глаз, нежели на слух...

Интересно вот что. В этой публикации Бажов самоопределяется не в качестве автора, а только — собирателя и литзаписчика. Как сказано в комментарии к «Водолазам», «записано П. Бажовым. По Зауралью, в пределах бывш. Камышловского, Шадринского и частью Ирбитского уездов... Давалось это в форме сказки. Рассказывал старик-доброволец, сколько помню, из деревни Байновой, близ Каменского завода, в б. Камышловском уезде».

И представленные в сборнике «Дорогое имячко», «Про Великого Полоза» и «Медной горы Хозяйка» поданы как запись услышанного когда-то от старого полевчанина Василия Хмелинина. Опять материал значителен как фольклорный, а не авторский. Из этого можно сделать вывод, что в тот момент в области сказового творчества Бажов еще не чувствовал себя оригинальным автором, а лишь обработчиком, интерпретатором, редактором.

В этом же качестве он пребывал, и когда в Свердловск по своим делам приехал московский писатель и музейщик Всеволод Лебедев. Новый читатель также с воодушевлением воспринял первые, пока рукописные, сказы и с согласия Бажова увез их в столицу с целью публикации.

Они появились в «Красной нови» — старейшем советском и первом в «табели о рангах» литературном

журнале СССР. Здесь были напечатаны вышеупомянутые сказы (без «Водолазов») плюс «Приказчиковы подошвы», и вышли они в свет даже раньше, чем сборник в Свердловске. — в ноябрьском номере за 1936 год.

Параллельно с этой публикацией сказ «Дорогое имячко» был опубликован и в № 1 свердловского «Литературного альманаха», начавшего выходить с ноября 36-го года вместо журнала «Штурм».

Тогда же, на исходе года, сказ «Медной горы Хозяйка» дублируется в местном сборнике «Урал медный», выходившем в серии «Уральская библиотека занимательного краеведения».

А сборник «Дореволюционный фольклор на Урале» был подписан в печать лишь 29 декабря и реально стал доступен читателю только в следующем, 1937 году.

Таким образом, Бажов выстрелил своими сказами, что называется, залпом в четыре орудия. И резонанс был соответствующим...

Хотя у автора продолжали оставаться серьезные внутренние сомнения насчет этого своего сказового творчества. Во-первых, легенды (или сказы) о той же девке Азовке, которая фигурирует в «Дорогом имячке», слышал не он один, как и рассказывало их много доброхотов помимо В. Хмелинина. Приписать авторство публикуемого текста себе Бажов постеснялся. В комментарии к оному сказу в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» с его слов объясняется, что «вариантов сказания... насчитывалось до десяти, но их легко свести к двум группам: «золотоискательские» и «разбойные»... Вариант, который приводится здесь, в известной мере связывает оба основные направления». К тому же легенду о Великом Полозе в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» представляют сразу два записчика: один вариант (в хмелининском сказывании) — Бажов, а второй — со слов ямщика Сысоя Ивановича — известный журналист Шубин, бывший коллега Павла Петровича по «Крестьянской газете». А кроме того, в комментарии к бажовской публикации есть ссылка еще на ряд лиц, слышавших подобное в прежние годы и даже видевших такого полоза въяве...

И тем не менее, если говорить о сказовых публикациях Павла Петровича 1936 года, то, пожалуй, всем стало ясно, что истории-то, может, и Хмелинина, а вот рука — верно бажовская. Так что в «Литературном альманахе» фамилия Бажов стоит перед названием «Дорогого имячка» вполне легально и недвусмысленно: мол, автор текста — он. Правда, и здесь сомневающийся или, скорее, щепетильный Павел Петрович дает предисловие, повторяющее содержание комментария в фольклорном сборнике: де, существует множество вариантов, дак мы того — даем вариант хмелининский...

Уже только ленивый не связывал все эти четыре публикации с именем Бажова, но Павел Петрович все продолжал сомневаться в правомочности своего авторства, и эта его рефлексия перешла на следующий 1937 год.

Как говорится, слава вперемешку с беспокойством...

Тем временем В. Бирюков отсылает вышедший сборник крупному библиофилу, обладателю лучшей на Москве частной библиотеки поэту Демьяну Бедному, и доверчивый Демьян, веря тому, что сказано в комментариях, принимает эти сказовые публикации за фольклор. В нем просыпается жажда творчества — он решается повторить эти «тайные» истории рабочих Урала в стихах...

Конец 1936 года ознаменовался для Павла Петровича Бажова еще одним событием. Была подписана в печать рукопись его книжки «Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка». Эта книжка носила несколько иной характер, нежели «сродственная» ей «Бойцы первого призыва». В составе Камышловского полка сам Бажов не воевал, хотя недостатка в воспоминаниях ветеранов у него не было. Откликнулся на приглашение вспомнить дела боевые и сам начдив Макар Васильев — можно сказать, благодетель и заступник автора периода предыдущей «полковой» повести.

Оценивая рукопись готовой книги, рецензент Зиновьев среди прочего написал:

«Собранный товарищем Бажовым материал представляет большую ценность. Несомненно, что он осве-

тил одну из славных страниц героического периода борьбы Красной армии на восточном фронте.

Казалось, ввиду состоявшихся в 1936 году многочисленных литературных публикаций в Москве и Свердловске в наступающем 1937-м Бажова как писателя ждет заслуженный успех. Но это только казалось.

Путь к славе непременно лежит через овраг.

Глава 11. «МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА». **Per aspera ad astra**

Итак, шестая (но все еще не сказовая!) авторская книжка П.П. Бажова «Формирование на ходу», будучи подписанной в печать 29 октября, появилась на прилавках книжной торговли, надо полагать, в конце ноября — в декабре уходящего 1936 года и сразу стала объектом пристального внимания.

Книга начинается по-бажовски живыми картинками бегства классовых врагов из Екатеринбурга навстречу приближающимся белым. Затем следует обстоятельный рассказ об экспедиции матроса Хохрякова во главе екатеринбургского отряда в Тобольск и Тюмень для помощи в установлении там советской власти. Чувствуется, что повествование ведет писатель — человек, который умеет организовать материал и подать его интересно, так, чтобы увлечь читающего.

Дальнейший рассказ посвящен собственно формированию Камышловского полка, проходившему на базе Ирбитского завода. Попутно мы узнаем историю этого предприятия, едва ли не самого маленького на Урале. Ирбитскозаводцы и стали костяком этого подразделения, возглавляемого камышловскими большевиками. Каркасом повествования о боевом пути полка на Урале явились воспоминания его организатора — бывшего Камышловского уездного военкома, а потом предисполкома Макара Васильевича Васильева.

Памятуя о претензиях в адрес предыдущей книжки, Бажов подробно освещает историю становления парторганизации «в заводе», рассказывает о том, как рабочие

помогли установлению большевистского влияния и в мещанско-купеческом городе Ирбите.

Вместе с тем автор книги включает в повествование эпизоды, которые не красили первых красногвардейцев. Так, один из отрядов, посланный на разведку в соседний населенный пункт, не обнаружив там противника, присоединился к населению, праздновавшему Троицу, и не сообщил в штаб обстановку. Этот эпизод приводится Бажовым по воспоминаниям бывшего предволисполкома Ирбитского завода Панова.

Во всех использованных воспоминаниях чувствуется любовь и уважение красногвардейцев к М.В. Васильеву, который даже внешне выглядел более штатским, нежели военным (хотя имел за плечами практику Первой мировой). Но приведены и случаи пренебрежительного отношения к Васильеву и другим красногвардейским командирам со стороны военспецов, завидовавших боевым успехам уральцев.

Страхуясь, Павел Петрович все цитаты из васильевских мемуаров дает со ссылкой на ЦАКА — Центральный архив Красной армии. Понятно, сам он в Москву не ездил и пользовался копией этих материалов, хранившихся в местном партархиве. Так же по копиям оригиналов он приводит в своей книге и ряд боевых приказов по 1-му Камышловскому пехотному полку и Ирбитскому заводскому гарнизону.

Есть в книге рассказ о деятельности среди бойцов уральцев известного большевика Г. А. Усиевича, бывшего с Лениным в эмиграции, а также политкомиссара Бронислава Швельниса, который, сражаясь в рядах 29-й дивизии, отдал жизнь за революцию.

Ссылаясь на воспоминания ветерана полка Никонова, Бажов пишет:

«Боевые качества полка, как показали ближайшие же дни, оказались очень высокими, несмотря на то, что в состав полка вошло немало людей, не привыкших обращаться с оружием и не проходивших суровой школы войны». И называет эти фамилии, хотя оговаривается, что документального подтверждения сказанному найти не удалось, источник — только воспоминания.

Памятуя о щекотливости ситуации со сдачей красными Перми в конце 1918 года, Бажов вставляет эпизод из воспоминаний начдива Васильева, в котором Сталин и Дзержинский, прибывшие расследовать причины «Пермской катастрофы», представлены максимально благоприятно. Для самого Васильева серьезных оргвыводов по следам «катастрофы» не последовало, и он так вспоминает об этой встрече с грозными представителями Центра:

«Это лучшая страница моей жизни, и я вышел от них (Сталина и Дзержинского. — В. С.) с чувством глубокой благодарности и с надеждой, что будем бить белых крепче, чем били до сих пор, и в ближайшее же время разгромим Колчака».

Воздано на страницах книги «Форсирование на ходу» и В. К. Блюхеру, руководителю героического похода красных войск по вражеским тылам на Южном Урале, впоследствии помощнику командующего 3-й армией.

В последней главе Павел Петрович органично переходит к послеуральскому периоду истории Камышловского полка, в двух словах рассказывает о его боевых действиях на советско-польском фронте, не скрывая, что они были не очень удачными. Но камышловцам, несмотря на невыигрышное положение, удалось вырваться и выйти к своим, после чего остатки полка влились во вновь формируемый Невельский полк. На этом документальная история полка и закончилась...

Таким образом, Павел Петрович Бажов постарался учесть все пожелания ветеранов и комиссии по созданию истории Гражданской войны, а также поправки рецензента. Тот факт, что рукопись была подписана в печать, то есть утверждена и разрешена к изданию, говорит о добросовестной работе автора.

Тем не менее в конце 1936 года, когда Бажов принял на себя первые лучики литературной славы, которые пошли после публикаций сказов, за его спиной разразилась катастрофа, сродни Пермской...

Все изложенные выше обстоятельства биографии Павла Петровича позволяют судить о нем, как о человеке по натуре осторожном и здравомыслящем, из тех, что никогда не поддаются мимолетному движению

души и настроения. Эти качества позволили Бажову сравнительно ровно дожить до 58 лет. Никакие происки классовых врагов, наветы и наскоки бдительных «товарищей по партии» не смогли поколебать его пусть и не высокого, но достаточно прочного положения в жизни.

Однако бывают события, которые предугадать никак нельзя. Они возникают будто бы извне, и человек оказывается перед ними точно путник в лесу перед внезапно появившимся разбойником. У разбойника в руках нож, у тебя — только котомка, и ты виноват всего-то лишь в том, что в данный момент оказался в данном месте. И убежать поздно, и не разойтись — узка тропинка...

Книжка «Формирование на ходу» вызвала большой резонанс не столько своей темой и литературными достоинствами, сколько... антипартийной пропагандой. Да, именно так было воспринято новое произведение П.П. Бажова, создаваемое им, как мы видели выше, с особой тщательностью. Что же вышло?..

А дело в том, что процитированные в книге воспоминания Панова и Новикова, принадлежали... чуждым элементам. Пока шло типографское производство утвержденной к печати книжки, Г. Никонова успели исключить из партии «за троцкизм», а М. Панова и вовсе осудили «за контрреволюцию»...

«Та-ак... — решили бдительные товарищи. — Бажов опять льет воду на мельницу врага. Ведь мы же предупреждали...»

Согласитесь, такого исхода Павел Петрович предвидеть не мог. Как говорится, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Далее у поэта следует: «...и нам прощение дается...» — но вот насчет прощения классик XIX века Ф. Тютчев ошибся.

Тут, скорее, уместно библейское: «Мне возмездие и аз воздам» — так, не признавая постулатов Библии, но все же на деле исповедуя их, решили партийные органы.

Казалось бы, Павла Петровича снова мог спасти его прежний заступник — признанный герой Гражданской войны на Урале и одновременно краеугольная фигура книги — бывший начдив Макар Васильев. Но... в этот

краткий период, пока книга печаталась, был арестован и он...

Случай из ряда вон выходящий: получалось, Истпарт Свердловского обкома подготовил и выпустил сугубо антипартийную книгу, в которой прославлялись враги генеральной линии ВКП(б).

Объяснимо недоумение автора — над ним были и редактор, и комиссия по изучению Гражданской войны, и руководство Истпарта, и, в конце концов, разлюбезный обллит, то есть цензура. — и все они ничтоже сумняшеся пропустили эту крамолу в печать, а отвечать придется ему одному?..

Нет, не одному. Вместе с ним привлекли к ответу и всех, кто исполнял вышеназванные функции.

Вот что сказано в постановлении бюро Свердловского городского комитета ВКП(б) — протокол № 73 от 25 января 1937 года :

«Установлено, что Свердловским областным издательством (ОГИЗом) в ноябре м-це 1936 г. издана и выпущена в продажу книга «Формирование на ходу», автор Бажов.

В предисловии написано, что книга якобы написана по материалам Свердловского Истпарта.

По своему существу книга «Формирование на ходу» является антипартийной, контрреволюционной, так как популяризирует и выводит тип борца-революционера — М.В. Васильева, разоблаченного троцкиста, контрреволюционера. Ряд эпизодов в книге написано (так в тексте. — В. С.) со слов М. Попова (машинистка описалась: надо Панова. — В. С.), осужденного за контрреволюцию, и Г.В. Никонова, исключенного из партии за троцкизм...

Редактировавший книгу А.А. Перловский, который не проверил по существу материалов и тем самым способствовал изданию троцкистско-революционной книги. Зав. Истпартом Моисеев С.С., который руководил формированием и изданием этой книги, поставил дело таким образом, что в составлении этой книги принимали участие главным образом троцкисты.

Литировавшая книгу т. Захарова — уполномоченный свердловского Обллита, безответственно отнес-

лась к порученному ей делу, проштамповала выход этой антисоветской, контрреволюционной книги.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Книгу П. Бажова «Формирование на ходу»... изъять как антисоветскую.
2. Автора книги Бажова... из рядов ВКП(б) исключить.
3. Товарищ Перловский, редактировавший книгу.. заслуживает исключения из партии, но, учитывая, что это первая его политическая ошибка... объявить строгий выговор с предупреждением.
4. Моисеева... исключить.
5. Захаровой указать...

Секретарь горкома ВКП(б) Кузнецов».

Первый секретарь обкома И.Д. Кабаков, незадолго до этого назначенный также и первым секретарем горкома ВКП(б), лично отобрал у Павла Петровича партбилет, не слушая его оправданий...

Конечно, случай с Бажовым — не единственный в то время. И изъятый партбилет — не первый и, ясное дело, не последний. Все исключаемые пытались оправдаться, и оправдания многих не были выслушаны — от партийного руководства области требовалась бдительность и жесткость в действиях по отношению к врагам партии, а если контрреволюцию сами же и прошляпили — тем более. Не редко исключение из партии было лишь первым шагом к последующему аресту, после чего судьбу арестованного решала «тройка» — внесудебный орган, в который входили первый секретарь обкома, начальник областного управления НКВД и областной прокурор...

Вот с такими перспективами на дальнейшую жизнь Павел Петрович и вышел вечером 25 января 1937 года из подъезда бывшего Нового гостиного двора на площади 1905 года, превращенного путем надстройки и изменения облика в сплошной конструктивистский пятиэтажный фасад, и направился, скрипя подшитыми

валенками, по свежему, а может быть, и уже затоптанному снегу домой, на улицу Чапаева.

Странным образом любовь к документальной истории повторно привела его к тому же результату — он не угадывал политическую конъюнктуру. В нем более жил художник (которому важен образ события), а не ученый-буквоед, что ориентировался на вехи, расставленные партией, вовремя отмечая смену направления... Вряд ли Павел Петрович в июле 1917 года, когда окончательно выбрал большевистский путь движения в революцию, предвидел, что спустя двадцать лет ему придется самому противостоять партии, отстаивая собственные честь и достоинство.

И ладно бы сомневался в генеральной линии или в самом деле был виноват...

Должно быть, по мере этого неспешного следования домой, в нем и вызрело решение больше не связываться с документом, а всецело посвятить себя мифологизированному прошлому — тем более что успех первых публикаций подтверждал правильность этого пути. К тому же, здесь он был всего лишь публикатором когда-то услышанного...

Спустя три дня после изгнания Бажова из партии — и уже без него — состоялось партийное собрание в ячейке ОГИЗа, куда он был приписан как член ВКП(б).

Бывшие товарищи по партии, коих собралось 9 человек (в основном технические работники и рабочие) отметили в свое оправдание, что не разоблачили Бажова раньше, поскольку он не давал к этому никакого повода, а характеристика и поручительства у него хорошие. Тем не менее было признано, что решение горкома по Бажову «правильное», и в своих выступлениях соратники по ячейке то и дело именуют Павла Петровича троцкистом, причем без всяких доказательств.

Налицо прецедент, когда досадную случайность загоняют в русло закономерности, накручивая себя в плане повышения бдительности и непримиримости к врагам революции, которыми при такой постановке дела завтра может быть объявлен каждый из них самих...

В итоге постановили:

«Полностью одобрить решение бюро горкома ВКП(б) в оценке самого факта выхода контрреволюционной книги и организационные выводы... в отношении автора этой книги троцкиста Бажова, исключенного из рядов ВКП(б)...»

Это постановление датировано 28 января 1937 года — как раз тем днем, когда семья Бажовых по традиции поздравляла мужа и отца с очередным «летием».

Двадцатого февраля бывший коммунист и бывший редактор ОГИЗа (он уволен сразу же после решения бюро горкома — разумеется, «по собственному желанию»: вот когда родилась эта иезуитская формулировка — никто не хотел брать на себя полноту ответственности) Павел Петрович ставит точку в конце последней фразы своего обращения в Комиссию партконтроля по Свердловской области. Почему же через такой большой промежуток времени после случившегося? Видно, так долго сочинялось это письмо. Все же на этот раз дело было не в утайке реального партстажа, а (да-да, как ни крути) пропаганде троцкизма. Формально так все и выглядело. Хотя на деле...

Вот что писал Бажов:

«...Я не отрицал и не отрицаю своей грубой политической ошибки с выпуском этой книжки (здесь и далее подчеркнуто самим пишущим. — В. С.), но считаю, что моя партийная вина здесь не выше вины тех журналистов нашей области, которые, не зная действительного положения дела, писали, например, об успехах Средне-медьстроя, Уралвагонзавода и вообще с похвалой отзывались о людях, которые теперь выявлены как заклятые враги партии и народа — троцкисты.

Что ошибка моя произошла непреднамеренно, исключительно по незнанию, легко видеть из следующего...

Материал мой предварительно просматривался быв. заведующим истпартком Моисеевым, потом через него же был передан на рецензию т. Зиновьеву (рецензия в моем деле имеется). Рецензент, исходя, видимо, из установок о более или менее полной истории полка, внес новые предложения, указал слабые места, отметил редакционные ляпсусы, но в общем признал

материал ценным (он именно и готовился как материал к истории полка). Никакой сигнализации о троцкистах или вообще недостойных именах в рецензии нет.

По исправлении мест, отмеченных т. Зиновьевым, рукопись была сдана в типографскую работу с тем, однако, чтобы потом еще раз прочитать ее при Истпарте. Читка эта состоялась в конце сентября. Сначала на собрании партизан-участников полка, потом рукопись просматривалась тремя научными сотрудниками Истпарта. Были замечания, поправки, предложения, но никакой сигнализации о троцкизме или троцкистах не было. Из имен было отведено, по заявлению т. Рубинштейн, только одно, но не как троцкиста, а как отошедшего от партии и опустившегося человека. Со стороны б. участников полка тоже никаких отводов не было, а Васильев и сам присутствовал ни этой читке. Был на этой читке и Филаретов, но он тогда не говорил, как на бюро горкома, что Бажов оклеветал молодежь полка, приписав ей контрреволюционную песню (песню эту я не выдумал, она встречается в воспоминаниях у многих, печаталась в Ирбитской газете и говорить об ее контрреволюционности можно разве что в порядке подхалимского экстаза). Не протестовал он тогда и против показа первого командира полка т. Черных, во всяком случае, не настаивал, чтоб у этого рабочего омского депо, прошедшего трудное дело по организации полка, беззаветно дравшегося с чехословаками и колчаковцами, не один раз раненого в боях и пользовавшегося доверием партии до самой своей смерти, обязательно был отмечен провал (по пьянке) в боях под Тагилом, за что тогда Черных и был снят с командования полком.

Что я не относился безразлично к политическому лицу авторов воспоминаний, легко видеть из материала, над которым я работал. В списке активных участников полка имеются, например, Пушкарев Ст., Барышников, Ветлутин, но поскольку я знал, что первый из них был связан с троцкистами, второй — эсер (на бюро мне дали справку, что он тоже теперь троцкист), а последний возглавлял в Ирбитском заводе меньшевиков, то материалами этих лиц, как и материалами

о них, не пользовался. По этой причине в книжке нет упоминания о Карякине.

Мих. Панова я видел только раз, на собрании в Истпарте. В списке активистов он значится, в явочном листе отмечен беспартийным. По его выступлению и рукописи я составил себе мнение о нем, как о человеке не особенно высоко поднявшемся за 18 лет. Из его воспоминаний я как раз и взял такие куски, которые не говорят ни об его политической дальнорзости, ни о героизме...

Никонова я совсем не знал лично, никогда с ним не встречался. Фамилия его тоже имеется в списке активистов; по документам полка Никонов был начхозом полка. Никаких отводов Никонова у меня не было. Материалы были описательного типа (больше о других, чем о себе), и я спокойно делал выписки о снабжении полка в первой стадии его формирования... а также в главе об Анчутинской разведке... пользовался преимущественно материалами Никонова.

Васильева я знал хорошо как командовавшего Тюменским направлением, потом комбрига 1-й и начальника 29-й. Уже перечень его должностей говорит, что Васильев тогда был видной военной фигурой. Мне он казался тогда не особенно политически грамотным, но преданным делу революции. В последующие годы я никогда не был связан с Васильевым по постоянной работе. Иногда встречался с ним, знал, что он работает председателем Всекоопинсоюза, в дни празднования годовщины Красной Армии обычно слышал его выступления по радио, читал его воспоминания о встрече с товарищем Сталиным и Дзержинским. Все это давало мне уверенность, что Васильев пользуется доверием партии и правительства, и я его показал в своей книжке с самой положительной стороны.

На бюро горкома еще говорилось, что в моей книжке не показана роль тов. Сталина в оздоровлении III армии, но это обвинение я считаю неправильным. Помимо материала комиссии ЦК, у меня есть специальный раздел... где как раз об этом говорится. Что же касается того места воспоминаний Васильева, где он говорит, что вначале не заметил присутствия тов. Сталина

в вагоне, то я здесь не видел и сейчас не вижу ничего унижающего достоинство вождя партии, скромность и простота обращения которого известны всему миру. Вообще же эти воспоминания... я считал материалом, вполне апробированным, т. к. они печатались в «Уральском рабочем», где я и читал их впервые.

Из всего сказанного, мне кажется, ясно, что свою грубую ошибку с выпуском книжки, в которой оказалась реклама врагов партии и народа троцкистов Васильева, Панова и Никонова, я сделал непреднамеренно, не зная о принадлежности этих людей к контрреволюционной троцкистской группе. Я проявил недостаток бдительности к цитатам из воспоминаний неизвестных мне авторов (Панова и Никонова), положившись лишь на то, что они состояли в организовавшемся при Истпарте авторском коллективе, и ограничился внешними данными по отношению к лично мне известному по прошлой работе Васильеву, который после выхода книжки оказался арестованным как троцкист.

Поэтому, сознавая всю тяжесть своей вины, я все-таки считаю возможным просить Комиссию партийного контроля учесть, что сделано это мной непреднамеренно, и в соответствии с этим изменить мне меру партийного взыскания, предоставив мне возможность дальнейшей работой загладить эту свою ошибку.

Относительно своего политического лица до 1918 года, на чем подробно останавливался докладчик горкома, могу лишь сказать, что я никогда не скрывал от партии своего прежнего служебного положения (студент духовной семинарии — по образованию, учитель русского языка в духовно-учебных заведениях — по практике работы), ни своих идейных шатаний, которые, как известно, были нередкими среди интеллигентов прошлого. Об этом гораздо подробнее, чем у докладчика, рассказано в моей автобиографии, которую я подавал при последнем обмене партдокументов. При этом прошу учесть, что с той поры прошло уже 18 лет, из которых последние 13 лет я работал здесь — в Свердловске, на таком участке, как газета и книга, где всякого рода уклоны, колебания и вывихи всегда легко могут быть выявлены и закрепляются документально. За все

это время у меня, конечно, бывали ошибки порядка спешки, технического недосмотра, недостатка специальных знаний, но никогда не было уклонов от генеральной линии ЦК ВКП(б), двурушничества, измены партии и ее великим вождям Ленину и Сталину и уж тем более какого бы то ни было идейного или организационного общения с троцкизмом на всех стадиях жизни этой контрреволюционной группки.

Павел Бажов

При этом прилагаю экземпляр книжки».

Как видим, составленный Павлом Петровичем в свое оправдание документ весьма обстоятелен. Откровенные поклоны в адрес вождей — обычный политест того времени, некий «сим-сим», без которого никакая бумажка должным образом рассматриваться не будет, не говоря уже о надежде на успех предпринятого... Вместе с тем автор довольно смело отбивается от немотивированных наскоков «неистовых ревнителей» партийной чистоты. Это свидетельство, что вины за собой он не видит. Конечно, немного перца в виде самокритики должно присутствовать в любом идеологическом блюде, тем более в оправдательном письме, но это не портит общего вкуса — Бажов «покорнейше просит» (как написали бы до революции) о пересмотре его дела в сторону не оправдания — нет! — а смягчения наказания. И здесь он опять прав: не дразнит зверя, а, скорее, задабривает...

Наверняка на следующий же день письмо было отнесено в Областную комиссию партконтроля и собственноручно сдано в канцелярию (почтовому ящику такие документы доверять не принято). Что дальше? Дальше оставалось ждать. Сколько? Сколько нужно... Конечно, хотелось бы получить ответ быстрее, но ни в ЦК, ни в ЦКК, ни самому Сталину послать свои оправдания Бажов не мог, поскольку это не предусматривалось партийной дисциплиной, и если он хотел остаться в рядах ВКП(б), приходилось ей подчиняться, дабы не дать обвиняющей стороне лишний козырь против себя...

В Летописи жизни и творчества П.П. Бажова, представленной в «Бажовской энциклопедии», следующее

после написания этого письма значимое событие в жизни героя датируется только... июлем 1937 года... Какие шаги он предпринял в течение этих четырех месяцев, неведомо...

И вот пока длятся эти бесконечные месяцы, перетекая из зимы в весну, из весны в лето, чтобы представить широту событий того времени, поинтересуемся, по каким причинам в этот период были исключены из партии другие свердловчане. Для этого можно, например, заглянуть в протокол заседания бюро Ленинского райкома г. Свердловска от 16 января 1937 года:

«...Моносову Е.К., чл. ВКП(б) с 1919 г., декана педфака исключить за связь с мужем-троцкистом и упорное нежелание его разоблачить. Вместо того, чтобы помочь партии в деле разоблачения, Моносова встала на его защиту, говоря, что у нее нет данных о его виновности, поддерживала с ним письменную связь и добивалась свиданий...

Кондакову Н.И. — за связь с врагом народа (братом) и за защиту его после ареста органами НКВД...

А Фаянсона «за связь с чуждым элементом, женой по фамилии Макаревич, которую вторично исключили из партии за сокрытие прошлого своего отца, который участвовал в расстреле коммунистов... к чистке допустить, так как он порвал с женой после поступившего на нее заявления...»

Вот три примера, которые показывают разное поведение партийцев в схожей ситуации, когда нужно сделать выбор — в пользу конкретного человека или в обезличенную, но априори верную пользу партии. Это, разумеется, не значит, что те же Моносова и Кондакова не пересмотрели своих взглядов спустя время (если оно, конечно, у них оставалось) и что Фаянсон прошел чистку... У каждого была своя судьба.

Впрочем, здесь не место рассматривать, почему случились и как протекали эти тревожные, а часто трагические события и как проявляли себя в этой обстановке рядовые члены партии и ее лидеры. Об этом написаны тома и тома сторонников самых разных точек зрения на происходившие в стране процессы.

Заметим здесь, что как раз в те дни, когда исключали из партии П.П. Бажова, в Москве судили троцкистский центр, — вот откуда эти хлесткие и вдохновенные обвинения нашего героя в троцкизме.

Понятно, что Комиссии партконтроля Свердловской области было не до дела Бажова — происходили события посерьезней. Это объясняет и возникшую в жизни Павла Петровича паузу. Скорее всего, в эти месяцы он ничего заметного не предпринимал, и это с его стороны было мудро...

Но вот в мае 1937 г. в Свердловской области прошли городские и районные партийные конференции, на которых звучала прямая критика работы областного комитета партии, возглавляемого Кабаковым.

Звучала критика в адрес Кабакова, работавшего на Урале с 1928 года, возглавлявшего комитет ВКП(б) огромной Уральской области, внесшего немалый личный вклад в создание Урало-Кузнецкого комбината — комплекса сырьевых и производственных предприятий на территории Урала и Сибири, Кабакова, именем которого после реконструкции, по инициативе рабочих предприятия, был назван Верхисетский металлургический завод, а позже, опять же по инициативе работников предприятия, именем первого секретаря обкома были названы не только Надеждинский металлургический завод, но и сам город (ныне — Серов).

А 22 мая читатели «Уральского рабочего» обсуждали информацию, перепечатанную из «Правды»:

«На протяжении последних лет бдительность в работе Свердловского обкома партии отсутствовала. Известно, что в аппарат обкома довольно легко пробирались враги. Известно и то, что в подборе кадров главную роль играла отнюдь не проверка партийных качеств человека, его преданность Центральному Комитету партии. Основной подход был другой — свой ли это «уральский паренёк». Так часто действовал и секретарь обкома Кабаков, и секретарь горкома Кузнецов...»

Это было преддверием XV внеочередного пленума Свердловского обкома ВКП(б), на который приехал секретарь ЦК А.А. Андреев. Таким образом, в центре считали сложившееся в областной парторганизации

положение серьезным. В соответствии с принятым специальным решением Политбюро ЦК на областном пленуме (так положено по уставу) И.Д. Кабаков был исключен из партии — как «величайший двурушник, предатель, враг народа, руководитель областного центра правых на Урале».

Вспомним латынь, в которой силен был Павел Петрович: *sic transit gloria mundi* — так проходит мирская слава... К этому времени сам Кабаков, вызванный накануне в Москву, был арестован, и на областном пленуме его топтали в качестве павшего льва...

Новым первым секретарем Свердловского обкома (пока в ранге и. о.) стал Абрам Яковлевич Столяр, прибывший из города Кирова, где занимал аналогичную должность.

В выступлении на XV областном пленуме нового второго секретаря Свердловского обкома Пшеницына о деятельности свергнутого Кабакова отметим один аспект, близкий к судьбе нашего героя — Павла Петровича Бажова:

«При обмене и проверке партдокументов 7800 человек исключено из партии. 3000 человек подало апелляции (так в стенограмме. — В. С.), из подавших апелляции 1600–1700 восстановлено. Правильно тов. Андреев говорит, разве это свидетельство методов подбора кадров, отношение к массе членов партии. Мы это считали, как незнание людей. Сейчас это не есть незнание людей, а как метод именно вредительской провокационной работы для того, чтобы устранить из партии лучших и в своей работе опереться на троцкистские кадры».

Эти слова, прочти их Бажов (а в прессе они опубликованы не были), очень бы успокоили его душу, а главное, вселили бы уверенность в благоприятный исход его дела. Но, думается, Бажову достаточно было и того, что непосредственный его обидчик — Кабаков — сам изгнан из партии как троцкист и, значит, Павел Петрович априори попадал в число исключенных, чьи дела подлежали пересмотру.

Пленум состоялся в конце весны — 22 мая 1937 года.

Однако назавтра никаких изменений в судьбе Бажова не последовало.

Человек, исключенный из партии и уволенный вследствие этого с работы, оказывался в положении неприкасаемого или, точнее даже, прокаженного. С ним отказывались общаться прежние друзья; знакомые, увидев такого на улице, переходили на другую сторону, а если не успевали — проходили мимо, опустив голову. Остановись они и затей с таким человеком разговор на сугубо бытовую тему — и неизвестно, что могло быть с ними самими через день или два. Посадить не посадят, но лишиться работы за связь с подвергнутому остракизму вполне могли... Смутное и опасное было время.

Об атмосфере в семье в 1937 году вспоминает Ариадна Павловна:

«Однажды, вернувшись из школы, я застала отца дома в неурочный час. Рассказывая школьные новости, я заметила: он мрачен, не может это скрыть за обычным вниманием и вообще меня не слышит.

— Я хочу поговорить с тобой, как со взрослым человеком.

Я кивнула, с удивлением глядя на него.

— Завтра ты пойдешь в школу и скажешь, что твой отец исключен из партии. Очевидно, тебе не позволят остаться председателем отряда и старостой класса... Тебе этого не доверят... Поняла?

На следующий день, вернувшись из школы, я нашла отца на дальнем, заброшенном участке нашего двора... В рабочих сапогах и рукавицах... отец ломом выкорчевывал камни и относил их вглубь двора.

— Вот видишь, с 1911 года все собирался это сделать, да времени не было. — улыбнулся отец. — Сказала?

— Сказала...

— Ну и умница, пойдем обедать.

С тех пор, возвращаясь из школы, я каждый день заставала отца за тем же занятием. Он разбивал камни ломом, выворачивал из земли и переносил. Трудней увеличивалась, а участок земли для огорода расширялся. Иногда он колол дрова.

Сейчас я понимаю, что отцу было очень тяжело. В течение года он нигде не работал, никуда не ходил,

у нас почти никто не бывал. Часто я заставляла маму с заплаканными глазами. Жили трудно. Сбережений в семье никогда не было, да и откуда, если все предыдущие годы работал один отец... Если бы не мамина сестра Наталья Александровна Иваницкая, которая в те годы жила с нами и делилась своей учительской зарплатой, было бы нам совсем тяжело.

Ощущения нужды у меня от той поры не сохранилось. Тогда ведь все жили очень скромно. Но воспоминание о чем-то грозном, тяжелом, какой-то опасности, нависшей над семьей, осталось».

Оказавшись волею судьбы в вынужденной изоляции от общественной жизни, Павел Петрович нашел, наконец, время и для другого давно ждавшего своего часа дела — разбора и осмысления своих «узелков для памяти», как он именовал многолетние записи фольклорных сюжетов и коллекцию необычных, но емких по смыслу народных слов.

Первые записи, как известно, он начал делать во время велосипедных поездок по селам Урала в пору учительствования в духовном училище. Но, увы, эти шесть тетрадей, спрятанные на чердаке, погибли в суете времени — жившие в бажовском доме люди, должно быть, сожгли их в печи в холодные зимы Гражданской войны. Однако Павел Петрович и в следующие десятилетия, бывая на селе и «в заводах», продолжал свои записи, по воспоминаниям дочери, оформившиеся в картотеку, с которой Бажов работал исключительно по ночам.

Собственно, особенности бажовской «творческой лаборатории» были продиктованы условиями быта. Никакого настоящего кабинета дома он, разумеется, не имел и вынужден был заниматься в той же комнате, где спали жена и младшая дочь, прикрыв свет лампочки козырьком, за низеньким столиком, который сделали ему в Сысерти и который он «по-заводски» называл конторкой.

Так было до конца 1935 года. После гибели сына Павел Петрович занял его уголок в тупике коридора. Здесь поместилась настоящая конторка — массивная, точно трибуна, сделанная также в Сысерти, за которой и были написаны все его лучшие произведения.

Литературной работой он занимался, как уже сказано, по ночам, когда никто не мог отвлечь его дум над тем, что рождалось на бумажном листе. И потому он всегда дожидался, пока все не улягутся. Обмануть его удавалось только дочери:

«Иногда... зачитавшись какой-нибудь интересной книгой, я слышала до рассвета его тихие шаги, покашливание, иногда он неожиданно приходил ко мне, и тут мне, как правило, попадало, но не всегда. Иногда он просто садился ко мне на кровать, спрашивал:

— Что читаешь-то? Ну... ну... это стоящая вещь... — и молча уходил, как будто и не заметил, что на дворе светает, уходил, погруженный в свои мысли, и опять за стенкой мерил шагами комнату (наверное, все-таки коридор, поскольку в комнатах спали домашние. — В. С.) А с утра все начиналось по-старому: сапоги, рабочие перчатки, лом или лопата...»

Первые результаты его долгих ночных бдений 1937 года появляются в июле, когда Павел Петрович вчерне заканчивает сказ «Сочневы камешки». Позже под доработанным вариантом появится дата: 7 октября.

Затем 20 сентября он поставит точку под сказом-рассказом (как он значится в рукописи В.А. Бажовой «Жизнь и творчество П.П. Бажова») «Надпись на камне».

К исходу сентября у него будет готов сказ «Демидовские кафтаны», который он опубликует, впрочем, под другим названием: «Сказ про Иткуль».

И, наконец, 19 октября будет написан, пожалуй, самый знаменитый бажовский сказ «Тяпино подаренье», позже получивший свое каноническое название «Малахитовая шкатулка». Павел Петрович выходит на образ, который прославит его во всем читающем мире. Малахитовая шкатулка — это, можно сказать, квинтэссенция всей жизни уральского горщика: и эталон красоты камнерезного искусства; и мечта любого, работающего «в горе», найти исключительную глыбу; и связь мира этого с миром *тем* — горным, подземным; и память о предках, и наследование их традиций и мастерства; и умение дожидаться своего заветного часа, не тратя жизнь на мелочную суету. Не случайно именно

этот образ, как и словесное его выражение, станет символом всего творчества Бажова и заслонит собой все, что было им написано до появления сказов.

А тем временем Павел Петрович, обретающийся в своей усадьбе, словно бы под вынужденным домашним арестом, получает так нужную ему моральную поддержку: в № 3 свердловского «Литературного альманаха» редактор А. Ладейщиков помещает очередную подборку его сказов: «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки» и «Марков камень»! Разумеется, имя «П. Бажов» не предваряет эту публикацию. Общее заглавие: «СКАЗКИ ХМЕЛИНИНА» и общая подпись под всеми тремя текстами: «Записано П. Б.» Все!..

Но литературный мир, конечно же, знал, откуда уши растут. И надо думать, порадовался тому, что огонек лампы в окне «старика» по ночам не угасает. Для непосвященного же это был фольклор, и только. Тем более о том, кто такой Хмелинин, писалось в тексте, предварявшем прежние публикации. Остается вопрос: а как же цензура не поинтересовалась, что это за литзаписчик такой — П. Б.? Или знала? Думается, знала... Однако, в публикуемом тексте не содержалось ничего троцкистского и правоуклонистского (хотя при желании это можно найти даже у Вергилия с Горацием).

Скорее всего, это «невнимание» со стороны надзорных органов было вызвано тем, что Бажов не был объявлен врагом народа, не был арестован — его просто исключили из рядов партии за политическую ошибку и, как следствие, уволили (по собственному его желанию!) с идеологической работы, какой считалась редакторская. Он мог спокойно жить дальше, работая, скажем, дворником, шорником, колесником, обозником и кем угодно другим, где партийность в силу незначительности профессии даже противопоказана... Но он был литератором, а потому произошедшее попахивало негласным «запретом на профессию». Вот почему поступок редактора «Литературного альманаха» А. Ладейщикова видится исключительным. Ибо в случае широкой огласки этой бажовской публикации без работы мог оказаться и сам Ладейщиков...

Неверно было бы думать, что в летние и осенние месяцы после падения Кабакова Павел Петрович не предпринимал ничего для реабилитации. Позже, объясняя свою ситуацию на протяжении всего 1937 года, он говорил:

«Кабаков отобрал у меня партбилет и я... не мог добиться от Кабакова, за что я исключен из партии. В троцкизме не обвиняют, и Столяр молчал. Я хотел попасть в обком ВКП(б) и не мог добиться, и по телефону не добился и все сваливают один на другого. Не могу добиться от партколлегии ответа о моем исключении, кто тут виноват или техаппарат, а все обещают по числам...!»

Нервозность аппарата партийных и советских органов, связанная со многими и очень часто — неожиданными арестами в этот период тех, кто накануне был на коне и всем управлял, была объяснимой. Никто не знал, чего ждать завтра. Ведь, если хорошо поискать, у каждого в шкафу сыщется свой скелет...

Новый первый секретарь обкома Абрам Столяр в такой обстановке пытался навести должный порядок, но это ему не совсем удавалось, и руки до какого-то там Бажова, которого он знать не знал и исключать не исключал, просто не доходили. А партколлегия, вероятно, просто ждала, что будет дальше — какие ветры повеют из Москвы...

Так что не все дни этого года Павел Петрович проводил в огороде. И поскольку результат его дневных усилий был нулевой, он брал свое ночью, за конторкой. Вот здесь он был полновластным хозяином ситуации — по его желанию добро вознаграждалось сторицей и зло получало свое сполна.

Перечитывая заново бажовские сказы этого периода — те же «Приказчиковы подошвы» и «Сочневы камешки» (особенно последний), ловишь себя на мысли: а не продиктованы ли их сюжеты перипетиями жизни самого Бажова этого периода? Не расправился ли литератор столь решительно со своими недругами, как это сделала Медной горы Хозяйка сначала с приказчиком Северьяном Кондратьичем, а потом и фигурой помельче — «нюхалкой-наушником» Ванькой Сочнем? Может,

это все он и не сам придумал, а от Хмелинина услышал, но ведь вспомнил-то — сейчас...

Поскольку реальный конфликт между Бажовым и Кабаковым возник лишь 25 января 1937 года, а «Приказчиковы подошвы» Павел Петрович передал В.В. Лебедеву для публикации в московском журнале летом 1936-го, то, наверное, этот сказ следует отложить в сторонку, а вот гипотезу насчет «Сочневых камешков», пожалуй, оставим. И не Кабаков видится прототипом наушника Ваньки Сочня, а тот, кто первым «стукнул» на бажовскую книжку «Формирование на ходу». По сведениям исследователя Н.В. Кузнецовой, им снова оказался добровольный и всевидящий блюститель партийной чистоты — М.С. Кашеваров. Разумеется, не будь его, книжку, «прославляющую врага народа Васильева М.В.» заметил бы кто-нибудь другой. Но при этом ее, возможно, тихо бы изъяли, автору и остальным объявили бы партвзыскание, как редактору Перловскому и цензору Захаровой, и тем бы ограничились. Но вышло-то иначе...

Не исключено, что Кашеваров мог быть просто фанатичным партийцем, преданным делу Ленина — Сталина больше, чем все Политбюро, вместе взятое, и считал своим долгом блюсти чистоту партийных рядов пуще, нежели порядок в собственном доме. Но ведь известно, что предлогом для этого его «пристального внимания» к Бажову стала давняя история, когда Павел Петрович, как читатель наверняка помнит, будучи завобллитом, так же пристально прочитал рукопись Кашеварова «История Шадринска» и нашел ее «густо-черносотенной». Кстати, руководствуясь он тем же принципом гиперчистоты партийных рядов, Кашеварову пришлось бы несладко на партсобрании, поскольку политические ярлыки «черносотенный» и «великорусский шовинизм» в большевистские годы сулили преследование едва ли не большее, чем троцкизм. Тогда с таким «диагнозом» просто подводили под «вышку», а за троцкизм — не всегда (вон сколько их «необоснованно репрессированных» объявилось после огульной реабилитации при Хрущеве). Так вот, главный цензор области Бажов ограничился тем, что не заливал

рукопись, а выяснять подоплеку мировоззрения автора он справедливо посчитал вне своей компетенции. Кашеваров же, похоже, целил непосредственно в Павла Петровича. И нужно сказать, оба раза попал...

Перечитайте «Сочневы камешки» в свете изложенного выше, и у вас возникнет то же чувство. Похоже, автор расправился со своим недругом испытанным литературным способом, не имея возможности посчитаться с ним в реалии. (То же проделал на страницах «Мастера и Маргариты» М. Булгаков — одна месть третиравшему его критику Латунскому, в жизни Литовскому, чего стоит, не говоря о Берлиозе — Авербахе и Бездомном — Безыменском.)

В итоге своего «бездейтельного» года Павел Петрович Бажов завершил еще один свой знаковый сказ — «Каменный цветок», героем которого стал Данило-мастер, также ключевой бажовский образ. Сюжет сказа интересен тем, что здесь Бажов изобразил состояние художественного искусства — попытки создать произведение искусства, равное идеалу, когда для достижения цели художник готов на все — порушить начавшуюся было личную жизнь, оставить дорогих ему людей, лишь бы суметь достичь чаемого результата. По сути, ради этого Данило-мастер готов продать душу дьяволу, с той лишь разницей, что «дьявол» — это Хозяин Медной горы, образ, скорее, языческий, нежели христианский, и она, напротив, зная, чем кончается для художника такое вожделение, отговаривает его от этого соблазна.

Сказ получился не короткий. Бажов это чувствует и словно берет паузу, перенося продолжение сюжета в один из будущих сказов...

Таким образом, писатель (а к этому времени Бажов себя наверняка таковым почувствовал) к невеселому для него рубежу 1937/1938 годов создал, пожалуй, самые главные свои сказовые образы. И опять подчеркивает — это «сказки Хмелинина», «из сказов Хмелинина». Так значит то в заглавии подборки, то в заключении. Но обработка-то его! Мы с точностью и не знаем, какие детали он слышал от дедушки Слышка, а какие добавил самостоятельно. Выходит, что он, как Данило-мастер,

получил от приказчика чертеж чаши, а уж камень выбрал и резал — сам.

Вот так и прожил Павел Петрович этот двадцатый год Октябрьской революции, числясь едва ли не в контрреволюционерах.

Его шеф по Испарту и «подельник» по истории с последней книжкой Семен Степанович Моисеев, исключенный из партии также 25 января 1937 года, через пять дней после исключения был арестован и через неполных два месяца — 23 марта — расстрелян. Наверное, все же не за бажовское «Формирование на ходу».

Та же участь постигла и П.А. Карькова, за которого, еще будучи в партии, пытался заступиться Бажов.

Тогда же, в 1937-м был расстрелян и А.И. Шубин, коллега Павла Петровича по «Крестьянской газете».

Был осужден и отправлен в исправительно-трудовой лагерь за Полярным кругом А.И. Парамонов — соредактор «Крестьянской газеты» в 1923 году, когда Бажов начинал в ней работать.

Третьего октября в Москве состоялся суд над И.Д. Кабаковым, которого обвиняли по трем пунктам знаменитой 58-й статьи (измена Родине). Расстрел.

М.В. Кузнецов, бывший второй секретарь Свердловского обкома и соучастник изгнания Бажова из партии на бюро областного комитета ВКП(б), обвиненный по тем же пунктам той же статьи, получил свою пулю 31 июля 1937 года...

Знал ли обо всем этом Бажов? Должно быть, знал. И ни паники, ни сомнений в правильности линии партии не испытал, даже несмотря на несправедливость, проявленную лично в его адрес. Дочь Ариадна вспоминает, что в те годы проводное радиовещание заканчивало свои передачи пением «Интернационала». И отец каждый раз подпевал репродуктору, словно бы доказывая и себе и поющим, что он — вместе с ними.

Да, кстати. Досталось-таки по заслугам и «нюхалке-наушнику» Кашеварову. Три его книжки, написанные о событиях Гражданской войны в Шадринском уезде, попали в список для изъятия. В объяснительной аннотации указана причина:

«В книгах Кашеварова проводятся троцкистские установки. Замалчивается руководящая роль партии большевиков и ее вождей Ленина и Сталина в гражданск[ой] войне. Не показано значение работы комиссии тт. Сталина и Дзержинского в организации побед на Восточном фронте. За протаскивание контрреволюционного троцкизма в своих работах Кашеваров исключен из партии».

Вот вам и Сочневы камешки!..

Из бажовской библиографии в этот запретительный список попали: «Формирование на ходу» и «Бойцы первого призыва». Объяснение:

«Автор исключен из партии за выпуск книги, в которой героями выводятся троцкисты Стриганов, Васильев и др. В брошюрах не освещена борьба с троцкизмом и извращена роль партийн[ых] организаций в борьбе за Урал».

Забыли, видно, что в 1918 году Троцкий и Ленин были заодно, и ни о каком троцкизме речи не шло. С чем же и с кем, кроме белых, могли бороться герои этих книг?..

Под шумок запретили и оба издания книжки Бажова «К расчёту!», видимо, все же за то, что автор не показал роли большевиков в организации забастовки в Сысерти в 1905 году. Книжку приговорили к уничтожению в огне забвения...

Но не все известия, полученные в семье Бажовых в течение 1937 года, были одинаково негативны. Шестого июня, в день, когда вся страна отмечала 100-летие со дня смерти Пушкина, у Павла Петровича и Валентины Александровны родился внук Володя. Родители — старшая дочь Ольга и ее муж Евгений Присадский. Место рождения — Челябинск.

В 1937 же году вторая дочь Елена завербовалась на строительство нового города Комсомольска-на-Амуре, куда уехала, покинув Москву, не без благословения отца. Он даже воскликнул: «Не борода бы — сам поехал бы строить город».

И наконец, еще одно занятие, в котором Бажов мог найти для себя успокоение — заочная учеба в Литинституте им. А.М. Горького. К сожалению, никаких сведений

об этом найти не удалось. О том, что Павел Петрович получил высшее образование, ни в одной анкете, заполненной его рукой впоследствии, не говорится...

Новогоднюю ночь опальный литератор Бажов скорее всего так же закончил за конторкой, поскольку дата окончания его следующего сказа «Золотой волос» — 2 января 1938 года.

Здесь имеет смысл остановиться и подвести некоторые итоги его литературной деятельности в сказовом направлении.

На начало 1938 года Бажовым написано в общей сложности 11 сказов. Больше половины — шесть сказов — проверены публикацией в печати и вызвали положительные отклики в литературном мире (хотя широкой известности у рядового читателя сказы на тот момент не имели).

Можно ли как-то квалифицировать, созданное Павлом Петровичем в 1936–1937 годах? Можно. Во-первых, это привязка большего числа и лучших из этого ряда текстов к изначальному источнику — В. Хмелинину. Щепетильный Бажов не отнимает славу у первосказителя. Вместе с тем первые, «хмелининские», сказы — это для него словно полет с инструктором. Пробует он пересказать и сюжеты, полученные из других источников: «Про „водолазов“», «Надпись на камне», «Золотой волос», но они не становятся в общий строй, выбиваются из ставшего уже привычным «полевского» образного ряда. От деда Слышко — это одно, из других источников — совсем иное... Таков опыт полутора лет работы над сказами.

По первому десятку сказов Бажова виден процесс становления его стиля как литературного сказителя. Если «Про „водолазов“» еще сказовый «полуфабрикат» и та же «Надпись на камне» квалифицируется В.А. Бажовой как сказ-рассказ, то этого не перенесешь на «полевской» (хмелининский) цикл. Вместе с тем, если повествование в «Дорогом имячке» — первом сказе «полевского» цикла, несколько перегруженном диалектизмами, идет тяжеловато, да и сюжет длинноват и излишне подробен, то следующие тексты: «Медной горы Хозяйка» и «Про Великого Полоза» напрочь лишены этих

недостатков. Читается, как твое — тобой написанное, без стилевого сучка и словесной задоринки! Думается, именно в этот период Павел Петрович и нащупал ту интонацию повествования, которая придется по вкусу читателю и станет фирменным признаком Бажова как писателя.

Вот послушайте:

Из «Медной горы Хозяйки»... Один-от молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой постарше. Этот и вовсе изробленный. В глазах зелено, и щеки, будто зеленью подернулись. И кашлял завсе тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышь-ко, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железню руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, — ровно его кто под бок толкнул, — проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спинай к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка. Слышать — лопочет что-то, а по-каковски — неизвестно, и с кем говорит — не видно. Только смешком все. Весело, видно, ей...»

Ладный ведь текст! И очень сомнительно, что Бажов запомнил рассказ дедушки Слышко слово в слово. Нет, конечно! Сюжет запечатлелся в памяти, а детали, темп повествования — вряд ли. Так что все это уже бажовское, факт писательского труда и, таким образом, формулировка «записал П. Б.» не более чем кокетство литератора, ну и, как отмечалось, признак честности — не сам, мол, придумал, от Хмелинина слышал...

Еще один момент. Обращает на себя внимание, что сказы, созданные в этот период, имеют минорную концовку. «Про «водолазов» кончается усмирением народного бунта. «Медной горы Хозяйка» — смертью Степана. «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок» — исчезновением героев (уходом в гору, то есть в Навь). «Приказчиковы подошвы» — прямой гибелью хоть и отрицательного, но все же героя. «Про Великого Полоза» — разочарованием в скором старательском фарте, и т. д.

Такие концовки сохранились у этих сказов и при последующих публикациях. Спрашивается — а как же принципы социалистического реализма? Ведь если писатель показывает гибель героя, то идея произведения в том, что это смерть за счастливое будущее, жизнь отдана во имя людей и потому не напрасна? Ничего такого в первых сказах Бажова не слышится... И тем не менее сказы прочитавшим их весьма понравились. Что же, опять прорастает крамола в душах людей, декаданс, буржуазный пессимизм?..

Особенность первых бажовских сказов в том, что это литература не директивная, хотя вроде как и созданная по горьковскому призыву. Во времена РАППа писателя бы тут же заклевали авербахи и ермиловы. Но в том-то и дело, что *tempora mutantur* и в конце тридцатых годов был явно виден поворот к народной традиции в литературе, а уж тайные сказы уральских рабочих — как же не традиция?..

«Каменный цветок» стал последним сказовым текстом Бажова, под которым автор поставил: «Записано по памяти». В дальнейшем, уверовав в свою собственную авторскую силу, он этого уже не делал. Водораздел сомнений и самоопределения авторства лежит между этим сказом и «Золотым волосом», сюжетные истоки которого далеко не в Полевском, а где-то на границе заводских и башкирских земель в бывшем соседнем Кыштымском горном округе.

В этом сказе заметны два момента. Первое. Оторвавшись от своего «тренера» дедушки Слышко, Павел Петрович самостоятельно создает сюжет, который, не смотря на привлеченную «полевскую» атрибутику —

образ Великого Полоза. — строится по традиционному сказочному принципу (три года ожидания башкирским охотником Айлыпом следующей возможности умыкнуть у отца-Полоза дочь-златовласку, затем трехкратное же повторение этой попытки); звериные образы не демонологического плана, как в «полевских» сказах, а привычного земного — нянюшка Лисичка и дедко Филин. Разве что в конце Айлып и Золотой Волос прячутся от отца-Полоза на озере, посреди которого возвышается гора-остров, *внутри которой они и уходят*: «Луга там у них, табуны конские, овечьи. Одним словом, приволье».

То есть конец опять сказово-традиционный — все счастье связано с горой, вернее, с тем, что у нее внутри. Это, пожалуй, первый сказ Бажова, который заканчивается победой человека, пусть и вынужденного для этого жить не на земле, а под нею...

Психолог наверняка бы прочитал в такой концовке тогдашнее душевное состояние автора: с одной стороны, верит в счастливый исход своего дела, а с другой — все же сомневается в существовании справедливости и на всякий случай прячется в некоем душевном коконесхроне...

Так оно и было.

Но все же интуиция писателя не подвела.

В январе 1938 года в Москве состоялся очередной пленум ЦК ВКП(б), о чем 19 января сообщила газета «Правда». В передовой статье, в частности, говорится следующее:

«Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии. Против огульного, недифференцированного, бездушно-бюрократического отношения к этому важнейшему вопросу не раз предупреждал товарищ Сталин. Призывая к повышению политической бдительности, партия не раз подчеркивала, что подлинно большевистская бдительность любой парторганизации отнюдь не измеряется количеством исключенных из партии, а огульное, непродуманное, необоснованное

исключение коммунистов из партии приносит не пользу, а вред.

Этого не поняли многие руководители парторганизаций, не поняли, что большевистская бдительность и внимательное, вдумчивое отношение к членам партии не только не противоречат, а обязательно сопутствуют друг другу.

Подлинная большевистская бдительность означает умение отличить врага от друга и друга от врага (выделено в тексте. — В. С.)...

ЦК ВКП(б) постановил:

«Предложить обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий и партколлегиям КПК при ЦК ВКП(б) в трехмесячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии.

Таких апелляций накопилось несколько десятков тысяч. За этими апелляциями стоят тысячи живых людей. И Пленум ЦК вновь и вновь напоминает, что пора покончить с чуждым для большевиков формальным и бездушным отношением к людям, к членам партии. Пора покончить с антипартийной практикой исключения из партии ради перестраховки. Пора покончить с вредной практикой автоматического снятия исключенных из ВКП(б) с занимаемых должностей и лишения их работы — даже до рассмотрения дела в райкоме или обкоме. Пора покончить с антипартийной практикой нежелания местных организаций вернуть партбилет восстановленным в рядах партии и привлечь их к партийной работе. Пора покончить с безнаказанностью клеветников и сломить сопротивление действительной реабилитации тех, кто незаслуженно был опорочен, оклеветан врагами народа или карьеристами-коммунистами...»

Вот то, чего терпеливо целый год дожидался Павел Петрович.

На следующий день Постановление вместе с передовицей было перепечатано в «Уральском рабочем». Однако Бажов, живший весь год без заработка, вряд ли подписался на партийный орган на 1938 год (годовая подписка составляла 36 рублей — половину месячной пенсии тети Тали, на которую жили в этот период все

обитатели дома по улице Чапаева, 11), и о Пленуме и его Постановлении узнал, скорее всего, по радио. Тогда такие документы зачитывали в эфире полностью. Радио на самом деле было средством массовой информации, и выключать домашнюю радиоточку не рекомендовалось.

Неделю спустя во исполнение решения Пленума — как раз 27 января, в день рождения Павла Петровича — областная партколлегия и горком ВКП(б) сделали ему подарок: приняли решение о восстановлении его в рядах партии. Как уже говорилось, Бажовы традиционно отмечали этот семейный праздник не 27, а 28 января, в день крещения и именин Павла Петровича. Думается, в 1938 году это было пусть и скромное, но очень радостное застолье...

Так закончилось очередное «проветривание» Павла Бажова. Сравнивая схожие факты в жизни отца и сына, думаешь, а не родовая ли это карма Бажевых — время от времени лишаться работы? Разве что отец, будучи склонным к чрезмерному возлиянию, вредил себе длинным языком, а сын, ведя, наоборот, сдержанный образ жизни, подводил себя посредством скрипучего перышка...

Возвращение Бажова к активной жизни с радостью восприняли и его коллеги по литературно-издательскому цеху. И хотя Бажов вернулся к исполнению редакторских обязанностей в ОГИЗе лишь в апреле того же года, как литератор он был «легализован» на страницах первого за текущий год номера свердловского литературного альманаха, который отныне и надолго стал именоваться «Уральским современником».

Ответственный редактор издания Клавдия Рождественская включила в номер бажовские сказы «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок», созданные в период вынужденной «изоляции», и 9 февраля первый номер альманаха был отправлен в набор. Здесь имя автора «П. Бажов» недвусмысленно значилось поверх строки с заглавием каждого сказа. Правда, подзаголовочек более мелким шрифтом: «Из сказов Хмелинина» все же присутствует.

О том, что бажовские тексты были подверстаны в номер, что называется, вдогонку, свидетельствует необычное их расположение — между беллетристической (раздел «Романы, рассказы и стихи») и народным творчеством (раздел «Фольклор Урала») — вроде бы не совсем то и совсем не это... Но все же «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок» заключали собой именно прозу альманаха, что говорило и об оценке сделанного Бажовым со стороны редакции и правления Свердловского отделения Союза советских писателей, чьим органом издание официально являлось.

Известно, что «внутренний» рецензент рукописи этих сказов — москвич И. Чернев оценил работу Бажова как «...настоящие художественные произведения, яркие, красочные. Старый Урал, с его самоцветами, редкими мастерами, с его безудержной эксплуатацией бедноты заводчиками — встает в этих фантастических сказках, как живой». Восхищенный рецензент посоветовал вообще издать эти сказы отдельной книжкой.

Разумеется, Бажов не стал ждать выхода в свет альманаха, тем более что процесс набора, вычитки, литирования первого номера длился аж до июня (!), и пока руководство ОГИЗа подыскивало ему место в издательстве, с жаром принялся за сочинение новых сказовых текстов.

15 февраля 1938 года им был закончен «Змеиный след» (как сюжетное продолжение «Великого Полоза»);

2 марта — «Две ящерицы»;

7 марта — «Тяжелая витушка»;

12 марта — «Горный мастер» (продолжение «Каменного цветка»);

15 марта — «Кошачьи уши».

На работу в издательство он возвращается, имея в «портфеле» пять новых сказов.

Бажову поручили редактировать книжную серию «Уральская библиотека занимательного краеведения». Первый отредактированный им выпуск выйдет лишь в 1939 году. А до этого его ждало много замечательных событий.

По весне в Свердловск приехал московский литератор Виктор Перцов, который впоследствии (в послево-

енные годы) прославится самым объемным — трехтомным — трудом о творчестве В. Маяковского. Сейчас же он работал в жанре критики. Ознакомившись с подготовленными к печати сказами, он пишет и публикует в столичной «Литературной газете» за 5 мая статью «Сказки старого Урала» о творчестве Бажова и в качестве примера помещает сказ «Каменный цветок». Сказы П.П. Бажова, пишет он, «отличаются богатством фабулы, насыщены увлекательным действием. Фантастика замечательно переплетается в них с исторической правдой. Это притчи, которые учат жизни, заставляют шевелить мозгами. Уральский мифотворец — мудрец, мыслитель, а не острослов. Автор записей сохранил речевые особенности сказителя, его любимые при словья вроде «слышь-ко»... Однако, удержав характер говора заводского округа и сказителя, П.П. Бажов дал слышанному тонкую и осторожную литературную обработку».

Наконец в августе первый номер обновленного альманаха выходит в свет, и массовый читатель (не только уральский!) получает возможность прочесть два сказа, которые и принесут Бажову невиданную славу.

На публикацию отозвался ленинградский писатель А. Бармин, который хорошо знал Урал и писал почти исключительно на уральскую тему:

„Малахитовая шкатулка“ — чудесная вещь. Это не фольклор, конечно. В фольклоре не бывает личной психологии. Но сказы Бажова пойдут в народ, преобразятся, кристаллизуются и будут жить настоящими народными сказками. Вот бы издать „Малахитовую шкатулку“ дешево, массово, с яркими картинками, чтобы за полтинник можно было купить в самой глухой деревне. Интересно сочетание доподлинного уральского быта с фантастикой всемирных легенд. Бажову выпала редкая удача: найти дорогой самоцвет и суметь его огранить с любовью и знанием художника. Одни его сказы делают альманах событием».

Это почувствовала и редакция, включая тексты в номер. Публикация бажовских сказов именно украсила вновь родившийся (или, точнее, новонареченный) альманах.

Что до издания сказов отдельной книгой, то пожелание А. Бармина легло дополнительной гирькой на чашу издательских весов, которые давно и сами склонились к этой затее, и вот по весне началось составление бажовского сборника.

В будущую книгу, что получила название по коренному сказу подборки — «Малахитовая шкатулка», автор П. Бажов и редактор А. Облонский включили 14 сказов (не все, созданные к этому времени) и расположили их в таком порядке:

«Дорогое имячко» — как вступительная история об освоении русскими Урала;

«Про Великого Полоза», «Змеинный след» и «Золотой Волос» — связанные образом Полоза;

«Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка» — связанные образами Хозяйки, Степана и его семьи;

«Две ящерки», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки» — как сказы, не имеющие продолжения;

«Каменный цветок», «Горный мастер» — связанные образами Данилы-мастера, Кати и Хозяйки;

«Кошачьи уши»;

«Марков камень»;

«Тяжелая витушка».

Несмотря на то что книга выходила в местном уральском издательстве, автор и редактор сочли уместным дать в конце два примечания: «О речевых особенностях округа и сказителя» и «Объяснения отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах». И это понятно: язык уральцев советской эпохи значительно отличался от традиционной региональной лексики, тем более что сугубо профессиональные словечки типа «балодка» (одноручный молот), «бленда» (рудничная лампа), «жужелка» (мелкий самородок золота) и др. большинству уральцев, никак не связанных с рудничной работой, знакомы не были.

Предваряло же книгу вступление «У караулки на Думной горе», откуда читатель впервые и узнал про «дедку Слышко» — первоисточник многих сказовых сюжетов.

Подготовленную рукопись «Малахитовой шкатулки» 28 мая того же года сдали в набор. Тому, что производ-

ству этой книги на удивление была дана «зеленая улица», причин много.

Прежде всего причина политическая: автор был несправедливо исключен из партии, и руководство области, которое своевременно с этим не разобралось, пыталось как можно быстрее и четче продемонстрировать Центру свое рвение по выполнению постановления январского Пленума ЦК насчет исправления перегибов в этом вопросе. (Кстати, сам А. Столяр к этому времени был также низвергнут с поста первого секретаря обкома и дожидался своей печальной участи во внутренней тюрьме НКВД.)

Второе: реабилитированный П.П. Бажов на фоне других относительно молодых свердловских писателей был старейшим по возрасту — в январе следующего 1939 года ему исполнялось 60 лет, что теперь, с появлением сказов, обещало вылиться в общественно значимое событие. Лучший подарок писателю — издание его новой книги. А поскольку подарок юбилейный, то и внешне книга должна была соответствовать важности события. Один переплет чего стоил: на обтянутой колленкором лицевой корке под именем автора и названием книги рисунок в тисненном шестиграннике — дедушка Слышко рассказывает ребятам свои тайные истории. Печать — в две краски, черную и голубую, а иллюстрации на наклейках, в паспарту, и вообще многоцвет — в специфической серо-зеленой гамме. Иными словами, это было полиграфически сложное издание, возможно, и первое такое для Свердловгиза... И тираж солидный — 20 тысяч экземпляров.

Поскольку Свердловское издательство было отделением общесоюзного ОГИЗа, то об этом издании знали в Москве, и было решено печатать книгу несколькими тиражами: массовым для продажи и библиотек, специальным — несколько экземпляров к юбилею писателя, и экспозиционным: впереди маячили международная выставка в Нью-Йорке и Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ) в Москве. Два экземпляра «Малахитовой шкатулки» — как передовой образец советской полиграфии — захотели выпустить для этих выставок на особинку. Книга укладывалась в декора-

тивную коробку, а упомянутый тисненый рисунок был заменен на пластинку из настоящего малахита, в которую была вделана серебряная ящерка, усыпанная мелкими рубинами и хризолитами...

Павел Петрович, узнав о таком ажиотаже вокруг своей книги, даже растерялся:

«Вот, хотят послать на нью-йоркскую выставку, — говорил он. — Но ведь там нужно показать наши достижения после Октября. А у меня что? Потом они думают малахитовую пластинку вделать под форму шкатулки. Но ведь каждый знает, что стоит малахитовая пластинка. Плохо что-то сплю. Бессонница привязалась...»

Однако процесс воссияния славы вокруг созданных им сказов разворачивался без участия самого автора. Он мог лишь отойти в сторонку и покорно ждать результата...

И наконец, третье: успех сказов Бажова был явлением не местным, а именно всероссийским. Это-то почему? Да потому, что всех, как говорят сегодня, «достали» герои-ударники, и героини-многостаночницы как персонажи сугубо конъюнктурные, свойственные именно реконструктивному периоду, но далекие от повседневной жизни. Неслучайно, наверное, сам А.М. Горький в последний период жизни писал не о рабочем классе, а о мятущемся интеллигенте в предреволюционный период, а советский «граф» А.Н. Толстой и вовсе ушел в более глубокий исторический пласт — эпоху Петра. Повсеместные юбилейные мероприятия, посвященные столетию со дня смерти А.С. Пушкина и круглой годовщине выхода в свет поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», говорили о том, что отныне будет приветствоваться литература с национальными, народными корнями, а не созданная вновь и на пустом месте... Сказы Бажова как нельзя лучше подходили к этой ситуации, вот почему вдруг все — и на Урале, и в Центре — запели им осанну.

В сентябре центральный журнал «Октябрь» в лице ответсекретаря А. Чаковского (в будущем — знаменитого редактора «Литературной газеты» и прозаика) письменно просит у Павла Петровича новые тексты, «которыми журнал очень интересуется».

Свежий сказ «Синюшкин колодец», законченный 10 ноября, с пылу, с жару уходит в Москву, чтобы впервые быть напечатанным в «Московском альманахе». Правда, свой самый светлый сказ — «Серебряное копытце» Бажов все же оставил для своих и отдал во второй номер «Уральского современника»...

Пожалуй, вот теперь-то Павел Петрович и почувствовал себя настоящим писателем. Издатели буквально выстраивались в очередь за его текстами.

В таких условиях грех было задерживать свое вступление в ССП, тем более что красные корочки «советского писателя» давали право не совмещать производственную деятельность с творческой (как было во времена РАППа), а всецело отдаться сочинению литературных текстов. По итогам двухдневного (23–24 октября 1938 г.) заседания областной писательской организации П.П. Бажова принимают в члены Союза писателей.

Возможно, некоторые читатели почтенного возраста помнят, что в прежние времена в гражданских паспортах, помимо штампов о регистрации брака и прописке, стоял в обязательном порядке и штамп отдела кадров с места работы. Советский человек не мог не работать. Писатели нестатусные (не члены ССП) должны были где-то состоять на службе, даже если литературных заработков хватало на пропитание. Писатель же «в законе» от такой обязанности освобождался.

Надо полагать, что за сданную в производство «Малахитовую шкатулку» Павлу Петровичу полагался солидный гонорар, и это подтолкнуло его к решению заняться только литературой. К тому же здоровье писателя оставляло желать лучшего. Долгая работа с селькоровскими письмами, плюс неурочные бдения дома за конторкой сказались на его зрении не лучшим образом.

Закончив редактирование двух книг из серии «Уральская библиотека занимательного краеведения» в Свердловске, Бажов написал заявление об уходе — на этот раз действительно по собственному желанию. Приказ о его увольнении подписан 29 ноября 1938 года.

Новогодние 1938/1939 годов выдалось опять беспокойным, но на сей раз душевное волнение было

вызвано событиями положительного свойства. Теперь во главе праздничного стола восседал «законный» — статусный писатель. Правда, самого главного «документа», подтверждающего этот его статус — книги «Малахитовая шкатулка» — еще не было.

Четвертого января 1939 года ее набор только подписали в печать. Успеют ли к юбилею?..

Дочь Ариадна вспоминает:

«28 января 1939 г. в Доме литераторов на Пушкинской, 12 отмечали шестидесятилетие Павла Петровича Бажова. Помню, что приготовлений и волнений в доме было много. Маме срочно переделывали платье моей тетки, потому что ничего «подходящего к случаю» у нее не было, отцу штопали брюки, а я до блеска начистила его сапоги, надеясь, что их ветхость будет незаметна».

К торжествам по случаю шестидесятилетия писателя и двадцатилетия его литературной и журналистской деятельности полиграфисты выпустили тот самый параллельный тираж — упрощенный и сокращенный до десяти сказов и, таким образом, вечером 28 января, когда состоялось торжественное чествование юбиляра, собравшиеся смогли не только видеть, но и осязать плод его усилий. Впрочем, как и он сам.

Доклад о творчестве Павла Петровича сделал его коллега по перу К.В. Боголюбов. Упреждая это свое выступление, он десятью днями раньше опубликовал в «Уральском рабочем» рецензию на ожидаемую всеми «Малахитовую шкатулку», заявив, что она «...входит в нашу литературу на правах одной из лучших книг».

В приветственном адресе от президиума Свердловского облисполкома провозглашалось: «Великий писатель нашего времени А.М. Горький говорил, что связь писателя с народом дает ему силу и красоту творчества. Ваша замечательная книга уральских сказов «Малахитовая шкатулка» еще раз подтверждает глубокую жизненную правду этих слов».

Журналисты «Уральского рабочего» признали: «...Ваши сказы принадлежат к числу лучших литературных явлений последнего времени».

Коллеги по перу А. Бондин, Н. Куштум, А. Ладейщиков, А. Савчук, К. Боголюбов, К. Мурзиди, Б. Гранин,

Н. Попова, В. Занадворов высказались так: «...Ваша книга полна народной красоты и силы, и это обеспечивает ей долгую жизнь и искреннюю любовь читателей».

А еще были поздравления от Свердловгиза, редакции всесоюзного журнала «Индустрия социализма», московских писателей — Караваевой, Паустовского, Ермилова, Михалкова, Симонова, Раскина.

Суть всех поздравлений была одна: юбиляра и его литературный труд превозносили...

После официальной части началась концертная. Свердловские артисты Е.К. Амман-Дальская и М.А. Токарев прочли соответственно «Серебряное копытце» и «Медной горы Хозяйку», а худрук местной драмы И.С. Ефремов — отрывок из сказа «Малахитовая шкатулка».

Сам юбиляр сидел в первом ряду и наверняка думал про себя:

«Эвон чо натворил да шуму сколько наделал...»

Что ж, и к славе нужна привычка. Тем более если путь к звездам лежал через тернии — *per aspera ad astra*...

Глава 12. В РОЛИ ТРИУМФАТОРА. Поездки. Встречи. Творческий процесс. Уточнение жанра

К истории с Павлом Петровичем Бажовым безусловно подходит определение «проснулся знаменитым». Не отрицая величины таланта, все же скажем, что в иной общественно-политической ситуации его сказовый дебют мог бы и не вызвать такого ажиотажа.

К этому времени в русской литературе работали два замечательных поморских литературных сказителя — Александр Писахов и Борис Шергин. Мало того, что происхождением своим оба были из семей сказителей (у Писахова бабка была сказительницей, а Шергин воспитывался в семье сказителей), у них и публикации сказовые появились гораздо раньше бажовских — у первого в 1924 году, у второго в том же 1924-м и затем в 1930 годах. И тем не менее подобной славы им не до-

сталось. В эти годы в стране была обстановка совсем другого порядка, и руководству было не до народных истоков. Наоборот, полным ходом шло «раскрестьянивание» русского народа, да и само слово «русский» было заклеенно сверху лэйблом «советский», сиречь «вненациональный».

Но вот «планов громадь» воплотилось в явь — и без всякой поддержки братьев по классу из капиталистических стран, и наверху стало ясно, что сила народа в его традиционных качествах, а не в теориях зарубежных мудрецов и прочих носителей пенсне и бородок. И Бажов со своими сказами пришелся ровно к месту.

Хотя... хотя были и такие рецензенты, что восприняли первые бажовские сказы неприязненно. Дочь Ариадна вспоминает:

«Это, Павел Петрович, я при всем уважении к вам печатать не стану. — сказала ему редактор сборника, которой отец впервые принес свои сказы (Должно быть, Блинова, начинавшая редактировать «Рабочий фольклор на Урале»? — В. С.) — Это фальсификация фольклора».

Демьян Бедный впоследствии рассказывал отцу, что спас его от разгромной статьи о первых сказках. Редактор одного из центральных детских журналов вернул рукопись с категорическим и лаконичным отказом».

И был случай, когда на прочтение первых сказов в эфире областного радио из Всесоюзного радиокомитета пришла максимально отрицательная рецензия, и только грамотная отповедь свердловских редакторов восстановила творческую репутацию Павла Петровича в глазах руководства радио.

Так что нельзя утверждать, что в журнально-издательско-вещательной среде конца тридцатых годов царило непоколебимое единомыслие. Однако мнение большинства было на стороне почти не ведомого стране автора из Свердловска.

Так, в «Литературной газете» за 11 марта 1939 года в номере, на 80 процентов посвященном только что закончившемуся XVIII съезду ВКП(б) с публикацией речи т. Сталина, заключительный «подвал» посвящен... произведениям Бажова. Автор — известный московский

прозаик Анна Караваева. Ее материал так и называется: «Сказы о народе».

В нем, кроме привычных дифирамбов в адрес автора, говорится вот что:

«Сказы „Каменный цветок“, „Малахитовая шкатулка“ и „Горный мастер“ ярко отражают и еще одну характернейшую черту сказов — их реалистическую направленность. Пусть история, бытовые и производственные картины причудливо смешиваются с фантастикой, — основная струя сказов — глубоко реалистическая...

„Уральские сказы“ являются одной из самых увлекательных книг, вышедших за последнее время в областных издательствах».

Любопытно, что основной тираж книги до сих пор находился в производстве, и знакомились со сказами пишущие о них по публикациям в периодике и гранкам типографской верстки.

Интерес к уральскому сказочнику, появившемуся как бы вдруг и ниоткуда, был в столице действительно большим. В марте в Свердловск прибыли именитые визитеры — молодые, но уже орденосные писатели Сергей Михалков (25 лет) и Константин Симонов (23 года), компанию им составили прозаик Ф. Левин и критик А. Роскин, эти были старше возрастом. Конечно, официально приезд мотивировали тем, что бригада москвичей по решению правления ССП будет помогать местным литераторам в доведении их работ до нужного уровня, а заодно отберет и лучшее из их творчества для публикации во всесоюзной печати. Но самым ярким событием этого почти десятидневного пребывания в столице Урала были для них, конечно, встречи с Бажовым. Фотоснимки, сделанные фотокором «Уральского рабочего» Иваном Тюфяковым, запечатлели, как знаменитые москвичи старательно позируют перед объективом, обсев с обеих сторон скромного уральского сказочника, который посмеивается себе в усы над этой парадной, но все-таки, наверное, нужной для истории затеей...

Какие-то тексты из его будущей книги (видимо, из тех, что не публиковались в столичной периодике), москвичи увезли с собой и познакомили с ними А.А. Фадеева, одного из руководителей ССП.

Отъезд молодых знаменитостей из Свердловска состоялся вскоре после 10 марта, а уже 29-го на заседании приемной комиссии Союза писателей решение о приеме П.П. Бажова в члены Союза было окончательно утверждено, причем «поручителями» кандидата выступили А. Караваева, А. Фадеев, узнавшие его по рукописям, и А. Роскин, познакомившийся с Павлом Петровичем лично. Известен номер выписанного ему членского билета — 1467-й (столько официально признанных писателей было на тот момент во всем СССР — от Ленинграда до Камчатки).

Высокая оценка требует и соответствующего подтверждения. Практически все сказы, созданные Бажовым на этот момент, были опубликованы, а некоторые и неоднократно. Издательско-типографский молох требовал новой «пищи», и Павел Петрович вспоминает о своей «незавершенке» — исторической повести об атамане Золотом, вожаке чувовской вольницы времен Емельяна Пугачева.

Рукопись повести (или отдельных ее глав) Бажов еще в 1936 году давал читать бывшему в Свердловске московскому писателю Рувиму Фраерману, который вскоре опубликует свою знаменитую книгу «Повесть о первой любви, или Дикая собака Динго». Однако дальше издательской заявки дело так и не продвинулось... Известно, что в конце концов Павел Петрович «ссудил» эту тему своему коллеге-писателю Константину Боголюбову, который и выпустил книжку «Атаман Золотой».

Почему Бажов не стал работать над этим сюжетом на милую ему историческую тему? Точного ответа он не дал. Но, скорее всего, дело в том, что Павел Петрович, как и многие литераторы (тот же К. Симонов), выросшие из журналистики, на всю жизнь приобрел «синдром достоверности». Он мог с уверенностью писать лишь о том, что сам воочию видел или доподлинно знал. Читательское обвинение в неточности написанного было для него сродни обвинению в профнепригодности.

А как же сказы?! Ведь ни Полоза, ни Хозяйки Бажов не видел и в гору сам не спускался... Но это не реалистические произведения. Деловую и фантастическую стороны сюжета Павел Петрович почерпнул из рассказов В. Хмелинина и других старых рабочих (благо, труд гор-

шика и сноровка этой профессии не требуют глубины и широты инженерного интеллекта). Все же остальное могло быть додумано литератором, и тут уж никто не обвинит сказочника (!) в том, что он «недоуверен»...

Стремясь к точности в изображении факта, Павел Петрович понимал, что историческое исследование былой эпохи займет у него много времени и отберет немало сил. К. Боголюбов был значительно моложе, образованнее (окончил Пермский госуниверситет) и помимо литературно-критической деятельности преподавал в комвузе. Ему было сподручнее заняться этой темой, что он и сделал.

...А Павел Петрович устремился в свой родной бывший Сысертский горный округ: за новыми темами и свежими впечатлениями — хмелининская-то копилка была исчерпана... Писателя по-прежнему интересовало прошлое края, но в его легендарной интерпретации. В творческой памяти Бажова всплывает имя Ермака.

«Я сейчас занят «Ермаковыми лебедями», — признавался он редактору К. Рождественской. — Не знаю, как закружится. В Косом Броде, здесь близко, на воротах топором вырублены лебеди. Потом в Сысерти, там густой лес и называется он Лебяжьим. В народе такое предание держится, что лебеди показывали Ермаку дорогу в Сибирь. Очень любопытно. И непонятно, почему я раньше не вспомнил. Знал ведь, а не вспомнилось. Еще можно в народе пособирать об Ермаковой дороге... Ведь к старику подойдешь, скажешь — вот об Ермаке бы. Он: «А верно, я вот слышал от бабки». И свежайшую деталь скажет. Еще можно бы насобирать. Сохранилось. Поеду в Полевую (Полевской. — В. С.). Она натолкнет, припомнится еще...»

Поездка «в Полевую» состоялась в июне 1939 года. По счастливому случаю в попутчики себе Бажов пригласил фотографа и начинающего писателя Бориса Рябини́на, благодаря которому известно, как проходила эта поездка, и остались фотосвидетельства пребывания автора «Малахитовой шкатулки» в родных местах.

«Мне довелось сопровождать Павла Петровича Бажова в поездке на его родину в Полевской район. Павел Петрович ехал туда после долголетнего перерыва...

На соседней скамье, за спиной Бажова, двое пассажиров — по виду колхозники — оживленно рассуждают о золотом самородке, найденном незадолго до того в здешних местах...

— А вы сами откуда будете? — поинтересовался он после продолжительной паузы.

— Из Полевского.

— Из Полевского? — оживился Бажов. — Ну что, как он? Изменился?

— Да есть кое-что. Криолит, завод большой. Гумёшки, говорят, разрабатывать опять хотят. Домов новых понастроили, стадион. Церква-то знали, где стояла?

— Знал.

— Ну так тут, около этого места, стадион нынче...

Павел Петрович докурил папиросу, молчит и задумчиво щиплет бороду...

Езда не дальняя — от Свердловска до Полевского по прямой не более шестидесяти километров, — но Бажова «разбирает» нетерпение, хотя он и старается не показать этого.

— Вот они, Гумёшки, смотрите! — спешит показать он в окно.

Поезд медленно подтягивается к остановке. За окном видны обширные, заброшенные выработки. Там и сям торчат треногие буровые вышки. За ними, вдали — поселок у подножия невысокой облысевшей горы. По другую сторону железнодорожного полотна дымит большой, обнесенный забором, завод.

Выходим из вагона. Павел Петрович на ходу осматривается и вполголоса бормочет:

— Изменилось, изменилось... Неузнаваемо стало...»

В Полевском Бажов встретился со своим бывшим учеником по духовному училищу Бессоновым. С ним сходили на плотину — место бывшего турчаниновского медеплавильного завода, поднялись на Думную горку, где некогда стояла караулка дедушки Слышко. А на следующий день на выделенном райкомом «газике» отправились... на гору Азов. Оказалось, к удивлению Павла Петровича, на нее можно было подняться на грузовике! По пути миновали Зюзельский рудник — источник

сказа «Синюшкин колодец», сфотографировались в дупле старого пня...

«...Вот мы и наверху. Сколько здесь воздуха и света! Какая высота! Глубоко в зеленой долине белеют домики Полевского. Окрестные холмы с величавой высоты Азова кажутся едва заметными возвышенностями, весь рельеф сглажен, словно по нему прошлись утюгом. Плывут облака. Даль подернута дымкой.

— В ясную погоду отсюда Свердловск видно, — говорит наш проводник, служащий Зюзельского рудоуправления...

Побеседовав с дежурным, пошли полюбоваться на скалы «Ворота».

Они действительно похожи на ворота. Представьте себе две огромных каменных глыбы, поставленных «на попа»: одна против другой. Между ними — узкий проход метра в три шириной. Это своеобразный перевал через Азов. Темный окрас камней эффектно контрастирует с изумрудно-яркой, залитой солнцем зеленью травы и кустов.

— Не здесь ли девка Азовка гостей принимала? — шутил Павел Петрович. — Эй, где ты? Откликнись! Покажись!..

На материале преданий об Азове построен один из самых первых его сказов — «Дорогое имячко». Долгое время Бажов ставил его в «Малахитовой шкатулке» головным. Открывая им книгу, писатель, по-видимому, специально хотел подчеркнуть фольклорные истоки своего творчества, его тесную связь с историей края.

Бажов говорил:

— Всякая легенда — не случайна. В них народ высказывался. Либо это — его желания, мечты; либо — попытка по-своему объяснить недоступные уму тайны природы; а иногда — все вместе. Дело литератора, фольклориста — отыскать это зерно, правильно понять, объяснить его. Сказки не для одной забавы складывались. В настоящей, нефальсифицированной сказке обязательно есть народная мудрость и скрытый смысл, по-ученому — подтекст..

Спускаемся вниз, снова садимся в машину. Мотор не включен, но автомобиль легко скользит, придержи-

ваясь проложенной на переднем пути колеи. Но... что это? Колея исчезла. Некоторое время шофер рулит наудачу, затем резко тормозит.

— Куда? — спрашивает он проводника.

Тот долго осматривается по сторонам и не очень уверенно указывает направление. Через пять минут уперлись в болото. Взяли правее — болото. Объехали влево — опять болото.

— Вот она, девка Азовка, завела да и бросила! — шутит Павел Петрович...

Пока мы поднимались на Азов, в Зюзельке успели подготовиться к встрече. В клубе полно народа (как раз кончилась смена). Все ждут Бажова.

На сцене цветы; над сценой, на большом кумачевом полотнище, четкая надпись: „Привет нашему знатному земляку — писателю сказов народных — Павлу Петровичу Бажову“.

Появление Павла Петровича было встречено продолжительными аплодисментами. Он растроган, смущен этим приемом...

Девочка татарка поднесла дорогому гостю букет полевых цветов (успели сбегать за цветами!), сказала приветствие сначала по-татарски, потом по-русски. Павел Петрович слушал, поднявшись на ноги, склонив голову немного вбок и глядя куда-то перед собой.

Приняв цветы, он сказал:

— В альманахе „Уральский современник“ скоро будет напечатана сказка „Синюшкин колодец“. Это будет мой ответ зюзельским пионерам...

Следующий день посвятили осмотру криолитового завода...

В коридоре заводуправления было необычно оживленно — ждали Бажова; всем хотелось видеть его...

В сопровождении одного из инженеров мы отправились по цехам...

Бажова заинтересовала плавиковая кислота — тяжелая бесцветная, стекловидная жидкость, которую «не держит» ни стекло, ни свинец, ни железо, только — парафин...

Бажов внимательно слушал рассказ... Под конец неожиданно заявил:

— А ведь это (расплавление глинозема посредством изготовлявшегося на заводе криолита. — В. С.) похоже на литературный процесс: механическая смесь различных компонентов должна войти в химическую реакцию и дать нечто совершенно новое, не похожее на старое. Что, скажешь, не так? — И прибавил через минуту: — Все в писательском котле должно перекипеть так, чтобы получилось новое качество. Только тогда можно говорить о творчестве...»

Побывал Бажов на Северском заводе, встретился со старыми рабочими, вспомнили реалии недавней Гражданской войны, зверства колчаковцев. Затем заехали на лесное озеро Церковник, образованное на месте выработки золотоносного места. И уж если речь зашла о самоцветах, то миновать село Полдневая (первоначально Полдневая крепость — отсюда и женский род в названии), которая считается родиной местного старательства, никак нельзя...

*К нашему приезду в сельсовете собрались сплошь старатели: кто в прошлом, кто в настоящем. В подавляющем большинстве люди в годах, с бородами. Уселись с достоинством вокруг стола, сдвинулись поплотнее и выжидающе умолкли, поглядывая на Павла Петровича: с какого-де краю беседу начинать?..

А он сидит в центре живописной группы. Крепкие, здоровые, выдубленные на ветру лица; бороды с проседью, чисто-черные, рыжие («черемные»); выгоревшие на солнце волосы, подстриженные по-старинке, в скобку, глаза хитроватые, по которым ничего не прочтешь, в мелкой сетке беловатых морщинок; в глубине зрачков прячется природная сметка, практический ум; руки у всех заскорузлые, узловатые, в поры въелась несмываемая ничем чернота.

Павел Петрович среди них — как председатель этого необычного собрания. Знакомая книжечка-блокнот выложена на стол и раскрыта на чистой странице. Рядом карандаш...

— А как сорта делились?

— Четыре сорта было. Хризолит первый сорт — крупный, чистый, зеленый. Второй сорт — мельче. Третий — зеленый, с трещинами. Четвертый — желтый.

— А сейчас, считаете, можно работать? Есть еще хризолиты-то, не всё выбрали?

— Можно, можно работать. И зиму, и лето, — зашумели, заволновались вокруг, кивая согласно головами...

Павел Петрович сидел, облокотившись на стул и опустив глаза на раскрытый блокнот, лишь время от времени — когда задавал очередной вопрос — вскидывал глаза на собеседника...

— Тоскливо было подолгу в лесу жить?

— А это кому как. Есть у нас тут одно место, низменное такое. В лесу. Ничего место, сырое маленько только, — логотинка, словом. Сдавна Веселым логом зовут...

— Веселым? Это — почему?

Полуопущенные веки поднялись, за ними блеснул огонек любопытства, карандаш в маленькой, поженски округлой руке неожиданно замер, готовый неторопливо вновь двинуться по бумаге.

Следует пространное и довольно запутанное объяснение, почему лог называли веселым, «веселухиным», упоминаются какие-то немцы, приезжавшие в эти места и ни с чем уехавшие обратно, озорная девица, посводившая будто бы всех с ума, и т. д., — но Павел Петрович быстро уловил суть и не спеша набрасывает ее на бумаге.

Многое в этих рассказах уже утратило реальные очертания, превратилось в живую, ходячую легенду; тем более это возбуждает настойчивый, упорный интерес Павла Петровича, будит в нем новые мысли и предположения, воспламеняет воображение...

Далее разговор переходит на «золотую» тему.

«В книжечке, рядом со словами «долгая руда», «веселухин ложок», появляется новая запись: «попутный лог». Туда же заносятся отдельные выражения, неожиданные словообразования и связанные со старательским делом незнакомые в других местах термины, которыми обильно уснащена речь стариков.

Вообще Бажов записывал мало. Случалось, что за всю беседу или за целый день нескончаемых разговоров, встреч, передвижений на машине, пешком, на лошади, отберет всего одно-два слова (бывало и ни одного), но зато уж это действительно слова-«золотники».

Поездки в родные края стали для Бажова делом постоянным. Жена писателя Валентина Александровна вспоминала, что во второй половине двадцатых — в тридцатых годах Павел Петрович побывал в Сысертском и Полевском районах не менее шести раз, причем брал с собой старших детей, когда они были школьниками. Привозил сюда и младшую дочь Ариадну, у которой навсегда сохранились светлые впечатления о родине отца. Теперь же, когда он стал знаменитым, а дети выросли, его контакты с бывшим Сысертским горным округом приобрели еще более тесный характер.

Так, по приглашению Сысертского райкома и райисполкома он принимает участие в совещании по геологоразведке района с целью поиска новых месторождений полезных ископаемых — не как специалист, но как авторитет в «самоцветных» делах; Бажов пишет специальное письмо секретарю Полевского райкома ВКП(б) с просьбой сообщить пионерам Зюзельской школы, что 9 ноября по радио «с 5 до 5.45 вечера по нашему времени» будет читаться его сказ «Синюшкин колодец» — это исполнение обещания, данного ребятам во время встречи в июне. Правда, он обещал публикацию сказа, который «давно написан, а книжка все не издается из-за отсутствия бумаги». Как в этом поступке не увидеть в Бажове дара педагога? Обещал ребенку — надо выполнить...

Так писатель Бажов, сочинивший первые свои сказы отнюдь не для детской читательской аудитории, а единственно с целью сохранения и популяризации «взрослого» горщицкого фольклора, вдруг неожиданно для себя стал любимым писателем детворы. Дети-то, оказывается, «клюнув» первоначально на фантастические образы сказов, очень правильно поняли и главную суть этих литературно-фольклорных произведений: уважение к человеку труда, чья жизнь до революции была весьма не легкой. И это сочувствие к героям переросло в горячую любовь к писателю, который и по внешнему своему виду соответствовал образу сказителя. Дедко Слышко был на бумаге, и то в предисловии к сказам, а речь повествователя ребенок справедливо слышал из уст реального дедушки Бажова...

И вот здесь уместно выяснить жанровый вопрос о написанном Бажовым: что это все-таки — «сказки» или «сказы»?

Суффикс -к- подсказывает нам, что «сказка» — это что-то маленькое, образованное от большого. А большое, исходное, и есть «сказ» — то есть нечто более солидное, нежели «сказка». Сказка образована специально для рассказывания маленьким. А вот сказ...

Впрочем, сам Бажов поначалу не слишком был озабочен четким жанровым определением того, что писал. Его первые публикации, привязываемые к имени первоисточника В. Хмелинина, имели двойной подзаголовок — где сказ, где сказка.

Хотя в предисловии «У караулки на Думной горе», которое Бажов сочинил для книжной публикации, на этот счет есть воспроизведенное им по памяти и уже цитированное здесь откровение дедушки Слышко:

«...Сказку, говоришь? ...Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются. Иное, слышь-ко, и говорить не всякому можно. С опаской надо, а ты говоришь — сказку!..»

Выходит, сказы — это которые про «тайную силу». А как же другие, которые не про рудные и самоцветные дела — те же «Про «водолазов» или «Ермаковы лебеди» — их к какому жанру отнести?..

В строгом литературоведческом смысле эти его произведения полностью определяются как сказовая проза, поскольку повествование в них ведется не от лица автора, а от лица вымышленного рассказчика со своим неповторимым языком изложения и специфической — региональной и профессиональной лексикой, что и создает для читателей невидимый, но ощущаемый образ сказителя. Сам-то Бажов сказителем не является, он — литератор, а вот герой его, означенный поначалу как дедко Слышко, а дальше и не упоминаемый вовсе, и есть тот источник, из уст которого читатель якобы и слышит эти самые сказы...

Разумеется, Бажов не был первооткрывателем жанра литературного сказа в русской словесности. На ум приходят Н.С. Лесков с его Левшой, Андрей Печерский (П.И. Мельников) с его рассказами о Елпидифоре Пер-

фильевиче, Н.В. Гоголь, чьи малороссийские истории передаются читателям будто бы устами «пасичника Рудого Панька». А повести «покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина — разве это не пример сказовой прозы? Конечно, письменная речь воображаемого Белкина по своему стилистическому окрасу недалеко от языка самого Пушкина и читатель в конце концов напрочь забывает об этом непонятном Белкине. Но формально — это тоже сказовая проза... Более того, и любимый писатель нашей интеллигенции М.М. Зощенко со своими юмористическими рассказами двадцатых годов — представитель того же стилистического направления. А японские исследователи русского сказа относят в этот ряд даже А.И. Солженицына (вероятно, за «Матренин двор»), что спорно, но, возможно, по ряду причин и не лишено основания... Словом, это специфический филологический вопрос, который лучше оставить специалистам. Здесь же стоит сказать лишь, что громкий и повсеместный успех книги «Малахитовая шкатулка», которая вышла в свет в июле 1939 года — как раз по возвращении Павла Петровича из поездки в Полевской, навсегда привязал жанровое определение «сказ» ко всей прозе этого рода, что стала выходить из-под его пера в дальнейшем...

Вернемся к воспоминаниям Б. Рябинина, где он рассказывает о встрече горняков с Бажовым:

«Дальше началось то, чем обычно всегда тяготился Павел Петрович: каждый выступающий считал своим неременным долгом сказать похвалу в адрес Бажова.

— Это при живом-то человеке?! — возмущался он в перерыве.

Популярность Бажова была исключительно велика. Его знали хорошо в лицо во многих городах и рабочих поселках края. Очень часто незнакомые люди здоровались с ним на улице».

Опять хочется напомнить, что эти события происходили до поступления его книги «Малахитовая шкатулка» в продажу — в широкое распространение. Откуда же тогда такая известность? Ответ один: это заслуга тогдашних СМИ — газет, журналов, радио, где были

опубликованы сказы из «полевского» цикла. А поскольку внимание народа к газетам в те годы было весьма высоким (к этому приложил руку и сам Бажов, работая в отделе писем «Крестьянской газеты»), то вся информация о нем и его творчестве поступила в массы оттуда. Тем более что в дни празднования юбилея главная газета области «Уральский рабочий» отвела этой теме целую полосу — всю третью страницу, где помимо прочих материалов был опубликован и ставший знаменитым фотоснимок А. Ананьина, на котором изображен сам Бажов и его дочь-школьница Ариадна.

Касательно чрезмерного возвеличивания «живого человека», на примере с Бажовым видно, что стремление к созданию «культ личности» — свойство, органично присущее нашему народу. Оно возникает не по разнарядке сверху, а от искренней любви к той или иной выдающейся личности. Ведь в отличие, скажем, от Сталина Павел Петрович Бажов никакой реальной властью и даже мало-мальски административной силой не обладал — казалось, что же побуждало людей к выражению такой искренней благоприязни к нему? Ответ один: внутренняя любовь. И полевчанам-то Бажова было за что любить — он первый в их жизни человек, который описал то сокровенное (почему сказы и «тайные»), что хранилось в преданиях, передавалось из поколения в поколение и составляло «код» полевчанина-горщика, старателя, заводчанина, камнереза... Писатель в прямом смысле говорил языком народа, и это во многом потому, что сам был здешний, по роду своему — полевской, заводский...

Мог ли Бажов топнуть ногой на своих читателей и почитателей за исключительное проявление чувств, не боясь обидеть тех, для кого он старался?

Там же корни всенародной любви к Чкалову, Стаханову, Анжелиной (обратите внимание — это не к артистам или, по-сегодняшнему говоря, шоуменам, а к людям труда и подвига во имя общего благополучия). Отсюда и всеуральский культ партийного вождя Кабакова, и конечно, культ членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с самим генсеком И.В. Сталиным. Выражение (пусть чрезмерное) всеобщей любви к таким людям — свидетельство того, что народ понимает, принимает

и поддерживает их линию. Какой же смысл с этим бороться? Ведь это реально оттолкнет массы в стан противника... Где бы увидеть такого деятеля, который в здравом уме пошел бы на подобный шаг?..

В то время как ежедневно, начиная с июля 1939-го, постулавшие в книжные магазины пятьсот свеженьких экземпляров «Малахитовой шкатулки» расхватывались свердловчанами, в местном ТЮЗе шла репетиция спектакля по мотивам сказов из этой книги. А свердловский композитор А. Фридендер уже вынашивал идею написания либретто балета по «Медной горы Хозяйке».

Как вспоминал позднее К.М. Симонов, привезенные им и его товарищами из Свердловска рукописи сказов (хотя он пишет о верстке) способствовали тому, что книга бажовских произведений в составе двадцати сказов была включена в тематический план издательства «Советский писатель» на 1940 год.

А Павел Петрович собирал новую книгу. В одном из писем он сообщает: «...Район сказов будет значительно расширен. Кроме Полевского будут даны сказы, связанные с Мурзинкой, путем Ермака. Из «Малахитовой шкатулки» лишь один сказ войдет — «Золотой волос»...»

Сборник предположительно должен был состоять из десяти сказовых текстов. Сюда он планировал включить и законченные до поездки в Полевской «Серебряное копытце» и «Синюшкин колодец». Создание последнего шло не гладко:

«Значит, я „Синюшкиным туманом“ (так первоначально. — В. С.) начинаю цикл сказов про первого добытчика, — признавался он редактору К. Рождественской. — У меня уже копошится в голове много тем, но только тем, пока еще неясно, в синюшкином тумане. Цикл таких сказов даст мне возможность выйти из Полевского и действие перенести в другие местности...»

Вот.. про бабку Синюшку я не знаю — кончать ли в мажоре или миноре. Как будто бы в миноре: парень погибает от смертной тоски... Но... народ свои сказки кончает победой добра. Да, это правильно. Так оно... Потом у меня три перышка: красное — на жаркий день. Оно опять меня уводит к мажору. Хотел я такую деталь обыграть. В ту пору в Мраморском девки славились

красотой. Но не долговеки. Чахотка. Так и говорили: „На мраморской жениться — вдовцом быть”. А парней манит. У них, чахоточных, красота, сами знаете. Вот если парню дать такую деталь? В эту сторону повернуть?..»

Творческие сомнения были характерны для Бажова как литератора, что, конечно же, напрочь отменяет все изначально возникавшие сомнения: а он ли автор, или, может, все же Хмелинин?

Вот другой фрагмент его творческих размышлений вслух, записанных К. Рождественской:

«— Бабка Лукерья не много ли говорит? Я уж ее сокращал. Все-таки длинно кажется. Илья — немного неудобное имя, если брать с предлогами. Хорошее имя Егор, но оно у меня есть... Что если ему дать прозвище „Богата-богатина”? Из женских имен хорошее имя Домна. Девки в „бабке Синюшке” мне не нравятся. Мертвые столбы. А чего не хватает — не могу понять.

Я сказала, что сказ „Синюшкин колодец” несколько отличается по стилю от прежних сказов, которые вошли в печатающийся сборник. Он согласился:

— Я сам чувствую. Это другой стиль. Ни одного «слышь-ко» не употребил. Хмелининские сказы — те густо обросли бытом, поминутно отходы в сторону. Здесь этого нет. Обнажена фабула... Не знаю. Я мог бы и усложнить. Внести подробности, как он работал на прииске, еще лиц, но мне не хочется. Можно два колодца — два глаза, бездонные, понимаете? Это у меня мелькнуло после вчерашнего разговора...

Павла Петровича смущало и начало сказа.

— А что если „бабку Синюшку” начать так? — и он сказал тот текст, который затем стал окончательным».

Конечно, после первых громких сказовых успехов все — и читатели, и писатели, и издатели — воспринимали Бажова не иначе как автора, работающего исключительно в сказовой манере. И потому, когда Павел Петрович принес в Свердловск, в детский альманах «Золотые зерна» автобиографическую повесть «Зеленая кобылка», редактор оказалась в замешательстве. Она планировала поместить туда сказ «от Бажова», а тут — «сбой жанра» — вдруг сугубо реалистическая по-

весть. Ее бы и отставить до следующего случая, но ведь повесть-то детская! Когда еще возможность выйдет ее опубликовать... И Клавдия Васильевна (а это была опять Рождественская) предложила, чтобы не разрушать сложившийся образ Бажова как автора сказового. дать «Зеленую кобылку», но под псевдонимом. На удивление, Бажов сразу согласился и «посмеиваясь, сообщил тут же: „Егорша Колдунков”». Так публикацию и подписали.

Думается, Павел Петрович намеренно решил на мистификацию, поскольку, не отказываясь от славы «сказочника», все же мыслил себя писателем более широкого диапазона и захотел проверить: а как будет воспринято его реалистическое письмо, если не связывать его с уже знакомым всем и осяянным славой именем «П. Бажов»?

И что же? Сработало!

Даже ближайший соратник по цеху — свердловский рецензент К. Боголюбов не разгадал криптограмму коллеги. А пристально следящий за всем произрастающим на уральской литературной ниве ленинградец А. Бармин буквально взорвался недоумением:

«Кто этот Колдунков? Почему я его до сих пор не знаю? Не первая же его вещь „Зеленая кобылка”. Хороший язык, понимание детскости, владение фабулой, экономия средств в создании характеров, наполненность пейзажей и бытовых описаний — все доказывает, что автор не новичок. Вы устроили конкурс на читательский успех: „Напишите, что лучше всего?” Если бы мне было 12 лет, я написал бы: „Дорогая редакция, из альманаха мне больше всего понравилась „Зеленая кобылка”».

Надо полагать, Павел Петрович после такого отклика втайне потер руки: ведь в этом импровизированном «конкурсе» реалист Е. Колдунков перемог сказочника П. Бажова! Ага, есть еще порох в пороховницах!..

Этот анонимный успех подвиг Павла Петровича к сочинению продолжения, уже, разумеется, под своим именем. Им задумывается повесть «Крашенный панок».

Панок — это коленный сустав от коровьей ноги, атрибут уличной игры деревенских (и заводских) ребя-

тишек в бабки. Панок — бита, а хорошая бита — половина успеха и предмет зависти соперников. Сам Бажов неоднократно упоминал об этой повести, делясь перспективными замыслами. И даже сохранились текстовые заготовки к ней. Но этим дело и закончилось...

Вероятно, Бажов внутренне прикипел к короткому — лаконичному, но емкому по мысли и образности жанру сказа фольклорно-легендарного характера, к возможности, говоря о прошлом, славить и осуждать явления настоящего, что делало сказы актуальными, несмотря на их видимую историчность. Ну да и повышенный спрос на такую его литературную продукцию имел на писателя не последнее влияние.

Во второй половине 1939 года им созданы сказы «Огневушка-Поскакушка» и «Травяная западенка». В первом квартале 1940-го родились «Ключ-камень» и «Хрупкая веточка». Первые три были предназначены для будущего сборника «горных сказок».

Тем временем бажовские сюжеты активно выходят и на самостоятельную сцену. В апреле Павел Петрович с группой товарищей выезжает в Кировград (бывшую Калату) на просмотр спектакля по «Малахитовой шкатулке». Надо полагать, навещает могилу погибшего в 1935 году сына.

В мае инсценировку того же сказа видит в свердловском Дворце пионеров (бывшем Харитоновском дворце) в рамках городского смотра детского творчества. В июне он оценивает этот спектакль как член жюри областного смотра.

А 12 сентября 1940 года в Свердловгизе выходит отдельным изданием «Зеленая кобылка» — вторая книжка «нового» Бажова, вернее Е. Колдункова.

Тут, наверное, надо объяснить читателю, откуда у Павла Петровича такой псевдоним.

Заводское население бывшего Сысертского горного округа в значительной степени — это обрусевшие выходцы из северных угро-финских племен: пермяков и зырян. Сам Бажов признавал свои корни, говоря, что его дальними предками наверняка были зыряне (думается, по генотипу он все же ближе к пермякам). Став носителями русского языка, эти новокрещены сохра-

няли остатки лексики своего первоуродного языка и в быту нередко их использовали.

Бажов вспоминал, что еще в период его учебы в Екатеринбургском духовном училище однажды «швейцар-зырянин» сказал ему: «К тебе приходил Петухов». У мальчика не было знакомого с такой фамилией, и тогда швейцар стал описывать его внешность. «Так это Поткин!» — догадался Паца. «Какая разница, — возразил швейцар. — Поткин или Петухов?» Дело в том, что по-зырянски «потка» и есть петух... Другие случаи таких «двойных фамилий» приводятся самим Бажовым в послесловии к первому изданию «Малахитовой шкапулки». Он говорит, что русский аналог реликтовой в своей основе фамилии, сохранялся в уличном прозвище, и приводит в качестве примера две таких пары: у Турыгиных было прозвище Бураковы, поскольку туземное «турыга» — это бурак по-русски; а Тулункины носили прозвище Кожины, так как тулун — «кожа, снятая рукавом».

Так вот, повторим то, что говорилось в первой главе: «бажить» или «бажить» — это значит «колдовать», и не накликать, а предвещать. Поэтому Бажовы (Бажевы) имели в Сысерти уличное прозвище Колдунковы. Любопытно, что при отдельном издании повести «Зеленая кобылка» Павел Петрович сохранил на обложке этот псевдоним. Видать, в память о детстве.

На отчетно-перевыборном собрании Свердловского областного отделения ССП 11 сентября 1940 года Павел Петрович был в третий раз избран (по сути, переизбран) в правление региональной организации, а через девять дней лидер свердловских писателей А. Савчук, ставший депутатом городского Совета, передает свои полномочия Бажову, и тот становится ответственным секретарем Свердловской писательской организации. В действительности на этот момент он был не только старейшим свердловским писателем, но и самым известным, авторитетным и популярным сочинителем среди братьев по перу. Таким образом, Павел Петрович после двухлетнего перерыва снова был вынужден выйти на службу.

Став руководителем, Павел Петрович считает возможным вернуться к неприятному факту своей био-

графии более чем шестилетней давности, когда ему как «неправильно указавшему» стаж пребывания в ВКП(б), вынесли строгий выговор, который висел на нем все эти годы, с просьбой о снятии такового. Партсобрание свердловских писателей поддержало его просьбу, и спустя два месяца она была удовлетворена вышестоящим партийным органом.

Осенью этого же года он заканчивает, наконец, сказ «Ермаковы лебеди», в котором делает достоянием широкой гласности легенду об уральском происхождении Ермака. Народная версия в его интерпретации показалась настолько убедительной, что редакция Большой советской энциклопедии предложила ему изложить этот взгляд в статье для включения в соответствующий том БСЭ. К чести Павла Петровича, слава не застила ему глаз, и он отказался, сославшись на отсутствие достоверных подтверждений этих «досужих предположений».

А в конце ноября Павла Петровича, как автора первоосновы и соавтора пьесы, написанной по сказам, вместе с артистами свердловского ТЮЗа пригласили в Москву, на Всесоюзный смотр театров для детей, где уральцы и представили «Малахитовую шкатулку».

Имеет смысл сказать несколько не очень приятных слов о том, как родилась эта пьеса. Она была создана специально для постановки к вышеупомянутому смотру. Эту работу по инициативе театра выполняли двое — сам автор и начинающий драматург Серафим Корольков. Результат, надо полагать, вышел приличный, поскольку был зарегистрирован Главреперткомом и рекомендован для постановки. Пьеса, поставленная в свердловском ТЮЗе режиссером К. Бережным, имела успех и получила хорошую прессу. А в рецензии под названием «Заслуженный успех» Вл. Ильичев, забыв (или не зная) об участии в создании инсценировки самого П. П. Бажова, все лавры воздал одному С. Королькову, у которого, как сейчас говорят, от успеха «снесло крышу». Иначе никак не объяснить то, что он стал требовать, чтобы на афишах указывалось только его имя. Более того, когда Королькову стало известно о постановке по согласованию с Бажовым пьесы на самодеятельной сцене в Кировграде, он послал туда ложную теле-

грамму, что-де репертком запретил постановку этого варианта пьесы и предложил взамен другой, исключительно свой, якобы утвержденный репертуарным ведомством... То же повторилось и с постановкой во Дворце пионеров. Благо, с тридцатилетним авантюристом быстро разобрались, и прежде всего в Союзе писателей, где он числился кандидатом.

По воспоминаниям К.В. Боголюбова, А.Ф. Савчук, бывший тогда руководителем писательской организации, узнав об этом факте, «буквально рассвирепел, созвал правление.

— Это гнусный плагиат! Какую нужно иметь наглость, чтобы присвоить себе чужое произведение? Гнать за это надо из организации, — гремел он».

Корольков был исключен из кандидатов в ССП и вскоре покинул Свердловск. Дальнейшая его творческая судьба уральцам неизвестна.

Разумеется, на спектакле в Москве он не присутствовал. А выступление уральских артистов 22 ноября 1940 года прошло на ура. С Павлом Петровичем тут же заключили договоры на экранизацию «Малахитовой шкатулки» сразу две столичные киностудии — «Мосфильм» и «Союзмультфильм».

А дома в Свердловске его уже ждал подписанный в печать новый сборник для детей «Морозко», где у «дедушки Бажова» шли «Огневушка-Поскакушка» и «Серебряное копытце», названные по выходе книжки рецензентом И. Халтуриным «удивительными сказками, не имеющими предшественниц в литературе».

А. Бармин в ленинградском журнале «Звезда» (в последнем номере за 1940 г.), можно сказать, подвел итог спорам о том, что такое бажовские сказки — фольклор или литература: «„Малахитовая шкатулка“ — личное творчество и личная удача П.П. Бажова. Это не фольклор, но имеет все основания стать фольклором».

Так заканчивались для Павла Петровича тридцатые годы и начинались сороковые.

Это было, пожалуй, самое счастливое время в его жизни. Пройдя путь в шесть десятков лет, он неожиданно для самого себя оказался на вершине литературной славы. Всего три года назад решением бюро обкома он

был превращен в безработного старца, практически вычеркнутого из общественной жизни. И вдруг — известен на всю страну и возведен в первый ряд советских сочинителей. Его сказы — на драматической сцене, а будут еще в балете и на киноэкране. Сегодня его книжки читает Урал, а завтра — вся страна читать будет. Это ли не мечта любого писателя?..

Говоря словами вождя, «жить стало лучше, жить стало веселее».

И это было характерно для страны в целом. Предвоенные годы благодаря осуществленной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства по уровню жизни несравнимы с началом десятилетия. Зерновая проблема в стране была решена. Скажем, валовый сбор зерна в СССР в 1937 году составил 7350 млн пудов — это на 2860 млн больше, чем в 1928-м, то есть до начала коллективизации. В 1940 году в стране уже не было карточек и продукты питания продавались свободно.

Интересное свидетельство о тогдашнем уровне жизни нашлось в повести известного очеркиста В. Овечкина «С фронтовым приветом», написанной в военном 1944 году. Один из ее неглавных персонажей старшина Крапивка рассуждает:

« — Эх... какая жизнь распрекрасная установилась у нас перед войной, да и не ценили мы ее как следует. Подумать только: два с полтиной килограмм селедок стоил, бери, сколько хочешь, хоть бочонок. Астраханская, залом, в руку толщиной, спинка, как у поросенка, сало из нее течет. А донская, высший сорт, четыре пятьдесят, в маринаде, с лавровым листиком? В какой магазин ни заглянешь, полки трещат от продуктов. Колбаса всяких сортов: любительская, чайная, варшавская, краковская, сосиски, сардельки, консервы, балыки, копчености. А выпивки — хоть залейся: от простой белой до тех ликеров включительно, в глиняных кувшинчиках, что как раскупоришь, так запах идет по всей комнате, будто духи разлили. Да дешево же все было! Три пятнадцать четвертушка белой стоила. Без карточек, без очереди».

Понятное дело, не везде наблюдалось такое изобилие, одно дело в столице, другое — на периферии.

Но гастроном № 1 на улице Вайнера в Свердловске по своему ассортименту, наверное, не уступал среднемосковскому продуктовому магазину. Другое дело, возможность все это купить была не у всех, но вероятно, у многих — иначе для кого же заполнялись продуктами прилавки? Современных консервантов тогда еще не выдумали...

Павел Петрович оставался главным кормильцем семьи из пяти человек. И хотя по анкетам иждивцев у него числилось двое — жена и дочь-школьница (теща и золовка получали хоть не великие, но все же пенсии), на его доход от литературной деятельности жили все вместе. С вступлением в должность руководителя писательской организации в бюджет семьи добавилась и зарплата ответсекретаря. При этом гардероб Бажова не претерпел изменений — черная толстовка под ремешок и заправленные в сапоги брюки оставались и его прозодеждой, и праздничным нарядом. Он словно навсегда врос в сложившийся у читателя образ сказителя из уральских мастеровых.

Фотография конца тридцатых годов сохранила для истории факт приезда на родину старшей дочери Ольги с семьей. Они снялись вшестером в саду — отец, мать, Ольга с мужем и сыном Володей и сестрой Ариадной на фоне родительского дома.

Осенью 1939-го пришла телеграмма с Дальнего Востока: и вторая дочь Елена одарила родителей внуком. Александр родился в Комсомольске-на-Амуре 22 ноября.

Складывалась традиционная русская семья, в составе которой — представители уже четырех поколений. И всех объединял дом на улице Чапаева, 11, в котором жили старшие и куда тянулась душа и мысли младших.

С выходом свердловского тиража «Малахитовой шкатулки» дом и его седобородого хозяина стали засыпать письмами с просьбой прислать экземпляр книги. Письма приходили не только от читателей, но и от организаций. Такое письмо пришло от Детиздата, который тоже, вероятно, не хотел оставаться в стороне от тогдашнего издательского «бума». Пришло письмо и из Союза советских писателей, где хотели, наконец, уви-

деть воочию, за что же они поддержали кандидатуру П.П. Бажова при вступлении в ССП. Письмо написала Анна Караваева. Она же позже и вспоминала о получившемся курьезе с этой книгой:

«Я написала Павлу Петровичу, прося выслать мне «Малахитовую шкатулку». Прошло некоторое время — в Москву приехал писатель А.Ф. Савчук.

— Получили от Павла Петровича «Малахитовую шкатулку»? — спросил он меня.

— А разве он уже послал ее мне?

— Да, конечно. Я сам видел! Павел Петрович послал ее в адрес Союза писателей СССР.

— Но где же она?! Почему же я ее не получила?

Начались поиски «Малахитовой шкатулки». Кто-то видел книгу, кто-то смотрел, кто-то вслух цитировал сказы... а в общем книга пропала, — проще говоря, ее «зачитали» поклонники. Я была бесконечно огорчена, снова написала Павлу Петровичу, и вскоре книга была у меня.

Наряду с этим Бажов с готовностью откликается и на предложение «Правды» сделать очерк об одном из ударников третьей пятилетки, шахтере-бурильщике из Красноуральска, И. Янкине. Творческий результат его поездки публикуется в центральном органе ВКП(б) 5 января 1941 года.

А параллельно по материалам этой поездки рождается и новый сказ.

Снова воспоминания К. Рождественской:

«Вернувшись... Павел Петрович неожиданно заговорил о названии нового, мне неизвестного сказа.

— Как, по-вашему, такой заголовок «Зеркало Хозяйки горы»? Три слова. Не могу найти. Пока не уложится заголовок, не могу начать. «Горное зеркало» — не в том духе. Подумать надо.

— Значит, новый сказ?

— Новый. Ездил в Красноуральск. Там скольжение медного колчедана, трещинноватость. Получается зеркало. Я вспомнил одно поверье о зеркале. Там, конечно, фантастика, гнев и т. д. Вот над этим и думаю.

Сейчас, когда перечитываешь «Тяуткино зеркальце» (о нем шла речь), думаешь: как причудливо иногда идет процесс художественного творчества. Живой образ из

современности вдруг всколыхнул в памяти далекое, давно забытое поверье. Мы не имели бы, вероятно, чудесного «Таяткина зеркала», если бы Бажов не съездил в Красноуральск».

В феврале Павел Петрович сочиняет беллетризованный очерк, или очерк-рассказ «Разделительная черта», в котором рассказывается о старом (положительном) инженере, который, тем не менее, сомневается в способностях рабочего «прочитать лекцию» и оказывается к своей радости посрамленным... Станочник-новатор Тимин, выступая в клубе перед рабочими и ИТР завода, показывает себя весьма компетентным токарем, способным к освоению новой техники и, более того, к рационализации труда за счет использования новых приспособлений и приемов.

Инженер Крутилин, вернувшись домой, находит в книге цитату Ленина, который в 1919 году, когда еще никаких пятилеток не было, призывал коммунистов именно к такому отношению к делу: «Коммунизм — есть высшая против капитализма производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих».

Собственно, эта цитата, скорее всего, и стала отправной точкой для Павла Петровича, который выстроил всю литературную конструкцию «Разделительной черты» применительно к ней. Эта заданность при всем профессионализме написанного ощущается... И потому, скорее всего, Бажов не стал публиковать это произведение в газете или журнале.

Зачем же тогда он писал эту «Разделительную черту»? В начале марта (7-го и 8-го числа) 1941 года состоялось очередное собрание Свердловского отделения ССП, на котором Бажов выступал с докладом о современной тематике в произведениях руководимых им писателей. Потому и заказ «Правды» пришелся вовремя, и «продолжение» про токаря Тимина, где есть ссылка на рекорд Янкина, тоже — нельзя же говорить с трибуны о том, к чему сам не имеешь прямого отношения...

Как руководитель местной писательской организации, Бажов теперь уже по должности встречается со всеми столичными коллегами, которые с той или

иной целью приезжают в Свердловск. В январе он беседует с Финком, Леонидовым, Арго и Шубиным, в марте — апреле принимает А.С. Серафимовича, после смерти А.М. Горького — самого авторитетного в СССР пролетарского писателя, «одного из родоначальников советской литературы». На служебной машине собкора «Известий» В. Старикова он отвозит мэтра в гостиницу «Большой Урал» и, по воспоминаниям журналиста, за рюмкой чая по случаю встречи слышит от него очередную интерпретацию высокой оценки своих сказов:

— Книжица ваша весьма основательная, Павел Петрович, — говорил он. — И судьба у нее будет самая добрая. Уж поверьте старому писателю и читателю. От истоков русского языка, русской народности идете. Глубокие у вас корни, на хорошей почве укоренились...

Павел Петрович улыбочиво похмыкивал, все поглаживая бороду, проводя рукою снизу до шеи.

— Не перехвалите, Александр Серафимович. Все-таки это ведь всего-то сказочки.

— Ан нет, дорогуша. Такие сказочки романа стоят!»

Желающих «посмотреть» Бажова вживе среди москвичей-писателей было так много, что на всех командировочных денег в ССП не хватило бы, и решили, пользуясь оказией — созывом Всероссийской творческой конференции, пригласить в Москву его самого.

Апрель 1941 года выдался урожайным на такого рода мероприятия. Только что закончилась конференция московских писателей. Параллельно с упомянутой Всероссийской в столице проходила творческая конференция драматургов, и следом началась Декада армянской литературы. Все это говорит о том, как ответственно подходило правление ССП к руководству литературным процессом в стране.

Всероссийская конференция, на которую со всех концов России были приглашены писатели, серьезно заявившие о себе первыми произведениями, началась 14 апреля и длилась целый месяц. Чем же так долго можно было заниматься? Чтением и всесторонним обсуждением произведений прибывших на встречу шестнадцати литераторов, среди которых были те, кто потом станет известным на всю страну: прозаики

Георгий Марков из Иркутска и Константин Кони́чев из Архангельска, поэты Николай Рыленков из Смоленска и Анатолий Софронов из Ростова-на-Дону, критик и литературовед Борис Рюриков из города Горького. Свердловск представлял поэт Николай Куштум, а Бажова пригласили, разумеется, не для разбора — его авторитет как мастера в литературе был уже утверждён, а, как сказано выше, для знакомства с ним более широкой аудитории.

Главным мероприятием, в котором был задействован Павел Петрович, стал его персональный творческий вечер в Центральном доме литераторов на улице Воровского (ныне Поварская), или Клубе писателей, как он тогда именовался.

О том, как готовилось и проходило это мероприятие, рассказала та же Анна Караваева:

«Вызвав Павла Петровича в Москву, мы хотели, понятно, как можно впечатляюще ознакомить аудиторию с его творчеством. Пригласили из числа знаменитых наших чтецов Е.Д. Турчанинову и Д.Н. Орлова. Узнав, что Евдокия Дмитриевна Турчанинова, одна из любимых артисток Малого театра, живо откликнулась на приглашение Союза писателей прочесть по своему выбору некоторые сказы, я позвонила ей, выразила нашу общую признательность и тут же спросила, понравились ли ей бажовские сказы. Она отозвалась о сказках с горячей похвалой:

— Это золотая проза! А Бажов Павел Петрович — это просто чудесник какой-то, чародей!..

В ожидании вечера у нас, в центральном доме литераторов, мы, несколько писателей-москвичей, окружив Павла Петровича, начали было его расспрашивать о том, как писалась «Малахитовая шкатулка». Он выслушал все вопросы, обращенные к нему, и, слегка пожав плечами, застенчиво и мягко улыбнулся.

— Рассказать? Да ведь я уже все рассказал... в предисловии-то к моей книжке все есть, нового ничего не скажу.

Впоследствии я не раз замечала в характере Павла Петровича эту скупую на слова скромность — он не любил говорить о себе. Он как бы считал возможным рас-

сказать только какой-то необходимый минимум о своей работе, а все остальное предоставлял воображению собеседника, особенно если беседовал с литератором. Однажды мне довелось слышать его интервью корреспонденту одной из центральных наших газет. Корреспондент, совсем еще юноша, очевидно воображал, что писатели приблизительно все одинаковы, и задавал автору «Малахитовой шкатулки» вопросы такого характера и в таком количестве, как уже привык задавать всем. Павел Петрович отвечал ему в своей манере — ясно и скупо. Юноша придумывал все новые вопросы. Павел Петрович терпеливо повторял уже сказанное. Юноша настаивал, а Павел Петрович мягко, но решительно отводил все попытки корреспондента навязать ему то, что он не хотел и не считал нужным развивать в беседе».

Анна Александровна точно подметила манеру Бажова говорить лишь то, что он считал нужным и возможным.

Снова А. Караваева:

«...Вечер прошел тепло и сердечно, наши знаменитые чтецы прекрасно прочли несколько сказов... и все мы от души поздравили Павла Петровича с успехом. Каждому, кто приглядывался к нему, нетрудно было себе представить, что, конечно, Бажов с волнением ехал в Москву, что вечер и дружеский прием в Союзе советских писателей растрогали его. После вечера я спросила его, как понравилась ему эта дружеская встреча, он ответил кратко:

— Хорошо.

Потом разгладив прозрачную седую бороду и улыбнувшись светлыми грустными глазами, он повторил:

— Все было хорошо».

Расставались, довольные друг другом. Наверняка благодарный гость приглашал москвичей посетить Урал, обещая показать невиденное ими прежде, и столичные коллеги горячо обещали приехать с ответным визитом, не подозревая, что у многих из них возможность приехать в Свердловск возникнет очень скоро, и цель поездки будет носить далеко не познавательный характер.

Часть V

Глава 13. ПАТРИАРХ. Во главе литературного воинства

Лето 1941 года обещало быть насыщенным работой. По итогам научной конференции, посвященной жизни и творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка и проходившей в возрожденном Уральском госуниверситете, который, словно нарочно, расположился в стенах бывшего духовного училища, где на новогоднем вечере 1912 года Павел Петрович читал первое свое сочинение — доклад «Мамин-Сибиряк как писатель для детей», Бажов был включен в состав постоянной комиссии по изучению наследия классика.

В июле страна готовилась отметить 100-летие со дня гибели М.Ю. Лермонтова. Бажов и здесь не последний.

Тогда же планировался выход в свет четвертого номера альманаха «Уральский современник», что открывался его очерком «Янкинские огни», а в разделе прозы с той же подписью «П. Бажов» были представлены два новых сказа: «Ермаковы лебеди» и «Огневушка-Поскакушка». Характерно, что эта публикация сказов не замыкала собой прозаический раздел альманаха, а была поставлена в его середине. Прежних сомнений насчет того, фольклор это или литература, и в помине не было.

Если сравнивать опубликованные в этом номере документальный очерк и сказы, то, разумеется, вторые перевесят. Они — одни из лучших в творчестве Баждова. А вот с очерком он перемудрил... Не смог выйти из образа сказового повествователя и вернуться на стилистическую тропу журналиста. Отсюда несоответствие документального материала художественному стилю повествования. Воспринимается трудновато, тем более в газете. Павел Петрович сам понимал это и даже думал, что заказавшая очерк «Правда» отвергнет текст. Но нет: широкоизвестное имя автора не предусматри-

вало отказа... Павел Петрович, признавая эту свою относительную неудачу, объяснял ее тем, что не смог «расколоть» героя на разговор. Янкин хорошо трудится, а вот говорить о себе не умеет. Работать языком — не его профессия.

В этом плане написанный чуть погодя беллетризованный очерк «Разделительная черта» можно рассматривать как попытку творческой самореабилитации. Безусловно, этот очерк-рассказ получился более цельным, хотя, как сказано в предыдущей главе, несколько нарочитым. Потому и остался в архиве писателя.

Впрочем, его создание можно рассматривать в качестве писательского тренинга перед очередным сказом. Ведь известно, что сам Горький, садясь утром за рабочий стол, прежде чем погрузиться в перипетии жизни Клима Самгина, сочинял стихотворение, а затем сжигал его в пепельнице. Оно не представляло для него никакой ценности, а служило ежедневной разминкой пера...

В полдень 22 июня после выступления Предсовнаркома В.М. Молотова стало известно о военных событиях на советско-германской границе, о бомбежке советских городов в глубине территории СССР. Вечером в Свердловском отделении ССП собрались остававшиеся в этот день в городе литераторы. Кто-то успел побывать на митингах, кто прошел на предприятиях, кто-то уже получил повестку в военкомат.

«Павел Петрович сидел во главе большого овального стола... Таким сумрачным мне видеть Бажова еще не приходилось. — вспоминал писатель и журналист В. Стариков.

— Всем свое место найдется. Война эта — не на полгода, — пророчески сказал Павел Петрович».

Себя старый партизан и красногвардеец Бажов, не подлежащий призыву по возрасту, мобилизовал на активную жизнь в тылу. Получив благословение в обкоме, он на следующий же день явился в Свердловск и сел в кресло редактора художественной литературы. Вскоре его назначили главным редактором. Потом ему пришлось исполнять обязанности и директора издательства. Исходя из сложившейся ситуации, он возглавил

и издававшийся Свердловгизом писательский альманах «Уральский современник», эта обязанность сохранилась за ним до конца жизни.

«Уральский рабочий» 23 июня опубликовал текст радиовыступления Молотова, указы Президиума Верховного Совета СССР о введении на территории республик и областей западной части страны военного положения; о мобилизации военнообязанных по всем военным округам европейской части СССР; об утверждении положения о военных трибуналах на территориях, объявленных на военном положении.

Были напечатаны первые сводки с фронта на белорусском направлении.

Вся вторая полоса газеты была отведена под репортажи с митингов и письма (коллективные и индивидуальные) о взятии повышенных трудовых обязательств.

На удивление неизменным остался только «подвал» четвертой полосы, где печаталась реклама: афиши по-прежнему приглашали на цирковые представления, в кинотеатр им. Маяковского, где демонстрировался беззаботный «Закройщик из Торжка». В театре музыкальной цыганские гастролеры давали спектакль «Кровавая свадьба». Особо трогает предупреждение домохозяйкам: «Будьте осторожны в обращении с примусами». Что ж, это актуально при любом раскладе событий...

На второй полосе 24 июня опубликовали скромное по размеру «Слово советских писателей», где свердловские литераторы заявили:

«Уверенные в неизбежном разгроме фашистских провокаторов войны, мы все свое творчество, все свои мысли и чувства направим на создание оборонно-патриотических произведений и, если понадобится, сменим перо на винтовку, не жалея сил и жизни для защиты любимой родины».

«Слово» подписали: П. Бажов, М. Анчаров, К. Боголюбов, Т. Крутлов, Н. Куштум, А. Ладейщиков, А. Макаров, К. Мурзиди, Н. Попова, Б. Рябинин, А. Савчук, В. Стариков, К. Филиппова, Е. Хоринская.

Свое обещание свердловские писатели выполнили. Менее чем за месяц были созданы стихи и прозаические

произведения на означенную тематику, и уже 20 июля пятый номер альманаха «Уральский современник» был сдан в набор.

На серой стандартной обложке альманаха сверху, напечатанный красным, значился актуальный лозунг: «Все силы народа — на разгром врага!» Редколлегию сократили до размеров оперативной управляемости — три человека во главе с Бажовым. Номер начинается с речи И.В. Сталина, с которой тот выступил 3 июля. Затем идет перепечатка из центральной прессы публицистики Вс. Вишневского и И. Эренбурга. Художественный раздел открывают стихи Е. Хоринской «В бою», тематически их продолжает поэзия К. Мурзиди, С. Тельканова, Л. Носова, Н. Куштума, рассказы В. Старикова, Н. Поповой, Б. Рябинина, А. Савчука, очерки О. Марковой и В. Старикова, отрывок из романа А. Макарова.

П.П. Бажов как автор на страницах этого номера не присутствует — он находился во главе составительского и редакторского процесса.

Понятно, за столь короткий срок создать что-либо выдающееся писатели не могли. Экстренность момента диктовала более упрощенные формы подачи материала. Главное — публицистический накал произведения, которое должно было дойти до ума и сердца каждого читателя.

Вот, к примеру, строчки из стихотворения Е. Хоринской «В бою»:

Голос вождя
Звучит над страной,
На битву с врагами зовет.
Слитый
Единою волей стальной,
Каждому слову внимает народ.
Ярость клокочет
металлом расплавленным,
Страна отвечает,
Грозна и строга:
— В бой за отчизну!
За нашего Сталина!
Вперед на врага!

Конечно, это зарифмованная риторика, но ценность стихотворения именно в простоте посыла, в высказывании важных на тот момент истин: необходимо мобилизовать страну на дружный отпор агрессору.

Некоторые писатели-уральцы сменили стальное перо на стальной штык. На фронт ушли А. Савчук, В. Занадворов, К. Реут, Н. Куштум, В. Стариков. На следующий год — имевший «белый билет» и добившийся призыва И. Панов.

Однако писательское воинство в Свердловске не сократилось, а наоборот, увеличилось. Начиная с августа в город стали прибывать литераторы, эвакуированные из западной части страны.

Из Киева вместе с двумя детьми приехала детская писательница Оксана Иваненко, уже получившая извещение о том, что ее муж-политрук пропал без вести. Из Минска прибыл Феодосий Шинклер.

Ленинградские писатели были определены главным образом в Пермь. А Свердловск выбрали местом для расселения москвичей — литераторов, ученых, драматических актеров (сюда эвакуировали МХАТ и Центральный театр Красной Армии), артистов других жанров.

Этот поток начался в октябре и носил характер если не стихийного бедствия, то аврала. На плечи руководства областной писательской организации опустилась не малая доля заботы по расселению и постановке на довольствие прибывших москвичей.

В столице Урала оказалась член президиума ССП Анна Караваева, ее соратники по секции прозы Мариэтта Шагинян и Ольга Форш, детская поэтесса Агния Барто, здесь же поселились писатели старшего поколения Федор Гладков, Алексей Новиков-Прибой, затем уже знакомый уральцам Александр Серафимович, автор русского перевода партийного (а на тот момент — до 1943 г. — и советского государственного) гимна «Интернационал» Аркадий Коц, прозаик Николай Ляшко. В качестве представителя Всесоюзного радиокомитета несколько позже своей семьи в Свердловск прибыл известный детский писатель Лев Кассиль. Из более молодых — уралец родом Евгений Пермяк с семьей, литера-

туровед и критик Людмила Скорино. Влившись в состав Свердловской областной писательской организации, эвакуированные москвичи, ленинградцы, киевляне довели число ее членов до семидесяти человек! Всеми ими предстояло командовать Павлу Петровичу Бажову. И «командование» это в первую очередь выливалось в тяжелую рутинную работу по созданию писательского быта в стесненных эвакуационных условиях.

Разместились кто где. Одним достались номера в лучшей на тот период гостинице города «Большой Урал» (Шагинян, Пермь — в их семьях были маленькие дети), кого-то расселили в частном секторе, прибывшая позже Л. Скорино жила в самом Доме печати, где помимо редакций всех выходивших в Свердловске газет, книжного издательства, типографии, размещалось по уплотнению и само отделение Союза писателей. Этот вместительный «Г-образный» конструктивистский корпус на углу улиц Ленина и Тургенева в те годы напоминал ильфо-петровский Дворец народов, не затихавший сутки напролет. Новоселам, жившим в «Большом Урале», было удобно — расстояние между двумя зданиями преодолевалось минут за семь.

Писатель и фронтовой журналист Виктор Стариков:

«В те месяцы, что я прожил в Свердловске, я часто видел Павла Петровича. Ежедневно он приходил в Дом печати, где помещалось отделение Союза писателей, отдавая свое время и силы тьме-тьмущей дел. Я поражаюсь пороку терпению Павла Петровича, когда ему приходилось заниматься и ничемными делами, улаживать зачастую вздорные конфликты не в меру заносчивых людей, считавших себя в чем-то обойденными, чем-то обиженными. С перегруженностью самого старшего по возрасту писателя не очень-то считались. Ему шел шестьдесят четвертый год. Он начинал сильно прибавлять. Однако всю тяжесть забот о писательском быте возложили именно на него...

Помню такую, например, сцену. Сидит за столом, покорно склонив голову, Павел Петрович. Справа и слева от него молодые супруги, перебивая друг друга, не давая Бажову и слова молвить, жалуются, жалуются.

Какие-то нелады с квартирой, с соседями, что-то с категориями карточек, что-то с платными выступлениями, что-то с неправильным к ним отношением братьев по перу... Сцена тягостная, неприятная. Павел Петрович выдерживает пытку до конца. Поднимает голову, когда супруги уж окончательно выдохлись, даже голос сорвали, что-то тихо говорит им, находит какие-то успокаивающие слова.

Остаемся, наконец, вдвоем.

— Заметили? От ничтожных людей всегда шуму много, — говорит с оттенком некоторого благодушия Павел Петрович. — Брось на пол золотой лист, он не будет греметь, как медный...»

Те из свердловчан, что, подобно Старикову, возвращались в город с фронта на побывку или с редакционным заданием от центральных газет, были удивлены, как в первый же год войны изменился Свердловск. Здесь не было ставшего обязательным для прифронтовых городов затемнения. По обилию людей на улицах его порой можно было спутать со столицей. Население значительно возросло, а количество работающих предприятий увеличилось в несколько раз. Станки работали на... сцене ТюЗа, в клубе «Профинтерн», в аудиториях университета и индустриального института. Построенные до войны здания школ были освобождены под госпитали. Раненых лечили и в Доме литературы и искусств, откуда выселили Союз писателей. Так что назвать Свердловск городом, находящимся вне войны, было бы несправедливо. А эвакуированные все прибывали и прибывали...

Разумеется, не все стояли у станка. Работали без усталости и деятели искусств. Все военные годы свердловские театры и другие зрелищные заведения не пустовали. Недаром сказано: не хлебом единым будет сыт человек. Театры оперы и балета, драмы, музыкальные комедии, ТюЗ (на другой площадке), филармония плюс два эвакуированных столичных театра не давали трудящимся-тыловикам забыть о мирной жизни. Спектакли и концерты начинались в 8 часов вечера и длились за полночь. Иногда представления начинались и в 12 ночи. Но это не останавливало зрителей, кото-

рым, после полуторной по сравнению с мирным временем смены, наутро снова предстояло быть на рабочем месте. Тяга к полноценной жизни была в этот период неимоверной.

Как организовали свое участие в этом процессе свердловские писатели и их гости?

В ноябре объединенной писательской организацией был создан Литературный центр Союза писателей на Урале, в его правление наряду с самыми энергичными москвичами А. Караваевой, Л. Кассилем, Е. Пермяком включили и Павла Петровича Бажова. Одна из основных задач организации — пропаганда художественной литературы, которая, в свою очередь, пропагандировала тотальную борьбу с врагом, где бы ни находился советский человек: в окопе, у станка или на ферме. Идея советского патриотизма была главенствующей в деятельности Литературного центра.

Вместе с другими писателями Павел Петрович 27 октября принял участие в творческом вечере. Средства, собранные от его проведения, пошли в Фонд обороны.

На следующий день он выступил на антифашистском митинге ученых и деятелей культуры — не только как руководитель писательской организации, но и как партийный ее секретарь — и эта ответственная должность легла на его согбенные плечи. Но все было в логике времени и событий.

Вместе с А. Караваевой и фольклористом В. Поповым Бажов участвовал в литературном вечере в клубе им. И.В. Сталина на Уралмаше. Машиностроителей, в недавнем прошлом — сельских жителей, заинтересовал разговор об уральском песенном фольклоре, который продолжился после официальной части.

«Благодаря» войне уральская детвора смогла непосредственно познакомиться с любимыми детскими писателями, которые оказались здесь в эвакуации — Л. Кассилем, О. Высотской, А. Барто. Павел Петрович как хозяин сопровождал Агнию Львовну на пионерские сборы, в ремесленные училища.

Зимой начавшегося 1942 года Бажов в составе «комплексной» бригады, в которой были писатели и ученые, выехал в Ревду.

А встречи писателей с бойцами тыловых частей и ранеными фронтовиками в госпиталях носили постоянный характер. Об этом свидетельствует персональная благодарность, вынесенная Павлу Петровичу командующим Уральским военным округом генералом А.В. Катковым. Она хранится в фондах Объединенного музея писателей Урала.

Лекционная активность находившихся на Урале писателей была вызвана не только сознанием необходимости этой работы, но и определенными сложностями в издании собственно литературного труда мастеров пера.

В первые месяцы войны прежний издательский план был пересмотрен в пользу печати пропагандистских плакатов, листовок и инструкций. Их названия говорят сами за себя: «Как тушить зажигательные бомбы», «Как устроить простейшие укрытия» и т. п. Но и на это бумаги не хватало. Бажову как руководителю издательства приходилось созваниваться с Москвой, просить «подбросить бумажки». Положение улучшилось, когда в начале 1942 года на базе Свердлгиза из эвакуированных сюда столичных издательств организовалось объединение, получившее название ОГИЗ (Объединенное государственное издательство). Павел Петрович уступил место директора более молодому и квалифицированному товарищу.

Однако и как главному редактору ему приходилось несладко. Начавшая поступать в портфель редакции писательская продукция носила скороспелый характер, не отличаясь особой художественностью. Понятно, литераторы, выпавшие из привычного образа жизни, с трудом могли совместить новые условия с полноценным творческим процессом, тем более что и сроки создания рукописи (и изучения материала) значительно сократились.

В марте 1942-го, сославшись на слабость зрения и невозможность чтения большого объема поступавших рукописей, Павел Петрович покинул пост главреда ОГИЗа. Лекционно-пропагандистская деятельность, утверждал он, подходила ему больше.

Но, выезжая в область и на предприятия и учреждения города с выступлениями, он продолжает вы-

кристаллизовывать замыслы новых произведений. В условиях, когда основным местом публикации стала газетная полоса, которая помещает обычно небольшие по объему материалы, жанр художественного сказа пришелся как нельзя более к месту. Но прежняя направленность сказов была, по мнению автора, сегодня «не в тему». Нужно было как-то перестроиться...

Евгений Багреев, один из руководителей газеты «Уральский рабочий» в годы войны:

«С первых дней войны старого писателя не покидали тяжелые раздумья: „Чем и как помогать борьбе с фашизмом?“ Я встречался с ним чуть ли не ежедневно в Свердловском обкоме партии, куда мы приходили по своим делам. В беседах Павел Петрович делился сомнениями:

— Писатели-то, кои остались в тылу, выступают со статьями, очерками, стихами на злободневные темы. Это их действенное оружие. А мое перо приручено к сказам. Но кому теперь нужны сказы, построенные на материале прошлого? Не та сила!..

Разумеется, давать какие-либо советы я не мог, да и стеснялся...

Однажды писатель пришел в редакцию в хорошем расположении духа и положил на стол рукопись сказа со словами:

— Вроде бы получилось что-то нужное газете. Почитайте. Писал на скорую руку, потому не отшлифовано... В спешке всякое бывает.

Небольшой по размеру сказ я быстро и с увлечением прочитал, поблагодарил Павла Петровича и пообещал:

— Будет срочно опубликован».

Так родилось первое произведение Бажова из нового цикла «Сказы о немцах» — «Про главного вора. Из рассказов дегтярского горняка». Прообразами его «героев» стали реальные немецкие прохиндеи Бревнер и Шомберг (в сказе не назван), которые в старые времена при потворстве власти прибрали к рукам многое из богатств Урала.

Таким образом, Павлу Петровичу удалось совместить в одном произведении факт истории с действиями немецких захватчиков дня текущего. Писатель бил

не конкретно в Гитлера, а в его соплеменников, которые и два века назад вели себя на российской земле столь же агрессивно и захватнически.

Творческая интуиция и в этот раз подсказала писателю верный тон. Сказ «Про главного вора» (первоначально он носил название «Главный вор») появился в «Уральском рабочем» 21 августа 1941 года через два дня после того, как автор поставил в нем последнюю точку.

В декабре 1941-го, когда началась и стала разворачиваться битва за Москву — первая победная операция Красной армии в этой войне, пришло известие из столицы, что сборник бажовских сказов «Малахитовая шкатулка», запланированный к выпуску перед войной, наконец-то подписан в печать — буквально на второй день после начала сражения. Это было добрым предвестием будущей победы: не лозунги, не призывные песни, а... сказы о далеком, но славном прошлом. Этот акт можно рассматривать как точно выверенный психологический ход советской пропаганды. Как воспринимались сочинения Павла Петровича на фронтах Великой Отечественной, расскажем чуть позже, а пока — история о том, как спасали в прифронтовой Москве отпечатанный, но не сброшюрованный тираж этого издания. Об этом поведал писатель В.А. Сытин в послевоенных воспоминаниях:

«...В одном из первых московских „небоскребов“, построенном в большом Гнездиновском переулке архитектором Нирензее, где помещалось тогда издательство „Советский писатель“, я встретил его сотрудника Бориса Шиперовича.

— Виктор Александрович! — воскликнул он, — Посмотрите, вот как отлично напечатаны иллюстрации к „Малахитовой шкатулке“! И тираж книги отпечатан, но не сброшюрован.

Показав на сваленные в кучу цветные иллюстрации, стопки чистых листов сборника Бажова, Шиперович задумчиво произнес:

— Что бы такое с ними сделать? Жаль будет, если это хорошее издание погибнет...

В комнату в это время вошел Петр Пигарев, старый коммунист и тоже сотрудник издательства.

Услышав сетования Шиперовича, он категорично заявил:

— „Малахитовую шкатулку” надо спасти! Это художественная ценность, мы должны сохранить ее... — И, повернувшись ко мне, сказал: — Вот организовалось Московское бюро правления Союза советских писателей. Оно и должно этим заняться....

Предложение о создании в период обороны столицы силами Московского бюро „своего” отделения эвакуированного издательства „Советский писатель” внес Петр Андреевич Павленко. Эта его „выдумка” пришлась нам по душе, и мы постановили — создать такое отделение, назначив директором Пигарева, а главным редактором Шиперовича...

Вскоре Пигарев и Шиперович снова пришли на улицу Воровского, полные планов. Им удалось собрать в типографии все отпечатанные текстовые листы „Малахитовой шкатулки” и почти полностью тираж красочных иллюстраций.

— Можно договориться с типографией, — сказал Пигарев, — там осталось несколько мастеров-брошюровщиков и печатников, и начать готовить тираж...

Это была замечательная идея — выпускать книжки в прифронтовом городе, где кроме центральных газет и брошюр на военно-политические темы ничего не печаталось...

После заседания бюро я остался в комнате с Аршалуисом Михайловичем Аршаруни. Старый член партии, известный исследователь армянского искусства, мягкий и доброжелательный человек, рассматривая иллюстрации к „Малахитовой шкатулке”, которые принес показать на бюро Пигарев, сказал:

— Чудесно... Поэтично... Ах, как хорошо придумали сохранить вот эту прелесть для наших людей».

Реально книжка появилась в марте 1942 года, когда фронт был отодвинут от Москвы на запад, и, возможно, явилась первой книжной новинкой в оживающей после долгой фронтовой зимы столице. Несомненно одно: теперь рядовой читатель-неуралец получил возможность непосредственно познакомиться с уральскими сказами

П.П. Бажова, о которых много писали, но прочесть которые можно было только в периодике.

Книга вышла скромным «военным» тиражом в 10 тысяч экземпляров. В нее вошло девятнадцать довоенных сказов Павла Петровича. Таким образом, по сравнению с первым уральским изданием 1939 года оно было более полным. Книга так же открывалась вступлением «У караулки на Думной горе» и завершалась «Объяснением отдельных слов», что было в московском издании особенно уместно...

Интересно впечатление, которое произвел читавший свои сказы Бажов на московского художника А.Н. Яр-Кравченко, прибывшего с фронта в Свердловск зимой 1942-го для издания альбома портретов защитников Ленинграда:

«Не помню, что именно читал Павел Петрович Бажов, но до сих пор сохранилось чувство какой-то детской завороченности. Просто не мог оторвать глаза от сказителя. А он, действительно, не читал, а сказ сказывал — неторопливо, с характерным уральским говорком. Забывалась страшная зима, теплела, оттаивала душа под действием чудных историй. И наполнялась гордостью за силу русского характера, за вечную его любовь к прекрасному».

Павел Петрович продолжал пополнять свою сказовую копилку, хотя, конечно, работа в силу внешних обстоятельств и уже не крепкого здоровья шла не так быстро, как пять-шесть лет назад.

По свидетельству К. Рождественской, он рассуждал: «Вот детали. Иногда за целый вечер только одно слово найдешь. Бывает. Вот мне надо было найти крепление — название. Приблизительно нельзя. Надо точно. Есть такие (Павел Петрович привел два немецких названия) — нельзя. Мне надо русское. И чтобы обозначало прочность и для того времени подходило. Нашел! „Двойной переклад из лежаков“. За один вечер одна деталь! Видите...»

Это его признание периода предвоенного «Таяткино зеркальце». А сейчас, в годы войны, он, по его собственному выражению, вынужден был «размениваться на исторические анекдоты». Имелось в виду сочинение

сказов о немцах. Не будь войны с Германией, Бажов, вероятно, их бы никогда и не написал или же изложил бы события по-иному — в уже найденной в «Малахитовой шкатулке» манере. Сейчас же требовалась публицистика, и Павел Петрович, заранее зная, чего от него ждут, стал строить эти «немецкие» сказы исключительно на книжной (не фольклорной!) основе — и сразу же погас в них фантастический заряд. Сказы выходили явно дидактической направленности.

Бажов отлично понимал это. Однажды он признался К. Рождественской:

«Написал „Веселухин ложок“. Ох, до чего же скушно! Весь день хожу под этим впечатлением. И главное, там есть кусочки, хорошие кусочки... Жалко. Они тут пропадут, их не заметят, просто не заметят. А мне жалко <их> на эту немецкую муру тратить...»

«Уральский рабочий» 14 апреля 1942 года опубликовал перепечатку из центральной прессы — постановление Совнаркома СССР о присуждении Сталинских премий в области искусства и литературы за 1941 год. По разряду прозы, поэзии и драматургии награждались произведения почти исключительно военно-патриотической тематики: романы И. Эренбурга «Падение Парижа», В. Яна «Чингис-хан», С. Бородина «Дмитрий Донской», А. Антоновской «Великий Моурави»; поэма Н. Тихонова «Киров с нами»; стихотворные тексты к плакатам и карикатурам С. Маршака; пьеса К. Симонова «Парень из нашего города».

Среди материалов, опубликованных тут же и одобряющих именно такую направленность премированных произведений, — и статья Бажова «Крылатая страна». Он только что завершил сказ «Иванко-Крылатко» об Иване Бушуеве, знаменитом златоустовском гравере на стали и, еще не выйдя из темы, построил заказной газетный материал на образном ряде этого ремесла. Он пишет о «золотых точках», которыми мастера украшали рисунок, и переносит этот образ на свежих лауреатов, которые, по его мнению, таковыми «золотыми точками» нашей литературы и являются.

Тогда же, параллельно с немецким циклом, Бажов работает и над сказами о Ленине. Первый сказ на эту

тему — «Солнечный камень» опубликован 21 января 1942 года в «Уральском рабочем». Замыслом завершить цикл исторических сказов днем советским он делился на своем творческом вечере в московском ЦДЛ весной 1941-го, но тогда был не ясен точный смысл его задумки. Теперь же сюжет сказа выстроился вокруг спасения самоцветных сокровищ Ильменских гор, что на Южном Урале, от стихийного расхищения, для чего два старых горщика Максим Вахоня и Садык Узеев по прозвищу Сандугач отправляются в Москву к Ленину, который, по их мнению, только и может спасти эти горные богатства. Так и случилось: Вождь распорядился взять Ильмены под государственную защиту. Вот таким образом в первые годы советской власти и возник Ильменский заповедник.

Собственно Ленин в полном смысле и не герой сказа — он лишь средство для достижения героями поставленной цели. Сюжет носит несколько схематичный характер с заранее заданным концом. Наиболее удачной в «Солнечном камне» является, пожалуй, его заключительная часть, где говорится о том, что оба старика, поехавшие удовлетворенными назад, домой так и не вернулись: сгинули в огне Гражданской войны, а где и как — никто не знает. Но главное — дело сделали, природные богатства защитили...

Свои сказы Бажов сочинял по-прежнему в свободное от основной деятельности время, а оно выдавалось только по ночам. Писатель Евгений Пермяк, особо сблившийся с Павлом Петровичем во время войны, вспоминает «вещевую копилку замыслов» — различные, порой казавшиеся даже бессмысленными, предметы на его столе, которые не позволяли писателю забыть о некоторых своих творческих намерениях. Таким был, например, крашеный панок: «Тысячу лет собираюсь пересказать одну детскую историю, — признавался Бажов. — А панок каждый день упрекает меня в этом».

С началом войны быт в доме на улице Чапаева, 11, значительно изменился. Выросло его население: из Тулы эвакуировалась в Свердловск старшая дочь Ольга с маленьким сыном Володей. Ее муж ушел на фронт и пропал без вести (как выяснилось позже, попал в плен).

Видимо, чтобы избежать подселения чужих людей, Бажовы пригласили к себе жить вторую сестру Валентины Александровны Анну с маленькой внучкой.

Дочь Ариадна:

«Мама предпринимала героические усилия, чтобы хоть чем-нибудь нас всех накормить, хотя бы лепешками из редьки... Хлеб на стол нарезался не тонкими, а ажурными ломтиками, и я совсем не замечала, как проглатывала уже два кусочка, а отец еще не брал ни одного, и у меня не хватало силы воли не протянуть руку за третьим.

— Бери, бери, — успокаивал меня отец, поймав виноватый взгляд.

А последний, оставшийся на тарелке кусок они с мамой делили пополам».

В. Стариков:

«В июле 1942 г. я приехал из армии на побывку в Свердловск... Вечером отправился на знакомую улицу, в знакомый домик с высоким крылечком под козырьком.

Павел Петрович показался мне похудевшим, запали щеки. Поседела борода и вроде бы даже поредела. Лицо бледноватое, усталое.

— Трудно приходится, Павел Петрович? — не удержался я от вопроса.

— Не стоит об этом говорить. — сразу отвел этот разговор Бажов. — Тягости у все одинаковые...»

В этих сложных в продовольственном смысле условиях поистине продуктом-выручалочкой была картошка, за которую когда-то пострадали герои его первого сказа «Про «водолазов». Большой огородный участок бажовского дома тянулся вдоль улицы Большакова. Именно он, а не продовольственные карточки, помогал семье более-менее сносно выживать в сложные годы, а уж в военные — тем более.

Евгений Пермяк сохранил в своем архиве адресованное ему письмо-«трактат» Бажова на оную тему, в котором писатель открывается для нас с новой стороны. Как говорится, не сказом единым...

«Общий взгляд на огород Вам уже известен. В коротких словах — люблю веселый огород, где бестолково

перемежаются малина с хреном, капуста с маком и т. д. Все это пускается погуще. Зелень получается буйная, кудрявая. Говорят и пишут, что это не очень полезно для овощей: теснят друг друга. И беспорядочная посадка не одобряется. Настаивают, что в первую очередь надо всерьез продумать разбивку огорода с расчетом, чтоб был плодосемен, чтоб земля не истощалась в каком-то одном направлении.

...Из огородных работ больше всего люблю копать землю. Копаю весной, копаю осенью (зяблевая вспашка). Иногда даже копаю в перевал, когда первый пласт окажется внизу, а второй сверху. Мне это просто доставляет удовольствие: работаешь, потеешь на солнышке, а всегда ли это надо — не задумывался.

...Из своего посадочного опыта. Картошка как будто проще всего, но и тут много неясного. В литературе до сих пор не решен вопрос о густоте посадки. В последнее время стали спорить, что и окучивание не всегда нужно. Ничего я тут не знаю. Мы с женой садим картошку всегда на расстоянии трех четвертей куст от куста и ряд от ряда, независимо от сорта. Окучиваем два раза...

Садим под лопату, но не глубоко. Подбрасываем на наш куст щепотку золы. Вот и все...»

К этому сам Е. Пермяк добавляет прибаутку про бажовский «картофельный баланс»:

«В военные годы в Свердловске картофель сажали все, кто мог. Бажовы тоже сажали его у себя в огороде и на загородном участке. Там им отводили несколько соток.

Когда бажовская семья собиралась на посадку картофеля, вооружившись лопатами и нагрузившись мешками, я сказал Павлу Петровичу:

— Неужели вам со своего огорода не хватает картофеля?

— Хватает. Даже гостей кормить остается.

— Тогда для чего же вы берете еще загородный участок?

— Жадность одолевает...

— Да ну вас, право... Только силы тратите. Опять ведь выкопают ваш урожай, как в прошлом году, и оставят вам одну ботву.

— Непременно выкопают. Все до последней картошечки унесут.

— Так зачем вам это все надо?

— По несознательности. Умный человек правильно рассудит, а я могу рассуждать только по-своему.

— То есть? — спрашиваю я.

— Я думаю, что мою картошку и этой осенью не оккупанты выкопают. Свои люди ее съедят... И она, так сказать, с картофельного баланса Свердловска никуда не денется... Значит, я при всех обстоятельствах и в этом году буду участвовать в улучшении нашего картофельного баланса... И вам советую сотку-другую посадить. Не для воров, а для картофельного баланса».

И все же Бажов был местным жителем, к тому же имевшим, как он сам шутил, свое «кулацкое хозяйство». А каково приходилось в этом отношении эвакуированным писателям? И об этом думал Павел Петрович Бажов как ответсек и парторг областной организации ССП.

Б. Рябинин:

«Вскоре бытовая комиссия Союза решила организовать заготовку картофеля. Картофель — второй хлеб — служил главным подспорьем к рациону. С Сухоложским районом у нас установились дружеские связи. Туда, по договоренности с райкомом партии, мы и надумали направить своего заготовителя.

Поехал Викторин Попов, москвич, мужчина высокого роста и незаурядной физической силы... Уехал — и как в воду канул... Наконец, на исходе третьей недели разнеслась весть: приехал Викторин, пригнал целый вагон картошки...

Оказалось, Попов сам по крохам собирал картошку в колхозах, собственными руками, на собственных плечах погрузил ее в вагон, заполучить который ему помог райком, и затем, опасаясь за сохранность груза, сопровождал вагон до станции назначения.

Как назло, грянул первый морозец... Немедленно бросили клич: все на разгрузку картошки».

Но был труд и общественный — подзабытые ныне субботники, на которых трудились не в свою котомку, а в общие закрома. Писателей, естественно, эта участь не обошла, да они и не стремились ее избежать.

Кто пробовал когда-нибудь работать на сортировке картофеля в овощехранилище, знает, что труд этот далеко не «интеллигентский». И тут писателям приходили на помощь неистощимый юмор и темперамент, характерные для немалого количества воителей пера. По итогам таких мероприятий выпускалась рукописная стенгазета, которую сочинял, как правило, выдумщик Евгений Пермяк:

«ПЕРВЫЙ ВОСКРЕСНИК ПИСАТЕЛЕЙ (11 октября 1942 г.). Опыт введения в картофелеведение. Одним из первых на место сбора явился наш старый, опытный картофелевод, он же малахитчик, Павел Петрович Бажов со своею собственной супругой Валентиной Александровной, которая служила укором всем явившимся на субботник в «неженатом» виде. Жены писателей должны помнить, что женой писателя надо быть со всеми вытекающими отсюда субботниками.

Прибывшая в овощехранилище писательская группа разбилась на бригады по «жанровому» признаку, из коих особо отметим бригаду славных бородачей — Бажов и его супруга, Чаговец, Верховский, Коц и Мариэтта Шагинян. В основном бригады делились на дружные и недружные. К недружным бригадам следует отнести те, которых в этот день не было...

Субботник прошел хорошо. Оргсекретарь обеспечил чудесную погоду. Ни одна шуба, ни одно пальто не были испорчены, руки не поранены и не запачканы настолько, чтобы ими потом нельзя было взять самое чистое перо».

Так же дружно находившиеся в это время в Свердловске писатели работали и над коллективным сборником «Говорит Урал». На второй год войны издание их литературной продукции отдельными книжками по-прежнему составляло проблему, главным образом все из-за того же дефицита бумаги. Идея выпуска общей книги была признана удачным выходом из ситуации, тем более что и конкретный повод наметился — 25-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

На общем писательском собрании определили редколлегию, куда вошли: П. Бажов, А. Караваева, К. Мур-

зиди, К. Рождественская, Л. Скорино. Последняя же стала составителем и редактором сборника.

Как вспоминала сама Людмила Ивановна, все началось 10 августа 1942 года, то есть всего за неполных три месяца до назначенной даты выхода — 7 ноября. Скептики из местного издательства посчитали эту затею неисполнимой — ведь надо было заказать нужные литературные материалы, получить их от авторов, составить сборник, отредактировать, прочесть корректуру, залитовать, ну и так далее... Однако, когда спустя месяц Скорино и Караваеву вызвали в обком по этому вопросу, они смогли отчитаться о проделанной работе. Завотделом пропаганды и агитации обкома М.М. Розенталь, работавший до войны ответственным редактором центрального журнала «Литературный критик», поверил в удачу этой затеи и поддержал «авантюристов». Процесс пошел с удвоенной силой.

Какова была степень участия в создании сборника члена его редколлегии П.П. Бажова? Об этом читаем опять же у Л.И. Скорино:

«Бажов оказался душой всего дела. Он никогда прямо не вмешивался в работу по сборнику, не ограничивал ничьей инициативы, не указывал и ничего не требовал. Но все время как-то очень явственно ощущалась его поддержка: в нужную минуту подсказывал он правильное решение или предостерегал от опрометчивых действий. И делал это незаметно, на ходу, бросив две-три фразы, смягчив их шуткой или заострив лукавой подковыркой.

К Павлу Петровичу хотелось подойти и посоветоваться, подумать вслух над новыми именами или новыми разделами, высказать свои сомнения или взвихриться в планах и проектах. Ему можно было рассказать все начистоту, как оно есть на самом деле, худо ли, хорошо ли, не дипломатничая, не осторожничая. Доверие к нему рождалось само собой...»

Штаб-квартирой создаваемого сборника стала комната на четвертом этаже Дома печати, где поселили Скорино с ее семьей — мужем и матерью, и где жили и другие люди, включая маленьких детей.

«Наше общежитие в шутку называли «колхоз «Бедлам» или «колхоз «Бедность не порок»... Двери сюда

не закрывались — утром и вечером шли авторы. Здесь заказывались и отвергались материалы, обсуждались и редактировались принятые произведения. Сюда люди тянулись и по делу, и на огонек...

Частым гостем был в «колхозе» Павел Петрович. Заходил он ненадолго, всегда по делу. И каждое его посещение давало новый толчок сборнику: то Бажов подсказывал автора, которого забыли, а его следует привлечь, то советовал, как подправить рукопись...

— Отбирать надо просто: написал хорошо — напечатали. А остальное предоставим потомкам...»

Предпечатную подготовку завершили только в середине октября. До даты оставалось всего две недели...

«И вот 6 ноября 1942 года „Говорит Урал“ вышел в свет. На столе издательства лежала большая, толстая книга, еще хранившая тепло рабочих рук, еще пахнувшая типографской краской. Просто книга — в обычное, далекое мирное время, а сейчас почти чудо — настоящая книга. Ведь с начала войны выходили лишь тоненькие брошюрки, и печатали их на грубой газетной бумаге...

Поглядеть на „Говорит Урал“ забегали самые разные люди — не только из Союза писателей, авторы или „болельщики“, нет, приходили из типографии, из корректорской, из редакции „Уральского рабочего“... всем хотелось поддержать книгу в руках, полистать ее...

В радостной суматохе, в атмосфере праздничности мы между тем и не замечали, что рабочий день неуклонно шел к концу. И только когда за окнами позимнему стало темнеть, спохватились, что за сборником никто не приезжает. Бросились звонить в „Союзпечать“ и слышали ответ, что о выходе сборника там ничего не знали, да если бы и знали, то вывезти сегодня не могут — нет транспорта. А мы мечтали, что „Говорит Урал“ попадет на праздничный вечер в оперный театр, где собрался цвет области — рабочие-тысячники, знатные колхозники, партактив... Что делать?..

Посоветовавшись, подсчитали людей и решили взломаться к „Союзпечати“, чтобы „Говорит Урал“ сегодня же взяли в киоск оперного театра, а доставку сборника мы обеспечим сами. Нам охотно пошли навстречу и дали наряд в киоск на тысячу экземпляров...

Появление наше в фойе театра произвело большое впечатление на всех. Киоскер нас уже ждал, контролеры были предупреждены — пропуском служили книги. В праздничную, принаряженную толпу переносчики „Говорит Урал” врезались веселым диссонансом: были мы в обычной и довольно потрепанной уже одежде, но румяные с холода, возбужденные своей удачей, шумные, тащили груды книг. Новость прошла по коридорам театра, и люди стали сбегаться. Образовались мгновенно очереди — никогда они мне не доставляли такого удовольствия и даже радости. „Говорит Урал” расхватывали с жадностью. Уже прозвучали звонки, возвещавшие начало праздничного вечера, а люди не уходили из коридора, осаждая киоск. Вся тысяча экземпляров была расхватаана буквально на наших глазах...

Слушая отчет о событиях этого вечера, Павел Петрович смеялся, но и явно был растроган.

— Учитесь, — сказал он. — Всякое дело доводки требует. Да, видно, неспроста родилось присловье: „Оптимисты побеждают”...

В этом сборнике сам Бажов как автор был представлен новым сказом «Железковы покрывшки». Книга открывалась стихами К. Мурзиди «Великая годовщина». Затем следовал раздел «С именем Сталина», в котором были помещены очерки М. Шагинян и А. Караваевой и вновь стихи Мурзиди. А далее в основном разделе «Рассказы, повести, стихи» вперемежку шли произведения «гостей» и свердловчан: стихи О. Высотской, Ю. Верховского, И. Садофьева, А. Барто, Б. Дижур, Л. Татьяничевой, Е. Ружанского, А. Коца, Н. Мерцальского; художественная проза В. Старикова, А. Караваевой, Н. Ляшко, С. Марголиса, Ф. Гладкова, Б. Рябинина, Н. Поповой, А. Кузнецовой, К. Боголюбова, В. Важдаева.

Заключал сборник раздел «Из истории Урала», где лауреат Сталинской премии профессор В.В. Данилевский выступил с материалом «Древняя слава Урала».

В целом книга вышла весьма представительной даже при том, что в работе над ней смогли принять участие не все авторы, находившиеся тогда в Свердловске. Впечатление о том, какой героической жизнью жил в эти годы тыловой Урал, сборник давал вполне достаточное.

Как сказал Бажов, «факты, конкретность сегодняшнего быта — лучшая наша агитация».

А в начале следующего месяца и сам Павел Петрович мог принимать поздравление от коллег: к печати наконец-то была подписана вторая его сказовая книга «Ключ-камень».

Поначалу эту книгу Павел Петрович планировал назвать «Горные сказы». Условия военного времени не позволили издать ее в столь же добротном виде, как первую — «Малахитовую шкатулку». Более того, пересмотренные в сторону сжатия издательские планы потребовали соединения, как сейчас говорят, «двух в одном»: книгу сориентировали на детского читателя, включив в нее ряд «детских» текстов и, прежде всего, «Серебряное копытце». Отсюда жанровое определение произведений — не «сказы», а «сказки». И соответствующая обложка — яркая, красочная, хотя текст напечатан все-таки на газетно-журнальной (увы, война) бумаге.

В этот период с ОГИЗом-Свердлгизом сотрудничал также находившийся в эвакуации московский художник В. Таубер. Он и сделал штриховые заставочные рисунки к каждому из сказов и многоцветную обложку, выполненную акварелью, которую, к сожалению, вряд ли можно назвать удачной.

Автор и редактор К. Рождественская подобрали десять сказов: это были заглавный «Ключ-камень», затем известные читателю по публикациям в периодике «Синюшкин колодец», «Золотой Волос», «Травяная западенка», «Солнечный камень», «Огневушка-Поскакушка», «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце», «Таюткино зеркальце» и новинка — сказ «Жабреев ходок».

В декабре же 1942-го был подписан в печать и очередной номер «Уральского современника», однако без участия его ответственного редактора П.П. Баждова (видимо, потому в альманахе и не указано, кто руководит изданием). Павла Петровича в этот момент не было в Свердловске — вместе с двумя москвичками, А. Караваевой и М. Шагинян, он отбыл в столицу на «уральский вечер», который был назначен на 13 декабря.

На деле таких «вечеров» оказалось два. Под общим названием «Урал — кузница обороны» один состоялся

в Центральном доме Красной армии, а второй — в концертном зале им. Чайковского. Караваяева и Шагинян работали как собственные корреспонденты газет «Известия» и «Правда» и из своих многочисленных газетных выступлений 1941–1942 годов составили по публицистической книге: «Богатыри уральской стали» и «Урал в обороне». Таким образом, на этих вечерах они полноправно представляли главный оборонный регион в тылу страны. Ну а Павел Петрович к этому времени и навечно стал знаменем всего Большого Урала.

И тут хочется немного отвлечься от московских событий декабря 1942 года, чтобы высказать одну нестандартно звучащую гипотезу. Есть мнение, что мысль материальна, что если долго и сосредоточенно думать о чем-то в одном ключе — создавать мыслеформу — то воображаемое становится реальностью. Нечто подобное произошло и с Горной маткой, которая в сказках Бажова значится Медной горы Хозяйкой. Вряд ли горщики верили бы в ее существование и сохраняли память о ней через поколения, если бы она действительно им не помогала. Ведь все свои нечастые, но и, надо полагать, не такие редкие успехи в горе они связывали с помощью Хозяйки, которая, что важно, помогала не всем, а лишь тем, кто следовал особому кодексу поведения. Те же истории с приказчиковыми подошвами и Сочневыми камешками — конкретные наказания за конкретные прегрешения. Что-то реальное должно было быть подоплекой этих легенд... Вот и Полоз. Не исключено, что такое исполинское существо водилось некогда в местных лесах и оставило по себе столь глубокую память, что не забылось и по прошествии веков, а уж история с золотом к нему присоединилась попутно... Но речь не о нем, а о Хозяйке как покровительнице тех, кто озабочен добрым делом.

Сам Павел Петрович объяснял, почему покровительница, а не покровитель: «Старатели, как солдаты, женщин подолгу не видят. И в сказках они обязательно приплетут женщину. Вот образ Медной горы Хозяйки тоже из этого исходит».

Кто много о ней думает, тот как будто возносит к ней молитву о пособлении в трудном деле. Наверняка Па-

вел Петрович долгими тревожными ночами 1937 года вызывал в памяти этот образ. Осознанно — с целью сделать его полновесным литературным фактом, а подсознательно (как знать?) — с просьбой о заступничестве перед наветом. Не вышло ли так, что дальнейший его успех — реабилитация, литературная слава — тот «горщицкий фарт», которому способствовала inferнальная Хозяйка?..

А потом она как бы преобразилась — воплотилась в трех «ящерок» в женском облики, которые словно бы от ее имени продолжали содействовать Павлу Петровичу. Имеются в виду три женщины, которые сыграли в продвижении славы Бажова решающую роль.

Ну, о месте члена президиума ССП А. Караваевой в пропаганде творчества и личности П.П. Бажова в довоенные годы подробно сказано выше. В роли второй «ящерики» выступила Мариэтта Сергеевна Шагинян — человек-мотор, которая появилась в Свердловске уже в ранге известной писательницы, орденоносца. Ее литературная продуктивность не может не вызывать изумления. За один из первых военных (еще доуральских) месяцев ею были написаны: «1) для Балтфлота — стихи и статья; 2) для радиовещания — 3 статьи; 3) для Информбюро — 2 статьи; 4) для «Красной звезды» — 1 статья; 5) для «Учительской газеты» — 1 статья; для «Нового мира» — 1 статья».

С тем же успехом она продолжала работать и в эвакуации. И это наряду с многочисленными поездками в область, с заботой о дочери и новорожденной внучке, с решением бытовых и продовольственных проблем, с участием в общественных мероприятиях наряду с другими писателями, а то были не только выступления, но и субботники. На все хватало незаурядной энергии этой южных кровей женщины, которая в суровые уральские зимы выглядела более чем экзотично — в длиннополой старой шубе, в летчицком кожаном шлеме со спущенными ушами и на носу — очки-велосипед. Ее темперамент, вырываясь наружу, удержу не знал.

Вот эпизоды, связанные с ней, из воспоминаний Б. Рябина:

«Все-таки часть картофеля у нас подмерзла (после разгрузки пригнанного из области вагона с картошкой. — В. С.).

Раздали мы его наспех. После раздачи прихожу в Союз и застаю в вестибюле Дома печати такую картину. Посередине стоит Шагинян, озираясь, на ком бы выместить свое негодование; у ног раскрытый мешок с влажной картошкой.

— Что случилось, Мариэтта Сергеевна?

Ох и набросилась она на меня со своим армянским темпераментом! И в том-то мы виноваты, и в другом. Почему выдали замороженный картофель. Почему ее не предупредили, что он замороженный: она бы его не взяла. И так далее, и тому подобное.

Точно так же однажды напустилась она на Павла Петровича, когда он, будучи секретарем парторганизации, принимая членские взносы, нечаянно поставил кляксу у нее на билете: подвели зрение и нетвердость руки. Мариэтта Сергеевна вскипела так, что бедный Павел Петрович не знал, куда деваться.

— Это вы нарочно! Нарочно!

— Да что вы, Мариэтта Сергеевна, помилуйте. — беспомощно оправдывался Бажов. — Почему нарочно? Извините, оплошал по-стариковски...»

Подобные взрывы характера в экстремальных условиях военной зимы были не редкостью и понимались обеими сторонами соответственно. Та слаженность, с которой работали потом «гости» и хозяева над совместными литературно-публицистическими проектами говорит, что мимолетные всплшки мелочности и обид не принимались всерьез и не шли в зачет мнения о человеке.

Одно из подтверждений этому — единогласное решение партийного собрания Свердловской (расширенной) организации ССП о принятии М.С. Шагинян в партию. И первым дал ей рекомендацию «злоумышленник» П.П. Бажов, запятнавший ее кандидатский, надо полагать, билет.

Он смело написал: «Тов. Шагинян Мариэтту Сергеевну как творческого и общественного работника знаю в течение двадцати лет (хотя лично они были знакомы менее года. — В. С.). Характеризовать ее в этом отно-

шении считаю излишним, поскольку она уже дважды отмечена орденами. Непосредственное соприкосновение в работе за последний год дает мне право рекомендовать тов. Шагинян Мариэтту Сергеевну в члены ВКП(б).

Мнение Бажова поддержали коллега-москвич Ф.В. Гладков и заведомом пропаганды и агитации Свердловского обкома М.М. Розенталь.

...А теперь вернемся в декабрь 1942 года, когда Бажов и Шагинян оказались в Москве. Мариэтта Сергеевна, всю жизнь писавшая дневник, и это событие зафиксировала в тетрадке:

«10/XII — 31/XII ... Все эти дни в Москве невыносимо хлопотно и суетно... Два заседания в Союзе писателей по выдвижению кандидатов на Сталинские премии...

Наконец, в этот приезд я выставила и провела кандидатуру П.П. Бажова на Сталинскую премию за „Малахитовую шкатулку“, провели мы в Союз (то есть утвердили. — В. С.) Боголюбова, Высотскую, Рождественскую и т. д. Было еще совещание в ЦК комсомола, там не была, но передала в Детиздат „Красные флажки“ Ликстанова».

Факт присуждения литературных и иных премий и в те годы носил характер не закономерности, а, увы, случайности. То, что «Малахитовая шкатулка» заслуживала Сталинской премии, наверняка ни у кого не вызвало сомнений. Главное, чтобы в момент дележа этих наград тебя вовремя вспомнили. Нет уверенности, что при отсутствии Шагинян на этом совещании решение о премировании Бажова было бы проведено. Ведь Сталинская (государственная) премия — это 100 000 рублей! И даже премия второй степени, составляющая 50 000 рублей, — тоже сумма немалая. Тем более в годы войны, когда питание по карточкам, а все, что сверху, — в коммерческом магазине и совсем по другим ценам... Всю эту кухню москвичка Шагинян хорошо знала, и потому ее появление на оном заседании в ССП было намеренным, а свои намерения она, как правило, доводила до конца (тем более выполняя волю Хозяйки Медной горы...).

Третьей «ящеркой» в творческой судьбе П.П. Бажова стала редактор и литературовед Людмила Ивановна

Скорино, о которой также немало сказано выше. Ее знакомство со сказовым творчеством Павла Петровича состоялось еще до войны — весной 1939 года, когда главный редактор журнала «Октябрь», известный прозаик Федор Панферов, наверняка с подачи своей жены Анны Караваевой, принес в редакцию рукописи бажовских сказов и вынес вердикт: «...Немедленно будем печатать!» Редактирование текстов и было поручено Людмиле Скорино, в результате чего в № 5/6 этого выходящего в Москве журнала были опубликованы сказы «Две ящерицы», «Кошачьи уши», «Горный мастер» и «Змеиный след».

Дальнейшее появление Людмилы Ивановны на Урале можно рассматривать как волю случая, а можно и как предопределение. В Красноуфимск эвакуировали ее мать, а муж — литератор Виктор Важдаяев — находился на излечении в кыштымском госпитале. Тут, что называется, самой Хозяйкой было предназначено, чтобы Скорино появилась именно в Свердловске — для того, чтобы собрать воедино семью и познакомиться с Павлом Петровичем, продвижению чьих сказов к все-союзному читателю она успела поспособствовать.

Думается, мысль о более глубоком изучении творчества писателя завладела ею уже тогда, однако, запланировав написание литературоведческой монографии о Бажове, Людмила Ивановна, по ее собственному признанию, не спешила, боясь «спугнуть» героя, и медленно, шаг за шагом, приучала его к мысли, что такая ее работа — необходима.

«Павел Петрович поначалу даже было замкнулся, стал говорить скупее, сдержаннее, старательно обходя себя в своих рассказах об Урале... Пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать материалы по его биографии, выходящие за пределы анкеты...

Как-то в конце рабочего дня, когда уже затихал шумный Дом печати... осенью 1942 года начались мои беседы с Павлом Петровичем...

Мы находили в издательстве пустую комнату. Я усаживала Павла Петровича на почетное место — за редакторский стол, не без хитрости, отрезая своему «герою» путь к бегству, сама примазывалась с краю,

раскладывала бумаги... Павел Петрович смотрел на эти приготовления сквозь дымок самокрутки, про себя посмеивался, но вместе с тем и одобрял: серьезно, видать, задумано, рабочая хватка есть...

Первая беседа начиналась с вопроса:

— Как возник замысел „Малахитвой шкатулки“?..»

Так постепенно литературовед вытягивала из не слишком расположенного к разговору о своей творческой лаборатории писателя многое из того, что сегодня хорошо известно.

Людмила Ивановна сразу поняла, что не ошиблась с замыслом. Глубина истоков бажовских сказов позволила ей заявить эту тему и как основу ее будущей диссертации. Павел Петрович, что называется, попал в ее сети крепко...

Вообще работа исследователя литературы вполне может ограничиться исследованием текстов, черновиков, вариантов. В случае же общения Скорино с Бажовым мы видим попытку понять произведения через понимание личности и образа мышления автора. Воистину Людмиле Ивановне несказанно повезло в том, что предметом ее изучения стал автор живущий, с которым удалось не только многократно побеседовать, но и, что называется, отведать пуд житейской соли.

Благодаря записям Скорино можно увидеть Павла Петровича во многих ситуациях того времени.

Вот в середине июля 1943 года эвакуированные в Пермь ленинградцы решили провести Уральскую межобластную литературную конференцию, и свердловская делегация, конечно же, приняла в ней участие.

«Отъезд наш оказался поспешным. Билеты мы получили часа за полтора до отправления поезда. Рассчитывать на хорошие места нельзя было; все, что смогли для нас сделать, — это начать посадку с нас, чтобы мы могли разместиться все вместе...

Павел Петрович не ложился, сидел у окошка, за которым уже побежал холмистый лесной пейзаж, и глядел в ночную синеву.

Красный огонек самокрутки, которой попьхивает Бажов, разгоревшись, выхватывает из черноты то при-

щуренный глаз, то красивый, ясный его лоб, то обрисует размытый силуэт лица, сильные плечи, обтянутые неизменной темно-синей гимнастеркой, в какой ходить всегда сподручнее и привычнее Павлу Петровичу.

Молчим... За окном бегут темные силуэты деревьев. Едем... едем...

И тут Павел Петрович задумчиво спрашивает:

— Как полагаете, была ли сказ?

Несмотря на усталую разморенность, я быстро отвечаю:

— Быль обязательно, но и сказочное тоже...

Огонек самокрутки разгорается, вьется легкий дымок.

— Верно, — говорит Бажов, — это рассказ с элементами фантастического, неправдоподобного. Побывальщина — иное, там нет фантастики. Прошрое подкрашено чуть-чуть. А сказ — это всего лишь недостоверное свидетельство. Апокрифы — вот вам сказ. Правда, греческое название брать ни к чему — оно подчеркивает религиозный и церковный характер повествования, а в сказе его нет и не должно быть.

Удобна форма сказа, подходяща... Возьмите вот Ермака. Все, что говорится о нем у меня в сказе „Ермаковы лебеди“, я и от горщиков слышал, и в печатном виде видел. Но все это исторически недостоверно. Не имею права рассказывать об этом как о фактах, а вот в форме сказа говорить можно.

Сказ — неписанная история. Изустно передаваемая в народе от поколения к поколению. Тут и документальности нет, и фантастика подмешивается. Но все же в основе быль...

Мои сказы — голос того человека, что не дошел до нас, дошел он через меня. Мне хотелось быть голосом своего класса, уральского рабочего класса».

В воспоминаниях Л.И. Скорино сохранен для нас эпизод той же конференции, где видно отношение к Бажову не свердловчан, для которых он был земляком, а жителей другого региона:

«В Перми (тогда г. Молотов. — В. С.) в эвакуации находился Ленинградский оперный театр...

И вот однажды нам объявили, что ленинградцы решили в честь делегатов дать праздничный концерт.

Принаряженные, веселые входим мы в сияющий огнями городской театр.

В зале пустуют два места. Это заметно потому, что все ряды заполнены до отказа. Зал кого-то спокойно и терпеливо ожидает...

„Где борода? Где борода?“

А сам Павел Петрович тем временем, и не подозревая, что — так знаменит, что это его все ждут, не начинают без него концерта, спокойно выступал по радио, а затем не торопясь шел к театру.

Театр ждал его 45 минут.

Едва Бажов вошел в зал, уже зная, что произошло, взволнованный, страшно смущаясь и как будто стараясь сделаться еще меньше, чем он был, — едва он поспешно и неловко протискался к своему месту и сел, в зале потух свет.

На авансцене перед занавесом появился зав. литчастью ленинградского театра, который торжественно объявил собравшимся, что в зале присутствуют делегации, представители трех уральских городов... предложил залу нас чествовать. Раздались громкие аплодисменты, мы должны были встать. Но не встали, в смущении делая вид, что мы — это не мы. И тогда зал стал кричать: „Бажова! Бажова!“

Деваться было некуда, сидеть и делать вид, что не на тебя устремлены все взоры, невозможно. И Павел Петрович мужественно встал.

Зал раскололся от рукоплесканий. Держали Бажова минут пять — семь, это была настоящая народная овация».

Оный случай лишний раз подтверждает, что признание Сталинской премии нашему герою было актом признания его литературного труда не только со стороны власти предрежащих, но и, как это ни высокопарно звучит, — народа. И это суцая правда.

Слава Бажова в этот период, несмотря на войну, как говорится, зашкаливала...

Ленинградский театр оперы и балета поставил хореографический этюд по мотивам «Каменного цветка»;

на ту же тему на вновь образованной Свердловской киностудии был написан сценарий игрового фильма; в то же время кинохроникеры не единожды снимали Павла Петровича как новоиспеченного лауреата; в далекой Индии, получив очередной номер «Нового мира», знаменитый художник-отшельник Николай Рерих обращает особое внимание на опубликованные уральские сказы — «Иванко-Крылатко» и «Веселухин ложок»; сказы передают по Свердловскому радио и потом еще — по просьбам радиослушателей — повторяют; Павел Петрович по приглашению организаторов стоит у истоков создания Уральского народного хора; он — во главе президиума совместного заседания группы истории техники АН СССР и исторической секции Свердловского областного совета краеведения, посвященного очередной годовщине со дня рождения М.В. Ломоносова; ну и самое невероятное: из Москвы, из Гослитиздата вместе с известием о подготовке к печати нового издания «Малахитовой шкатулки» сообщают, что бажовские сказы в последнее время «основательно переводят на западные языки»...

Трудно назвать другого русского советского писателя, чья личность и чьи произведения в этот период были бы так же востребованы.

Само постановление о присуждении государственных премий в области искусства и литературы было принято Совнаркомом СССР 19 марта 1943 года и на следующий день опубликовано во всех официальных газетах.

По разделу художественной прозы премией первой степени были удостоены А.Н. Толстой за трилогию «Хождение по мукам» и В.Л. Василевская за повесть «Радуга», второй степени — П.П. Бажов за книгу «Малахитовая шкатулка» и Л.С. Соболев за сборник рассказов «Морская душа».

Как видим, отмечены произведения не сиюминутного звучания, а те, что оставались в активе советской литературы, по крайней мере, до 1991 года. Но Бажов-то продолжает пребывать в актуальном ряду нашей словесности и ныне! Вот оно, предвидение как автора, так и рекомендателя...

Всего Сталинскими премиями в области художественного творчества в тот раз было отмечено шестьдесят четыре деятеля (включая и членов коллективных награждений). И еще двадцать девять человек впервые отмечены «за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы» (из писателей В.В. Вересаев и А.С. Серафимович).

Присуждение премии П.П. Бажову по времени совпало с сорокалетием творческой деятельности М.С. Шагинян. Объединенная свердловская писательская организация решила отметить эту двойную дату праздничной шутилой стенгазетой, выдав виновникам торжества в качестве подарка «по солидной продуктовой посылке». Поскольку полноценный банкет из-за дефицита продуктов устроить не удалось, тост в честь новоиспеченного лауреата, сочиненный эвакуированным ленинградцем Ефимом Ружанским, прозвучал не изустно, а «со страниц» той же стенгазеты:

Товарищи, подыдем тост
(Он будет искренен и прост),
Чтоб долго жил и был здоров
Уральский сказочник Бажов.

Родилось и вполне закономерное для того времени предложение: собрать деньги на танк и назвать его «Малахитовая шкатулка». Идею с танком Бажов поддержал, но от названия его в честь своей книги категорически отказался.

Из областной больницы, где доживал свой век тяжело больной поэт Аркадий Коц, пришло от него в адрес Павла Петровича жизнеутверждающее письмо-поздравление:

«...Закрываю на минуту глаза, чтобы лучше представить себе знакомый Ваш образ патриархального типа, как бы сошедший с картины Васнецова, но насколько, однако, преображенный событиями нашей великой эпохи! Сколько под этим внешним благообразием скрыто взрывчатого материала! Какая неистребимая ненависть к врагу в дни грозной опасности, нависшей над страной! Какая еще неизбывная энергия к творчеству на пользу Родины!..»

А «последний символист» поэт Ю. Верховский посвятил П.П. Бажову сонет, навеянный темой его сказа о златоустовском мастере Иване Бушуеве:

Клинок уральский — восхищенье глаз;
В лазурном поле мчится конь крылатый,
Почтен неocenимую оплатой
Строй красоты, не знающей прикрас.

Таков же, мастер, твой волшебный сказ,
Связуя вязью тонкой и богатой
Торжественно-тревожный век двадцатый
И быль веков, обворожая нас.

Да будет это творческое слово,
Грядущему являя мир былого,
Оружьем столь же мощным на века.

Как эта сталь и как душа народа,
Как с ней одноименная свобода —
Крылатый конь уральского клинка.

Присуждение П.П. Бажову Сталинской премии стало праздником не только для него самого и коллег-писателей. В Окружном доме Красной армии состоялся общегородской вечер, посвященный лауреату. Кафедра русской литературы Уральского госуниверситета посвятила этому событию открытое заседание на тему «Советская литература в дни Великой Отечественной войны», на котором был прочитан и доклад «П.П. Бажов и его последние произведения».

Чувствуя себя обязанным обновлять творческий «репертуар», Павел Петрович тем же летом заканчивает сказ «Живинка в деле». В условиях начавшегося продвижения Красной армии на запад право первой публикации автор предоставляет окружной военной газете «Красный боец». Затем сказ появляется и в «штатском» печатном органе — «Уральском рабочем». В ноябре Демьян Бедный относит «Живинку в деле» в «Правду» и «Труд», сопроводив ее публикацию во втором случае своим стихотворным резюме «Мудрый сказ».

В сентябре в центральном журнале «Огонек», а также в газете «Тагильский рабочий» и альманахе «Во

славу Отчизны» (Челябинск) появляется очередной бажовский сказ о немцах «Тараканье мыло». Затем в № 7 «Уральского современника» — сказ «Хрустальный лак».

Наконец, 3 ноября подписывают в печать и отдельное издание «Сказов о немцах». Брошюра, напечатанная на газетно-журнальной бумаге, вобрала в себя семь сказовых текстов: «Провальное место», «Заграничная барыня», «Про главного вора», «Иванко-Крылатко», «Тараканье мыло», «Хрустальный лак» и «Веселухин ложок». Иллюстратор — все тот же В. Таубер. Невзрачная (издана в условиях военного времени) внешность этой книжки была компенсирована немалым ее тиражом — 25 000 экземпляров, что позволило часть книг даже отправить на фронт.

О том, как «воевали» бажовские сказы на фронте, есть множество свидетельств. И одно из них — писателя Бориса Полевого, который лично познакомился с Бажовым только после войны:

«Когда Красная армия, наступая, образовала на Висле маленькое предместное укрепление, выросшее впоследствии в знаменитый Сандомирский плацдарм, мы с корреспондентом «Комсомольской правды» Сергеем Крушинским переправились ночью к нашим солдатам, державшим этот крохотный кусочек земли...

Разведя подкрепления по стрелковым ячейкам, эвакуировав на обратных понтонах раненых, отправив на тот берег боевое донесение, капитан вернулся в блиндаж — тесную земляную нору, вырытую в откосе берега. Мы уже улеглись на свежей, душистой яровой соломе, но сон не шел. Сквозь дрему увидел я, как этот маленький военный, который вот уже около пяти суток нес непосильную тяжесть, руководя горсткой солдат, человек, которому по логике полагалось бы в редкие минуты отдыха свалиться и спать каменным сном, тихо прополз мимо нас вглубь блиндажа, засветил карбидную лампочку, вытащил из подсумка какую-то книжку с оторванным переплетом и стал читать. Да, именно читать страницу за страницей, спокойно, сосредоточенно, будто сидел он за освещенным столиком в тихом библиотечном зале, а не лежал на соломе в земляной

норе, где его в любое мгновение мог похоронить снаряд и недалеко от входа в которую, как нам говорили, в тихую ночь можно было слышать немецкую речь.

Это было так странно, что, отогнав дрему, мы из своего угла молча наблюдали за ним. И мы увидели, как по мере чтения напряженное лицо отходило, преждевременные морщины разглаживались, и само оно точно молодело. Капитан читал с час, потом оторвал глаза от страниц, задумался о чем-то своем и, вероятно, очень далеко от беспокойных его фронтовых дел. Вздохнул. Убрал книгу в полевую сумку и прилег на соломе. Но заснуть ему так и не удалось. Противник внезапно обрушил на плацдарм огневой удар...

Плацдарм удержали. Но самого капитана утром принесли на шинели. Он был убит наповал...

Другой капитан, принявший командование батальоном, вручил мне для передачи в полк его ордена, партбилет и полевую сумку. Сумка так и осталась незастегнутой. Из нее торчал угол книги, и мне захотелось узнать, что же так внимательно читал этот воин ночью, в последние часы своей жизни.

Томик был затрепанный, закапанный стеарином. Переплета и титульного листа не было, не хватало многих страниц. Начал читать с той, что уцелела. Рассказывалось о парне, который пошел в горы искать покос, встретил странную девушку, опознал в ней чародейку Малахитницу, приобщившую его потом к горным тайнам. Необычная это была книжка: все удивляло в ней с первых же строк: и язык, сочный, густой, и необычность действующих лиц, и какое-то своеобразное и в то же время ненарочитое переплетение двух миров — реального и сказочного, и, наконец, своя особая, ни на кого не похожая, простая и пленительная именно этой своей простотой манера письма.

К концу сказа я уже, разумеется, разгадал, что это знаменитая „Малахитовая шкатулка“ Бажова, понял, почему с таким увлечением, уносясь мыслями на свой далекий Урал, читал ночью офицер, и еще понял, что передо мной какое-то необычное по форме произведение искусства, свежее, новое, сильное, необыкновенно самобытное.

Все уцелевшие в книге сказы были прочтены залпом, один за другим. Потом истрепанный томик пошел по рукам моих товарищей — военных корреспондентов...»

Литератор Михаил Котов вспомнил, как в 1941 году, воюя рядом с собкором «Комсомольской правды» Аркадием Гайдаром под Киевом, слышал от него, что тот якобы видел в одном из наших дзотов, рядом с пулеметом, аккуратно обернутую в газету книгу. Это была «Малахитовая шкатулка», которую боец привез с собой на фронт с Урала.

А вот рассказ Валентина Федорова, который, вернувшись в Свердловск с фронта, посетил Павла Петровича у него дома и рассказал ему свою историю про участие сказов во фронтовой жизни:

«Была у меня встреча с вашим сказом в конце 1943 г. на Третьем Украинском фронте, в районе Большой Белозерки, недалеко от Мелитополя. Один из бойцов нашего взвода управления минометного полка, кажется Окатиев, подавая мне „Правду“, сказал: „Читай, Федоров, здесь про Урал написано“.

В газете был сказ „Живинка в деле“. Прочел, и вспомнил такой далекий отсюда, с Украины, и такой близкий и родной Урал. Газета ходила по рукам. Ее прочел весь взвод. И наш старшина Клопот после этого чтения стал частенько приговаривать: „А ну, хлопцы, с „живинкой в деле“ натяните „нитку“ — телефонную линию от НП до огневой позиции минометов...»

Подходил к концу 1943-й — год победного завершения Сталинградской битвы, разгрома немцев на Курской дуге, год форсирования Днепра и освобождения столицы Украины — города Киева. Впереди был 1944-й — год полного освобождения советской территории от захватчиков. Но начинался он 65-летием Павла Петровича Бажова. Вроде бы недавно отметили шестидесятилетие и вот уже пять лет пролетело...

Евгений Пермяк:

«Шестьдесят пять лет явно не „круглая дата“. Но желание окружающих и друзей Бажова отметить этот день было так велико, что празднование его шестидесятилетия возникло почти стихийно. К тому же

были еще некоторые привходящие обстоятельства. Павел Петрович прихварывал. Врачи говорили разное... А до круглой даты оставалось пять лет...

Подготовка юбилея началась „тайно“, сюрпризно. Хотелось больше неожиданностей...»

Е. Пермяка, известного затейника, хотели избрать председателем оргкомитета по празднованию дня рождения Павла Петровича, но он «хитро» увильнул от ответственности — предложил свою кандидатуру в руководители подотдела по подаркам и организации чествования. В своей книге «Долговекий мастер» он рассказал, что же из этой затеи получилось:

«Мне было известно, как живет прославленный юбиляр, в чем у него нужда, начиная с хлеба насущного и кончая жилищем, в котором ему приходилось писать в овчинной шубе. Холодно. Дом стар. Стар и его хозяин. Ему жизненно необходимы в досталь не только дрова, но и молочные продукты, ибо у него желудочные и всякие прочие недомогания. Наконец, он должен быть одет. Нельзя же и в будние дни и в праздник в одной и той же синей суконной блузе. А домашняя утварь? Мебель? Отопление дома... И я поставил себе задачу решить все это разом, на законном подарочном основании.

Празднество началось осуществляться загодя.

Тайно от Павла Петровича печаталась большая, чуть ли не в дверь величиной, афиша о вечере, посвященном его творчеству, устраиваемом в зале Свердловской филармонии...

Мне с уральским поэтом Константином Мурзиди был поручен выпуск второго номера стенной домашней газеты «БАЖОДОМКА». И мы всю ночь, накануне дня рождения Павла Петровича, провели в 153-м номере гостиницы «Большой Урал», где я тогда жил. Поэт Константин Мурзиди привел туда с собой уралмашевского инженера, умеющего рисовать. Газета была закончена именно к утру...

Наскоро соснув, мы встали в шесть утра. От гостиницы до Бажова ходу минут двадцать пять...

Бежали бегом.

Когда мы пришли на улицу Чапаева, в знакомом домике было уже светло. Все проснулись. Нервный стук.

На пороге — юбиляр, с хорошо расчесанной бородой и смеющийся, как солнышко после зимнего солнцеворота в ясный день.

Поцелуи. Объятия. Воскликания. Само собой, десяток капель взаимных слез умиления. И — в столовую... Есть хочется — волка бы проглотил вместе с шерстью...

Бьет семь. Точно, как на корабле. — звонок. Первыми, кажется, пришли Леночка Хоринская и Нина Попова...

Пока церемонная Нина Попова произносила слова приветствия и пожелания — раздался новый звонок. Появился Юра Хазанович и кто-то еще. Второй. Вторая бутылка шампанского.

Приветствия, пожелания. Валентина Александровна волнуется. Опять звонок. Пришел Андрей Ладейщиков. Третья бутылка искристого вина.

Звонки пошли чаще. Появилась Ольга Маркова. Румяная, жизнерадостная... Потом что-то случилось. То ли гости выбились из расписания, то ли боялись опоздать — пошли гуще. Появился Ефим Ружанский, повеселевший еще вчера от одних перспектив этого дня. Вошел громадный Илья Садофьев...

И вот собрались все. Одни отвлекают Бажова, другие хозяйничают в его рабочей комнате.

Раздвинут большой стол. На стол вместо скатерти постлана афиша о вечере в филармонии, которая на улицах города появилась ночью, когда все спали. Тоже сюрприз. На афишу ставится новое оцинкованное стиральное корыто. В корыте скрипучий январский снег. В снегу традиционная дюжина шампанского. Рядом — корабль яблок...

Писатели-дамы вводят Павла Петровича под руки. Писатели-кавалеры усаживают его за торцовую часть стола. Валентина Александровна притихла. Немножечко оробела. В первый раз в жизни оказалось, что в ее доме командует столь шумная компания гостей.

Знак подан. Первые пробки полетели в потолок. Выстрелы. Визг. Пена. Афиша залита. Из снега делают снежки.

Павел Петрович смеется... Радует... Подливает масла в огонь, будто ему не шестьдесят пять, а хотя бы...

сорок. Здравницы в стихах. Здравницы в прозе. Здравницы хорошей песней... Садофьев по-протодяконовски провозглашает „многая лета”.

Внук Павла Петровича, Вовка, забился в дальний угол. И находится ему здесь страшновато, и уйти — пропустить такое зрелище — тоже боязно.

А веселье нарастает. Великолепная песенница Ольга Ивановна Маркова завела протяжную, с переливом. Мужские голоса подостлали басом, баритоном... „Летят утки... и два гуся”...

Ах!.. „Мы были молоды тогда... Мы были молоды тогда...”

Молод был и милый Павел Петрович в свои шестьдесят пять. Он тоже подпевал и по-гусарски лихо опрокидывал бокал с игристым, золотистым, пенистым, шипящим вином...

Утро, начавшись нарастающе весело, переходило в день, как фантастический спектакль, в котором каждая последующая картина неожиданнее предыдущей.

Одни группы гостей сменялись другими. Приходили делегации от воинских частей, от заводов, рудников, районных городов. Стол не умещал подарков. И в каждом из этих подарков было свое. Это не просто вещицы-сувениры. Над ними думали. Их делали рабочие своими руками...

Появляется поэтесса Белла Дижур, с ней редактор газеты „Тагильский рабочий” Анатолий Суворов. Поздравив наскоро Павла Петровича, они сообщают:

— Колхозники вас там на улице тоже поздравить хотят...

Павел Петрович на это резонно говорит:

— Просите, пожалуйста, их сюда...

А те на это:

— Подарок у них велик... Не повернется в передней, да и по ступенькам не приучен ходить...

Тут была отдернута, как занавес, оконная занавеска, и за окном мы увидели группу нарядно одетых колхозников и огромную черно-пеструю корову.

— Это как понимать? — спросил Бажов.

— А что тут понимать, Павел Петрович, — сказала колхозница. — Молоко вам доктора прописали свежее,

сметану густую, творог тепленький... Вот мы и решили по этому рецепту вам молочную корову Зонну преподнести. Тагильской породы красавица... Книжку про эту породу можно написать...

Бажов был уже не бледный, а белый. Как борода.

— Чем же я ее кормить буду, товарищи? Когда, посите сами, такое время...

— Павел Петрович, — перебила его Бел(л)а Дижур, — Нижний Тагил и о сене позаботился...

Расчистили снег у занесенных ворот. Корову ввели в помещение сарая, некогда служившее коровником. Зонну тут же подоили. И братья писатели пили теперь первое молоко от подаренной коровы...

А вечером торжество продолжилось на городском уровне.

«На сцене в филармонии не было никакого стола для президиума. Сцена представляла собою нечто вроде гостиной, куда собрались друзья и знакомые Павла Петровича поздравить его в кругу семьи, и всякий появившийся гость, поздравляя Павла Петровича, являлся как бы „концертным номером программы“.

Программа не была заранее объявлена. Она также состояла из сюрпризов...

Это был праздник не только литературный, но и предпобедный. Мутный, коричневый вал фашистского нашествия, захлебнувшись и обессилив, откатывался... Исход войны был предрешен, и каждого переполняла радость справедливого и святого разгрома...

Торжества продолжились и на второй, и на третий день. Приезжали из других городов. Заходили просто так — пожать лично руку Павлу Петровичу. Я уже собирался отбыть в Москву, и, кажется, были заказаны билеты, но телефонный звонок после полуночи изменил все, и юбилейное празднество продолжилось.

Взволнованный голос Павла Петровича сообщил мне о награждении его самым высоким орденом СССР — орденом Ленина. Я, не раздумывая, тут же побежал поздравлять награжденного.

В бажовском доме все на ногах. В окнах большой свет. Из редакции газеты „Уральский рабочий“ доставлена корректурная полоса завтрашнего номера. В ней

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за выдающиеся заслуги по собиранию рабочего фольклора.

Счастье через край... Радость невозможно измерить, как и невозможно найти слова, которые бы в полную силу накала передали происходившее в эту ночь, стремительно переходившую в утро прекраснейшего из дней подвижнической жизни писателя Павла Петровича Бажова».

Глава 14. БЕСПОКОЙНАЯ ОСЕНЬ ПАТРИАРХА. Олимп славы. Омут литературной жизни. На службе народу. Последние песни

Юбилей писателя совпал по времени с возвратом московских «гостей» обратно в столицу. В январе 1944 года почти никого из них уже не было в Свердловске. Собирали чемоданы киевляне и ленинградцы. Фронт неуклонно пятился на запад. Уральцы, без усталости трудившиеся на оборону первые годы Великой Отечественной, могли внутренне передохнуть.

Мог подвести промежуточный итог своей личной и творческой жизни и наш герой. Для того и придумана трубка с табаком, тем более своим, самосадным, чтобы, расчистив от снега дорожку вокруг дома, присесть на крыльечко во дворе, запалить ее, раскурить, посмотреть вдаль и подумать... И не только о сюжетах литературных, но и о жизненных. Подбить, что ли, бабки прожитых лет и оценить, где прав был, а где ошибался...

Исследователи жизни П.П. Бажова, стоявшие, как и сам объект исследования, на сугубо партийной и материалистической позиции, никогда не обращали внимания на тот факт, что их герой вполне соответствовал данному ему при крещении имени — Павел.

«Имя Павел (Паулус) в переводе с латыни означает «малый» (Рост П.П. Бажова, по одним свидетельствам,

был 154 сантиметра, по другим — 162. — В. С.), и этот смысл подсказывает человеку, как лучше всего себя вести, чтобы не навлекать на себя удары судьбы. (Действительно, преодолев все перипетии жизни, Павел Петрович в результате остался цел и невредим. — В. С.) Человеку, называющему себя Павлом, надо быть скромным, не пытаться стать вождем или подняться высоко над другими. (А ведь так и было — везде инициатива выдвижения Павла Петровича исходила от других, сам же он не проявлял карьерных устремлений — первым среди свердловских писателей стал благодаря исключительно таланту, а не интригам и властному вожделению, и, оказавшись во главе писательской организации, — остался столь же прост и доступен. — В. С.)

Мы все реагируем на смыслы имен, если даже не знаем, как они переводятся. В коллективном бессознательном хранится такая информация, и мы все ее интуитивно чувствуем, воспринимаем...

Имя Павел имеет еще одно значение — в Древнем Риме Пауласами называли гонцов, которым доверяли сообщить сенату вести о победах войска. Этот смысл вынуждает Павлов много ездить, часто перемещаться и ставит перед ними задачу сообщать другим людям благие вести. (Вот откуда у Бажова судьба журналиста — сотрудника средства массовой информации, коей была «Крестьянская газета», благими же вестями можно назвать и истины горщицкой мифологии, донесенные до читателя посредством «Малахитовой шкатулки». — В. С.)»

Изложенное выше сказано одним из авторитетнейших астрологов П. Любой, который тоже не сам это придумал, а воспользовался мудростью предков. Те, разумеется, с Бажовым лично знакомы не были, но совпадение — практически стопроцентное. Может быть, чувствуя именно предназначение героя этой книги, семья Бажовых и отмечала ежегодно, как уже говорилось, не день рождения Павла Петровича (27 января), а его именины (28 января)?

В 1944 году из-за общего ухудшения здоровья и надвигающейся (как ему казалось) слепоты, он вполне

мог заняться инвентаризацией своей творческой судьбы и прийти к выводу, что она, эта судьба, состоялась, несмотря на поздний старт. Его первая книжка «Уральские были» вышла в 1924 году, когда автору исполнилось 45 лет — для дебюта вроде бы поздневатое. Но это был, по сути, не дебют, а книжное выражение той «писчей» практики, которой Павел Петрович начал заниматься еще в 1917 году, в бытность городским головой Камышлова. Затем был опыт армейской печати, позже — усть-каменогорской, затем снова камышловской. В областную «Крестьянскую газету» его пригласили в качестве опытного газетчика, и здесь он работал, как профессионал, набираясь впечатлений и зрея творчески, чтобы затем одну за другой написать и издать семь книг, которые его если и не прославили, то создали ему репутацию вполне зрелого и квалифицированного автора. Поэтому внезапный успех сказов «Малахитовой шкатулки» — совсем не внезапный. Он был подготовлен всей предыдущей творческой работой их автора.

Другое дело, что с этого момента имя писателя Бажова начали ассоциировать только со сказами и их автор стал как бы заложником своего успеха. А ведь он рассчитывал себя на большее. Главы из недописанной «камской повести» («Через межу») показывают нам, что сложилась жизненная ситуация по-другому, мы бы имели в лице Бажова весьма добротного прозаика-реалиста с хорошим знанием материала и обладающего вполне высокохудожественным языком.

Но судьбе было угодно другое, и русская советская словесность получила в лице Павла Петровича писателя-сказочника. Причем в жанре сказа, как отмечалось выше, в этот период работали и другие писатели, но только Бажову досталась вся полнота славы.

Если говорить об успехе как таковом, то он бывает «внешним» и «внутренним». Внешний (читательский) успех бажовских сказов так и остался неизбежным во все последующие после первых публикаций годы. Что же касается внутреннего (авторского), то Павел Петрович, конечно, не мог не понимать, что «полевское», «дедко-Слышковское» месторождение сюжетов и образов не бездонно, а без них его сказы становятся все

более и более «литературными». Самоцветные огоньки неповторимой оригинальности последующих бажовских текстов стали потихонечку угасать...

Так появились цикловые ответвления — «Сказы о немцах»; «Сказы о Ленине», коих написалось всего три и отдельным изданием они не выходили. Более того, напрашивается вывод, что они были написаны не по душевному велению, а по случаю, поскольку публиковались в «Уральском рабочем» к датам: «Солнечный камень» — 21 января 1942 года, в день памяти В.И. Ленина; «Богатырева рукавица» — в тот же день, но два года спустя; и, наконец, «Орлиное перо» — 21 апреля 1945 года, накануне дня рождения Владимира Ильича.

Безусловно, стареющему писателю не хотелось прослыть конъюнктурщиком. Но именно всенародно значимые даты являлись для него как бывшего газетчика дисциплинирующим фактором: хочешь не хочешь, а материал дать нужно...

Седьмого ноября 1944 года в той же областной газете появился сказ «Круговой фонарь», написанный по материалам чужих очерков о прокатчике Верхисетского металлургического завода Оберюхтине, а 1 мая 1950 года — как отклик на просьбу ответственного редактора «Уральского рабочего» Е. Багреева дать что-нибудь о техническом прогрессе — сказ «Не та цапля», основанный на личных впечатлениях автора от создания на Уралмаше шагающего экскаватора.

Багреев вспоминал, что Бажов, как правило, в ответ на предложение редакции написать сказ на заданную тему никогда не соглашался сразу:

«— Вопрос, конечно, важный... Но ведь вы знаете, что это не по моей части. Пишу о том, что хорошо знаю. Не могу..»

Проходит некоторое время, и Павел Петрович появляется в редакции со сказом.

— Настукал. Посмотрите, может быть, годится для газеты...»

Сохранить в эти годы авторскую активность Павлу Петровичу помог подарок Литфонда — портативная пишущая машинка, дефицит для того времени, «выбитый» для Бажова в Москве оборотистым Евгением Пермяком.

Поначалу машинка была встречена Бажовым настороженно — скорее как технический аттракцион, нежели действенное подспорье в писательском труде. Но по мере освоения Павел Петрович вошел во вкус, и если художественные тексты им обдумывались, как прежде, загодя, то ответы на письма он сочинял непосредственно за машинкой. Собственно, благодаря этой пишущей технике и сохранилось обширное эпистолярное наследие писателя, так как копии отправленных писем оставались в его личном архиве.

О том, что Бажов вполне освоил работу на машинке и, что называется, расписался, говорят тексты его писем, полные юмора, идеоматических выражений и фразеологических оборотов, — одним словом, это не казенные отписки, а живые разговорные тексты:

Евг. Пермяку:

«Шрифт, каким написано Ваше последнее письмо, мне перекрыть было нечем, если бы не Ваша же лента. Глядите, что делает! Хоть вывеску ставь: ново! Экстравагантно! Спешите видеть! Строчка черная, запятыя красные! Не будем доискиваться, отчего это: неправильно поставил, узка лента или дефект в подводящем аппарате. Факт налицо. Так его и примем. Для конвертов это немножко неудобно, а в письме даже забавно.

Шрифтик, действительно, хорош, но... есть в нем что-то от банковской щеголеватости. Знаете? Чистенько, гладенько, все размеренно, а не веселит, бухгалтерию напоминает. Никакой, можно сказать, ни лирики, ни романтики...

В отношении Ваших клавиатурных изысканий могу только склонить почтительно голову. Сам, каюсь, до сих пор не удосужился узнать, каким пальцем по какой букве принято колотить в русском и международном масштабе. А ведь, вероятно, выводы есть. Тут уж наша сожальительная особенность: любим прокладывать новые дороги рядом с существующими».

А в письмах к Л. Скорино, которая продолжала, теперь заочно, выпытывать у Павла Петровича тайны его писательской лаборатории, он и вовсе раскатывается соловьем. Пожалуй, мы бы никогда его таким и не узнали, не будь у него пишущей машинки.

25 марта 1945 года: «О, мой верный, постоянный и ужасно настойчивый бард!

Наш деловой разговор, начатый на „гороблагодатском вечере“, оказался незаконченным и, к сожалению, не имел условленного продолжения на следующий день...»

Или:

27 октября 45-го: «О, мой бедный, крупнокалиберный, дальнобойный и, главное, скорострельный бард!

Вот что значит не слушаться старших! „Не связывайтесь с конъюнктурным Объектом (имеет в виду себя. — В. С.): мода на него пройдет вместе с модой употреблять по случаю и без случая слово Урал...»

И дальше:

10 июля 45-го: «Мой неоценимый бард!..»

17 сентября 1946 года: «О, мой верный и стойкий бард!..»

25 декабря 46-го: «Дорогой мой бард!..»

28 марта 1947 года: «Мой досточтимый, но, кажется, уже бывший бард!

О последнем сужу по окончательно затухшей переписке в самое интересное время. Ведь конец марта, того самого месяца, когда обещали дать тираж Вашей книги...»

16 мая 47-го: «Мой неустанный, непоколебимый, невообразимый бард! Певец тож!

Радуюсь с Вами выходу книги...»

Нужно сказать, что Людмила Ивановна, действительно оказалась исследователем хватким. Вернувшись в Москву в 1943 году, успела закончить свою диссертацию по бажовским сказам и защитила ее ни раньше, ни позже, а именно... в день шестидесятилетия объекта своего исследования — 27 января 1944 года.

Но диссертация — вещь строгая и ограниченная в объеме. Ей же хотелось написать монографию о творчестве уральского сказочника, и она продолжала в течение 1944–1947 годов «бомбить» Бажова письмами, выясняя и уточняя отдельные детали его жизни и творчества. Он, отвечая на ее вопросы, отшучивался и даже, как считает Г. Григорьев, молодой бажововед века сегодняшнего, издевался над дотошным литера-

туроведом, но, конечно же, не со зла, а единственно из неудобства своего положения. Впрочем, лучше уж подвергнуться допросу филолога, чем того же партследователя, с коим пришлось ему общаться в достопамятные тридцатые...

Механизация писательского труда вселила в Бажова надежду реанимировать давний замысел создания цикла повестей о детстве, где кроме известного названия «Крашенный панок» значится еще и «Егоршин случай».

В письме к Л.И. Скорино (теперь уже с самоиронией): «...Вдруг я еще что-нибудь напишу в мемуарном порядке. Старики к этому склонны. Хлебом их не корми, дай поговорить о том времени, когда и они детьми были. Любят! Известно, в детство впадают».

Евгению Пермяку (в том же стиле): «...Думаю засесть с машинкой примерно на месяц куда-нибудь „под сень струй“ и побрякать там без телефона, без посетителей. Мемуарная литература ведь довольно близка к эпистолярной. Жарь по порядку, что в голову придет. Глядишь, в день страниц с десяток и набрякаешь, и читать не надо, так как уверен, что тут только корректурные ошибки, а не извращение смысла. Попробую во всяком случае. Если окажется ладно, стану продолжать, не выйдет — тогда и суда на это не будет. Вопрос ведь не только в книге, но и в том, чтобы она вышла стоящей, а не просто сборником случайного. Здесь же у меня не очень много возможностей для литературной работы. Донимают разные дела-делишки, которые бывают на каждый день».

Между прочим, до войны у свердловских писателей для таких целей имелся целый Дом творчества на озере Шарташ. Вот там, случись, «под сенью струй» Бажов мог бы и «настукать» свою мемуарную прозу в тиши и без помех. Но шла война. Двухэтажный Дом творчества заняли под госпиталь, и Павлу Петровичу пришлось «вспоминать» в домашних условиях.

И ведь получилось! Фрагмент из повести о детстве он помещает в коллективном сборнике «Свердловск». А полностью она будет опубликована несколькими годами позже под ставшим привычным для нас названием «Дальнее — близкое».

Поскольку эта повесть по замыслу, скорее всего, мыслилась продолжением «Зеленой кобылки», то и героем ее остался Егорша. Основное содержание повести — егоршины «университеты», так как отправленный по совету уездного ветеринара Алчаевского в город на учебу, он становится учеником Екатеринбургского духовного училища и горожанином, хотя внутренне по-прежнему числит себя «заводским». Эта биографическая повесть является, по сути, единственным источником сведений о том, как протекало отрочество героя, отсюда и обильные ссылки на нее во второй главе этого повествования.

Но главных героев в повести два: мальчик и город. И трудно сказать, который из них важнее. «Портрет» Екатеринбурга последнего десятилетия XIX века в «Дальнем — близком» не менее выразителен, нежели в известных очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка и В.А. Весновского, и фрагменты бажовского описания Екатеринбурга можно публиковать под одной обложкой с этими очерками как живую иллюстрацию к несколько суховатым и даже академичным первым двум.

Что же до собственно бажовского творчества, то легко сформировать «трилогию» о детстве и происхождении писателя, собрав воедино «Уральские были», «Зеленую кобылку» и «Дальнее — близкое». Это одно повествование, перетекающие из очерка в повесть, из повести — в воспоминания. Даже странно, что никто из издателей до сих пор до этого не додумался...

Тем временем в стране продолжали выходить бажовские книги.

«Сказы о немцах» в 1944 году вышли сразу в Москве и Челябинске, причем московское издание — на самой дешевой газетной бумаге, но зато тиражом в сто пятьдесят тысяч экземпляров и по цене один рубль. «Это книжка для народа», — так оценил оный факт сам Бажов. Издание очень порадовало писателя, поскольку напомнило ему дореволюционные книжки-копейки, по которым он сам учился читать. На дарственном экземпляре газете «Уральский рабочий» он оставил такую надпись: «Самое дорогое автору издание... П. Бажов».

Сразу две книжки выпустили пермяки: сказ «Ермаковы лебеди» и сборник «Живинка в деле (Уральские сказы о мастеровых)», куда вошло восемь текстов.

В знаменитой серии «Книжка за книжкой» Детгиз выпустил сказ «Иванко-Крылатко».

И, наконец, в этом предпобедном году дважды вышла пополненная «Малахитовая шкатулка» — в Гослитиздате (Москва) и Свердловгизе. Несмотря на скромную обложку, свердловское издание выглядит вполне представительным. В нем, как и в московском, двадцать девять сказовых текстов. Предваряет сказы предисловие «У старого рудника» — о прошлом Сысертского горного округа, в котором Бажов рассказывает советскому читателю, не знакомому с реалиями прошлого, о той местности, где развернутся события сказов. Редактор К. Рождественская и автор впервые расположили сказы по темам (прежнее издание, где было лишь четырнадцать сказов, этого и не требовало): «Про старых людей и Ермака», «Про Хозяйку горы да рудокопов», «Про дорогие каменя да золото», «Про живинку в деле да мастерство», «Про старое, бывалое да завитушку».

Все это было проявлением «внешнего» успеха...

Но вернемся к Бажову, «подбивающему бабки» прожитого. А ведь не только в творческой, но и в реальной его жизни Медной горы Хозяйка присутствовала!

Вот что показалось В. Федорову, чьи воспоминания о «Малахитовой шкатулке» на фронте уже цитировались:

«Побеседовав со мною, Павел Петрович пригласил пить чай. Через прихожую прошли в столовую — проходную светлую комнату в два окна.

За большим столом у поющего самовара чаевничают женщины. Подвижная, энергичная черноволосая (мелькнула мысль: «Вот с кого Бажов писал Хозяйку Медной горы!»), в светлом платье Валентина Александровна...»

Прав фронтовики! Ничего еще по сути не зная о Бажове-человеке, сразу же острым взглядом бойца углядел живую подоплеку вымышленного образа. Ведь и впрямь все эти три с половиной десятилетия совместной жизни именно она — Валюша, Валестёнка, Валянушка была «теневым министром» жизни Бажова,

обеспечивая в силу возможностей тот тыл, который позволял ему жить полной и плодотворной жизнью. Наверное, и психологи подтвердят, что образ Медной горы Хозяйки в правом полушарии писателя не мог не вырасти из повседневной заботы о нем, горщике живого слова, его жены Валентины Александровны.

Младшая дочь Павла Петровича Ариадна рассказала такой эпизод.

Однажды Павел Петрович спешил — собирался то ли на собрание, то ли еще на какое важное мероприятие, а опаздывать он не любил. Вот уже и водитель присланной за ним машины дверку навстречу пассажиру открыл. Спустился Бажов с крыльца и вдруг обратно возвращается! Дочь: «Папа, ты что-нибудь забыл?» — «Да, забыл Валянушку на прощанье поцеловать».

Был такой обычай в доме Бажовых целоваться при встречах и расставаниях, пусть и расставались ненадолго...

И три дочери Павла Петровича наверняка опосредованно также стали прообразом веселых ящерок, что появляются вокруг Хозяйки.

Две из них были рядом с отцом практически все военное время. Как уже говорилось, Ольга Павловна с четырехлетним сыном Володей приехала в Свердловск в эвакуацию из Тулы, и все эти четыре года она ничего не знала о судьбе своего мужа Евгения Присадского, пропавшего на фронте без вести. По совету отца Ольга как инженер пошла работать на завод № 50 (в народе — «Полтинник», ныне Трансмаш). В годы войны там выпускали сначала легкие танки Т-60 и Т-72, а затем запчасти для «тридцатьчетверок». Ольга Павловна работала на участке вулканизации катков — это называлось «обуть колеса в резину». Такая «обувка», по ее словам, была толщиной около 10 сантиметров. Военпреды принимали работу строго: главное, на что они обращали внимание, — чтобы резина не отставала от катков. Работали по двенадцать часов, спали часа по четыре тут же, в цеховой конторе, на столах. Так что малолетний сын все это время оставался на попечении домашних.

Из воспоминаний самого Володи об общении с дедом в этот период:

«Сидя как-то за столом, дедушка решил показать мне веселых голубей. Для этого на указательные пальцы рук он приклеил две небольшие бумажки — они-то и должны были быть веселыми голубями. При этом в глазах его светилась веселая смешинка.

Положив оба указательных пальца с наклеенными бумажками на край стола, он говорил: «Видишь, сидят голуби».

Затем, быстро взмахивая руками, незаметно для меня заменял пальцы и возвращал на край стола уже другие, без бумажных наклеек и говорил: «Видишь, голуби улетели».

При последующем взмахе рук голуби снова возвращались на край стола.

Я долго не мог понять, как ни старался, куда исчезают голуби и откуда они снова появляются. Позже дедушка все-таки рассказал мне секрет этой веселой шутки с голубями.

А когда вечером в его комнате горела только настольная лампа, дедушка, используя падающую от его рук тень, не раз показывал мне на стене милых зверюшек — то смешных собачек, то важного гуся, то зайца.

А еще дедушка брал, бывало, со стола крупную раковину, и мы вместе слушали шум далекого моря».

А вот как, по воспоминаниям внука, проходил завтрак в доме Бажовых:

«В разные времена содержимое стола не было одинаковым.

В военные годы он был предельно скромн.

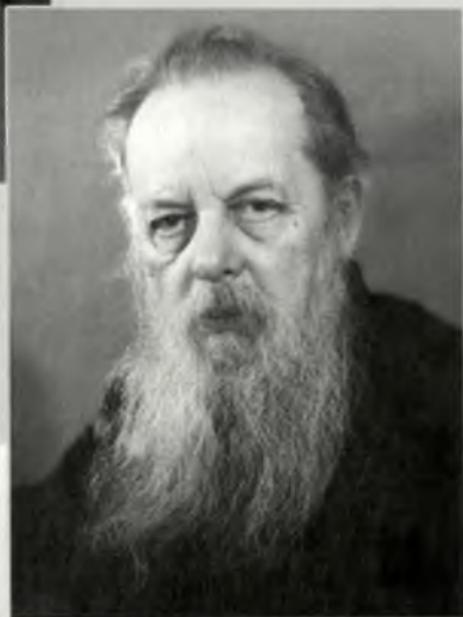
Зато всегда на столе были различная зелень с дедушкиного огорода и выпечка из ягод и кисло-сладких яблочек из его сада.

Желанными были всегда бабушкин пирог с рыбкой, испеченный ею утром в русской печи, и картофельные шанежки с запеченной румяной корочкой. К пирогу с рыбкой, как правило, ставили на стол бутылку с уксусом и баночку с приготовленным хреном.

Любимыми блюдами была жареная капуста, приправленная яичком, или порезанная кружками картошка, обжаренная на сковороде.

П.П. Бажов. 1947 г.

П.П. Бажов. Конец 1940-х гг.

П.П. Бажов-депутат отвечает на звонки избирателей. 1948 г.

П.П. Бажов в президиуме юбилейной конференции, посвященной 225-летию Екатеринбурга-Свердловска. 1948 г. Слева направо: М.А. Горловский, Е.А. Багреев, М.М. Степанович, П.П. Бажов, А.А. Анфиногенов, ?, П.И. Чуфаров, К.П. Бабыкин

П.П. Бажов на Всесоюзной конференции сторонников мира. Слева от него – дагестанский ашуг Гамзат Цадаца. 1949 г.

На отдыхе в санатории
«Новый Афон». Абхазия, 1948 г.

Г. и В.А. Бажовы с профессором В.В. Данилевским в Ленинграде. 1949 г.

Мастер, его Хозяйка и три ящерики... Последнее семейное фото в полном составе. Москва, 1950 г.

Похороны П.П. Бажова. Свердловск, пр. Ленина, 10 декабря 1950 г.

*Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в почетном карауле
у гроба П.П. Бажова*

Временный памятник на могиле
П.П. Бажова на Ивановском
кладбище в Свердловске. 1950 г.

Памятник на могиле
П.П. Бажова, установленный
в 1960-м г. Скульптор
А.Ф. Степанова

*Н. Орешкевич в роли Данилы,
К. Кузмичева в роли Катерины
в балете А. Фридендера
«Каменный цветок».
Свердловский театр оперы
и балета им. Луначарского,
1947 г.*

*Н. Млодзинская в роли
Хозяйки Медной горы
в балете А. Фридендера
«Каменный цветок»*

*Афиша художественного
кинофильма «Каменный цветок».
Киностудия «Мосфильм»,
режиссер А. Птушко, 1946 г.
В роли Данилы В. Дружников,
в роли Хозяйки – Т. Макарова*

Иллюстрация к сказу «Каменный цветок». О. Коровин

Иллюстрация к сказу «Огневушка-Поскакушка». И. Петелина

«Хозяйка Медной горы».
Фарфор, г. Богданович. Скульптор
А. Архиреева, роспись И. Шихалева

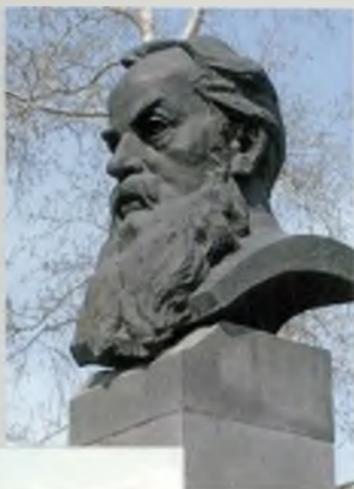
Эскиз к панно по сказу
«Серебряное копытце».
Творческая мастерская
«Палешане»

БАЖОВСКИЕ МЕСТА СЕГОДНЯ

Сысерть

Памятник П.П. Бажову.
Скульптор П.А. Сажин. 1982 г.

Старый механизм служит
музейным экспонатом

В прежней заводской конторе сегодня
городской музей

Закладная доска
подтверждает
солидный возраст
здания

Возрожденный храм
Симеона и Анны

Сысерть

Во флигеле бывшей
родительской усадьбы
теперь мемориальный
музей П.П. Бажова

Типичное подворье уральской
усадьбы

Экспозиция в интерьере музея

На местном кладбище сохранилось
родовое захоронение предков
П.П. Бажова

Надгробие на могиле
отца писателя

Полевской

На Думной горе сегодня вместо сторожки – поклонный крест.
А под горой – по-прежнему склад древесины, как и во времена дедушки Слышко!

На этом месте прежде стоял флигель, в котором жили Бажовы

Памятник П.П. Бажову.
Скульптор Л.И. Кружалова. 1984 г.

Старые дома – последние свидетели былых времен

Камышлов

Дома, в которых жил П.П. Бажов, отмечены памятными досками

Бывшее здание городской управы. Здесь работал П.П. Бажов, будучи городским головой

Место, где когда-то шумела «Бамбуковка»

Усть-Каменогорск

В воссозданном доме, где жил П.П. Бажов в 1919–1920 гг., сегодня развернута экспозиция по сказам писателя

Екатеринбург

Бюст П.П. Бажова на плотине городского пруда. Скульптор М.Г. Манизер. 1958 г.

Фонтан «Каменный цветок» на площади Труда

Дом семьи Бажовых стал мемориальным музеем

Рабочий стол писателя.
Здесь все, как было при его жизни

Столовая в доме Бажовых

Екатеринбург

Бюст П.П. Бажова на фасаде
Свердловской областной
универсальной научной
библиотеки

Аннотационная доска
на улице П.П. Бажова

Дом работников литературы
и искусства, где располагалась
Свердловская областная
организация Союза советских
писателей (ныне Дом писателя
Екатеринбургского отделения
СП России)

Мемориальная доска
на Доме писателя в память
о работавшем здесь П.П. Бажове

Москва

Фонтан «Каменный цветок» на ВВЦ украшают «самоцветы» из смальты

Новые небоскребы на улице Малахитовой

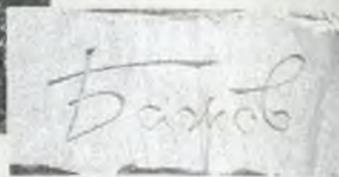

Москва

Современные кварталы
на улице Бажова

Таким представляют
себе дедушку Бажова
современные москвичи

Сказовые персонажи в сквере на улице Бажова

Если к столу подавали вареные яички, бабушка, зная вкус мужа, варила ему пару штук вкрутую. Дедушка, разбив яйцо чайной ложкой, чистил скорлупу, положив на тарелку — ножом разрезал его пополам, солил обе половинки солью из солонки и одну из них пододвигал мне, как сидящему с ним рядом, но только напротив бабушки: „На-ко, милый внук”.

«Подарочная» корова Зона (у Евг. Пермяка — Зонна) выполнила поставленную перед ней задачу улучшения питания самого писателя и его семьи. Молока она давала столько, что доставалось и другим. Б. Рябинин вспоминает:

«Кто бы и зачем ни пришел к Бажовым, в течение всех трудных военных лет, каждого неминуемо потчевали молоком: на круглом столе в „приемном” уголке кабинета появлялись кринка и кружки. „Испейте, молочко хорошее”, — приглашала Валентина Александровна, а на прощанье она же обязательно вручит „на дорожку” литр молока».

Тагильчане не забыли свое обещание обеспечивать Зону питанием. Володе Бажову запомнилось, как к дому регулярно подъезжала машина с сеном, которое сгружали на подворье усадьбы. Потом дед с внуком перемещали корм для коровы в сарай. Павел Петрович показывал в этом деле проворство и умение.

Обращался он к внуку и с таким предложением:

«А что, милый внук, не попилить ли нам сегодня дровец?»

Дров для протопки большого дома к концу войны требовалось меньше, поскольку изнутри помещение было наконец-то оштукатурено и тепло из него уходило медленнее. Вскоре и вовсе устроили паровое отопление от автономного котла, воду в котором собственно и нужно было нагревать. Остальные дрова использовались для приготовления пищи в русской печи.

К этому времени и гардероб писателя претерпел некоторое изменение. Орден Ленина и лауреатскую медаль было неудобно прикреплять к толстовке, и у Павла Петровича для официальных случаев появился темно-синий френч. Сапоги он сменил на ботинки, но костю-

ма или хотя бы пиджака Бажов себе так и не завел. И вот почему, по воспоминаниям Евгения Пермьяка:

«— Галстук, понимаете, при нем надо... А его, во-первых, лет около сорока не носил... Во-вторых, его под бородой все равно не видно и, в-третьих, завязывать его и развязывать... Ну его».

А ведь было, было в его жизни время, когда щеголял в сюртуке и не без галстука. Правда, и тогда галстук прятался под отрастающей русой бородой. Но это все, как говорится, при старом режиме. Новый режим и моду новую с собой принес...

Нужно сказать, что френч — это полувоенное одеяние, как нельзя больше подходило к строгому времени Великой Отечественной. Его носил и вождь в Кремле, и первый секретарь в обкоме, и директора военных заводов, пока им не присвоили воинских званий и не положили на плечи генеральские погоны. Так, директор Уралмаша, знаменитый Г. Музруков, сыгравший и после войны заметную роль в создании ядерного щита страны, был генерал-майором технической службы...

И еще о семье. К этому времени младшая дочь Ариадна закончила среднюю школу (два последних класса — по ускоренному военному курсу) и поступила на факультет журналистики Уральского госуниверситета, образованный на базе присоединенного к УГУ бывшего КИЖа (Коммунистического института журналистики). Сам университет, уступив свое законное место эвакуированному заводу, ютился в различных помещениях — бывшем КИЖе на улице Ленина, 13б, в юридическом институте на улице Малышева, в школах № 5 и № 9. В 1941 году к 1020 его собственным студентам добавились эвакуированные студенты из университетов Москвы, Ленинграда, Киева.

На первый взгляд может показаться, что будущую специальность юная Ариадна выбрала по совету отца. Однако нет! Как призналась она сама, выбор произошел даже наперекор отцовскому мнению, который считал, что история как наука гораздо глубже... Но живой пример отца — многолетнего газетчика оказал на девушку более сильное влияние, и она проявила характер...

Были в эти годы и потери в семье Бажовых. В 1943 году в возрасте 92 лет умерла мать Валентины Александровны и теща Павла Петровича Екатерина Васильевна Иваницкая. Похоронили ее на Широкореченском кладбище.

Война забрала самых ярких, самых активных из числа свердловских писателей молодого и среднего возраста, ушедших на фронт. Не вернулся поэт Владислав Занадворов, чей талант так и не успел распусться в полной мере в предвоенное десятилетие. Под Ленинградом, в районе деревни Князево пал командир взвода связи лыжного батальона Константин Реут. Под Сталинградом сложил голову предшественник П.П. Бажова на посту ответсекретаря писательской организации Александр Савчук. Выходец из рабкоров Уралмаша С. Балин, с которым Павел Петрович в РАППовские времена ездил на село для помощи сельским корреспондентам, служил в должности младшего политрука транспортно-гузевой роты и был осужден трибуналом «к высшей мере уголовного наказания» (причина до сих пор не выяснена).

О судьбе другого руководителя свердловских писателей — невоеннообязанного И.С. Панова, добившегося ухода на фронт, Павел Петрович узнал уже после войны от его сослуживца по 221-й уральской дивизии Андрея Мешавкина:

«— Сперва мы были под Саратовом, а как фашисты полезли под Сталинград — нас туда. Вот там, под Котлубанью, я и встретился с Иваном Степановичем в последний раз... Еще на Урале, где формировалась дивизия, нас с Иваном Степановичем начальник политотдела Петр Яковлевич Савченко решил оставить при политотделе, в резерве редакции дивизионной газеты, но Панов не захотел, сказал, что пойдет в роту, притрется к солдатам-уральцам, поближе узнает их и потом напишет книгу о войне.

Павел Петрович поднялся, начал ходить вокруг стола:

— Да, таким он, оказывается, и остался, Панов, настойчивым, коль задумает что. Уралец, известно. Жаль, очень жаль человека, писателя. Не написал, не доделал задуманного».

Факт существования в Свердловске в первые годы войны объединенной писательской организации, куда помимо местных литераторов вошли эвакуированные коллеги из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, трудно переоценить. Их энергия и профессиональная компетентность столичного уровня смогли поднять качество уральской литературы на завидную высоту.

Как вспоминал Б. Рябинин, «тесная творческая дружба уральцев и эвакуированных — частые совместные выступления и обсуждения, поездки на предприятия, — несомненно, были благотворны как для тех, так и для других. Они — «товарищи из центра» — приблизились к жизни; мы, местные, заимствовали у них многое.

Однажды какой-то остроумец на вопрос, в чем разница между писателем столичным и писателем, живущим на периферии, ответил так: у первых больше мастерства и меньше материала; у вторых — наоборот, больше материала, но меньше мастерства... Военные годы помогли значительно сократить этот «разрыв».

Успех коллективного сборника «Говорит Урал», созданного общими усилиями «аборигенов» и приезжих, говорит о том, что объединенному писательскому сообществу удалось взять общую ноту, в результате чего и общая песня получилась. О положительном опыте первого коллективного сборника свидетельствует решение подготовить при участии «гостей» в ОГИЗе-Свердлгизе книгу «Нижний Тагил», а за ней и третью — «Свердловск». В обеих рассказывалось об истории возникновения этих знаменитых уральских городов, об их развитии в социалистический период и о труде на благо победы. Но из-за издательско-полиграфических сложностей оба сборника были закончены уже после отбытия «гостей», и книги вышли в свет в 1945 и 1946 годах. Таким образом, три названные выше книги остались памятником совместному труду прозаиков, поэтов и публицистов различных регионов страны на благо духовного и патриотического воспитания советского читателя в годы войны.

Редактором была К. Рождественская. Бажов числится в членах редакционной коллегии, а также пред-

ставлен как автор сказом «Хрустальный лак» (в сборнике «Нижний Тагил») и фрагментом из будущей повести «Дальнее — близкое», который озаглавил простенько и без претензий — «Наш город» (в сборнике «Свердловск»).

На волне успеха этих коллективных книг было решено составить и еще одну — «Золото», посвященную двухсотлетию открытия месторождения золота на Урале. Она вышла в 1946 году в гораздо более скромном полиграфическом исполнении и усилиями только уральских авторов (у Павла Петровича в ней опубликован сказ «Золотые дайки»). Как прецедент тематического сборника книга весьма интересна. Однако в творческом плане по сравнению с предыдущими изданиями ощущается некоторая провинциальность, сбой темпа...

Конечно, как говорилось выше, народ не может до бесконечности жить в застегнутом, самоотверженно-взбудораженном состоянии. В последний период войны и особенно после победы естественным образом хотелось отпустить внутренний ремешок — отдохнуть и перейти к жизни в нормальном человеческом ритме. Это было характерно для всей страны, и вскоре конфликт между «хочется» и «надо» в литературной среде выйдет наружу в весьма драматичной форме...

Что же касается свердловских писателей, то поредевшая после отъезда столичных мастеров организация вдруг обнаружила прежний, недостаточно высокий уровень творческого мастерства. Теперь надо было выходить вперед самим, прикрываться авторитетом столичных знаменитостей возможности не было, и сразу показали скрытые до времени проблемы.

К тому же стала заметной малочисленность коммунистов в рядах Свердловской писательской организации, отсутствие механизма пополнения ее молодежью — не отсюда ли и заметная творческая пробуксовка? Одним словом, в среде местных литераторов налицо была стагнация, и этот вопрос раз за разом поднимается на собраниях партийной организации.

Так, на открытом партсобрании 24 декабря 1944 года, где, согласно протоколу, присутствовало пять ком-

мунистов, восемнадцать беспартийных членов, кандидатов и активистов СО ССП, ответсекретарь П.П. Бажов заявил:

«Настоящих методов для привлечения новых кадров нет. <Но> есть факты, когда люди сами не знают, что они писатели в потенции. Надо уметь вовремя подсказать товарищу...»

Представитель горкома ВКП(б) Панфилов:

«В условиях войны писательская организация показала свою жизнестойкость. Но не надо переоценивать, нужно трезво оценивать условия...»

Увеличивать кадры надо, силой своего творчества оказывать влияние на рост молодых кадров. В Союзе писателей накопилось много черновых рукописей, на которые не дают ответа. Долг каждого писателя помогать росту начинающих...»

Война и полиграфические трудности сделали выход альманаха «Уральский современник» крайне не регулярным, и отсутствие периодического издания для публикации произведений уральских авторов стало одной из важных причин застоя в СО ССП. В таких условиях и опытные, и молодые литераторы не имели постоянной возможности для представления своих работ читателям.

Поэтому все уповали на «четверги» в ССП, которые начали проводиться еще в годы войны. В середине сороковых эти еженедельные творческие встречи, как оказалось, уже не вмещали желающих показать свои творения и подвергнуть их разбору и обсуждению товарищей.

На собрании 9 января 1946-го года активист Налобина высказала мысль, что из-за многолюдности надо развести «четверги» на два потока и поручить кому-нибудь из старших товарищей заниматься специально с молодежью.

Директор издательства коммунист т. Копытов высказался в том плане, что «четверги» нужно расширить и сделать их тематическими.

В итоге постановили:

«1. ...Практиковать организацию «четвергов» двух типов: «чтение альманаха», рассчитанное на широкую

аудиторию, знакомство широкой читательской массы с новыми произведениями советских писателей, и «четверги» закрытые, лабораторные, предназначенные для разрешения творческих вопросов, обсуждения новых работ и т. д. в среде самих писателей...

2. Строго разрабатывать план «четвергов»...

3. Периодически проводить (раз в 2–3 месяца) «четверги» молодых, вынося на них обсуждение произведений начинающих авторов.

4. Ускорить дело организации литературно-художественного журнала, войдя в ходатайство перед отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б). Параллельно с этим приступить к созданию пробного номера журнала...»

Нужно уточнить одну деталь. С марта 1944 года Бажов больше не руководит партийной организацией писателей (эта функция перешла к прозаику Ольге Марковой), и его забота о пополнении писательских рядов и улучшении качества их творческой работы — это забота ответсекретаря СО ССП и старшего товарища.

И второе. В эти годы из-за малочисленности партийных рядов СО ССП в нее были влиты коммунисты ОГИЗа-Свердлгиза. И это усугубило ситуацию. А ситуация-то была конфликтная: писатели писали, а издатели принимали в работу далеко не все подряд.

Конфликт этот предусмотрен изначально — так устроен процесс. Но на исходе войны и в первые послевоенные годы он принимает в Свердловске едва ли не непримиримый характер.

На том же партсобрании 9 января эту тему поднимает в своем выступлении О. Маркова, говоря о неладах между главным редактором ОГИЗа (К. Рождественской) и авторами (И. Ликстановым, Е. Ружанским, Н. Поповой), которые обвинили издательского работника в личной приязни к одним авторам и неприязни к другим. На это главред ответила:

«В отношении недовольства отдельных писателей издательством — ненужное раздувание и перетолки. Действительно, есть несколько человек, у которых я как главный редактор забрала отдельные рукописи, но на эти же материалы (уже после меня) дала

отрицательные рецензии и Москва, имею в виду стихи Дижур, Ружанского. Думаю, это явление временное, дело исправится, люди поймут, что они неправы».

Но «люди не поняли», и на ответственном собрании 26 августа 1946 года, когда в присутствии секретаря обкома по идеологии И. Пустовалова нужно было выразить свое отношение к постановлению ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», распря на оную тему разгорелась вновь.

Началось с того, что Пустовалов, одобрив политику партии по конкретному вопросу, дал оценку и свердловчанам, указав, что (цитируется по протоколу) «в работе уральских писателей также допускаются серьезные ошибки».

Далее говорилось, что «в творчестве уральских писателей не отображены те исторические процессы, которые происходят в арсенале страны — на Урале. Всей нашей писательской организации свойственен отрыв от нашей современности».

Докладчик подверг критике произведение Н. Поповой «Встреча», в котором извращается наша действительность. Тов. Попова до сих пор не признала этой своей ошибки.

В своем творчестве Б. Дижур, которую докладчик затрудняется назвать советской писательницей, нет показа советской действительности, многие ее произведения рассчитаны на искусство ради искусства.

Критикуя творчество Е. Ружанского, докладчик квалифицирует его как сплошь и рядом спекуляцию на теме, рифмоплетство. Из безучастного отношения к теме рождается халтура, как это нужно отметить в последнем водевиле тов. Анчарова о сберкассе...

Издательство в лице гг. Копытова и Рождественской относятся к произведениям местных писателей либерально, плодят иллюзии... В радиокомитете тов. Ружанский установил свою монополию...»

А затем начались прения, и первым выступил критик А. Ладейщиков, который не согласился с резкой оценкой докладчиком творчества Б. Дижур, сославшись на ее «хорошие очерки в книгах «Нижний Тагил» и «Свердловск» (но Пустовалов-то критиковал поэзию

Беллы Абрамовны!), а кроме того решительно отрицал, что он когда-либо в своей работе стоял на почве приятельских отношений.

Следом в атаку на издательство пошел Ю. Хазанович: «Издательство пригревает «писателей», которых надо было бы держать подальше от литературы. В силу приятельских отношений печатался беспринципный, пошлый И. Друц...» Далее оратор решительно осудил позицию Н. Поповой, которая расценила критику ее повести «Встреча» «только как травлю».

Выступила также Б. Дижур в свою защиту, отрицая «наличие каких бы то ни было точек соприкосновения с А. Ахматовой» и поставив себе в заслугу все те же очерки в двух коллективных сборниках.

Ружанский в ответ на конкретную критику в свой адрес сказал, что «нельзя так бесшабашно судить о творчестве писателя, как сплошь и рядом судят в Свердловске... В издательстве есть «свои» и «антипатичные».

В ответном слове от имени издательства К. Рождественская осталась на прежней позиции, сказав, что «в отношении писателей необходимо покончить с либерализмом в оценке произведений, бороться за высокое качество продукции».

Словом, о постановлении ЦК партии насчет далеких от Урала журналов «Звезда» и «Ленинград», в которых никто из свердловчан никогда не печатался, было забыто, и разговор пошел о своем, домашнем. Это вынудило представителя горкома ВКП(б) Чеснокова заявить следующее:

«Характер прений показывает, что писатели еще не продумали постановление ЦК. Основная задача писателей добиться высокой идейности произведений. Надо думать об этом, между тем, прения приняли характер склоки...». И предложил свой рецепт выхода из сложившегося между пишущими и издающими конфликта: может быть «надо учиться и не спешить печататься».

П.П. Бажов как патриарх оценил ситуацию прямо по Соломону:

«Издательство виновато в том, что получился затор в выпуске произведений наших писателей, а мы виноваты в том, что не добились устранения этого затора».

Снова собрались, уже своим писательским кругом, чтобы все-таки обсудить постановление и осудить публикации в ленинградских журналах, 5 октября.

После чтения доклада секретаря ЦК А.А. Жданова по этому вопросу выступил бывший ленинградец Е. Ружанский, который сказал что «целиком присоединяется к характеристикам, которые дал тов. Жданов».

Следующим поднялся И. Ликстанов и, оттолкнувшись от слов Жданова о приятельских отношениях... опять все свел к склокам вокруг Свердловска...

Вот так протекала писательская жизнь в Свердловске в последние военные и первые послевоенные годы. Как сказал на одном из собраний Бажов, характеризуя состояние в местном отделении ССП, «неоспоримым является тот факт, что свердловской писательской организацией не созданы произведения, достойные нашей эпохи»...

Кого-то исключали из партии за неблагоприятные поступки, кого-то изгоняли из Союза за откровенную халтуру, рвачество и дискредитацию творческого сообщества... Все это было так далеко от того, чем хотелось бы занять остаток своей жизни старому писателю.

Медной горы Хозяйка опять подбросила Павлу Петровичу фарт: его — как одного из самых уважаемых свердловчан — выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Красноуфимскому избирательному округу, и он с радостью согласился.

Бажов Евгению Пермяку написал по этому поводу:

«... в этот избирательный округ входят Полевской, Северский, Ревда, Дегтярка и другие — „сказовые места“. В ближайшие дни надо будет отправляться в Красноуфимск, а оттуда по районам, которых немало. Видимо, это должно дать какой-то и творческий поворот. Особенно меня интересует старая крепостная линия: Киргишан, Кленовая, Бисерть, Гробово, а также Манчажский район. Обычным путем, наверно, никогда бы не добрался, а тут волей-неволей придется побывать. А дальше Ачит, Атиг, Барский ярус, Арти-Шагирт и целый кусок заводского Урала с акающим говором, так называемые „гамаюны“. Чувствую, что все это мог-

до бы дать материал для новой книги, если бы не приближающиеся 67 лет.

Как обидно, что жизнь такая коротенькая, а спешить все-таки нельзя...»

Новый поворот в жизни П.П. Бажова нужно рассматривать как попытку творческого омоложения путем возврата в те места, откуда родом он сам и его сказы. К тому же здесь получал дальнейший выход его давний интерес к истории родного края, по отношению к которому он, и как писатель, и как исследователь, полагал себя в долгу.

Если посмотреть на карту, то станет понятно, что сам город Красноуфимск, центр избирательного округа, совсем не рядом со Свердловском. И сегодня на современных локомотивах туда пути часов пять, а в те «паровозные» годы и подавно всю ночь проедешь... Но вот в январе 1947 года Павел Петрович выехал в «свой» округ в качестве кандидата в депутаты и за три недели отмахал, по его признанию, четыреста километров гужом и восемьсот — по «железке». За три недели, что длилась эта поездка, он выступил с большой речью о советской демократии в самом Красноуфимске, затем встретился с избирателями села Верхний Бардым, побывал на Артинском механическом заводе, где производили уникальную продукцию — швейные иголки. Он потом хранил и с удовольствием показывал подаренный ему комплект этих изделий...

В провинции, не избалованной визитами знаменитых людей, приезд «нашего» Бажова был воспринят с энтузиазмом. Вот как это было по воспоминаниям редактора манчажской районной газеты А. Мешавкина:

«— Слово предоставляется кандидату, — объявляет председательствующий, — товарищу Бажову...»

Тут же начались такие аплодисменты, каких еще не слышал районный Дом культуры. Павел Петрович поднялся, смущенно роняет какие-то слова. Он начинает свое выступление за столом, да так, словно ведет задушевную беседу за чашкой чая.

— Неловко получается, товарищи, — говорит уже при наступившей тишине. — Мне же доверие оказываете,

выдвигаете кандидатом в депутаты Верховного Совета и меня же хвалите. Будто не я, а вы мне обязаны... Если бы речь шла об академике или доярке, которые своими силами, знаниями и умением обогащают Родину.. А я ведь только записываю то, что создано народом...

Но тут писателя-кандидата кто-то перебивает:

— Нет, дорогой Павел Петрович, правильно высказались ораторы, хороший вы человек, большой и нужный для нас всех писатель.

Бажов опять руку прикладывает к сердцу.

— Товарищи, люди добрые, надо еще проверить, каким я буду вашим слугой на деле. Еще раз говорю, что я всего-навсего неисправимый сказочник, а вы вон какое наговорили обо мне. Правда, сказка сказке рознь. Если она взята из жизни и помогает становиться лучше, то это хорошо. Пишу я и, наверное, еще буду писать так, чтобы слово служило народу, другого намерения у меня нет».

В советские годы, как известно, выборы проходили на безальтернативной основе, и выдвинутый кандидатом мог считать себя уже избранным. Другого варианта быть не могло, и, вернувшись из поездки по округу, 10 февраля 1946 года Павел Петрович получает подтверждение — он избран депутатом Верховного Совета СССР.

Предвидя немалую загруженность в предстоящие четыре года, Бажов с первых же дней депутатства занялся регламентацией своего труда. Поскольку территория округа была велика и застать депутата на месте с уверенностью было невозможно, он через районные газеты печатно уведомил своих избирателей, где, когда и в какой промежуток времени он будет вести прием. Просьбы же в письменном виде предлагалось высылать ему на домашний адрес загодя, чтобы к моменту встречи депутат мог дать по запросу определенный или хотя бы предварительный ответ.

Такая организация труда для работников того же Манчажского райисполкома явилась открытием: людям, в недавнем прошлом «от сохи», были непривычны такие строгие рамки организации служебной деятельности...

Так же был организован прием избирателей и в областном центре — в комнате № 7 здания облисполкома на площади Труда, по четвергам с 12.00 до 15.00.

После избрания график жизни и деятельности у Павла Петровича стал весьма напряженным, но это его только радовало, поскольку в нем проснулся талант организатора периода революции и Гражданской войны, человека, который реально может повлиять на ту или иную житейскую ситуацию и помочь людям, и потому он снова, несмотря на возраст и хвори, почувствовал себя молодым.

При этом, конечно, его ночные бдения за пишущей машинкой и разбором читательских и депутатских писем оставались. И нередко, погасив настольную лампу далеко за полночь, улегшись в постель и начав смотреть первый предутренний сон, он бывал разбужен звонком нежданного посетителя. Домашним строго-настрою было приказано никому не отказывать...

«Сегодня мне не дали доспать, — пишет он в очередном письме Е. Пермяку. — Пришел какой-то дядя и скромно заявил: „Я подожду“. И ждал сколько-то. Выхожу. Человек огромного роста, держится очень тихо, даже как будто с опаской: потревожил, дескать. Оказалось — грузчик одного завода, гвардеец, три ранения, орден, медали. История такова. Сам он из Курска. Семья эвакуировалась „куда-то“. Он воевал до последнего дня. Ранен третий раз в Берлине накануне капитуляции. Выздоровел. Поехал на Урал искать семью. Нашел в Ревде двоюродного брата. Остановился у него. Все-таки свой человек. Чтоб без дела не сидеть, поступил грузчиком, а через неделю узнал, что его семья в Новосибирске. Уже три месяца бьется, чтоб либо самому освободиться, либо семью перевезти, а толку никакого.

Вот и скажите, можно ли такому человеку сказать: „Приходите в следующий четверг»?.. А ведь только с такими кричащими вопросами и ходят к депутату...»

Писатель В. Стариков вспоминал, как Павел Петрович по четвергам, перед тем как идти в облисполком на депутатский прием, заходил в Союз писателей и просил кого-нибудь из более молодых сходить в кафе на

первый этаж и разменять ему сторубливку бумажками по пять рублей.

«Случается, обращаются с просьбами о мелкой помощи, — объяснил он однажды. — Приедет бывший солдат хлопотать о пенсии по военной инвалидности, а денег на обратную дорогу нет. Или же беда какая с человеком случилась, тоже выехать не может. Ну и поможешь человеку. Всякое бывает...»

Вообще, система депутатства различного уровня в Советском Союзе имела смысл. Ведь, казалось бы, водоснабжением, электрификацией и прочими бытовыми вопросами должны были заниматься органы советской власти. Однако многое по разным причинам (а главным образом из-за всегдашнего дефицита средств и возможностей) вовремя не делалось. И тогда по просьбам и жалобам избирателей в дело включались депутаты, и проблемы в значительной степени разрешались. Ибо депутату, тем более союзного уровня, отказывать не полагалось. Правда, ликвидируя прорыв в одном месте, наверняка оголяли другой угол... Ну да в следующий раз и до того угла дело дойдет. Так и жили.

В зачет своей депутатской работы Павел Петрович мог смело отнести улучшение водоснабжения старого района города Ревды, доведение до рабочего состояния местной гидроэлектростанции в селе Краснояр, отчего у крестьян в избах появился электрический свет. А избиратели смотрят дальше своей околицы — вот жители Артинского района хотят провести разведку недр, где по прогнозам имеются полезные ископаемые, и просят у депутата содействия; а красноуфимцы ставят вопрос о прокладке новой железнодорожной линии на восток, которая позволит разгрузить станцию Свердловск. По всем этим вопросам депутат Бажов обращается в соответствующие инстанции.

Благодаря его вмешательству в селе Сажино строят наконец долгожданную школу.

«Надо признаться, я с гордостью выполняю поручения избирателей», — вспоминает слова Павла Петровича хорошо знавший его партийный работник А. Нейштадт.

Постепенно писательскую славу Бажова начинает догонять и слава депутатская. Причем к нему обраща-

ются не только избиратели, но и более молодые коллеги по депутатскому корпусу. И Павел Петрович делится своей недолгой, но успешной практикой разрешения спорных вопросов, в частности — возвращения эвакуированного технического персонала по прежнему (довоенному) месту жительства.

Как известно, свободы передвижения кадров не было не только в войну, но и в первые послевоенные годы — этого требовала необходимость скорейшего восстановления народного хозяйства страны. В целом эта мера была оправданной, иначе как можно было бы отменить распределение продуктов по карточкам уже в 1947 году, спустя два года после окончания войны? Павел Петрович наставляет молодого депутата — рабочего Первоуральского новотрубного завода В.И. Сосунова. Смысл его наставления: «...Вопрос этот в данных условиях приходится решать по-разному, но всегда с учетом интересов производства».

И еще один нюанс депутатской работы. Павел Петрович не всегда мог положительно отреагировать на обращение избирателя. И в том случае, когда ему приходилось отказывать, он считал своим долгом дать подробное объяснение, почему он не считает возможным вмешаться в тот или иной конфликт.

Кстати, так же он поступал и будучи литературным редактором, когда отвергал представленные ему рукописи. По свидетельству тех, кто присутствовал при таких беседах, авторы никогда не уходили от него обиженными, несмотря на полученный отказ. Тут ему помогал опыт долгой педагогической работы.

Видя в молодежи перспективу завтрашнего дня, Павел Петрович и ратовал за пополнение рядов свердловских писателей молодыми, поскольку это — помимо вливания в сосуды организации, что называется, свежей крови — подхлестнуло бы и опытных литераторов к дальнейшим поискам на стезе сочинительства.

В общем, так оно и получилось.

В докладе на закрытом партсобрании в СО ССП, названном «Об итогах VIII городской и XXV районной партийной конференции г. Свердловска», о последних

успехах свердловской писательской организации было сообщено вот что:

«В течение 1948 г. П.П. Бажов пополнил свою „Малыхитовую шкатулку“ новыми чудесными сказами.

...Была присуждена Сталинская премия И. Ликстанову за производственную повесть „Малышок“.

...Получила поощрительную премию Детгиза О. Маркова за повесть „Разрешите войти!“.

...Вышла из печати повесть Н. Поповой „Мир на стану“ о современной колхозной деревне, получившая единодушное одобрение на писательской конференции.

...Много новых стихов напечатал поэт К. Мурзиди, книга его стихов издается в Москве.

Производственную интересную повесть на уральском послевоенном материале написал В. Стариков.

В течение 1948 году в нашу организацию влились новые силы: ...молодой писатель С. Самсонов написал повесть о детях, увезенных немцами — „По ту сторону“, молодой писатель О. Коряков написал приключенческую повесть о советских школьниках. Все эти произведения получили хорошую оценку на писательской конференции, двумя последними заинтересовался Детгиз».

Казалось, свердловские писатели вышли из кризиса. К этому времени Павел Петрович, занятый депутатской работой, с согласия Секретариата ССП попытался освободиться от должности руководителя свердловских писателей и передать бразды правления более молодому коллеге — поэту-фронтовику Николаю Куштуму (протокол партсобрания СО ССП от 17 февраля 1947 г.), но это постановление писательской партийной организации в обкоме, похоже, не поддержали, и он остался у руля организации.

Хотя и реже, но все же регулярно в 1946 году появляются в печати новые сказы Бажова: «Коренная тайность» («Огонек» № 7); «Васина гора» («Уральский рабочий», 5 марта); «Старых гор подаренье» («Уральский рабочий», 1 мая); «Медная доля» (газета «Заря» Ачитского района); «Далевое глядельце» («Уральский рабочий», 7 ноября).

В следующем, 1947 году, писатель опубликовал только два новых сказа, и оба в «Уральском рабочем» — «Аме-

тистовое дело» (1 мая) и «Шелковая горка» (7 ноября). Зато сразу два московских издательства выпускают книги с его прежними сказами.

В письме к пермяку Б. Михайлову он пишет:

«Живу, если можно так сказать, вторым планом: по сказу поставили, вон, балет, идет кой-что в кукольных театрах, а нового почти ничего не пишу. Плохо с глазами. Настолько плохо, что приходится тратить часы на то, что можно сделать в несколько минут».

«Второй план» в эти годы действительно начинает перетягивать. Художники пишут и рисуют портреты писателя, иллюстрации к произведениям, создают декоративные панно на бажовские темы; композиторы сочиняют музыку на либретто по его сказам, балет А. Фридлендера «Каменный цветок» идет на сценах свердловского и пермского театров, киностудия «Мосфильм» выпускает свою версию «Каменного цветка» на экраны страны...

Что касается «первого» — творческого плана, то он перемещается из рабочего кабинета писателя в плоскость общественной деятельности. И это не только депутатская работа. Бажова неизменно ставят во главе различных комитетов, связанных с юбилеями великих русских писателей, он возглавляет ученый совет открытого в 1946 году в Свердловске мемориального музея Д.Н. Мамина-Сибиряка, на него «кладут глаз» и историки, и это последнее всецело совпадает с его стремлением поделиться своими обширными знаниями и наработками.

В письме Е.Ф. Кольшеву Павел Петрович пишет: «По запросам современности... стараюсь использовать накопленный материал истории. Этот жанр теперь стал у меня основным».

Бажов не считал себя знатоком истории, но, по свидетельству тогдашнего завкафедрой истории СССР Уральского госуниверситета М.А. Горловского, его познания о прошлом Урала изобиловали такими сведениями, «каких невозможно найти ни в книгах, ни в архивных документах... Для всех работающих над историей Урала он был неутомимым советчиком и мудрым собеседником».

Вот почему его привлекают в оргкомитет по подготовке первой научной конференции, посвященной истории Екатеринбурга — Свердловска. Здесь он выступает как вдохновитель создания научной монографии по истории горнозаводской столицы России, а на самой конференции, которая состоялась в 1946 году, выступает с докладом «История Екатеринбурга — Свердловска как зеркало горнозаводской жизни Урала», где выражает самостоятельный взгляд, характеризуя отцов-основателей горного города Екатеринбурга В.Н. Татищева и В.И. де Геннина и их деятельность. Интересны его рассуждения о своеобразии промысла искровщиц в Березовском, о причине развития и процветания женского монастыря в Екатеринбурге и об освящении его в честь Иконы Тихвинской Богоматери.

Историческая наука в тогдашнем Свердловске пребывала в стадии становления (соответствующий факультет в Уральском госуниверситете был возрожден лишь десятилетие назад — в середине тридцатых годов), и доценты и кандидаты, коим был и сам завкафедрой М.А. Горловский, воспринимали сведения, изложенные екатеринбургским старожилом Бажовым («Из 68 лет своей жизни 58 лет я связан с этим городом»), как откровение.

Любопытен нетрадиционный взгляд Павла Петровича на фольклор как источник изучения прошлого, поскольку сохранившиеся официальные документы старых времен написаны с точки зрения угнетателей народа, а фольклор зафиксировал точку зрения самих народных масс.

Сетует он и по поводу того, что в архивах остаются затронутыми исследователями лишь верхние пласты. «Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново не хотят. А когда такое же видишь в историческом романе, то становится не по себе...»

Известна отрицательная оценка Бажовым трактовки образов первых Демидовых в одноименном романе Е.А. Федорова, написанном более с классовой точки зрения, нежели с подлинно исторической. В письме к поэту и одному из руководителей Союза советских писателей А.А. Суркову он пишет:

«Жестокость режима Демидовых надо тоже воспринимать, не выходя за рамки того времени. Ведь придумал же В.Н. Татищев, прогрессивный представитель этого века, мыслитель, историк и, как можно думать, даже атеист, сжечь на костре Тойгильду... за вероотступничество... Если брать мерку по таким фактам, то жестокость Демидовых сильно бледнеет. При этом надо напомнить, что с казенных заводов люди бежали к Демидову, а случаев обратного порядка никто не отметил.

Немаловажным положительным фактом приходится, по-моему, считать и то, что Демидовы ставили металлургию без иноземной помощи. Эта сторона дела у нас как-то вовсе забывается, а она ведь очень интересная и одна может поставить вопрос о Демидовых совершенно по-новому».

И ведь прав оказался Бажов! В новые времена Урал гордится Демидовыми и тем, что им удалось сделать на Каменном Поясе за полтора столетия успешной деятельности.

Ряд проблем историко-культурного значения, обозначенных Бажовым в конце сороковых годов, получил свое разрешение только после его смерти. Писателя огорчало то, что нет памятников выдающимся уральцам Л.И. Брусницыну и И.И. Ползунову. Теперь есть. Первому — в Березовском, второму — в Барнауле.

Спустя два года, в 1948 году, П.П. Бажов участвует и во второй научно-исторической конференции, посвященной на этот раз 225-летию Екатеринбурга — Свердловска. Кстати, этот юбилей города был широко отмечен благодаря тому, что депутат Бажов на сессии городского совета впервые публично высказал такое предложение.

С той же долей пиетета относились к мнению Бажова и филологи. Систематический сбор фольклора преподавателями и студентами Уральского госуниверситета начался только после войны, и тут совет Павла Петровича был просто незаменим: что собирать, как и где? По воспоминаниям Михаила Китайника, руководившего первой такой экспедицией, «Павел Петрович обратил особое внимание молодых филологов на такие

горнозаводские центры, как Полевской и Сысертский заводы, Тагил, Березовск, Невьянск и группу южно-уральских горных заводов. Здесь уже в XVIII веке формировались постоянные кадры уральских рабочих и складывался их самобытный фольклор. По его мнению, эти районы должны стать объектом самого пристального внимания фольклористов. Именно здесь сложились предания и сказы рабочих, составляющие, может быть, самую интересную страницу в истории устного творчества русского народа».

Он же стал и экспертом собранного. Некоторые песни пришлось исключить из готовящегося сборника «Уральский фольклор» по причине литературной их первоосновы. Та же участь постигла и часть современных частушек — Бажов назвал их «газетными однодневками». Зато порадовался советским пословицам и поговоркам, поскольку они «сохраняют красоту и меткость народного слова».

Разумеется, после выхода «Малахитовой шкатулки» нашлись сказители и литераторы, которые попытались повторить успех Павла Петровича. Однако «народная» видимость жанра не всякому оказалась по силе. Из литераторов, шедших одной с ним стезей, Бажов отметил лишь писателя из города Иваново М.Х. Кочнева, собравшего и опубликовавшего сказы ивановских ткачей (особенно Бажову нравился его первый сборник «Серебряная пряжа»), и дальневосточника Д.Д. Нагишкина, выпустившего «Амурские сказки». С первым он неоднократно встречался в Москве, на творческих совещаниях, а со вторым состоял в активной переписке. В одном из писем Павел Петрович наставлял младшего коллегу в том, что писатель, живущий в регионе, не должен уподобляться чеховским трем сестрам: «В Москву, в Москву!», а держаться за свою тему: «Отрыв от нее никому не прощается».

При этом он отмечает разговоры о каком-то «своем» языке, на котором будто бы говорят люди в различных регионах России, и во вступительном слове на Первой межобластной конференции писателей в Свердловске в 1948 году приводит показательный пример относительно своеобразия языка «уральского»:

«В годы эвакуации один ленинградский школьный работник жил в деревне Ачитского района нашей области. Там он составил целый словарик уральских слов и послал его мне. Я тогда еще не был таким слепым, как сейчас, не поленился и сличил эту запись со словарем Даля. Что же оказалось? Из 140 слов не встречаются у Даля только два, причем оба представляют народное словообразование для понятий, сравнительно недавно вошедших в быт... Остальные все имеются в словаре с пометками об их областном происхождении. В результате на рукописи пришлось пометить чуть не все губернии бывшей царской России...»

Другое дело, что одно и то же слово в силу специфики деятельности в регионе может иметь несколько иной, нежели принято, смысл. Вот как, по словам В. Бирюкова, трактовал Павел Петрович «уральское» значение слова «завод»:

«...Оно раньше имело свой особый смысл. „Завод“ — это то, что заведено: тут и рудники, тут и шахты, тут и лесное хозяйство с выжигом древесного угля, тут и металлургия с ее домнами и „фабриками“, где шел передел чугуна в изделия, тут и сплав металлов по уральским рекам в половодье. Словом, разные виды хозяйства в едином заводском хозяйстве, где были заняты тысячи рабочих рук, то постоянных работников, то сезонных крестьян...»

В 1948 году, опять же «к датам», Бажов публикует три новых сказа: «Земли виток» («Огонек», 25 апреля); «Широкое плечо» («Уральский рабочий», 1 мая); «Ионычева тропа» («Уральский рабочий», 7 ноября). Обращает внимание, что право первой публикации в большинстве случаев Павел Петрович неизменно предоставляет своей, уральской печати.

В этом же году выходит очередное столичное издание его расширенной «Малахитовой шкатулки» — сорок три сказа против четырнадцати в первом свердловском издании. Книга приурочена к грядущему семидесятилетию писателя и десятилетию первого издания «Шкатулки». Книга исключительна по своему полиграфическому исполнению, что дало исследователям повод считать, что она напечатана в Германии в

счет военных репараций. Похожая внешними габаритами на том БСЭ, с цветными иллюстрациями Василия Баюскина, оформленными в паспарту, эта книжища весьма впечатляет. И думается: так издают только произведения золотого фонда литературы...

Тогда же отличилось и Свердловское отделение Художественного фонда СССР, принявшись за выпуск книжек с отдельными сказами Бажова в художественной интерпретации М. Радина («Серебряное копытце») и А. Кудрина («Золотой волос», «Про Великого Полоза»). Художественно привлекательнее выглядит первая книжка с рисунками в два цвета. Здесь местная полиграфия оказалась адекватной замыслу иллюстратора. Во второй же и третьей видение художника обогнало возможности полиграфистов в печати полноцветных рисунков...

А знаменитый композитор С.С. Прокофьев берется за свое музыкальное прочтение бажовских образов и сюжетов, работая над клавиром к балету «Каменный цветок».

Таково взаимодействие «первого» и «второго» планов творчества П.П. Бажова в этом году.

А сам он, улучив паузу в бесконечных делах и разъездах, увозит свою Валянушку к морю, в санаторий «Новый Афон». И ему, как человеку и депутату, положен отдых — так когда же еще, как не сейчас, в канун семидесятилетия? Да и Хозяйка, вдохновитель литературных побед мужа, заслужила эту месячную отлучку от плиты и других забот по хозяйству.

В своих воспоминаниях о муже Валентина Александровна отмечает, что это была вторая их поездка на юг. Первая же состоялась — страшно вспомнить, как давно, — в 1911 году и была свадебным путешествием. На этот раз летели самолетом. Вспоминая тридцать семь лет спустя себя в Крыму в те далекие годы, Бажовы «снова чувствовали себя молодыми».

Вот как запомнилось старшему внуку Володе их возвращение после отдыха на юге:

«...В тот день дедушка и бабушка вернулись домой во второй половине дня. И, несмотря на то, что они долго летели самолетом и не очень хорошо перенесли полет, их лица были заметно посвежевшими.

Бабушка принялась распаковывать внесенные в кабинет вещи.

Мне запомнилось, что из дорожного чемодана она вытащила и поставила на стол красивую морскую раковину и симпатичный сувенир-сосуд из дерева и несколько стаканчиков к нему. Из того же чемодана она вытащила и положила на стол мешочек с грецкими орехами, а также свертки с сушеным инжиром и лавровым листом. Из мешка для перевозки фруктов бабушка вытаскивала и укладывала в принесенные блюда грозди зеленого и красного винограда, яблоки, груши и сливы...»

А дедушка «прилег на кровать, чтобы отдохнуть после дороги».

Володе памятно и то, как вскоре после войны вернулся пропавший без вести отец. Оказывается, он всю войну провел в немецком концлагере. Остался жив только благодаря стремительному наступлению наших войск и бегству охраны лагеря. Он прошел восьмимесячную проверку спецслужб, после чего как горняк был направлен на работу в Воркуту. Туда же к нему поехали и жена с сыном.

Думаете, дом Бажовых опустел, надолго остался без детских голосов? Ничуть не бывало. И причиной этому стала теперь уже младшая дочь.

К этому времени она заявила о себе как о хорошо подготовленном журналисте. Ее материалы печатаются в периодике Свердловска и Москвы. В столице, еще учась, она проходила ознакомительную практику в школьном отделе «Комсомольской правды». Затем ее отправили в узбекскую республиканскую газету «Правда Востока». В Ташкенте она познакомилась с ответственным секретарем этого издания М.Б. Минковым, который влюбился в молодую журналистку с Урала. В 1945 году Матвей Борисович перебрался в Свердловск, устроился в редакцию «Уральского рабочего», и знакомство закончилось браком. Молодые поселились в родительском доме на Чапаева, 11. В июле следующего, 1946 года, у них родился сын Никита. Имя это предложил Павел Петрович: «Хорошее имя, полнозвучное и не такое затасканное, как многие другие...»

В том числе благодаря и уральскому писателю это «имячко» вернулось в активный перечень русских имен. Спустя тридцать лет Никитами стали называть в России едва ли не каждого десятого из родившихся. Рождение Никиточки, как называл дед новорожденного внука в письмах к родным, влило свежую струю в его творчество. Наблюдая за тем, как тот осваивает окружающий его мир, Павел Петрович начинает «настукивать» на своей машинке рассказы-миниатюры. Вот один из них:

«НИКИТКИНЫ ДНИ. Никита еще не очень большой мальчик. Ему идет третий год, но он уже перестал спать днем, как самые маленькие. Дни теперь стали длинные-длинные. Дольше, чем у самых больших. Каждый день Никитка видит много интересного, нового, но почему-то самое интересное и занимательное никогда досмотреть не успевает.

В доме много больших. У Никитки есть папа и мама, дедушка и бабушка, тетя Лёля, тетя Таля, тетя Анюта, но никто из них не может рассказать, куда убежал петушок, где спряталась сорока, где дедушкина „нутрь“, что делают мячики-свистуны. Даже брат Вова, который учится в школе, не может это объяснить. Младший брат Славик, может быть, больше знает, но он еще не научился говорить. Станешь его спрашивать, а он отвечает: „Дю!“, после чего выходят неприятности и большие начинают укорять:

— Нельзя обижать маленьких!

Обидно Никитке. Не раз он принимался плакать, чтобы рассказали, но ничего не выходит. Бабушка даст конфетку, папа — мандаринку, тетя Анюта принесет книжечку-почемучку, а все-таки не покажут, что надо...

Вот такая детская проза стала выходить из-под рычажков с буквами на дедушкиной пишущей машинке. Не написал он давно обещанную повесть о своем детстве «Егоршин случай», так может «Никиткина повесть» напишется? Увы, тоже не написалась. Времени не хватило. Кроме приведенной миниатюры известна еще одна — «Петушковый день», и все...

О том, что эти прозаические миниатюры не совсем «документальные» наблюдения за жизнью внука, а при

их реальной основе все-таки художественные произведения, свидетельствует авторская хитрость — намеренное искажение реальности: на самом деле Никитка и Славик были почти ровесниками — первый родился в июле 46-го, а второй — в ноябре. Но по выстроенному сюжету автору нужно, чтобы у героя из двух братьев один был большой, а другой — совсем маленький. Поэтому и отношение к каждому свое, а из этих отношений и сюжет вырастает..

И еще одно уточнение. Все выше перечисленные сельники большого дома, где живет Никитка, читателю известны — о них говорилось выше. А вот кто такой брат Славик?.. А это уже подаренье деду и бабушке от старшей дочери Ольги (Лёли). Это второй ребенок в семье Присадских. Таким образом, спустя два года после окончания войны писатель и депутат Павел Петрович Бажов стал четырежды дедом.

Так продолжалась жизнь нашего героя.

Занятость Бажова общественными обязанностями едва ли не удваивается, когда 21 декабря 1947 года его избирают еще и депутатом городского Совета по 36-му избирательному округу. Казалось бы, куда больше — ведь человек мало того что не молод, но и хвор. Со стороны избирателей — понятно: Бажов в действительности был, как говорят, знаковой фигурой для Свердловска и Урала, любовь к нему и гордость тем, что такой человек живет рядом, — была неподдельной. А он-то сам что — не двуличный ведь, и сутки увеличить ему не под силу.. Создается впечатление, что Бажов бежит от своей старческой немощи, и мифическая Медной горы Хозяйка помогает ему обмануть возраст и диагноз врачей.

Спешит Павел Петрович и воздать долги внимания своей домашней Хозяйке. Вместе с мужем-депутатом, Валентина Александровна выезжает в Москву и, пока он заседает в Большом Кремлевском дворце на сессии Верховного Совета, вместе с подъехавшими на семейную встречу дочерьми и внуками ходит по музеям и театрам.

В 1948 году Павел Петрович привозит Валентину Александровну в Ленинград. Их главным гидом стал

профессор В.В. Данилевский, историк техники, с которым Бажовы познакомились, когда он был в эвакуации в Свердловске. По воспоминаниям Данилевского, «выйдя из здания Московского вокзала, Павел Петрович остановился и задумчиво сказал:

— А ведь занятно, вроде как по первопутку! Где только не довелось побывать, даже в старом Петербурге, а Ленинграда так и не видал...

Павел Петрович хотел увидеть буквально все, чем богат и славен Ленинград и его окрестности.

Мы совершили много поездок в заводские районы...»

Шедшие на очередную смену рабочие Кировского завода не раз встречали Бажова у огромного портала, украшающего вход на этот завод-гигант.

На Выборгской стороне много раз видали его рабочие идущим вдоль Большой Невки.

И везде Бажов находил слово, идущее к самому сердцу людей созидания, людей труда.

В Белом зале Дома писателей состоялась его встреча с ленинградцами. Зал был переполнен. Послушать и повидать творца уральских сказов пришли писатели и ученые. Особенно порадовало Бажова то, что в зале он увидел и ленинградских рабочих. В своем вступительном слове сказал о том, что очень хотелось бы видеть поставленный рядом с малахитовой шкатулкой хрустальный ларец, заполненный сказами о мастерстве сынов питерского рабочего класса, которыми всегда был славен город Ленина.

«— Хрустальный ларец — это очень хорошо, — сказал Бажов.

И тут же добавил, обращаясь к аудитории:

— А заполнять этот ларец придется вам!»

Живя в таком напряженном темпе, Павел Петрович, фигурально выражаясь, прибежал к своему очередному юбилею. В январе он выступает в «Комсомольской правде» со статьей «Слившиеся волоконца» о старой и новой технической интеллигенции Урала, уподобляя волоконцам — показателю исключительного по своему качеству уральского железа — молодую поросль инженеров и новаторов Уралмаша, которым в преддверии XI съезда комсомола посвящен целый разворот газеты.

В январе же 49-го неутомонного уральца «догоняет» юбилейное издание его «Малахитовой шкатулки», выпущенное Свердловгизом. Особенность этого издания в том, что 42 сказа, представленные в нем, расположены не по тематическому признаку, а по хронологии их создания, что сделало книгу удобной для исследователей творчества писателя — видно развитие сказового жанра в его творчестве. Над оформлением книги трудилось пять художников, но художественным редактором книги остался А. Асс, который готовил и самое первое издание сказов 1939 года. В дарственной надписи ему автор назвал Асса «моим дорогим путеводителем оформлений».

Челябинцы тоже не хотят отставать и просят прислать «что-нибудь» для детского альманаха «Уральские огоньки».

Сдружившийся с Бажовым самый оперативный (четыре номера в месяц) и самый иллюстрированный всесоюзный журнал «Огонек» помещает в последнем январском номере (опять к дате — теперь к юбилею автора) сказ Павла Петровича «Ионычева тропа», знакомый свердловчанам по публикации в «Уральском рабочем».

Местное радио всю использовало в передачах своего вещания сказы П.П. Бажова в исполнении артистов. Но теперь, в канун юбилея, им захотелось, чтобы из черной тарелки заговорил сам писатель. А писатель, как назло, опять почувствовал себя худо и не выходил из дома. Тогда радио само пришло на Чапаева, 11. К тому времени магнитофоны в подготовке радиопередач были не редкостью, и вот Павлу Петровичу вручили «рыбу» — приблизительный текст выступления, подготовленный по его просьбе писателями К. Мурзиди и Ю. Хазановичем.

Ю. Хазанович:

«Пока радисты устанавливали в столовой аппаратуру и разматывали длинные провода, Мурзиди и я прошли в кабинет к Павлу Петровичу.

Вооружившись своими сильными очками, он внимательно и неторопливо прочитал наше сочинение и поблагодарил нас...

Звукооператор поставил на письменном столе перед Павлом Петровичем алюминиевый бочонок микрофона и спросил, можно ли начинать.

— Начинайте, — сказал Павел Петрович и снял очки.

Было видно, что он волнуется — потирает руки, часто приглаживает мягкие седые волосы.

Аппарат включили, Бажов, глядя перед собой и по-прежнему взволнованно потирая руки, начал говорить. Но слова как-то не клеились у него, он быстро сбился и закашлялся.

Мне показалось, что он смущается нас, и я спросил, не оставить ли его одного. Павел Петрович благодарно кивнул головой. Мы вышли в столовую, где вокруг стола, на котором сверкал своими никелированными частями магнитофон, стояла вся семья Бажовых, включая маленького Никитку, застывшего с какой-то игрушкой в руке.

Из всего, что сказал Бажов, лишь одна короткая фраза, в которой мы назвали имена знатных земляков-уральцев, осталась почти без изменений. Больше ничего похожего на то, что мы сочинили, нам услышать не довелось.

Это было содержательное, умное и, как всегда, само-бытное бажовское выступление».

28 января 1949 года, несмотря на недомогание, Павел Петрович вместе с семьей присутствовал на торжественном вечере в честь его семидесятилетия и тридцатилетия творческой деятельности в зале областной филармонии.

Как всегда, были высокие слова, дорогие подарки и много-много цветов. Но один подарок порадовал юбиляра больше всего.

История его такова. Она стала известна из рассказа полевого краеведа А.Н. Кожевникова. Кружок рукоделия местного Дома пионеров, которым руководила Г.Г. Мартыненко, решил подарить своему земляку вышитую косоворотку. Девочки, по воспоминаниям одной из них — ныне ветерана труда Тамары Васильевны Неуйминой, вышили по вороту, на груди и на рукавах очень красивый узор — голубые васильки, вплетенные

в золотистую рожь. Но в конце одна из девочек нечаянно опрокинула на подарок Бажову свою чернильницу, и косоворотка, похоже, была безвозвратно испорчена. Огорчению юных рукодельниц не было предела. Однако руководителю кружка Галине Георгиевне удалось добыть какое-то химическое средство, которым она вывела это чернильное пятно.

На юбилей поехали вдвоем, и гостей из Полевского Павел Петрович усадил вроде бы даже в президиум. И когда дошла очередь до них, к микрофону вышла маленькая полевчанка Сара Корягина. Посмотрела она в затемненный зал и, помня наставление говорить так, чтобы было слышно даже в задних рядах, громко крикнула в микрофон: «Дорогой наш дедушка Слышко!» Бажова даже подбросило на стуле от такого неожиданного и лестного для него обращения — это приветствовала писателя родина его сказов! Он вышел на авансцену, обнял маленькую землячку, поцеловал и принял подарок. А позже отправил юным рукодельницам в благодарность коробку с разноцветными нитками для вышивания — мулине.

В этот день юбиляр получил более трехсот поздравительных телеграмм, многие из них были зачитаны во время торжественной части. Вечер продолжился большим концертом, в котором приняли участие артисты театров города. Прозвучали сказы П.П. Бажова в исполнении мастеров искусств...

Собственно, и зрители, и радиослушатели привыкли к тому, что бажовские сказы исполняются актерами. Зная, что сам Павел Петрович обладал негромким голосом, многие и не подозревали, что он в относительно узком кругу (не со сцены!) умеет здорово воспроизводить устно то, что им придумано. Но вспомните приведенные выше воспоминания московского художника А.Н. Яр-Кравченко, который слышал Бажова в гостях у Л.С. Шаумяна. Московский гость не запомнил, что именно читал автор, в памяти осталось только очень яркое впечатление...

К счастью, благодаря Евгению Пермяку нам известны и другие случаи чтения (сказывания) Бажовым своих сказов:

«— Ну, хорошо... Закурим для разбега, — завел как-то Павел Петрович свой разговор. — Это еще мои старики сказывали. Годков-то, значит, порядочно прошло. Ну, все-таки после крепости было. Жил в те годы в нашем заводе Тимоха Малоручко...

Плавный, неторопливый, совсем не литературный, а так, как бы промежду прочим, для препровождения времени, обычный разговор. Без затяжной экспозиции, со скорой завязкой и стремительным развитием действия и сюжета, в новой для меня лексической манере с короткими и выразительными репликами диалога прозвучала эта новинка:

— В каждом деле до точки дойду...

— На всякое, — кричит, — дерево влезу и за вершинку подержусь!..

— Придет срок — ни одно ремесло наших рук не минует...

Чем тише сказывает сказитель, чем меньше педалирует на эстрадное звучание, тем выразительнее.

Именно так и „сказывал“ Павел Петрович...

Чтение, особенно авторское, не любит лишнего жеста, континентального изменения голосов действующих лиц, артистического шепота, скандирования, голосового усмещения и без того смешного. У литературного произведения ровная печатная строка. Только такой, мне кажется, она должна быть в авторском чтении.

Таким было чтение (рассказывание) нового коронного трудового рассказа „Живинка в деле“.

На меня „Живинка“ произвела слепящее впечатление, и, чтобы проверить, нет ли в нем очарования бабковского голоса, я попросил дать прочитать рукопись.

— С удовольствием бы, — сказал Павел Петрович, — да я пока еще эту заготовку не переносил на бумагу...»

Е. Пермяк уточняет, что, перейдя к работе на пишущей машинке, слабеющий зрением писатель не создает рабочих вариантов поздних своих сказов. Пробуя будущие письменные фразы «на язык», он начинает стучать по клавишам, только найдя нужный слог, нужную фразу. И тут ему помощником была ночь — когда

спят и домашние, и город за окном, и никто не может отвлечь сочинителя от поисков золотого песка словесности.

К сожалению, многочисленные фотоснимки Бажова не сохранили для потомков одного значимого факта: а был ли в момент празднования семидесятилетия писателя в зале филармонии еще один человек, известный стране ничуть не меньше, чем Павел Петрович, — трижды герой страны маршал Г.К. Жуков?

Наверняка есть люди, которым и неведомо, что в 1948–1953 годах прославленный маршал жил в Свердловске, командуя Уральским военным округом. Известно, что исключительные люди тянутся друг к другу, и Жуков с Бажовым были близко знакомы, маршал бывал в доме на Чапаева, 11. И наверняка Георгий Константинович получил приглашение на торжества в филармонии, но был ли, позволили ему его военные дела — увы, пока не ясно.

Зато нам известны другие встречи этих двух людей. Жукова избрали в Верховный Совет от Ирбитского округа, и в этом смысле они с Бажовым были коллегами.

Писатель В. Стариков однажды невольно оказался свидетелем их общения в неофициальной обстановке:

«П.П. Бажов совершал тяжелую в зимнюю непогоду, продолжительную поездку по дальним избирательным участкам своего большого Красноуфимского округа.

Однажды, дня два спустя после его возвращения из Красноуфимска, я пришел навестить Павла Петровича, чувствовавшего себя не совсем здоровым, кстати, и решить всякие неотложные дела.

Мы только выпили по первой чашке чая, когда в дверь заглянула Валентина Александровна.

— Георгий Константинович к тебе, — сказала она.

Павел Петрович, просияв всем лицом, поспешно направился, мягко ступая ногами, обутыми в валенки, в небольшую переднюю, где Георгий Константинович уже снимал с себя маршальскую шинель.

— Еду мимо, — заговорил он густым голосом, — вижу — окна светятся. Ну и осмелился на огонек заглянуть, осведомиться, как себя чувствуете после поездки. Не помешал?

Войдя в комнату, он окинул взглядом стол, присурился и сказал по-домашнему:

— Доброе дело... Может и рюмочка найдется с морозу.

Выпил как-то очень вкусно, даже причмокнул. И стал расспрашивать Павла Петровича, как прошли его встречи с избирателями. В свою очередь и Павел Петрович заинтересовался впечатлениями Г.К. Жукова от поездки.

— С военными людьми привык общаться, — медленно заговорил Жуков, — а тут вплотную с рабочими, колхозниками. И не передать, как хорошо все получалось. На каждом собрании обязательно встречались бывшие солдаты, с которыми на разных фронтах вместе бывали. — Он помолчал. — Много инвалидов, много... А солдатских вдов... Войной пахнуло, народным горем, будто вчера это было. Знал, что большие потери мы понесли. Но это разумом, а вот сердцем сейчас особенно как-то почувствовал...*

Сегодня много пишут о Жукове, кроме прочего и о том, что Ставкой Верховного главнокомандования он направлялся на самые ответственные участки фронта и неизменно решал ситуацию в нашу пользу. Это стоило немалых людских потерь, что дало повод говорить, будто бы Жуков солдат не жалел... Возможно, и так. Впрочем, если бы у него имелись другие средства выполнить приказ Верховного Главнокомандующего, он бы ими наверняка воспользовался... а так, как говорится, победителей не судят... Но вот это приведенное выше свидетельство, может быть, единственное (поскольку знаменитые трехтомные мемуары самого маршала безжалостно выхолощены политцензурой) свидетельство душевного отрезвления полководца, который, попав поневоле в российскую глубинку, откуда и вышли солдаты, посылавшиеся им на смерть ради Победы, увидел обратную сторону войны и своих выигранных боевых операций.

Немало опубликовано в последнее время гипотез, почему Жуков был удален из Москвы в 1946 году и задвинут на руководство второстепенными военными округами — Одесским, а затем Уральским. Военные заслуги Жукова были учтены, и именно ему (его фронту — 1-му Белорусскому) была доверена честь штурма

и взятия Берлина, что и стало победной точкой в Великой Отечественной. Он же, Жуков, а не Верховный Главнокомандующий генералиссимус Сталин, принимал Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. Что же это, как не признание реальных заслуг маршала и не факт уважения?

Однако вождь никогда не страдал политической близорукостью, даже в моменты торжества его политики, каковым стала Победа над самым сильным в истории человечества агрессором. Сталин знал все свои ошибки и прегрешения в течение того времени, что находился у власти, и предвидел тот счет, который может выставить ему как отцу нации победивший, но очень много потерявший в результате войны народ (если, конечно, не ставить ему в заслугу руководство страной и армией, приведшее к спасению народа от истребления и рабства). И, опасаясь заговора военных, авторитет которых в тот период был весьма высок, Сталин отодвинул от искуса двух лучших, харизматичных, пользующихся безусловной любовью солдат и народа в целом военачальников — маршалов Жукова и Рокоссовского (второй командовал парадом Победы в Москве). Воспользовавшись в случае с Жуковым формальным поводом — фактом увлечения трофейным барахлом, пусть в определенной мере и приобретенным на свою маршальскую зарплату, он снимает его с должности замминистра обороны и отправляет в Одесский военный округ. Рокоссовский до 1949 года также находится далеко от Москвы — на территории освобожденной Европы, где командует Северной группой войск Красной армии, а после, надев польский мундир, возглавляет министерство обороны ПНР и является заместителем председателя Совета министров дружественной нам Польши.

Обратите внимание, их не арестовали, как, например, министра авиационной промышленности Шахурина и главкома авиации Новикова, не расстреляли, как разжалованного маршала Кулика и генерала Гордова, а всего лишь отправили на «проветривание», как некогда отца нашего героя Петра Васильевича Бажёва, когда язык того становился особенно уж длинным, а слова — ужалистыми...

Не исключено, что сам Павел Петрович рассказывал Георгию Константиновичу эту семейную историю, образно, как писатель, объясняя военачальнику неожиданный поворот в его судьбе.

Пожалуй, если и была у Жукова необходимость как-то коснуться этой темы, то только в разговоре с Бажовым, который подкупал маршала своей житейской мудростью, немногословием и, главное, непринадлежностью к каким-либо властным структурам (депутатство и руководство писательской организацией — дела общественного порядка). Между ними на интуитивном уровне установилось взаимодоверие. А депутатство как раз явилось внешним поводом для встреч.

По воспоминаниям личного врача маршала капитана медицинской службы А.В. Лирмана, лечившего Жукова все пять лет его пребывания в Свердловске, Георгия Константиновича везде и всюду сопровождала охрана, подчинявшаяся непосредственно Москве. И наверняка, когда Жуков посещал Бажова, такой охранник сидел на стульчике в коридоре дома на Чапаева, 11. Вот почему, пишет В. Стариков, разговор гостя и хозяина был полон «полунамеков, понятных обоим и непонятных мне, улыбок, острых искорок смеха». Охраннику в коридоре, воспринимавшему это общение на слух, вероятно, тоже было не вполне понятно, о чем они. Его начальство в отчетах требовало конкретики, а ее в разговорах, что велись в этом, увы, не имевшем спецпрослушки частном доме и не было!

В кабинете писателя в простенке между двух окон висел портрет И.В. Сталина. Этот факт сохранила старая фотография, которую в книгах о Бажове, как правило, не воспроизводят. Стесняются, что ли... Но стесняться тут нечего: в те годы Сталин был фактическим главой государства и партии и присутствие его изображения в служебных и личных кабинетах вполне объяснимо. В доме Бажовых этот портрет в красивой резной рамке появился, скорее всего, с избранием Павла Петровича депутатом Верховного Совета, когда сюда стало приходить много людей с просьбами о депутатской помощи.

Имя Сталина неоднократно встречалось и в публичных выступлениях Бажова на различных конференци-

ях — партийных и творческих. И в этом тоже ничего особого не наблюдается — таков был порядок в советское время. Вожди могли меняться, а порядок оставался неизменным...

Обращает на себя внимание один случай. В 1950 году видный партийный работник Свердловского обкома ВКП(б), завотделом школ М.А. Батин, учившийся в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и решивший посвятить свою научную деятельность изучению литературы, пришел к Бажову со стенографисткой, чтобы записать ответы Павла Петровича на вопросы, которые будет задавать он, аспирант. К этому времени (в 1947 г.) в Москве уже вышла монография Л. Скорино о творчестве П.П. Бажова, и Михаил Адрианович Батин решил здесь, на Урале, продолжить исследование творчества земляка. Темой будущей диссертации он выбрал именно бажовские сказы.

В течение двух встреч — 16 и 23 августа — Павел Петрович отвечал на вопросы Батина об истоках его творчества, о практике собирания фольклора в период школьных «вакатов», о своей учительской работе и т.д. Среди прочего Батин задал Бажову вопрос и идеологический: как тот оценивает недавно вышедшую работу И. В. Сталина «Вопросы языкознания». И Павел Петрович, прикидываясь простаком, пытается уйти от ответа. Однако Батин не унимается и втягивает-таки его в разговор по этому поводу. Бажов, оценив ситуацию и приняв правила игры, вынужденно отвечает то, что аспирант-партиец хотел бы от него услышать.

Цитируем по черновой правке стенограммы. То, что М.А. Батин вычеркнул и не включил в окончательный вариант, завизированный Бажовым, берем в скобки:

«Тов. Батин. Какое значение для вас как художника имеют статьи И. В. Сталина по вопросам языкознания?

(<Бажов> — На этот вопрос мне не совсем удобно отвечать.)

Тов. Батин. Я имею в виду конкретную вашу творческую работу, в частности, вашу языковую работу. (Мне казалось, что такой вопрос уместно поставить.) Речь идет (не вообще о советской литературе, а именно о вашей творческой работе во всем ее своеобразии) о специфике

вашего творчества, что отличает его от других советских писателей. Имеется в виду близость ваша к фольклору, тщательная работа над языковым материалом.

<Бажов> — Когда говоришь относительно значения работ Сталина, приходится сказать: откровение, все, что до сих пор мне как старому учителю было не совсем понятно. Я просто, видимо, был консерватором в этом отношении (мне было не понятно, может быть, мешало правильному пути исторической грамматики). Когда читаешь, все это раскрывается с предельной ясностью. Это для каждого человека имеет огромное значение.

(Для меня что особенно?) Я остановлюсь на ответах тов. Сажееву. Там, (видите), вопрос о диалектах. Это меня, как работающего над уральским диалектом, окрыляет, дает перспективу. (Тут, нет, нет — и местный говор. У товарища Сталина сказано, что курско-орловская стала русской речью. А я что думаю?) Я имею для себя право сделать такой вывод, что уральский говор, диалект представляет собой большой интерес с точки зрения построения языка...»

Видно, как Бажов крутит вокруг да около и отговаривается общими фразами. Понятно, Батину этот вопрос нужен был для того, чтобы в диссертации прозвучало имя вождя — сам не поставит, научный руководитель заставит: мол, какая успешная защита без опоры на труды классиков марксизма-ленинизма.

Вот такая вынужденная игра в поддавки. Время было такое...

Однако сказов о Сталине у Баждова нет! И не потому что не уважал, а потому что, видимо, внутренне считал это невозможным: о Ленине можно, он уже история, а Сталин-то жив и, значит, соберись он писать о нем сказ, неизбежно славословие живому человеку. А это — элемент механики создания культа Вождя...

Култ создавался партийным аппаратом всеми другими возможными способами. Так, почти рефреном звучит в выступлениях на партсобраниях в Свердловском отделении ССП призыв к политучебе писателей, овладению на серьезном уровне учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. К этому призывал неоднократно и сам руководитель свердловских писате-

лей. А первое поручение вновь избранному партийному секретарю писательской организации Тарасову (в прошлом директору Свердловского театрального института, а потом директору Дома литературы и искусств, где размещалось СО ССП) было: «Обеспечить всех коммунистов биографией т. Сталина!» Спору нет, биографию руководителя страны знать надо, но неужели это первейшее условие в овладении писательским мастерством?.. Не потому ли, что приоритетом в жизни писателей того времени считалась политучеба, среди свердловских литераторов послевоенного пятилетия так и не выросло ни одной всероссийски значимой фигуры?..

Отсюда и то творческое одиночество, которое, по словам Евгения Пермяка, испытывал Павел Петрович, живя в провинции. Среди коллег в Москве, где были сосредоточены лучшие литературные силы страны, у него было гораздо больше искренних почитателей, понимавших творческий уровень и меру таланта писателя. В Свердловске его уважали как старшего товарища, мудрого советчика, а взамен-то дать ему ничего не могли — и жизненный опыт не тот, и уровень мастерства скудноват..

В докладе об уральской прозе на межобластной писательской конференции второй в свердловской организации ССП лауреат Сталинской премии И. Ликстанов посоветовал коллегам, пишущим прозу, учиться у.. Мопассана, у которого «каждая деталь живет».

Мопассан, спору нет, классик на все времена. Но разве человек, считающий себя дальновидным, брякнет такое, когда в стране разворачивается борьба с антипатриотизмом? Назови он Л. Толстого или И. Тургенева, и все было бы в тему. А так угодил Иосиф Исаакович с трибуны да и в космополиты, тем более что и его «пятая графа» подводила...

Вообще, все послевоенные обличительные кампании представляли собой по сути одно мероприятие, растянутое на несколько лет и состоящее из нескольких актов. Осуждение публикаций в журналах «Звезда» и «Ленинград» сменилось борьбой с формализмом в литературе и искусстве (постановление ЦК об опере В. Мурадели «Великая дружба»), и писатели на местах тоже должны были высказать свое мнение.

Свердловская литературная братия собралась на очередное партсобрание по этому вопросу 24 февраля 1948 года. Выступивший Ю. Хазанович увидел формализм в поэзии столичных коллег П. Антокольского, Б. Пастернака, С. Кирсанова, И. Сельвинского. Серию имен местного уровня продолжил Н. Куштур: черты формализма он заметил в стихах Б. Дижур, Е. Ружанского, молодого поэта Л. Шкавро, «и даже» К. Мурзиди, номера первого среди свердловских поэтов! Вот она, принципиальность! Кого забыли? Ну, разве что тех, чья поэзия и вовсе ниже уровня критики...

Затем перешли, как и требовалось, к композиторам. М.М. Анчаров: «...Новые оперы Трамбицкого не трогают» (Трамбицкий — профессор, руководитель Уральской государственной консерватории, Анчаров — дальневосточный куплетист и автор водевилей, прибитый волной времени к уральским берегам. Адекватный уровень компетенции...)

Активист СО ССП Налобина увидела черты формализма в балете А. Фридлендера «Каменный цветок», которым еще недавно все восхищались: «...Музыка иллюстративна, а в танцах есть ритм, но нет танцевальной мелодии». (Так, вот и Бажову через «второй план» досталось — ведь в основе формалистического балета его сказы!)

Был в этот вечер брошен камень даже в великого С.С. Прокофьева — мол, не все понятно простому народу, что пишет этот резмигрант. Попало и местному композитору Б. Гибалину...

Пройдет полгода, и 26 ноября 1948 года принципиального обличителя Ю. Хазановича свердловские писатели-коммунисты изберут секретарем парторганизации. А замом у него станет О. Маркова.

Однако в СССР высота положения никогда не была гарантией от неожиданностей. И вот уже в следующем 1949 году сам Хазанович становится предметом для ожесточенной критики коллег.

Партсобрание 4 марта снова началось с разговора о Ликстанове, который, по словам Н. Куштума, указал товарищам по перу «ориентир на запад, за образец обрисовки героя взял отрицательного героя Мопассана. У нас есть примеры советских героев».

Следом взяла слово О. Маркова:

«О Ликстанове и его теории одного героя много и справедливо говорилось до собрания и сейчас т. Куштумом. Вся критика Ликстанова (т. е. прозвучавшая в его докладе о прозе. — В. С.) проникнута духом групповщины. На межобластной конференции писателей он порочил творчество негодных ему товарищей и превозносил своих друзей. В числе друзей он упомянул Янтовского, выступившего всего с одним очерком. Тогда почему Ликстанов не превозносил и никак не отметил интересные очерки Очеретина, молодого писателя-журналиста, или очерки Налобинной, Можаяева, Паюсова? Пренебрежительное отношение к товарищам у Ликстанова и в той характеристике, которую он дал на свердловских писателей Нилину (члену Президиума ССП, отвечавшему за работу с «областными» писателями, известному прозаику. — В. С.), будучи в Москве. По ней мы знаем, что на Мурзиди Ликстанов смотрит как на „торгового грека“, на Попову — как на „попадью“, на Рябинина — как на „хапало“. Мне, по его утверждениям, дали вознаграждение за „Разрешите войти“, потому что я два месяца, живя в Москве, выпрашивала его. Я не знаю, можно ли выпросить вознаграждение не по заслугам? Может быть, это лучше знает сам Ликстанов. (Реплика Бажова: «Слушай, что ты говоришь? Запиши это в протокол обязательно. Это все надо проверить».) Это все можно проверить: Нилин — живой человек. Я говорю все это потому, что об этом знают все писатели. Такое отношение к товарищам не создает творческой обстановки, наоборот, мешает в работе! Видимо, эту цель они и ставят. В ход пускается все: травля, шантаж, подрыв авторитета...»

Обратите внимание на реплику, брошенную Бажовым по ходу выступлений. Внешне — это свидетельство внимания к фактам, приводимым ораторами. А на деле... предложение секретаря СО ССП о проверке истинности сказанного никакого реального продолжения не имели. Думается, все это можно воспринимать как присущую конкретному времени словесную игру.

Спустя две недели тему, навязанную писательским собранием, подхватывает и разворачивает редакцион-

ная статья в «Уральском рабочем», занявшая целиком два «подвала». Оттолкнувшись от январских выступлений в «Правде» и «Культуре и жизни» и взяв на вооружение примеры из местных литературных реалий, газета свердловских коммунистов пишет следующее:

«... Давно известно, что в среде свердловских писателей создалась нетерпимая атмосфера склопничества и групповщины, которые, как ядовитая тля, разъедают организацию, мешают творческому росту ее членов и выдвижению свежих литературных сил, приливу творческой молодежи.

До последнего времени считалось, что все это объясняется беспринципной мышшиной возней вокруг мелочей писательского быта. Высказывались надежды, что с течением времени это «утрясется» и писательская организация, преодолев все болезни своего становления, отрешится, наконец, от творческого застоя и выйдет на широкую дорогу активной литературной и общественной деятельности. На самом же деле положение здесь более серьезное и даже тревожное.

Внутри писательской организации образовалась весьма предприимчивая группка, возглавляемая Ю. Хазановичем и стоящая на явных формалистско-эстетских позициях. В эту группку, кроме Хазановича, входят И. Ликстанов, Б. Дижур и некоторые другие так называемые литераторы. Эта группка не брезгует никакими средствами, чтобы опорочить честных писателей, которые не разделяют ее антипатриотических взглядов на классическую русскую и на советскую литературу и искренне стремятся к художественному осмыслению и показу современной жизни советского общества с позиций социалистического реализма.

Эта формалистствующая, а вернее, космополитствующая, группка заняла руководящее положение в Свердловском отделении Союза советских писателей. Хазанович, например, пробрался в члены правления и руководители секции прозы отделения Советских писателей, в члены редколлегии альманаха «Уральский современник» и в члены редакционного совета Свердловского государственного издательства...

Демонстративно игнорируя идейно-творческие интересы и благородные патриотические задачи свердловской писательской организации в целом и преследуя лишь свои узкогрупповые цели, эта группка сосредоточила свой огонь против всего нового, свежего, оригинального, что выходит из-под пера многих местных писателей, против всех произведений на современные темы, не отвечающих формалистско-эстетским канонам буржуазной литературы...

Известно, что в свердловской писательской организации проводятся так называемые «четверги». На них обсуждаются новые произведения местных писателей. Об этих «четвергах» идет недобрая слава среди литераторов. Группка Хазановича, задающая формалистско-эстетский тон на этих обсуждениях, превратила «четверги» в место шельмования неудобных ей авторов, в место погромного разноса их или, как издевательски выражаются более откровенные единомышленники Хазановича, в место их «четвергования». Так оказалась «четвергованной» повесть А. Константинова об уральских железнодорожниках, на обсуждение которой были стянуты все литературные и околотитературные люди, разделяющие убогие идейные установки этой группки: так были «четвергованы» и некоторые другие произведения местных, особенно из числа принадлежащих начинающей молодежи.

Один из методов «четвергования» был изобретен Хазановичем, который, руководя секцией прозы, умышленно старался сделать так, чтобы произведение, поставленное на обсуждение, было прочитано возможно меньшим количеством участников «четверга». Затем перед началом обсуждения Хазанович сообщал свое «просвещенное мнение» о произведении всем «не успевшим» ознакомиться с ним предварительно. Он вел их на своем формалистско-эстетском поводе, устраивая полный разгром произведению, объявляя его формально беспомощным, безграмотным, антихудожественным...

Нисколько не оправдывая Хазановича, тем не менее нужно заметить вот что, особенно в отношении «начинающей молодежи»: по сути, в конце сороковых годов в советской литературе продолжал практиковаться тот

же не оправдавший себя еще в начале тридцатых «призыв ударников» в литературу.

Газета «Уральский рабочий» сообщала 3 марта 1948 года о совещании молодых писателей, созванном обкомом комсомола и СО ССП. На слет собралось «свыше сорока» молодых литераторов — активные литкружковцы Уралмашзавода, члены литературной группы Уральского госуниверситета, литгруппы при газете «Тагильский рабочий», молодые писатели и поэты Уральского военного округа, а также молодые литераторы Верхней Пышмы, Асбеста, Невьянска, Североуральска. «Работа проходила в двух секциях — поэзии и прозы. На заседаниях секции состоялось чтение и обсуждение произведений». Все это, разумеется, вне рамок «четвергов», и Хазановичу сотоварищи было бы не под силу «очетверговать» свыше сорока молодых литераторов, хотя, надо полагать, опусы многих из них этого вполне заслуживали.

В работе совещания принял участие «лауреат Сталинской премии писатель П.П. Бажов». Сохранилось несколько фотографий Павла Петровича с различными группами молодых литераторов. Ни одного знакомого лица! В том смысле, что из этих кружков словесного рукоделия не выросло ни одной известной хотя бы в областных масштабах литфигуры. И то верно, что члены кружков — это любители, которым скучно сочинять в одиночестве, вот и несут свои труды и трудишки на суд себе подобных. Говоря сегодняшним языком, это способ времяпрепровождения, или «тусовка», и не более того... Талант же по определению одинок, и правы те, кто говорит, что талант пробьется сам. Надо лишь вовремя его заметить, поддержать и дать развиваться (ну, или задавить из-за боязни конкуренции, что случается, может быть, чаще).

Из-за свойственного времени непонимания этой проблемы вопрос пополнения писательской организации в конце сороковых годов оставался открытым.

И еще по поводу тогдашней борьбы с антипатриотизмом. Совершенно неожиданно из статьи, обличающей в числе прочих и Ликстанова, становится ясно, почему он пришел Мопассана в своем докладе на межобластной конференции. Этот француз всплыл, к его несча-

стью, лишь потому, что речь в выступлении Ликстанова шла не о повышении партийности в работе писателя, а повышении... уровня профессионального мастерства (ну, как если бы доклад читался на съезде кулинаров, сапожников или провизоров). Докладчик высоко оценил роман «Милый друг» потому, что его автор дает отпуск герою на страницах произведения лишь на нескольких страницах, все же остальное время Жорж Дюруа «у нас перед глазами!» Понятно, что держа главного героя все время «в кадре», писатель должен уметь с ним обойтись достойным образом, иначе читатель от скуки просто захлопнет том и потянется к другому..

В качестве обратного примера, когда неумелый автор прячется за многолюдье на страницах книги, докладчик привел две повести из Перми — «Кольчуга» В. Черненко и «В колхозе «Зарево»» А. Спешилова (стоит отметить, что имена эти в литературе так и не стали сколько-нибудь известными). Ликстанов парадоксальным образом обвиняет эти произведения в «безлюдности», поскольку при обилии персонажей в них нет ни одного подробно выписанного характера. Можно ли назвать такую критику формалистичной? В силу вкуса и в меру компетентности...

«Шаблон, проникший в нашу литературу, сказывается в том, что для „колхозной повести“ и для „заводской повести“ определились жесткие номенклатуры героев, — цитирует газета доклад Ликстанова, обвиняя его в „формалистических умозаключениях“». Да, докладчик говорит именно о пренебрежении формой, отчего все производственные повести тачаются на одну колодку! По сути дела он критикует то, что сегодня мы называем «форматом» и что весьма далеко от творчества...

И все же глубинная суть конфликта, разгоревшегося в Свердловской писательской организации лежала не в плоскости творческих споров, а явилась противостоянием сугубо межличностным. Имевшая здесь место групповщина была не редкостью и в других творческих коллективах советского времени, когда существовал один Союз, а профессионального писателя вне этого Союза быть не могло. Вот и собирались под общей вы-

веской не единомышленники, а все, кто есть, ибо другого пути получения официального статуса писателя не существовало. Отсюда и то «стояние на Угре» в СО ССП, которое вряд ли закончилось с прекращением кампании против «космополитов».

Бажов в этих склоках стоял, что называется, над схваткой. Его авторитет и статус, а также опыт жизни не позволяли ему принять ту или иную сторону. Он отшучивался в ответ на вопрос Б. Дижур, в чем ее космополитизм: «О космосе писала? Вот ты и космополит». Его странная на первый взгляд позиция невмешательства оказалась мудрой. «И это пройдет», — сказано у Екклесиаста. И действительно, как вспоминает сама Б. Дижур, вскоре «волна борьбы с космополитизмом схлынула».

В 1950 году истекли полномочия депутата Верховного Совета СССР П.П. Бажова, но трудовые коллективы предприятий, расположенных на территории Красноуфимского избирательного округа — Северского металлургического завода, Среднеуральского медеплавильного завода, паровозного депо станции Красноуфимск, сельхозартели «Первое мая» Красноуфимского района — снова выдвинули его кандидатом, и Павел Петрович дает согласие.

«Второй план» бажовского творчества продолжает жить без его участия. Московский композитор Кирилл Молчанов сочиняет оперу «Каменный цветок». А.А. Муравлев по мотивам сказа «Дорогое имячко» пишет симфоническую поэму «Азов-гора», которую позже удостоят Сталинской премии.

Печатная, брошюровочная и переплетная типографские машины выдают на гора в городе Молотове (бывшей и будущей Перми) том «Малахитовой шкатулки» в сорок семь сказов.

Но это переиздание. В том же 1949 году в Москве и Свердловске впервые выходит отдельными изданиями автобиографическая повесть «Дальнее — близкое». Мнение столичного редактора А. Ступникова об этой книжке: «Пресимпатичнейшая повесть о Егорше».

В том же году в Свердловске выходят отдельными изданиями сказы «Золотой волос», «Каменный цветок», «Про Великого Полоза», «Серебряное копытце».

А что же «первый план»? Это в основном публицистика: «Полезное напоминание» в «Литературной газете» за 11 мая о пушкинском отношении к фольклору; «Через всю жизнь» в «Огоньке» № 23 о значении творчества Пушкина в его жизни; «Могучий голос советского народа» в свердловском периодическом издании «В помощь пропагандисту и агитатору», № 9; «Не выйдет!» в уральской военной газете «Красный боец» за 2 октября насчет поджигателей войны.

И наконец под самый занавес года — в декабре — сначала в «Уральском рабочем», а потом в «Литературной газете» появляется новый сказ «Золотоцветень горы». Тежеленько идет повествование в этом сказе. И экспозиция длинновата, и образ чертозная Кирила Гольшманова, несмотря на подробное описание внешности, какой-то невыразительный. Похоже, ушел фарт от Павла Петровича. Потому и всего один сказ в том году написанся...

Вместе с тем наряду с депутатскими заботами обрел Бажов в эти годы и еще одно общественное дело.

В условиях развернутой Западом «холодной войны» СССР стал инициатором создания Всемирного движения сторонников мира. В Париже состоялся Первый всемирный конгресс, и Москва готовилась к проведению Первой всесоюзной конференции этого движения. Было решено привлечь побольше известных деятелей искусств, писателей. Бажова пригласили персонально, и он сидел в президиуме конференции рядом с земляком-уральцем — сталеваром из Златоуста В. Амосовым. А потом его пригласили на обед с зарубежными гостями — английским ученым Джоном Берналом, американским писателем и ученым Уильямом Дюбуа, финским общественным деятелем Феликсом Иверсенем. И вот какой разговор вышел у гостей с Бажовым (по воспоминаниям одного из функционеров Правления ССП М. Котова):

«— Вам, видно, легко писать свои произведения, господин Бажов, когда видишь перед собой таких людей, которые присутствуют на конференции, — заметил Дюбуа. — Я недавно познакомился с вашей книгой сказов. Очень и очень хорошо вы показываете в ней рабочего человека.

Лукаво прищурился, Павел Петрович сказал:

— У нас на Урале обычай такой есть. Скажем, встречается на дороге незнакомый человек, и ему тут же вслед звучит напутствие: „Мир в дороге”. Или человек, скажем, присел отдохнуть или отведать пищу. Ему тоже доброе слово сопутствует: „Мир на стану”. Ну а если, как у нас сегодня, беседа идет в застолье дружеская, то и на этот случай тоже есть доброе напутствие: „Мир в беседе”...

— А каково ваше личное отношение к проблеме участия деятелей культуры в движении за мир? — спросил его финский профессор Феликс Иверсен.

Бажов не сразу ответил на вопрос. Он посмотрел на финского гостя, минуту помолчал.

— У нас, у русских, есть такое слово „присказка”. Так вот я вам расскажу этакую присказку, может быть, она и даст вам ответ на вопрос, профессор.

И Павел Петрович припомнил свой первый экзамен при поступлении в духовное училище. Русский язык, говорят, сложен. В то время, когда Бажов поступал в училище, существовали две буквы — «и» и «і»...

— Иным ученикам было трудновато запомнить разницу в употреблении этих букв, — рассказывал Бажов. — Вышел я к доске. Экзаменатор меня и спрашивает:

«А ну, милейший, покажите-ка, как пишется слово „мир”, когда оно выражает тишину, благополучие, спокойствие».

Я быстро начертал на доске: „Мир”.

Экзаменатор похвалил меня.

«А теперь другой вариант, предположим, что это слово означает вселенную».

Я, не задумываясь, написал на доске: „Мір”.

Дотошный экзаменатор не унимался. Он предложил мне образовать целое предложение, и еще тогда, будучи учеником, я записал памятное мне предложение: „Мир во всем мире”. Оно, это понятие, живет во мне и сейчас.

— Вы старый, убежденный поборник мира! — восхитился этим рассказом Феликс Иверсен.

— Об этом надо непременно написать, — сказал Дюбуа...

— Это верно. Может, и мне удастся написать. Очень правильно было замечено то, как один из ораторов сказал: нам некогда думать о войне, мы все — и рабочий, и ученый, и писатель — думаем о мире».

Свой новый сказ «Живой огонек» Павел Петрович представил читателям (вернее, слушателям) во время литературного вечера на Уралмаше. Правда, читать сам уже не отважился — голос ослаб и дыхания хватать не стало. Привел с собой чтеца из филармонии.

Посетив летом 1950 года в Москве Бориса Полевого, Бажов подарил ему новое издание «Малахитовой шка-тулки»:

Б. Полевой:

«Как мастер, довольный своими изделиями, он прикинул на руке увесистую книгу:

— Не велика ли? Не грузновата?.. А сколько еще не написанного... Вон, сон стал плохой. Лежу по ночам, и они приходят ко мне, все эти не описанные мной люди... вижу их, слышу их, знаю их судьбы... Эх, мне бы еще годков... — он не договорил, вышел на балкон, стал возиться со своей трубочкой...»

В течение 1950 года шла работа по составлению сборника ранних «досказовых» произведений Бажова, который сам Павел Петрович предложил назвать именем своей первой книжки — «Уральские были». Сюда помимо заглавного произведения автор включил не знакомые послевоенному читателю повесть «За советскую правду», начатую на Каме, и незавершенную повесть (вернее, первые ее главы) «Через межу», чуть поправленный, но все же не близкий к «Малахитовой шкатулке» первый сказ «Про «водолазов», не пригодившееся беллетристическое начало к «Бойцам первого призыва» — «В кадетской крепости», озаглавленное теперь как «Спор о стихах»; а кроме того, автор поставил в новую книгу не нашедшие прежде применения очерки о Тавде и ее промышленности, беллетризованные зарисовки из «Крестьянской газеты», которые слегка стилистически отредактировал, а также «злые» рецензии Чипонева из довоенных свердловских журналов на халтурные, с его точки зрения, произведения в прозе и стихах. (Напомним, что с 1937 г. обе «полковые» его

книги, а также книжка «К расчету» все еще числились изъятыми из обращения.)

Этим сборником писатель Бажов словно завершал инвентаризацию сделанного им в литературе. И, похоже, подводил черту...

Понимая, что век его не долгов, Павел Петрович среди прочих дел не забывает и о главной своей задаче как руководителя писательской организации — пополнении ее новыми молодыми силами. Выступая в прениях по докладу обкома ВКП(б) на очередной областной партийной конференции, Бажов критикнул для начала партийные органы за незнание конкретных работ местных писателей, а затем высказал пожелание:

«Я хотел бы, чтобы обком ВКП(б) взял на особую заметку вопросы литературы».

Сейчас, в советское время, Урал должен стать родиной десятков поэтов и писателей. Свердловск может и должен стать не только крупнейшим промышленным центром, но и городом кипучей литературной жизни. Нужно серьезно поддержать писательскую организацию не только указаниями, но и повседневным вниманием».

Эти слова стали словно бы завещанием патриарха уральской советской литературы, которое начало сбываться еще при его жизни.

27 ноября 1950 года, в преддверии очередного областного слета молодых писателей, газета «Уральский рабочий» всю третью полосу отводит произведениям молодых. И будто после дождя, появляются имена, которые вскоре прочно войдут в когорту уральского пишущего цеха. Обобщающий материал К. Мурзиди в следующем номере представляет новичков читателю:

«В Свердловске первая конференция начинающих писателей состоялась весной 1948 года. Вчера открылась вторая».

За два с половиной года, прошедшие между первой и второй конференциями, молодые литературные кадры нашей области заметно выросли... Некоторые участники прошлой областной конференции молодых писателей уже выступили с первыми книгами.

Недавно в издательстве «Советский писатель» вышла повесть Вадима Очеретина «Я твой, Родина», рас-

сказывающая о боевых делах танкистов-уральцев в годы Великой Отечественной войны...

Тепло была встречена юными читателями первая книга Олега Корякова „Приключения Ленки и его друзей“, выпущенная свердловским издательством. Книга получила премию на конкурсе Детгиза...

Обратили на себя внимание стихи молодой поэтессы Евгении Долиновой, пишущей для детей — за это время вышло два ее сборника — „Узелок“ и „Мне пять лет“...

С первой книгой стихотворений выступил поэт Михаил Пилипенко. Книга... получила положительную оценку в областной и центральной печати...

...Молодой поэт Лев Сорокин... также творчески вырос... опубликовал несколько стихотворений в центральной печати...

Несомненный интерес представит и цикл стихотворений студента госуниверситета Ю. Трифонова...

О чем бы ни писали молодые литераторы, в каком бы жанре они ни создавали свои произведения, — они видят перед собой одну цель — показать советского человека в труде».

Можно смело утверждать, что в этом плане молодая поросль всецело стала наследницей главной бажовской темы. Павел Петрович как литературный вождь региона успел осуществить связку времен, оставить литературных наследников, которые продолжили вспашку словесной нивы... Кстати сказать, почти все из перечисленных выше молодых и заявивших о себе литераторов — это профессиональные журналисты или студенты журфака, то есть люди, имеющие предварительную творческую подготовку, а не любители из заводских литкружков, что снова подтверждает истину: самые удачные пироги получаются все-таки у пекаря, а не у сапожника...

Вторая конференция молодых писателей Свердловской области прошла уже без участия самого П.П. Бажова. Еще в сентябре долго зревшая в нем болезнь легких все же взяла свое, и Павла Петровича надолго уложили в больницу. Месяц пребывания в ней не дал улучшения, и было решено переправить именитого

больного в «Кремлевку», где ему было положено лечиться как депутату Верховного Совета.

Писатель В. Стариков вспоминал проводы Бажова в Москву:

«Свердловский вокзал. На перроне Павел Петрович, неизменная его спутница Валентина Александровна. Нас, провожающих, немного — К. Мурзиди, Ю. Хазанович и я. Холодно. Ветер несет по перрону легкую снежную пыль. Павел Петрович стоит возле дверей своего вагона. Лицо под низко надвинутой на глаза шапкой грустное. Говорим о каких-то пустяках, пытаемся даже шутить.

Мы начинаем прощаться. Павел Петрович со всеми целуется, поднимается на первую ступеньку, задерживается. Оборачивается к нам и вдруг чуть слышно, только для троих, говорит:

— Ребята! Ведь я в Москву еду умирать, — и поднимается в вагон.

Его лицо появляется в широком окне. Оно словно врезано в рамку. Словно портрет.

Поезд трогается. Павел Петрович не отходит от окна, смотрит на нас.

Мы идем рядом с вагоном, медленно набирающим скорость, машем руками. Павел Петрович ответно поднимает руку...

Простились...»

Продолжает Евгений Пермяк:

«<В Москве> Бажовы прямо с поезда должны были приехать к нам на Мерзляковский, а потом уже, смотря по состоянию здоровья... Предполагалось, что Павел Петрович ляжет на исследование в больницу..

И вот мы на вокзале. Октябрь еще не кличет зимы. Подходит поезд... считаем номера вагонов. Находим нужный. Теперь рассматриваем вагонные окна. В одном из них он. Уже одет. И очень тепло. Конец этого месяца в Свердловске — начало зимы.

И как всегда: „Здравствуйте! С приездом! Хорошо ли доехали?“ — обычные фразы. Поцелуй, объятия. Затем торопливое информационное сообщение о наличии накрытого стола.

Павел Петрович довольно бодро направляется к выходу из вокзала. Там ждет такси.

Кажется, все идет, как намечалось, как желалось, если бы не появившийся человек в белом халате. И не один.

— Вы Павел Петрович Бажов?

— Так точно. Я Бажов.

Далее вопросов не последовало. Тут же неподалеку на перроне оказался автомобиль для перевозки больных.

— Куда же вы его?

— Как — куда? Туда, куда предписано...

Павлу Петровичу предоставили отдельную палату, и если бы не белая плитка на стенах (в этой комнате до этого была какая-то процедурная), то как в гостинице. Только вход по пропускам и ограничено число навещающих. А это затрудняло встречи. Желающих навещать куда больше, чем возможностей пропустить их, но я видел Павла Петровича почти ежедневно. Через окно. Один из фасадов здания больницы выходил на улицу Грановского. В назначенные часы Павел Петрович ожидал у окна.

Сама собой выработалась «словесная жестикуляция», разговор пальцами. Пусть такой разговор был не так многословен, как у глухонемых, но и не так беден словами, как у далеких предков...

Валентина Александровна, как мне стало известно, была предупреждена еще в Свердловске о предварительных диагнозах врачей (врачи всегда выражаются смягченно) еще не установленной (какой обнадеживающий термин!) болезни...

Павел Петрович все же верил, что ему удастся справиться с болезнью. «Надо, чтобы болезни боялись нас, а не мы их», — говорил он Пермяку.

Его посещают в больнице писатели Алексей Сурков, Михаил Исаковский, Павел Нилин.

Бажову пересылают только что вышедший номер журнала «Советский Союз» с публикацией сказа «Живой огонек», и он пишет в ответ записку, что журнал «подержал в своих руках».

Тогда же приходит известие, что он снова выдвинут кандидатом в депутаты горсовета, и Бажов через родных дает в Свердловск ответную телеграмму о согласии баллотироваться... Неужто он не понимал, что уже никаких сил у него не хватит на эту работу? Понимал.

Но не хотел расстраивать выдвинувших его коллег-писателей своим отказом и тем более объяснением причины...

Снова Евгений Пермяк: «В конце ноября Павел Петрович часто стал впадать в забытие. Валентина Александровна и ночью не покидала больницы. Она поселилась там.

Мы пришли с Нилиным Павлом Филипповичем второго декабря. Павел Петрович не разговаривал.

Я последним зашел в последнюю в его жизни комнату. Обнял его. Обнял и он. Поцеловал. Мне показалось, что его губы ответили тем же. Мне послышалось, что он тоже что-то сказал мне, но, может быть, послышалось. Я сказал: „До свиданья“.

На другой день, 3 декабря 1950 года, в 8 часов 55 минут, Павел Петрович ушел из своих сказов, которые писались и не дописались в его мечтах...»

Пятого декабря, в День конституции вышел очередной номер «Уральского рабочего» с большим портретом И.В. Сталина на первой полосе и материалом под названием «Сталин — солнце нашей жизни». А на четвертой — значительно меньший портрет П.П. Бажова в траурной рамке и некролог.

Шестого декабря в конференц-зале правления Союза советских писателей в Москве на ул. Воровского, 52, состоялось прощание столичной общественности с уральским писателем. Среди выступивших кроме известных литераторов были также бывший секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по идеологии И.С. Пустовалов, работавший теперь в редколлегии газеты «Правда», и бывший ответственный редактор «Уральского рабочего» в годы войны Л.С. Шаумян.

Извещение ССП о смерти П.П. Бажова подписал весь цвет тогдашней советской литературы: А. Фадеев, М. Шолохов, К. Симонов, А. Сурков, В. Вишневский, Н. Тихонов, В. Кожевников, Б. Горбатов, Ф. Панферов, А. Твардовский, Л. Леонов, А. Софронов, А. Каравеева, М. Исаковский, Б. Полевой, К. Федин, М. Шагинян, С. Щипачев, О. Форш «и др.».

Вся третья полоса «Уральского рабочего» за 7 декабря была посвящена памяти Павла Петровича. Здесь

помимо официальных извещений был перепечатан самый первый сказ Бажова «Про «водолазов» (в редакции для нового, еще не вышедшего сборника) и дана статья Вл. Ильичева «Путь писателя-большевика», которая неформально давала официальную оценку творчества покойного писателя партийным и советским руководством. Она завершалась следующими словами:

«П.П. Бажов умер, не осуществив многие свои художественные замыслы. Но не может умереть и никогда не умрет его драгоценная „Малахитовая шкатулка“, жизнеутверждающая философия ее чудесных сказов, филигранная чеканка их народного языка, которому могли бы и могут позавидовать многие русские писатели прошлого и настоящего. П.П. Бажов — подлинно партийный, подлинно народный, подлинно большой писатель-патриот, сказавший новое слово в советской литературе. Таким мы его знали, таким мы его и запоем навсегда».

(Интересно, что и в некрологах, и в этой статье, перечисляя книги, выпущенные Бажовым в течение жизни, называются и попавшие под запрет «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу», в которых были показаны «враги народа», к 1950 г. — еще не реабилитированные. Видимо, партия и эти, более давние обвинения, тихо спускала на тормозах...)

Восьмого декабря поздно вечером поезд с телом писателя прибыл в Свердловск. На следующий день с 9 часов утра началось прощание с покойным в зале областной филармонии.

Л. Татьяничева (жившая и работавшая в то время в Челябинске):

«Мы приехали в Свердловск ранним морозным утром. У вокзала нас встретила легковая машина. Громадные венки пришлось перевозить по одному, укрепив их на крыше автомобиля.

С вокзала, не заезжая в гостиницу, мы направились к зданию филармонии, где был установлен гроб с телом Павла Петровича Бажова. Несмотря на ранний час, здесь было многолюдно. Каждую минуту в вестибюль вносили все новые и новые венки. А возле здания уже скапливалась очередь свердловчан, пришедших проститься со своим любимым писателем...»

Никита Бажов:

«Много людей, цветов. Я у кого-то чужого на руках в толпе. Меня несут. Я вижу дедушку. Мне говорят: „Почелуй деда“. Я радостно обнимаю его и впервые вместо тепла и нежности натываюсь на холодный каменный лоб...»

Снова Л. Татьяничева:

«Пожилая женщина с заплаканными глазами принесла бережно укутанные живые цветы — несколько красных домашних роз. Она просила, чтобы их положили на гроб Павла Петровича.

...В зал вливался поток людей — это были посланцы школ, заводов, колхозов, институтов. Они вносили венки с развевающимися траурными лентами. Их лица выражали глубокую скорбь и боль утраты.

Наступил час похорон. Медленно падая, кружился неестественно крупный, лепестковый снег. Траурная процессия растянулась почти на всю длину улицы Ленина. Вначале несли венки. Их было много. Целая река цветов медленно и торжественно текла по запорошенной снегом улице. За гробом Бажова шли десятки тысяч людей...»

Современный екатеринбургский поэт А. Комлев приводит воспоминания своих родных:

«Улицы, подступавшие к пути траурного шествия от филармонии до Ивановского кладбища, оказались отгороженными грузовиками, как на время парадов и демонстраций 1 мая и 7 ноября. Но надобности в данной мере предосторожности не виделось. Беспорядка не было. Люди, кто хотел и мог, перебирались через машины без всякой толкотни, поочередно, в глубоком печальном молчании. И милиционеры не противопоставлялись, нет, никто никого не оттеснял, не окрикивал. Все совершалось в высшей степени достойно».

Можно с определенностью сказать, что никогда — ни до, ни после этого случая Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург не видал таких многолюдных похорон. Чуть ли не каждый, кто был свободен от работы или занятий, посчитал своим долгом прийти проститься с великим (да, получается так) сказочником. И не разрядка, спущенная сверху, была тому причи-

ной, а то, что называется настоящей народной любовью...

Писателя похоронили на высоком холме в южной части старого Ивановского кладбища, и вокруг едва ли хватило места для всех венков и цветов... Вот и выходит, что забрала его Хозяйка к себе «в гору», куда приглашала только Мастеров. Как тут не поверишь, что мы сами пишем себе судьбу?..

Вечером стали собираться на поминки в доме на Чапаева, 11. Столы стояли буквально во всех комнатах, поскольку, сменяя друг друга, приходили все новые и новые люди. Валентина Александровна сидела ко всему безучастная. Но вот ее кто-то вызвал. Оказывается, приехал Г. К. Жуков. Днем он был на похоронах и теперь выкроил время, чтобы помянуть человека, ставшего ему близким.

По свидетельству В. Старикова, маршалу освободили место за столом. Он выпил поминальную рюмку, взял руку Валентины Александровны, почтительно поцеловал ее и сказал:

— Понимаю ваше горе, Валентина Александровна. Но мужайтесь. У всякого свой час...

На временном памятнике, установленном на могиле Павла Петровича Бажова, кроме имени и дат жизни и смерти написали, пожалуй, главную мысль его творчества, выраженную в сказе «Чугунная бабушка»:

«Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это действительно редкий случай, но литературная слава Бажова и народная любовь к Павлу Петровичу не только не иссякли после его смерти, но стали расти, и для уральцев автор «Малахитовой шкатулки» и его сказы сделались каким-то внутренним кодом, определяющим их принадлежность к родному краю. И все последующие десятилетия градус этого всенародного признания не понижался.

Приезжающий в Свердловск был поистине поражен распространением бажовских образов в тогдашней жизни региона. Здесь если фонтан — то «Каменный цветок», если кафе — то «Серебряное копытце». Оформление улиц, афиш, пригласительных билетов, конфетных фантиков — везде чувствовалось что-то стойко бажовское, даже если был изображен всего лишь нейтральный малахитовый узор. Прибывающего в Челябинск встречает символический гранитный богатырь — «Сказ об Урале». А в Златоусте на постаменте гнет лезвие из булата Иван Бушуев, бажовский Иванко-Крылатко...

А сколько раз к темам Бажова обращались свердловские кинематографисты и театральные деятели — сняты игровые, мультипликационные, кукольные, документальные фильмы, спецвыпуск киножурнала «Советский Урал», поставлены спектакли музыкальные, детские, новогодние, популярны радиопостановки.

За прошедшие со дня смерти писателя десятилетия трижды выходили собрания его сочинений и трижды — сборник воспоминаний о нем, каждый раз пополняемый новыми авторами. Одна только «Малахитовая шкатулка» за это время издавалась более семидесяти раз, и это не считая книг, поименованных названиями других сказов Бажова. А публикации на иностранных языках? Японский филолог Т. Фудзита, занимавшаяся изучением русского сказа, прислала в Екатеринбург два издания бажовских произведений на языке ее страны. Любопытно было рассматривать иллюстрации к ним. В издании семидесятых годов японский художник, не совсем по-

нимая, что такое уральцы — что-то своеобразное, не типично русское, но какое? — нарисовал Данилу-мастера чуть ли не в среднеазиатской тюрбетейке и чувяках с загнутыми вверх носами. А в книге издания восьмидесятых уже все было изображено как надо — дотошные японцы решили ребус уральского своеобразия!

Осенью 1968 года бажовский дом на Чапаева, 11, был пуст. Там уже никто не жил, но и нынешнего музея в нем еще не было. Он откроется только год спустя — в 1969-м, к девяностолетию со дня рождения Павла Петровича, и заживет новой жизнью.

После смерти Павла Петровича здесь оставались вдова Валентина Александровна, младшая дочь Ариадна с маленьким сыном Никитой (ему тогда было около пяти лет) и сестра Валентины Александровны, тетя Таля. К этому времени брак Ариадны Павловны и М.Б. Минкова дал трещину, и супруги расстались. В 1950 году Ариадна Павловна, продолжая преподавать в университете историю, закончила аспирантуру. Защита диссертации на тему «Положение горнорабочих Ревдинского завода в конце XIX — начале XX веков» состоялась в 1952 году.

В тот же год после успешной защиты и впервые после смерти отца Ариадна Бажова поехала отдохнуть в Гагры и там произошла ее встреча с военным моряком, слушателем факультета журналистики военно-политической академии им. Ленина, Тимуром Гайдаром. Да, этот молодой человек был сыном всесоюзно известного детского писателя Аркадия Гайдара и его именем отец назвал героя своей самой популярной у детворы книги «Тимур и его команда»... Ариадна вышла замуж за Т.А. Гайдара и переехала в столицу.

Никита остался с бабушкой в Свердловске. Здесь он пошел в школу. В каникулы они с Валентиной Александровной приезжали в Москву и всей семьей отправлялись отдыхать на море.

В 1956 году у Ариадны Павловны родился второй сын — Егор, и теперь лето она проводила в Свердловске, в старом родительском доме.

В начале шестидесятых (ориентировочно в 1964 г.) умерла тетя Таля. Постоянных жильцов в доме на Ча-

паева, 11, осталось двое — бабушка с внуком. После школы Никита поступил в Уральский госуниверситет, выбрав специальностью экономику.

Дом на Чапаева, 11, приобрел статус памятника государственного значения. Валентине Александровне удалось сохранить в неприкосновенности его интерьер и внешний вид. Это требовало значительных усилий: с одной стороны, возраст самого строения перешагнул за полста лет, с другой — возраст хозяйки и финансовые возможности не позволяли поддерживать в нем экспозиционные условия на должном уровне. А ведь несмотря на то, что дом оставался частным владением, сюда приходили многие почитатели творчества Павла Петровича Бажова — как дети, так и взрослые, как местные, так и приезжие.

Так у Валентины Александровны возникла мысль о передаче дома в дар городу, чтобы устроить в нем настоящий музей. Вопрос этот решался не просто. Ушло несколько лет на переписку Свердловского отделения ССП с органами областной и городской власти, прежде чем 22 марта 1966 года было принято решение об организации в подаренном вдовой доме мемориального музея П.П. Бажова. Однако понадобилось еще более двух лет, чтобы, как это называется, музеефицировать освобожденное жильцами пространство.

Валентине Александровне и Никите была предоставлена квартира в новом доме на углу проспекта Ленина и улицы Карла Либкнехта (над магазином «Океан»). Сделав все, что было в ее силах, для увековечивания памяти Павла Петровича Бажова, вдова писателя умерла в мае 1971 года.

Спустя два года Никита Матвеевич переехал в Москву. А в квартиру над «Океаном» перебралась семья старшей дочери Валентины Александровны и Павла Петровича — Ольги. Практически все послевоенное время Ольга Павловна проработала по специальности на Севере (Воркута, Якутия, ХМАО) и вот теперь вернулась в родной город.

С созданием музея в доме на Чапаева, 11, большинство личных вещей Павла Петровича Бажова, его документы и рукописи вдова писателя передала в музей-

ные фонды, и исследователи смогли непосредственно познакомиться с процессом рождения знаменитых сказов из «Малахитовой шкатулки». (Впрочем, и до того Валентина Александровна не препятствовала такому знакомству — и М.А. Батин, и А.С. Саранцев имели возможность работать с интересующими их материалами на Чапаева, 11).

Михаил Адрианович Батин, защитив диссертацию по творчеству П.П. Бажова, стал первым на Урале систематическим исследователем творчества автора «Малахитовой шкатулки». Его монография на эту тему впервые вышла в 1953 году и затем в переработанном и дополненном виде издавалась еще четырежды — в 1959 и 1983 годах в Свердловске и в 1963 и 1976 годах в Москве. Батин, можно сказать, создал пьедестал уральского бажоведения, на котором базировались и от которого отталкивались в дальнейшем исследователи творчества уральского сказочника.

Среди уральских филологов, занимающихся изучением жизни и произведений П.П. Бажова в последние тридцать лет, нужно назвать Лидию Михайловну Слобожанинову, которая выпустила две книги о творчестве Павла Петровича, отличающиеся более свежим, современным прочтением его текстов.

Нетрадиционно взглянули в своих книгах на истоки фантастических образов бажовских сказов москвич В.Н. Демин и екатеринбурженка М.П. Никулина. Такой подход к проблеме обещает интересные открытия, выходящие за границы собственно бажоведения. При этом нужно заметить, что сам Павел Петрович многого, о чем пишут эти авторы, мог и не иметь в виду

Вершиной работы ученых филологического факультета Уральского госуниверситета (ныне УрФУ) на сегодняшний день следует назвать фундаментальную «Бажовскую энциклопедию», над которой под руководством докторов филологических наук В.В. Блажеса и М.А. Литовской трудились 76 авторов. Хотя работавшим над этим объемным томом в силу широты и разнообразия деятельности героя не удалось полностью осветить все уголки его жизни, «Бажовская энциклопедия» достойно вписывается в ряд других вышедших в

нашей стране литературных персональных энциклопедий («Лермонтовская», «Пушкинская» и др.).

Итог этой деятельности не подведен. Сегодня на авансцену выходит новое поколение бажововедов. Так, пришло время исследования эпистолярного наследия Павла Петровича. Этим занимается молодой филолог, нынешний заведующий мемориальным домом-музеем на Чапаева, 11, Г.А. Григорьев. А в фондах Объединенного музея писателей Урала ждет своих исследователей целый пласт документов, переданный родными Павла Петровича и еще никак не классифицированный...

Общественный интерес к Бажову и его творчеству вылился в культурно-этнографическое движение, оформившееся как Бажовский фестиваль, который периодически проводится на челябинских озерах. Начатое сторонниками учения Рерихов и имевшее мифолого-эзотерический уклон, это движение вскоре переросло узкие рамки конкретного учения и превратилось сначала во всеуральский, а со временем и во всероссийский фестиваль народного творчества. И пусть конкретно к Бажову он имеет только опосредованное отношение, тем не менее имя писателя как региональный символ прочно укрепилось в его названии, что еще раз напоминает о народной — уральской — первооснове его сказов.

Если составить рейтинг популярности зооморфных персонажей бажовских сказов, то на первое место, несомненно, выйдет ящерка, как одна из ипостасей главной героини — Хозяйки Медной горы. Не случайно, став геральдическим символом, она неизменно изображается с золотой короной на голове. В годы активного советского герботворчества (1970–1980-е) это мифологизированное земноводное украсило гербы многих уральских городов, так или иначе имеющих отношение к событиям, рассказанным в бажовских сказках, и даже не имеющих такового вовсе: Свердловска, Полевского, Сысерти, Ревды, Кировграда, Богдановича, Учалы. Более того, ящерка стала символом... командования внутренних войск по Уралу и весь его офицерский состав носил нарукавный знак с этим изображением на пространстве от «южных гор до северных морей». И на гербе Уральского управления ГО и МЧС ящерка стала

непременным атрибутом. Нужно сказать, до выхода «Малахитовой шкатулки» такой традиции в символике на Урале никогда не бывало... Так что крепко вросла бажовская литературно-фольклорная мифология в умы и сердца уральцев, и можно подумать, что именно ее-то для полного осознания, кто они такие есть, уральцам и не хватало...

А сам Павел Петрович, теперь ставший частью «горы», — в гранитной своей ипостаси выходит наружу погреться в лучах нежаркого уральского солнышка. Если вы придете на Ивановское кладбище, проследуете главной аллеей и подниметесь на Бажовский холм, то увидите его сидящим на шихане (скалистой вершине) и думающим свою думу. О чем? Ну, этого мы никогда уже не узнаем. Но обратите внимание, каким он стал, превратившись в камень, как те его герои из сказа «Богатырева рукавица» — выше ростом, шире плечами и спиной прямее, чем в жизни. Таков закон мифологизации образа — он становится больше, значимей, величественней живых людей, и сегодняшние уральцы, бывая здесь, смотрят на великого сказочника не иначе как снизу вверх — кто с уважением, а кто только еще открывая для себя его сказовый мир...

Так что, выражаясь языком вездесущих настенных граффити и маечных трафаретов, популярным у нынешней молодежи: «Бажов forever!»

Р. С. Автор считает своим долгом выразить благодарность всем тем, кто способствовал созданию этой книги:

А.П. Бажовой-Гайдар — младшей дочери П.П. Бажова;

В.П. Плотникову, Е.К. Леденцовой, Г.А. Григорьеву, Н.П. Крикуновой, Е.П. Булановой, Л.Г. Крючковой, Н.В. Титовой, Н.Н. Поповой, Н.Ю. Ильмухиной, Е.С. Кисловой, Л.С. Сметаниной, Е.Х. Жантаевой, а также Е.К. Полевичек, А.И. Рязановой, Н.П. Тарасовой (Объединенный музей писателей Урала, г. Екатеринбург); Л.А. Крицких (филиал музея в г. Сысерти);

И.В. Гумбатовой, С.Д. Павловой (Центр документации общественных организаций Свердловской области);

А.А. Окуневу, О.Ю. Сарафанову, Л.Г. Екимовой (Государственный архив Свердловской области);

Т.А. Махалиной (библиотека им. А. М. Горького, филиал № 28 МБУК МОБ);

А.Н. Кожевникову, Т.В. Неуйминой (г. Полевской);

И.А. Суворовой, А.С. Пичке (Муниципальный музей г. Камышлова);

И.А. Зятеву, И.С. Стреляеву (г. Екатеринбург).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Государственный архив Свердловской области (ГАСО): Ф. 6, оп. 1, д. 16, 32; Ф. 24, оп. 1, д. 189, 288, 338; оп. 12, д. 1761; Ф. 60, оп. 1, д. 29, 130; Ф. 62, оп. 1, д. 800; Ф. р577, оп. 2, д. 23, 28; Ф. 1200-р, оп. 2, д. 15*Б*; Ф. р2266 (Бирюковский); оп. 1, д. 426, 427, 428, 1299.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО): Ф. 1, оп. 1, д. 2; Ф. 4, оп. 15, д. 26; оп. 19, д. 132; Ф. 10, оп. 10, д. 47; Ф. 11, оп. 14, д. 63; Ф. 41, оп. 1, д. 119, 1065; оп. 2, д. 197, 207; Ф. 116, оп. 2, д. 196; Ф. 161, оп. 6, д. 134; Ф. 221, оп. 1, д. 112; оп. 2, д. 136, 137, 413; Ф. 304, оп. 1, д. 1, 2; Ф. 1372, оп. 1, д. 146, 148, 151, 152, 201, 235, 241, 315, 316, 317, 321, 368; Ф. 1562, оп. 1, д. 7, 8, 9; Ф. 1615, оп. 1, д. 13.

Объединенный музей писателей Урала (ОМПУ): Ф. 2 (Фонд П. П. Бажова), оп. 1, д. 32, 38, 42, 49, 50, 55, 56, 81; Ф. 92 (Фонд Н. В. Кузнецовой), оп. 1, д. 1, 17, 29, 44, 45, 47, 57, 60, 70, 77; Ф. 53 (Фонд М. А. Батина), оп. 1, д. 3.

Литература

- Анов Н. И. Интервенция в Омске. – Алма-Ата, 1978.
- Анов Н. Павел Бажов в Усть-Каменогорске // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. – М., 2005.
- Багреев Е. На передовой линии // Слово о товарищах. Воспоминания об уральских писателях. – Свердловск, 1980.
- Бажов В. Воспоминания о дедушке. – Екатеринбург, 2003.
- Бажов Н. О моем деде // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Бажов П. К расчету: Сысертский завод в 1905 году. – Свердловск, 1929.
- Бажов П. Малахитовая шкатулка. – Свердловск, 1939.
- Бажов П. П. Бойцы первого призыва. Формирование на ходу. – Свердловск, 1958.
- Бажов П. П. В начале пути // П. П. Бажов. Публицистика. Письма.

- Бажов П.П. Дальнее – близкое. – Свердловск, 1989.
- Бажов П.П. За советскую правду // Бажов П.П. Дальнее – близкое. – Свердловск, 1989.
- Бажов П.П. Программа трудового крестьянства. – Камышлов. 1917. – Цит. по: Плотников И.Ф. [496](http://85.142.126.69/cgi-bin/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=KNIGA_PRINT&P21DBN=KNIGA&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullwidth&C21COM=S&S21CNR=&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=Павел Петрович Бажов как политик и историк: биография отдельного лица / И.Ф. Плотников. – Екатеринбург, 2004.</p>
<p>Бажов П.П. Публицистика. Письма. Дневники. – Свердловск, 1955.</p>
<p>Бажов П.П. Сочинения в 3-х т. – М., 1986.</p>
<p>Бажов П.П. Спор о стихах // Бажов П.П. Дальнее – близкое: Повести, очерки, статьи, выступления. – Свердловск, 1989.</p>
<p>Бажов П. Пять ступеней коллективизации. – Свердловск, 1930.</p>
<p>Бажов П. Уральские были: Из недавнего быта уральских заводов. Очерки. – Свердловск, 1924.</p>
<p>Бажов П.П. Бойцы первого призыва: К истории полка Красных Орлов. – Свердловск, 1958.</p>
<p>Бажов П. За советскую правду. Из жизни урмана. – Свердловск, 1926.</p>
<p>Бажов П. К расчету. Сысертский завод в 1905 году. – Свердловск, 1926.</p>
<p>Бажова В.А. О муже // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.</p>
<p>Бажова В.А. О муже // Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. – Свердловск, 1953.</p>
<p>Бажова-Гайдар А. Глазами дочери. – М., 1978.</p>
<p>Бажова-Гайдар А.П. Дом на углу: Воспоминания о моем отце. – Свердловск, 1970.</p>
<p>Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург, 2007.</p>
<p>Батин М.А. Павел Петрович Бажов (1897–1950). – Свердловск, 1953.</p>
<p>Батин М.А. Павел Бажов. М., 1976.</p>
<p>Батин М. Павел Бажов. – Свердловск, 1983.</p>
<p>Беккер Демонстрация долгушинцев Конной площади // Каторга и ссылка. 1926. №</p>
<p>Вердников Н.Н. Город в двух измерениях. – Свердловск 1976.</p>
<p>Вибих А.П. Сквозь годы и бури. – Ставрополь. 1975.</p>
<p>Вилюков В. Дальнее – близкое // Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. – Свердловск, 1953.</p>
<p>Боголюбов К. Большая красивая жизнь // Павел Бажов. Воспоминания о писателе. – М., 1961.</p>
</div>
<div data-bbox=)

- Боголюбов К. Дорогое имя // Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. — Свердловск, 1953.
- Валек Р.И. А.Я. Валек. — Свердловск, 1983.
- Верхоланцев В.В. Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь, 2002. (Репринт.)
- Весновский В.А. Екатеринбург в прошлом и настоящем. Истор.-стат. очерк. — Екатеринбург, 1998.
- Гаврилов Д.В. Бажов как историк // Творчество П.П. Бажова в меняющемся мире. — Екатеринбург, 2004.
- Главацкий М. Рождение Уральского государственного университета. — Екатеринбург 1995.
- Горловский М. Встречи П.П. Бажова с историками Урала // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. — М., 1978.
- Город старинный — провинции остров. Камышлов: история, судьбы, события. — Екатеринбург, 2004.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. — М., 1998.
- Данилевский В. Наши маршруты // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. — М., 1978.
- Демин В.Н. Уральская гиперборея. — М., 2012.
- Дижур Б. Учусь вспоминать // Вечерний Екатеринбург. 1998. 14 авг.
- Дореволюционный фольклор на Урале. — Свердловск, 1936.
- Дубленных В.В. Пермская катастрофа // Уральская энциклопедия. — Екатеринбург, 1998.
- Езовских Н.А. Здравствуйте, Павел Петрович. — Невьянск, 2000.
- Екатеринбург: Энциклопедия. — Екатеринбург, 2002.
- Залесский К.А. Империя Сталина // Биограф. энциклопед. словарь. — М., 2000.
- Захаров С. Это было давно...: Записки старого свердловчанина. — Свердловск, 1985.
- Звагельская Е.В. Модерн в памятниках архитектуры Свердловской области. — Екатеринбург, 2008.
- Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург глазами очевидцев. — Екатеринбург, 2000.
- Зорина Л.И., Служкин В.М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. — Екатеринбург, 2005.
- Иванов Г. В долине туманов // Малахитовая провинция: Культ.-историч. очерки. — Екатеринбург, 2001.
- История Урала в период капитализма. — М., 1990.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М., 1989.
- Калугина Г.В., Ольховая Л.В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. — Свердловск, 1979.

- Караваева А.* Странички воспоминаний // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Карелин В.Г.* Родовой корень П.П. Бажова в Полевском (первая половина XVIII века) // Творчество П.П. Бажова в меняющемся мире / Мат-лы межвуз. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. П.П. Бажова. – Екатеринбург, 2004.
- Кельник В.* Начало пути // Павел Петрович Бажов: Сборник статей и воспоминаний. – Молотов, 1955.
- Китайчик Михаил.* Истоки чудесного // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Кожин В.В.* Россия. Век XX-й (1939–1964): Опыт беспристрастного исследования. – М., 2001.
- Комлев А.П.* Очерки встреч – разлук. – Екатеринбург, 2004.
- Костюковский Б., Табачников С.* И нет счастливее судьбы Повесть о Я.М. Свердлове. – М., 1982.
- Котов М.* Живое слово // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Кремлев С.* Берия: Лучший менеджер XX века. – М., 2011.
- Кручинин А.М.* Невьянский набат: Народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. – Екатеринбург, 2010.
- Кручинин А.* Под бело-зеленым знаменем. – Екатеринбург, 2008.
- Кузин Н.Г.* Реалист или мистик? (П.П. Бажов) // Кузин Н.Г. Спутники извечные мои... / Избр. заметки о русских писателях: Проза. Стихи. – Екатеринбург, 2008.
- Кузнецова Л.Ф.* Кабаков Иван Дмитриевич // 37-й на Урале. – Свердловск, 1990.
- Кузнецова Н.В., Коновалов Ю.В.* Родословная Павла Петровича Бажова и Василия Васильевича Хмелинина («дедушки Слышко») // Неизвестный Бажов: Малоизв. мат-лы о жизни писателя. – Екатеринбург, 2003.
- Лисовский Н.К.* Революция 1905–1907 гг. на Урале. – Челябинск, 1955.
- Лукьянин В., Никулина М.* Литературный квартал. – Екатеринбург, 2008.
- Ляпустин В.А.* Встречи, которые забыть нельзя // Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. – Свердловск, 1936.
- Ляшенко Л.М.* Революционные народники. – М., 1989.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Из далекого прошлого: Воспоминания // Мамин-Сибиряк Д.Н. Повести. Рассказы. Очерки. – М., 1983.
- Маршал Победы:* Воспоминания о Г.К. Жукове. – Екатеринбург, 1996.
- Мешавкин А.* Манчажская страница // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Мосин А.Г.* Уральские фамилии. Т. 1. – Екатеринбург, 2000.

- Неизвестный Бажов. Малоизвестные материалы о жизни и писателя. – Екатеринбург, 2004.
- Нейштадт А. Павел Бажов – депутат // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Немченко М. «Горка крута, да миновать нельзя...»: Повествование о судьбе Бажова. – Екатеринбург, 2007.
- Неустроев С. Красные Орлы // Уральский следопыт. 1979 № 1.
- Никулина М.Н. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург, 2002.
- Новгородцева-Свердлова К.Т. Я.М. Свердлов на Урале // Ленинская гвардия Урала. Свердловск, 1967.
- Олесов Николай. Дружба с газетой // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Павел Петрович Бажов // Библ. указ. (1913–2010) / Сост. В.В. Горева и Н.В. Кузнецова. – Екатеринбург, 2011.
- Передвижной музей П.П. Бажова: Путеводитель / Сост. Р.С. Галеева, Н.П. Тарасова. – Екатеринбург, 2008.
- Пермяк Е.А. Долговекий мастер: О жизни и творчестве Павла Бажова. – М., 1978.
- Плотников И.Ф. Исторические очерки в творчестве П.П. Бажова // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург, 2007.
- Плотников И.Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004.
- Полевой Б. Секрет вечности // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Попова Н. Наш Бажов // Там же.
- Предания и легенды Урала. Фольклорные рассказы // Сост. В.П. Крутляшова. – Свердловск, 1981.
- Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 г.): Судебный отчет. – М., 1937.
- Рахвалов Н. В устье каменных гор // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.
- Рождественская К.В. Воспоминания о Бажове // Павел Петрович Бажов: Сборник статей и воспоминаний. – Молотов, 1955.
- Романов В. Иван Кабаков. – Свердловск, 1965.
- Романов В.Я. Дедушка Слышко и его внуки: Очерк истории Гумёшек. – Свердловск, 1963.
- Русские писатели: Биобиблиографический словарь. – М., 1990.
- Рябинин Б.С. «Говорит Урал» // Слово о товарищах: Воспоминания об уральских писателях. – Свердловск, 1980.
- Рябинин Б.С. По следам легенды // Павел Петрович Бажов. Сборник статей и воспоминаний. – Молотов, 1955.
- Рябинин Б. Ушедшее – живущее. Книга воспоминаний. – М., 1985.

Рябинин Б. По следам легенды // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Саранцев А. Бажов. Жизнь и творчество. – Челябинск 1957.

Симанов И.И. Город Екатеринбург. – Екатеринбург: 1889.

Симонов К.М. Глазами человека моего времени: Размышления о И.В. Сталине. – М., 1988.

Скорино Л. На Урале в дни войны // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Скорино Л. Павел Петрович Бажов. М., 1947.

Скорино Л. Уральские встречи // Павел Бажов: Воспоминания о писателе. – Свердловск, 1961.

Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. – М., 1998.

Сталин: К шестидесятилетию со дня рождения. – М., 1939.

Стариков В. Время бросать камни. – М., 1977.

Стариков В. Мастер. Мудрец. Сказочник // Слово о товарищах: Воспоминания об уральских писателях. – Свердловск, 1980.

Стариков В. Встречи сквозь годы // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Старков В. Мой город: Екатеринбург в памятниках архитектуры и истории. – Екатеринбург, 2006.

Сутырин В. Борис Ельцин и Уральский политехнический. – Екатеринбург, 2007.

Сутырин В., Лобанова О. Еще неслышим глас продленный... Изобретатель радио А. С. Попов: годы на Урале. – Екатеринбург, 2004.

Сутырин В. Провинция и столица: Разговоры с Кузнецким // Роман-журнал XXI век. 2011. № 6.

Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: Первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома: 1934–1991. – Екатеринбург, 2001.

Сытин В. Возвращение «Хозяйки Медной горы»: Московские писатели в прифронтовой столице // Москва. 1986. № 12.

Тальская О.С. Их именами названы улицы Свердловска. – Свердловск, 1959.

Татьяничева Л. Слово о мастере несравненном // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Технический словарь для работников тяжелой промышленности / Под ред. Л.К. Мартенса. – М., 1939.

37-й на Урале. – Свердловск, 1990.

Тюфяков И. Павел Петрович Бажов. – Свердловск, 1979.

Уральский государственный университет в биографиях. – Екатеринбург, 1995.

Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Свердловск, 1980.

Усачев В.Н. Журналист первого призыва. – Алма-Ата, 1974.

Федоров В. Памятный день // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М., 2006.

Федосюк Ю. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия быта XIX века. – М., 2001.

Флягина Е. Камышлов – город хлебный // Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. – Екатеринбург, 2002.

Хазанович Ю. «Ключ-камень» // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. – М., 1978.

Хоринская Е.Е. Наш Бажов. – Свердловск, 1989.

Хоринская Е.Е. Я вспоминаю... – Екатеринбург, 2009.

Чарный М. Ушедшие годы. – М., 1970.

Черноскотов А. Дом музей П.П. Бажова, г. Сысерть // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург, 2007.

Черных С.Е. С берегов Иртыша. – М., 1981.

Чулмн Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. – Пермь, 1873–1876.

Шагинян М. Уральский дневник // Новый мир, 1985. № 5.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ СТОЛЕТИЕ

До своего векового юбилея Павел Петрович Бажов не дожил 29 лет. Все это время практически ежегодно в Советском Союзе издавались массовыми тиражами произведения знаменитого уральца. Только Средне-Уральское книжное издательство выпустило в свет 26 книг со сказами и повестями П.П. Бажова.

Память о выдающемся земляке была увековечена в мемориальных досках, памятниках, доме-музее на улице Чапаева в Свердловске.

Но к концу 1960-х годов властям Свердловской области, видимо, показалось, что долг перед уральцем с мировым именем исполнен, и былая их активность сошла на нет.

Вспомнить о Павле Петровиче Бажове заставил приближающийся его вековой юбилей. Конечно, отметить знаменательное событие можно было двумя-тремя, а то и одним дежурным мероприятием, что тогда часто происходило на практике. Тем более что кремлевские власти не то, что о дате, но и самом создателе уральских сказов уже забыли. Формальный подход в корне не устраивал Бориса Николаевича Ельцина, ставшего первым секретарем обкома КПСС в ноябре 1976 года. В Бажове он видел человека, который открыл Урал всему миру, создав впечатляющий образ сурового, красивого, богатого на подземные сокровища края с его трудолюбивым, мастеровитым, находчивым и смелым народом. Юбилей Бажова, по мнению Б.Н. Ельцина, должен был стать своеобразным юбилеем Урала. И он потребовал разработать обширную программу юбилейных мероприятий, охватывающих всю Свердловскую область.

Тридцатого января 1978 года бюро обкома КПСС и исполком областного Совета народных депутатов приняли совместное постановление «О мероприятиях по священных 100-летию со дня рождения выдающегося

советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Павла Петровича Бажова».

Считая, что творчество П.П. Бажова — достояние не только его малой родины, но и России, всего Советского Союза, Б.Н. Ельцин настоял на том, чтобы к проведению юбилея подключилась Москва. В результате переговоров Союз писателей СССР в сентябре того же года создал юбилейный комитет во главе с председателем правления СП СССР Сергеем Михалковым, а Министерство просвещения РСФСР издало приказ «О праздновании юбилея П.П. Бажова».

Празднование действительно получилось масштабным. Сказы Павла Петровича были выпущены ведущими московскими издательствами «Художественная литература», «Современник», «Детская литература», «Малыш», они вышли в Белоруссии, Казахстане, Калининграде, Перми, Челябинске и других городах. Средне-Уральское книжное издательство представило читателям подарочное и сувенирное издания «Сказы» и «Малахитовая шкатулка».

На Свердловской киностудии режиссер Лидия Козырева создала фильм «Бажов» с живыми воспоминаниями дочерей Павла Петровича, писателей Бориса Полевого, Евгения Пермяка и других. Режиссер И. Резников вместе с художником Н. Павловым и оператором В. Баженовым сняли два мультфильма «Подаренка» и «Золотой волос».

Немало музыкальных подарков подготовили уральские композиторы: Е. Щекалев — мюзикл «Малахитовая шкатулка» и «Уральское каприччио», М. Кесарева — хоровая сюита «Голубая змейка» и цикл фортепианных пьес «Уральская тетрадь», А. Попович — сюита для симфонического оркестра «Огневушка-поскакушка», С. Сиротин — торжественная песня «Земля Бажова», А. Бызов — пьеса для баянов «Марков камень», В. Горячих — сюита из музыки балета «Живой камень», О. Ниренбург — сюита «Памяти П.П. Бажова».

Не остались в стороне от общего дела уральские художники, создавшие серию картин на тему «Урал бажовский». Среди них пейзажи В. Васильева «Сысерть, деревня Черданцево», Д. Ионина «Дом-музей П.П. Бажова»

и «Памятник П.П. Бажову на плотине городского пруда» и другие. К 100-летию писателя известный скульптор П. Сажин подготовил памятник П.П. Бажову в Сысерти, а скульптор Л. Кружалова — в Полевском. Их планировалось установить позднее.

Не без трудностей был решен вопрос о расширении бажовского музейного комплекса. До 1979 года усадьбой в Сысерти, где жила мать Павла Петровича и куда он сам приезжал на каникулы, владели частные лица. Власти приняли решение о покупке здания, его реставрации и открытии в нем музея П.П. Бажова.

Массу мероприятий провели библиотеки Свердловской области: книжные выставки, читательские конференции, лекции, чтения, тематические вечера, встречи с уральскими писателями и поэтами. Лекции и концерты, выступления членов Союза писателей, киновечера устраивали городские и сельские клубы, дома и дворцы культуры. Особо широко и торжественно проходили юбилейные празднества в Сысерти, Полевском, Камышлове — местах, связанных с жизнью П.П. Бажова, а также в Ревде, Дегтярске, Красноуфимском и Артинском районах, чьи интересы Павел Петрович представлял, будучи депутатом, в Верховном Совете СССР в 1846–1950 годах.

Безусловно, самыми впечатляющими стали мероприятия, организованные в областном центре. Они начались 6 января 1979 года с открытия в Свердловской картинной галерее выставки, посвященной 100-летию со дня рождения П.П. Бажова. Перед посетителями, а их, судя по фотодокументам, пришло довольно много, предстало 15 портретов юбиляра, выполненных Ю. Бершадским, Ю. Даиновым, Г. Гаевым и С. Волочаевым. Мастера кисти и ваяния подготовили немало работ различного плана, отражающих жизнь и творчество Павла Петровича, его любовь к родному краю, показывающие героев бажовских сказов. Нельзя было не восхищаться овальным блюдом из малахита с шестью рисунками по мотивам сказов работы нижнетагильского художника В. Безбородова, большой родонитовой вазой «Каменный цветок», вырезанной свердловчанином В. Бакулиным, композицией с таким же названием, сделанной камнерезами А. Жуковым и А. Влади-

мировым, а также многочисленными сувенирами из уральских камней.

Были здесь и работы любителей. Например, рабочий Северского трубного завода В. Крылатков демонстрировал свою композицию из мрамора «Данило-мастер у хозяйки Медной горы». Электромеханик И. Артемьев удивил всех изготовленным им колье «Серебряное копытце».

Эту выставку в июле 1979 года увидели в столичном выставочном зале Союза художников РСФСР и по достоинству оценили москвичи и гости столицы.

Восьмого января зал Театра оперы и балета имени А.В. Луначарского в Свердловске заполнили представители партийных, советских, общественных организаций, творческой интеллигенции, рабочих коллективов.

ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПРОГРАММА

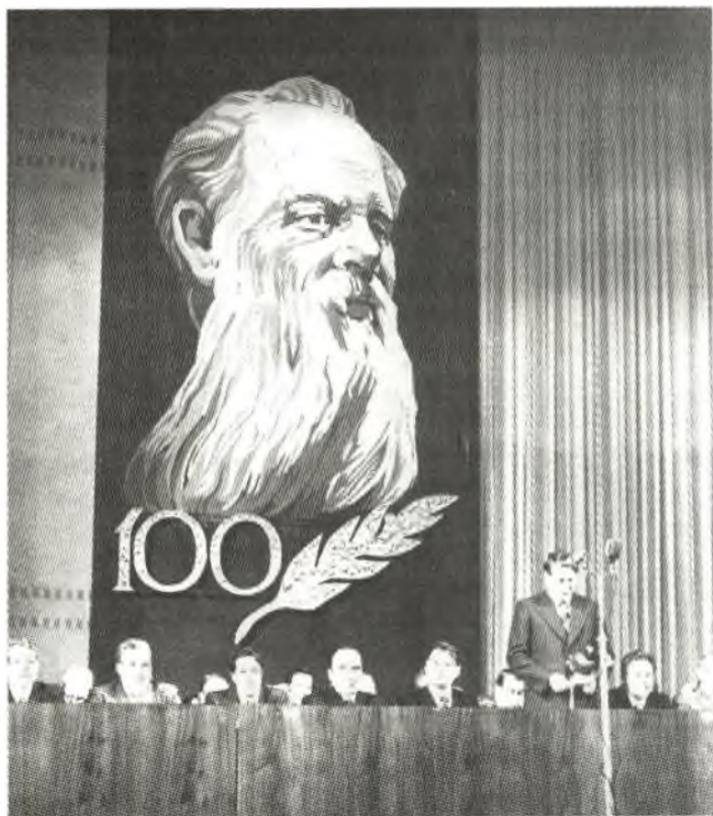
Праздничного концерта,
посвященного
100-летию со дня рождения
П. П. БАЖОВА

ПАВЕЛ
ПЕТРОВИЧ
БАЖОВ

8 ЯНВАРЯ 1979 ГОДА

Среди них были гости из Челябинска, Перми, Тюмени. Торжественный вечер открыл первый секретарь обкома партии Б.Н. Ельцин.

«В могучем и ярком потоке советской культуры много славных имен, незабываемых талантов, — сказал Борис Николаевич. — В ряду их достойное место занимает Павел Петрович Бажов. Главной темой его творчества стала тема созидательного труда. Сказы Бажова и сегодня звучат современно. Без живинки в деле, без творческого отношения к труду невозможно было бы создать «Уралмаш» и другие крупнейшие предприятия Урала. Поэзия Бажова звучит в изделиях уральских мастеров. Павел Петрович был не только писателем, лауреатом Государственной премии СССР, но и гражданином, коммунистом, общественным деятелем. В последние годы жизни он являлся депутатом Верховного

Совета СССР, председателем областной писательской организации, членом обкома КПСС. Миллионы читателей на земном шаре восхищены уральскими сказами Бажова, тысячи свердловчан глубоко благодарны ему за плодотворную общественную деятельность. Мы гордимся своим знаменитым земляком, он и сегодня в наших сердцах и делах...»

После официальной части состоялся большой праздничный концерт, режиссером которого был известный всем народный артист СССР В. Курочкин. Волнующую хореографическую сюиту по сказу П.П. Бажова «Каменный цветок» зрителям представил лауреат Международных конкурсов, участник пяти Всемирных фестивалей молодежи ансамбль танца Дворца молодежи под руководством заслуженного деятеля искусств России А. Поличкина. Другой знаменитый коллектив — Уральский государственный народный хор исполнил вокально-хореографическую композицию «Уральские самоцветы» по мотивам бажовских произведений. Свое творчество посвятили юбилею замечательного земляка заслуженные артисты РСФСР В. Марченко, В. Баева, К. Серебреник, М. Васильева, ансамбль скрипачей музыкальных учебных заведений Свердловска, учащиеся Московского академического хореографического училища, сводный хор студентов и учащихся города, артисты и оркестры свердловских театров.

На второй день в Уральском государственном университете открылась трехдневная конференция посвященная 100-летию П.П. Бажова. Ее организаторами выступили УрГУ, Институт русской литературы Академии наук СССР и Свердловская областная писательская организация. В работе конференции принимали участие литераторы и ученые литературоведы из уральских городов, Москвы, Ленинграда, Вологды, Горького, Иваново, Иркутска и других мест.

Доктор филологических наук, член Союза писателей СССР, профессор Института русской литературы П.С. Выходцев в своем докладе подробно осветил тему «Сказы П. Бажова в истории советской литературы». «Павел Бажов и наука о фольклоре» —

100 ЛЕТ

Уважаемый товарищ!

Уральский Государственный университет,
имени А. М. Горького. Институт русской
литературы АН СССР, Свердловский
областной институт высшего образования
предлагают Вам принять участие
в работе конференции, посвященной
100-летию со дня рождения
П. П. БАЗОВА.

Конференция состоится 9-11 января 1979 года в
здании Уральского Государственного университета (пр.
Спец) Дзержинск, 21

Доклады — 25-30 минут;
Собеседы — 15-20 минут;
Выступления на пленарном — 5 минут

П. П. БАЗОВ

с таким докладом выступила В. П. Круглышова, доктор филологических наук, профессор УрГУ. Председатель правления Свердловской организации Союза художников РСФСР, заслуженный работник культуры России Д. М. Ионин на примерах работ своих коллег раскрыл тему «Образы П. Бажова в изобразительном искусстве». Участники конференции тепло приветствовали выступление дочери Павла Петровича А. П. Бажовой-Гайдар, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории АН СССР. Всего было сделано 22 доклада. В дополнение к этому 11 января участники конференции выступали перед коллективами предприятий и учреждений Свердловска, Полевского, Сысерти и Невьянска. Они же вместе со свердловчанами присутствовали на спектакле Академического театра драмы «Малахитовая шкатулка».

Второго февраля состоялся торжественный вечер в Москве, в Большом театре. На нем присутствовала представительная делегация из Свердловска, в составе которой были секретарь обкома партии В. Житенев, писатели Л. Сорокин, Э. Бадьева, Б. Рябинин, Е. Хоринская, исследователи творчества П.П. Бажова М. Батин, И. Дергачев, председатель... Д. Ионин, директор... В. Ожиганов и другие. Борис Николаевич Ельцин не смог принять участие в столичных торжествах, но сделал многое, чтобы вечер, посвященный 100-летию П.П. Бажова прошел, как говорится, «на высшем уровне». В Большой театр пришли член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК А. Кириленко, секретари Центрального комитета П. Демичев и М. Соломенцев, министры и руководители союзных и республиканских ведомств. Вечер открыл С. Михалков, доклад о жизни и творчестве П.П. Бажова сделал секретарь правления Союза писателей СССР С. Наровчатов. Среди выступавших был В. Житенев. Заключительной частью вечера стал прекрасный балет С. Прокофьева «Каменный цветок», в котором главные роли исполнили звезды советского балетного искусства Е. Максимова и В. Васильев.

Самым примечательным в юбилейных мероприятиях видится то, что они не закончились торжествами. В феврале — марте были открыты мемориальные доски в областном центре (на перекрестке улиц Бажова и Ленина) и на здании Сысертской вечерней школы рабочей молодежи. В 1981 году Свердловский облисполком принял решение о создании музейного комплекса П.П. Бажова в Полевском. На следующий год после реставрации открылся дом-музей Павла Петровича в Сысерти. Затем состоялись открытия памятников выдающемуся писателю в Полевском (1983 г.) и Сысерти (1985 г.).

И вот прошло еще несколько десятилетий. Имя Бажова нисколько не потускнело. «Малахитовая шкатулка» по-прежнему составляет гордость отечественной литературы. Многие сказы входят в обязательный круг чтения малышей и школьников, привлекают взрослого читателя и вдохновляют художников, музыкантов, артистов. Собирают полные залы спектакли, созданные

по мотивам произведений Павла Петровича, встречают посетителей его музеи в Екатеринбурге и Сысерти, литературоведы продолжают изучать феномен Бажова, ему посвящаются новые книги. Интерес к личности и творчеству знаменитого уральца простирается далеко за пределы его малой родины. Значит, соотечественники достойно встретят и грядущий юбилей непревзойденного сказочника...

*А. Кириллов,
доктор исторических наук,
профессор Уральского федерального университета
им. первого президента РФ Б.Н. Ельцина*

ОГЛАВЛЕНИЕ

НУЖНЫ ЛИ НОВЫЕ КНИГИ О БАЖОВЕ? <i>Л.М. Слобожанинова</i>	5
ЧАСТЬ I	
Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ	9
Глава 2. ОТРОЧЕСТВО	34
Глава 3. ЮНОСТЬ	59
ЧАСТЬ II	
Глава 4. МОЛОДОСТЬ	81
Глава 5. ЗРЕЛОСТЬ	107
Глава 6. СКИТАНИЯ	136
ЧАСТЬ III	
Глава 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ	177
Глава 8. ИСКУС ТВОРЧЕСТВА	216
Глава 9. ЧИНОВНИК И ЛИТЕРАТОР	246
ЧАСТЬ IV	
Глава 10. РУБИКОН СУДЬБЫ	279
Глава 11. «МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА»	316
Глава 12. В РОЛИ ТРИУМФАТОРА	353
ЧАСТЬ V	
Глава 13. ПАТРИАРХ	381
Глава 14. БЕСПОКОЙНАЯ ОСЕНЬ ПАТРИАРХА	422
ПОСЛЕСЛОВИЕ	488
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	495
НЕЗАБЫВАЕМОЕ СТОЛЕТИЕ. <i>А.Д. Кириллов</i>	502

Литературно-художественное издание

Сутьрин Владимир Алексеевич

ПАВЕЛ БАЖОВ

Редактор Е.В. Черняк
Художественный редактор Д.А. Кушков
Технический редактор Н.Н. Штоколова
Компьютерная верстка Т.Н. Черепановой
Корректор Л.И. Сушкова

Директор издательства
А.А. Мороз

Подписано в печать 29.11.12. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура BookmanС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 1019.

Издательский дом «Сократ», 620219, Екатеринбург,
просп. Ленина, 49. тел. (343) 371-35-61; 371-11-15.
<http://www.idsokrat.ru>
e-mail: sokrat@idsokrat.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»,
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

80/1000000

ISBN 978-5-88664-427-2

9 785886 644272 >